РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

«X Муромцевские чтения»

Орел 2018

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6
Р 764

Публикация подготовлена в рамках финансируемого РФФИ научного проекта № 18-09-20030Г

Научный редактор
д.и.н., профессор В.В. Шелохаев
Рецензенты
д.ф.н., профессор А.А. Кара-Мурза
д.и.н., профессор В.В. Журавлев

Р 764 **Российский либерализм: итоги и перспективы изучения. Сборник материалов Международной научной конференции. 28-29 сентября 2018 г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общей редакцией д.и.н., профессора В.В. Шелохаева;** Орел: ОГУ, Издатель Александр Воробьёв, Издательский Дом «ОРЛИК», 2018. 400 с.

В настоящий сборник научных статей вошли материалы «Муромцевских чтений», прошедших в 2018 году. Они имеют целью подвести определенные итоги изучения истории российского либерализма, показать историографические тенденции, сложившиеся в т.ч. и в рамках ежегодных «Муромцевских чтений».

Представленные в юбилейном десятом сборнике статьи посвящены общим итогам и тенденциям изучения истории отечественного либерализма, а также ряду традиционных направлений работы «Муромцевских чтений» – истории либеральных партий и движений, персональной истории российского либерализма, различным аспектам парламентского периода его истории. Ряд статей посвящен И.С. Тургеневу как одному из провозвестников российского либерализма.

Сборник предназначен для всех интересующихся проблемами истории российского либерализма.

ISBN 978-5-91468-262-7

ББК 67.3(2)53+67.3(2)6]+[63.3(2)52+63.3(2)6

© Издатель Александр Воробьёв, 2018
© Издательский Дом «ОРЛИК», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие..... 7

А.А. Кара-Мурза
«МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В ОРЛЕ И ПРОЕКТ «РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ» 11

В.В. Шелохаев
ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ..... 16

А.А. Кара-Мурза
О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РУССКОЙ МОДЕЛИ В ЧАСТНОСТИ 28

А.Н. Медушевский
БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ В РОССИИ: О СВОБОДНОМ ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ И ЕГО КРИТИКАХ..... 38

К.А. Соловьев
ПОЭТИКА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА 58

Д.В. Тимофеев
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА XIX СТОЛЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ: ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ..... 65

Л.Г. Березовая
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ..... 74

В.В. Журавлев
«ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» П.Н. МИЛЮКОВА: СИМБИОЗ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО И ПОЛИТИКА..... 84

А.С. Туманова
ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ 99

А.В. Попова
ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX вв...... 115

Н.Б. Хайлова
ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (1906 – начало 1990-х гг.) 125

Ф.А. Селезнев
ПАРТИЯ КАДЕТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ 142

И.В. Сабенникова
ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ АРХИВНОЙ ЭВРИСТИКИ 150

В.В. Вострикова
ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII-XIX вв. 161

Ф.А. Гайда
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛА НАЧАЛА XX в. 174

Д.В. Аронов
МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в. 184

Н.Г. Карнишина
ИДЕИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ 192

В.В. Соколов
НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫБОРОВ В ПРОТОКОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в. 197

О.Л. Протасова
ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в. В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЕЙ УМЕРЕННОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА 206

П.А. Калугин, Е.К. Золотухина
ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ А.И. ГУЧКОВА 217

Д.В. Щукин
ФРАКЦИЯ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ЦЕНТР ПАРТИИ КАДЕТОВ В ПЕРИОД «ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ» 222

В.К. Кантор
ТУРГЕНЕВ: ПУТЬ К САМОСТОЯНЬЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ 228

О.А. Жукова
РОССИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (К ЮБИЛЕЮ И.С. ТУРГЕНЕВА) 241

Н.И. Астрахан
ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ (на материале творчества И.С. Тургенева) ... 253

В.А. Ливцов
ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА В ТРУДАХ П.Я. ЧААДАЕВА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕГО КОНЦЕПЦИЙ 261

О.О. Завьялова
«ЗАДУШЕВНЫЕ ДУМЫ» С.И. БАРАНОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ XIX в. 274

Н.В. Черникова
ЛИБЕРАЛ ВО ВЛАСТИ: А.А. САБУРОВ 283

Д.М. Усманова
ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ САИД-ГИРЕЯ АЛКИНА: АДВОКАТ, ТАТАРИН-МУСУЛЬМАНИН, ЛИБЕРАЛ 293

А.Д. Гронский
АКАДЕМИК Е.Ф. КАРСКИЙ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ 304

Б. Гаджински
СТАНИСЛАВ СВЯНЕВИЧ (1899-1997). ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ 313

B. Gaziński
STANISŁAW SWIANIEWICZ (1899-1997) STUDIES ON THE SOVIET ECONOMY *323*

Н.В. Дмитриева
ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX в.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ *332*

Е.А. Татаренкова
КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» К 1917 г.: ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ *341*

Д.С. Лавринович
ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ *359*

О.А. Харусь
ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ОСОБЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП? *368*

А.Н. Егоров
ЛИБЕРАЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ НА ВЫБОРАХ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ *377*

Т.Н. Гелла
ПРАВЫЕ ЛИБЕРАЛЫ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв. *391*

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Российской империи Орловская губерния по интеллектуальному потенциалу традиционно занимала особое место. Здесь родилось немало великих русских писателей и поэтов, выдающихся ученых и политиков. Неслучайно наши научно-практические конференции («Муромцевские чтения») носят имя крупного юриста, профессора и первого Председателя Государственной думы – Сергея Андреевича Муромцева. На них уже в течение 10 лет в славном городе Орле собираются многие исследователи, не один год своей жизни посвятившие изучению истории русского либерализма.

Подчеркну, что в этом, 2018 году, «Муромцевские чтения» носят юбилейный характер. В такие периоды мысль обращается к «истокам», к тем уже далеким временам, когда в Орле под руководством профессора Е.И. Чапкевича стала формироваться когорта молодых аспирантов, которые либо по инициативе Евгения Иосифовича, либо по собственным ментальным пристрастиям активно включились в разработку непростых проблем российского либерализма. Напомню, это имело место в те годы, когда теория и практика отечественного либерализма имперской эпохи была явно не в идеологическом тренде. Само же научное изучение русского либерализма явно находилось на периферии научных направлений и под пристальным контролем блюстителей марксистско-ленинского классового подхода к процессам и явлениям отечественной истории. Старшее поколение историков прекрасно помнит, что в советской историографии уже в самих названиях монографий и статей доминировало название «Борьба партии большевиков против контрреволюционного российского либерализма». Под этим неизменным углом зрения и давались нелицеприятные оценки деятельности русских либералов.

Будучи от природы умным человеком и талантливым историком, Чапкевич прекрасно осознавал сложившуюся ситуацию, тем не менее, он неизменно ориентировал своих аспирантов на разработку новаторской исторической проблематики, включая историю русского либерализма. По его просьбе мне не раз доводилось приезжать в город Орел и выступать в университете на заседаниях Диссертационного совета в качестве официального оппонента на защите кандидатских диссертаций его учеников. После безвременной

кончины Чапкевича, с которым у меня были дружеские и доверительные отношения, некоторые из его аспирантов перешли под мое начало, со временем защитив кандидатские и докторские диссертации по либеральной тематике.

Постепенно в городе Орле сформировалась группа исследователей истории русского либерализма, которая взяла на себя организационные функции по подготовке и проведению «Муромцевских чтений», на которые вот уже 10 лет из разных «городов и весей» собираются десятки известных специалистов, разрабатывающих разные проблемы, аспекты и сюжеты истории русского либерализма. Инициаторами проведения «Муромцевских чтений» и их подлинным «мотором» стали Д.В. Аронов и В.В. Вострикова, которые взяли на себя непростые обязанности, как организаторов, редакторов, так и публикаторов ежегодных сборников статей и материалов научно-практических конференций, которые активно используются исследователями и преподавателями высшей школы.

В этом году десятая, юбилейная научная конференция посвящена теме «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения». Как видим, уже само название конференции носит амбивалентный характер. С одной стороны, на ней предполагается подвести итоги огромной исследовательской работы ряда поколений отечественных и зарубежных исследователей русского либерализма. С другой стороны, ее организаторы поставили задачу дать «оптимистический заряд», сориентировать научное сообщество на дальнейшие творческие изыскания в области изучения русского либерализма.

В данной аудитории едва ли следует напоминать о том, что путь изучения русского либерализма был тернист. На нем были свои «шипы», обусловленные разного рода идеологическими парадигмами, но были существенные приращения нового знания. В докладах, представленных на данной конференции, эта «диалектика» хорошо прослеживается. Вместе с тем, в них присутствует оптимистическое стремление еще больше раздвинуть горизонт осмысления либерализма как целого.

В логике размышлений об «итогах» и о «перспективах», хотелось бы особо сказать о том реальном вкладе в разработку либеральной проблематики, который был осуществлен именно в рамках проведения «Муромцевских чтений». Эта тенденция весьма наглядно представлена в тематике чтений за предыдущие 10 лет:

2009 г. – «Российский либерализм: теория, программатика, практика, персоналии»;

2010 г. – «Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог»;

2011 г. – «Орловский мудрец, опередивший время (150-летию со дня рождения М.А. Стаховича)»;

2012 г. – «Время выбрало нас: путь интеллектуала в политику»;

2013 г. – «Конституция 1993 года и российский либерализм: к 20-летию российской конституции»;

2014 г. – «Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии»;

2015 г. – «Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма»;

2016 г. – «Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма»;

2017 г. – «Либералы и революция»;

2018 г. – «Российский либерализм: итоги и перспективы изучения».

По итогам конференций вышли в свет 10 сборников научных статей и два выпуска «Трудов», в которые вошли статьи, представленные на I-X Муромцевских чтениях, а также сборник статей «Орловские либералы: люди, события, эпоха» (2010), посвященный представителям российского либерализма XIX-XX вв., чьи имена неразрывно связаны с историей Орловского края.

Всего за время проведения «Муромцевских чтений» было опубликовано 292 научные статьи. В чтениях приняли участие исследователи истории российского либерализма из Москвы, Казани, Тамбова, Ростова-на-Дону, Воронежа, Череповца, Орла, Минска, Пензы, Нижнего Новгорода, Челябинска, Томска. В их работах изучались проблемы теории, программатики и тактики отечественных либералов. Неотъемлемым компонентом «Муромцевских чтений» стала рубрика «Российский либерализм в лицах», что явилось продолжением традиции, заложенной Е.И. Чапкевичем, зачастую предлагавшим в качестве тем кандидатских диссертаций разработку научных биографий выдающихся либералов начала XX в. Собственно, с одной из таких кандидатских работ, защищенной в

1999 г., где первым оппонентом выступал В.В. Журавлев, и закладывалась идея этих чтений. Полагаю, во многом знаковым результатом конференции, стала установка в Орле в 2010 году единственного в России памятника Сергею Андреевичу Муромцеву.

В год юбилейных чтений мы не можем не вспомнить тех, чья организационная, финансовая, интеллектуальная поддержка идеи ежегодных чтений сделала возможным их регулярное проведение, приезд в Орел ведущих специалистов, публикацию и распространение научных результатов. Надеемся, что идея чтений будет и впредь находить поддержку и понимание у всех, кто неравнодушен к отечественной истории, понимает то непреходящее значение, которое имеет подлинно научное историческое знание.

Как видим, в последнее десятилетие «Муромцевские чтения» стали уникальным явлением не только в отечественной, но мировой историографии российского либерализма, сумев сконцентрировать и мобилизовать усилия многих современных специалистов в области изучения истории русского либерализма. Характерно, что среди них мы видим не только известных историков, но известных философов, социологов, юристов, политологов. При этом особо хочу подчеркнуть, что в «Муромцевских чтениях» активное участие принимают аспиранты и студенты орловских высших учебных заведений, представители администрации региона. Все это свидетельствует о том, что интерес к прошлому русского либерализма мотивирован потребностями современного развития, наличием вполне определенного мирового тренда.

Если попытаться лапидарно обобщить итоги дискуссий на девяти «Муромцевских чтениях», то можно уверенно сказать, что они дали вполне реальное приращение научных знаний по целому комплексу проблем. Среди них назову следующие: понятийный аппарат (сущность, границы, периодизация); генезис, формирование и эволюция базовых мировоззренческих основ русского либерализма; разработка либералами-интеллектуалами как общего стратегического курса, так и тактики, применительно к конкретным историческим условиям; выработка программных и уставных документов; создание либеральных организационных структур разного уровня и их агитационно-пропагандистского аппарата; формы и методы взаимодействия либералов с их союзниками и противниками на разных

стадиях идейно-политического противостояния; взаимодействие с властью и обществом и т.д.

Разумеется, в ходе дискуссий на конференциях высказывались различные точки зрения, которые, как правило, носили конструктивный характер. Ими был выявлен и разработан новый круг проблематики, которая нуждается в дальнейшем творческом осмыслении, о чем, в частности, говорится в ряде докладов, представленных на данной конференции.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод о том, что «Муромцевские чтения» были и остаются подлинной творческой площадкой для научного осмысления одного из важных сегментов истории общественной мысли и общественного движения в России как целого.

В.В. Шелохаев

А.А. Кара-Мурза[1]

«МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» В ОРЛЕ И ПРОЕКТ «РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИДЕИ И ЛЮДИ»

В 2018 г., незадолго до 10-х, юбилейных Муромцевских чтений, вышло в свет третье, существенно расширенное, издание книги **«Российский либерализм: идеи и люди»**, подготовленное Фондом «Либеральная миссия» в партнерстве с «Новым издательством»[2]. Первое издание книги вышло в 2004 г. и включало 46 «интеллектуальных портретов» русских либералов XIX–XX веков: от графа М.М. Сперанского – до академика А.Д. Сахарова[3]. Книга имела успех у читателей: в 2007 г., в год 90-летия Февральской революции, вышло второе, расширенное издание, которое включило

---

[1] *Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президент национального фонда «Русское либеральное наследие».*

[2] Российский либерализм: идеи и люди. 3-е изд. В 2 тт. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018; т. 1, XVIII-XIX вв., 680 с.; т. 2, XX в. 948 с.

[3] Российский либерализм: идеи и люди. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2004. 616 с.

в себя уже 96 имен и открывалось либералами «екатерининской эпохи» – гр. Н.И. Паниным, Н.И. Новиковым, гр. А.Р. Воронцовым[1].

За прошедшие с тех пор 10 лет профессиональный и общественный интерес к отечественной либеральной традиции существенно вырос. Результатом этого стал выход ряда изданий, среди которых выделяется, прежде всего, фундаментальная энциклопедия «Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв.» (общ. ред. В.В. Шелохаева)[2]. Тексты выдающихся русских либеральных мыслителей широко представлены и в других крупнейших издательских проектах последних лет: «Библиотеке отечественной общественной мысли с древнейших времен до начала XX века» (рук. проекта А.Б. Усманов) и серии «Философия России первой половины XX века» (гл. ред. Б.А. Пружинин). Надо добавить, что в ряде регионов России вышли свои издания об истории местной либеральной традиции: в Орле, Ярославле, Липецке, Рязани, Владимире, Смоленске, Красноярске и т.д.[3]

К настоящему времени, усилиями, главным образом, фонда «Русское либеральное наследие», почти в 40 регионах России установлены мемориальные знаки выдающимся российским либералам: в Ярославле – кн. Д.И. Шаховскому, кн. С.Д. Урусову, К.Ф. Некрасову; во Владимире – гр. М.М. Сперанскому, кн. Петру Д. Долгорукому, Ф.Ф. Кокошкину, К.К. Черносвитову; в Смоленске – Н.А. Хомякову; в Перми – В.В. Вейдле; в Вязьме – А.С. Посникову; в Ельце – М.А. и А.А.Стаховичам; в Москве – Б.Н. Чичерину, И.С. Аксакову; в Серпухове – Н.Н. Хмелеву; в Воронеже и Усмани – А.И. Шингареву; в Калуге – Б.К. Зайцеву, кн. С.Д. Урусову; в Саратове – Г.П. Федотову и Н.Н. Львову; в Костроме – В.С. Соколову; в Чаплыгине (бывшем Раненбурге) – кн. Н.С. Волконскому; в Иркутске

---

[1] Российский либерализм: идеи и люди. 2-е изд. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издание, 2007. 904 с.

[2] Российский либерализм конца XVIII – начала XX вв. Энциклопедия. (Общ. ред. В.В. Шелохаева). М., 2010. 1087 с.

[3] Орловские либералы. Люди, события, эпоха. Под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. Орел, 2010; Из истории либерализма на Ярославской земле. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.–Ярославль, 2007; Первые либералы Липецкой земли. Общ. ред. О.Д. Дячкина и А.А. Кара-Мурзы) М.–Липецк, 2007; Из истории либерализма на Рязанской земле. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.–Рязань, 2007; Из истории либерализма на Владимирской земле. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.–Владимир, 2007; Из истории либерализма на Смоленской земле. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.–Смоленск, 2007; Кара-Мурза А.А. Из истории либерализма в Красноярском крае: В.А. Караулов и С.В. Востротин. М.–Красноярск, 2007.

– А.А. Корнилову, Н.А. Белоголовому; в Енисейске – С.В. Востротину; в Якутске – В.В. Никифорову-Кулумнууру; в Рузе – кн. Павлу Д. Долгорукову; в Брянске – кн. В.Н. и М.К. Тенишевым; в Волоколамске – Д.Н. Шипову; в Землянске (Воронежской области) – П.Я. Ростовцеву, в с. Гулынки Рязанской области – А.В. Головнину; в с. Опарино Московской области – И.П. Алексинскому; в с. Глубокое Псковской области – гр. П.А. Гейдену; в с. Дубасово Владимирской области – М.Г. Комиссарову и т.д. Разумеется, подобная мемориальная работа стала возможной на основе большой исследовательской работы, в т.ч. в местных архивах.

За несколько прошедших лет проведены Международные и Всероссийские конференции, посвященные М.М. Сперанскому, Н.М. Карамзину, П.А. Вяземскому, Н.В. Станкевичу, Т.Н. Грановскому, А.А. Краевскому, А.И. Герцену, И.С. Аксакову, М.М. Стасюлевичу, В.О. Ключевскому, М.А. Стаховичу, С.В. Паниной, П.Б. Струве, А.В. Тырковой, Б.К. Зайцеву, Ф.А. Степуну, В.В. Вейдле. Делегации российских либералов побывали в исторических местах за рубежом, связанных с историей отечественного либерализма: в русском некрополе Сен-Женевьев де Буа под Парижем (где упокоились многие герои книги «Российский либерализм: идеи и люди»: Георгий Евгеньевич Львов, Александр Иванович Коновалов, Михаил Александрович Стахович, Петр Бернгардович Струве, Василий Алексеевич Маклаков, Борис Константинович Зайцев, Владимир Васильевич Вейдле), на могилах Николая Алексеевича Хомякова в Дубровнике (Хорватия), Михаила Владимировича Родзянко в Белграде (Сербия), Ивана Павловича Алексинского в Касабланке (Марокко). Делегация фонда «Русское либеральное наследие» побывала в городке Нови-Лигуре под Генуей (Италия), где в 1840 г. скончался Николай Владимирович Станкевич и т.д.

Новое, третье издание книги «Российский либерализм: идеи и люди» осуществлено Фондом «Либеральная миссия» в двух томах (том первый: «XVIII–XIX вв.»; том второй: «XX в.») и представляет теперь 130 имен крупнейших российских либералов прошлого. Расширяя проект, инициаторы имели в виду несколько принципиальных обстоятельств.

В новом издании значительно шире представлен *период генезиса отечественного либерализма* в годы правлений Екатерины II

и Александра I. В книге теперь дополнительно представлены очерки о крупнейших либеральных деятелях конца XVIII – начала XIX столетий: Д.И. Фонвизине, Д.А. Голицыне С.Е. Десницком, Е.Р. Дашковой, П.В. Завадовском, С.П. Кочубее, П.А. Строганове, Д.А. Гурьеве, Н.С. Мордвинове.

В новый двухтомник вошли также очерки о *выдающихся деятелях отечественной культуры и науки*, чья жизнь (по крайней мере, крупные периоды жизни), а также многие принципиальные сочинения были теснейшим образом связаны с развитием отечественной либеральной традиции: Н.М. Карамзин, Н.В. Станкевич, И.С. Тургенев, С.Н. Трубецкой, М.И. Ростовцев, Б.К. Зайцев.

Значительно расширено в новом издании и представительство той части российских либералов, которые связали свои имена с деятельностью крупнейших *либеральных партий* начала XX в. (Н.Н. Кутлер, Ф.А. Головин, А.М. Колюбакин, А.С. Изгоев, М.Г. Комиссаров). При этом дополнительный упор составителями и авторами двухтомника сделан на мало изученном пока направлении отечественной либеральной традиции, которое можно определить как *«либеральный центризм»* (очерки об А.Н. Попове, К.К. Арсеньеве, А.И. Чупрове, И.И. Иванюкове, В.Ю. Скалоне, В.М. Голицыне, В.Д. Кузьмине-Караваеве, И.Н. Ефремове, А.М. Рыкачеве и др.).

Несомненно, заинтересуют читателей и «интеллектуальные биографии» таких ярких и противоречивых фигур русского XX в. как И.П. Алексинский и С.О. Португейс. Двухтомник заканчивается очерком о выдающемся российском интеллектуале новейшего времени, нашем современнике, блестящем ученом-социологе Юрии Александровиче Леваде.

Оценивая проделанную за последние годы работу, надо особо отметить ту огромную интеллектуальную роль, которую сыграли в поддержании и укреплении российской интеллектуальной среды (и, в первую очередь, сообщества историков отечественного либерализма) «Муромцевские чтения», ежегодно проводимые в Орле при решающем вкладе известных историков русского либерализма Д.В. Аронова и В.В. Востриковой.

Достаточно лишь перечислить оригинальные авторские тексты, посвященные крупнейшим российским либералам и написанные для проекта «Российский либерализм: идеи и люди» постоянными участниками «Муромцевских чтений»:

- **Валентин Валентинович Шелохаев**: «Петр Д. Долгоруков» (в соавт.), «Ф.Ф. Кокошкин», «А.В. Тыркова», «Н.В. Некрасов»;

- **Андрей Николаевич Медушевский**: «А.Д. Градовский», «С.А. Муромцев», «Г.Ф. Шершеневич», «П.И. Новгородцев», «Б.А. Кистяковский», «С.А. Котляревский»;

- **Нина Борисовна Хайлова**: «М.М. Стасюлевич», «К.К. Арсеньев», «А.И. Чупров», «И.И. Иванюков», «В.Ю. Скалон», «В.М. Голицын», «М.М. Ковалевский», «В.Д. Кузьмин-Караваев», «С.Д. Урусов», «И.Н. Ефремов», «А.М. Рыкачев»;

- **Ольга Анатольевна Жукова**: «Н.В. Станкевич», «С.Н. Трубецкой»;

- **Владимир Карлович Кантор**: «К.Д. Кавелин», «А.В. Никитенко», «С.Л. Франк», «Ф.А. Степун»;

- **Кирилл Андреевич Соловьев**: «Н.А. Хомяков» (в соавт.), «Н.И. Кареев», «М.М. Алексеенко», «В.М. Петрово-Соловово», «С.И. Шидловский», «Л.И. Петражицкий», «В.Д. Набоков», «В.А. Оболенский», «А.С. Изгоев», «М.И. Ростовцев» (в соавт.);

- **Андрей Николаевич Егоров**: «А.Н. Попов», «В.А. Кудрявый», «А.В. Карташев»;

- **Федор Александрович Гайда**: «Н.Н. Кутлер», «Ф.А. Головин»;

- **Алексей Алексеевич Кара-Мурза** (ответственный редактор двухтомника): «Н.М. Карамзин», «А.И. Герцен», «И.С. Тургенев», Н.С. Волконский» (в соавт.), В.А. Караулов, «М.А. Стахович», «П.Н. Милюков», «А.А. Корнилов», «И.П. Алексинский», «С.В. Востротин», «М.Г. Комиссаров», «С.О. Португейс», «Б.К. Зайцев», «Г.П. Федотов», «В.В. Вейдле».

Работа по изучению отечественного либерального наследия будет продолжена. Участники «Муромцевских чтений», руководство национальных фондов «Либеральная миссия» и «Русское либеральное наследие», в течение многих лет находящиеся на переднем крае этой работы, рассчитывают на привлечение новых сторонников и новых авторов.

В.В. Шелохаев[1]

ЛИБЕРАЛИЗМ В РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ

В начале 90-х гг. XX в. в России, где недавно в одночасье рухнул коммунистический режим, во взбудораженной внезапными переменами общественной среде, на разных научных, общественных и политических площадках стали активно, а нередко и неистово, обсуждать вопрос о возрождении либеральных идей и либеральных практик. Если учесть, что новый политический режим объявил себя приверженцем либеральных идей и намеревался приступить к их практической реализации, то, по российской традиции, становится понятным и повышенный интерес в интеллектуальных кругах к истории либерализма в мировой и национальной его разновидностях. Будучи участником этого процесса, могу засвидетельствовать, что во время научных и общественно-политических дискурсов было не так просто убедить их участников в необходимости сохранять здравый смысл и придерживаться научных критериев и принципов. Подчеркну, что при той эйфории, царившей в России начале 1990-х гг., это было сделать не так просто, ибо в общественных настроениях зашкаливала вера в спасительный потенциал новой либеральной идеологии, свободных рыночных отношений и коренного изменения всего международного климата. Тем не менее, и в эти «горячие деньки» среди поверивших в либеральную идеологию, пришедшую на смену коммунистической, были и те, кто этот здравый смысл сохранил и, воспользовавшись новой ситуацией, поставил перед собой задачу объективно исследовать историю российского либерализма. Едва ли нужно специально доказывать, что в прежних рамках марксистско-ленинской парадигмы это сделать было невозможно, хотя такие попытки прямо или косвенно предпринимались.

Первые такие подходы к адекватному пониманию либерализма как целого, в той или иной степени, были апробированы в рамках сравнительно узкого круга лиц, регулярно проводившего свои заседания в редакции журнала «Открытая политика», результаты которых оперативно публиковались. Помимо многочисленных «Круглых

---

[1] *Шелохаев Валентин Валентинович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель центра «История России в XIX-начале XX в.» Института российской истории РАН.*

столов», проводимых в рамках академических институтов и редакций журналов «Вопросы истории», «Вопросы философии», «Полис», «Общественные науки», либеральная тематика обсуждалась на Международных и Всероссийских научных конференциях. Позитивную стимулирующую роль к пробуждению общественного интереса к либеральной тематике сыграл Фонд «Открытая политика», инициировавший проведение «Круглых столов» и научных конференций, а также открытие мемориальных досок видным российским либералам в российской глубинке.

На этом фоне общественного интереса к истории русского либерализма важно было возродить подлинно научные традиции его осмысления как одного из направлений русской общественной мысли и общественного движения. В этом плане я хотел бы особо выделить подготовленный Институтом философии инновационный сборник статей «Либерализм в России» (М., 1996), который, на мой взгляд, сыграл важную роль в осмыслении самого широкого круга проблем западного и, особенно, русского либерализма. Помимо философов, в разработку этой проблематики активно включились историки, социологии и юристы. Так, по инициативе и на площадке Российского независимого института социальных и национальных проблем (РНИСиНП) в 1998 г. в Москве прошла Международная научная конференция «Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы»[1], а в 2000 г. в Ростове-на-Дону на базе Ростовского университета состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Либеральный консерватизм: история и современность»[2]. В Институте российской истории Российской Академии Наук был подготовлен сборник «Российские либералы»[3]. Эти конференции и этот сборник сыграли, на мой взгляд, важную стимулирующую роль в дальнейшей разработке истории русского либерализма как целого.

Как и в любом подлинно научном начинании, важно было, с одной стороны, подвести историографические итоги, а, с другой, – сформулировать исходные принципы новых подходов в разработке истории русского либерализма. Этим проблемам в 1998 г. и 2007 г.

---

[1] См.: Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы. Материалы Международной научной конференции. М., 1999.

[2] См.: Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. М., 2000.

[3] См.: Российские либералы. Сборник статей. М., 2001.

я рискнул посвятить две статьи[1]. Впоследствии эта эстафета была поддержана моими учениками А.Н. Егоровым[2] и Н.В. Макаровым[3], которым, как мне кажется, удалось осуществить глубокий историографический анализ отечественной и зарубежной историографии русского либерализма.

В эти же годы активную работу по изучению русского либерализма (прежде всего, в плане конкретных личностей) стал проводить Фонд «Либеральная миссия», одним из «моторов» которого стал А.А. Кара-Мурза. По его инициативе было подготовлено три издания фундаментального и не имеющего аналогов труда «Российские либералы: идеи и люди», в каждом из которых увеличивалось число персоналий отечественных либералов[4].

В начале 2000 г. Институтом общественной мысли был инициирован международный проект «Российский либерализм середины XVIII – начала XX в.: Энциклопедия», опубликованный в 2010 г.[5] В последние годы эстафета в деле изучения русского либерализма была подхвачена Д.В. Ароновым, инициировавшим проведение в Орле ежегодных «Муромцевских чтений», в результате которых уже в течение десяти лет издаются сборники статей, посвященных различным проблемам и аспектам русского либерализма.

После вышесказанного возникает вопрос: исчерпали ли исследователи истории русского либерализма все свои потенциальные возможности познания, или же данная научная проблема продолжает, как, впрочем, и любая другая научная проблема, сохранять в себе еще много непознанного? Если это так, то какие научные перспективы в деле дальнейшего изучения русского либерализма могут быть намечены и предложены. Попытаюсь это сделать, понимая дискуссионный характер своих исходных посылок и их аргументации.

---

[1] См.: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Вопросы истории. 1998. № 4. С. 26-42; Он же. Дискуссионные проблемы истории русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3-17.

[2] См.: Егоров А.Н. Российские либералы начала XX века и власть: историографические дискуссии. Череповец, 2007; Он же. Очерки историографии российского либерализма конца XIX – первой четверти XX в. (дореволюционный и советский периоды). Череповец, 2007.

[3] См.: Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015.

[4] См.: Российские либералы: идеи и люди. В 2-х т. М., 2018.

[5] См.: Российский либерализм середины XVIII - начала XX века. Энциклопедия. М., 2010.

Первая проблема, которая, на мой взгляд, нуждается в специальной научной проработке – это проблема самого понятия «либерализм». К сожалению, в философской, социологической, политологической и исторической литературе существует, на мой взгляд, избыточное количество определений либерализма, которые скорее фиксируют разные состояния либерализма, как, собственно, в их временных исторических срезах, так и в привязанности к акторам и их конкретным проявлениям. Приведу часто встречающиеся в литературе определения либерализма: «классический»; «посткласcический»; «неоклассический»; «экономический»; «политический»; «социальный»; «интеллигентский»; «дворянский», «буржуазный»; «земский»; «ранний»; «поздний». Более того, в последние годы появились и такие характеристики, как «самодержавный» и «правительственный». Не думаю, что наличие такого множества разнородных и разноуровневых определений способствует научному прояснению проблемы[1].

Предлагаю на рассмотрение участников научной конференции собственное определение понятия либерализм. **Либерализм – становящаяся ценностная мировоззренческая система представлений о статусе Личности в исторических координатах ее взаимодействия с обществом и государством.** Хочу особо подчеркнуть, что проблема статуса Личности – и есть осевая проблема либерализма как исторического явления, что, в свою очередь, позволяет отличить его как от консерватизма справа, так и от социализма слева. При этом следует так же иметь в виду, что речь идет не просто о Человеке как таковом, а именно о Личности, осознавшей себя самостью и претендующей на собственный статус во взаимодействиях с обществом и государством. Эти притязания носят активный и последовательный характер, что способствует реализации потенциальных возможностей Личности в исторически обусловленной исторической среде. В зависимости от состояния различных исторических контекстов наблюдается разная степень статусных притязаний Личности: гражданские права – политические права – право на достойное человеческое существование. Ситуа-

[1] В последние годы данную проблему начал разрабатывать доктор исторических наук Д.В. Тимофеев. См. его монографию «Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века». Челябинск, 2011.

ция в треугольнике Личность – Общество – Государство находится в зависимости от качественного состояния каждого из трех названных элементов, от уровня взаимодействия их друг с другом.

Целевая установка Личности – обеспечить для раскрытия своих природных потенций максимально возможное не только приватное, но и общественное пространство, обеспечив себе при этом поддержку государственных институтов в самом широком смысле этого слова. Чем активнее Личность борется за свои статусные права, тем активнее и целенаправленнее действуют и Общество, и Государство. И наоборот, чем структурированнее гражданское общество и демократичнее государственные институты, тем больше они способствуют развитию Личности и достижению ей собственных целей и интересов.

Такое понимание сущности либерализма как становящегося исторического явления ни в коей мере не снимает проблемы генезиса и эволюции его в разных исторических средах. Именно от состояния этих исторических сред и зависит само время зарождения либерализма в той или иной стране и его национальные особенности, что в принципе не меняет его мировоззренческую сущность и историческое предназначение.

Это порождает вторую дискуссионную проблему сравнительного анализа разных национальных вариаций либерализма (английского, французского, немецкого, русского и т.д.). Позднее зарождение русского либерализма предполагает, что его носители и адепты должны были, так или иначе, обращаться к опыту передовых стран, где либерализм появился несколько раньше. В отечественной и зарубежной литературе продолжает бытовать утверждение не только о том, что русские либералы заимствовали, что представляется нормальным и бесспорным, но и что якобы русский либерализм был «сколом западного либерализма», что представляется проблематичным. В этой логике представляются заслуживающими внимания попытки ряда отечественных исследователей поставить вопрос о культуре заимствования зарубежного либерального опыта. В данный момент можно считать обоснованным мнение о том, что, заимствуя западные либеральные идеи и практики, российские интеллектуалы делали это, учитывая конкретные исторические условия, включая объективные возможности восприятия их российским обществом и представителями властных структур.

Позднее зарождение либерализма в России было исторически связано с отсутствием объективных и субъективных условий, прежде всего, для формирования осевой проблемы либерализма – Личности, а также двух остальных элементов треугольника – продолжающей сохранятся сословной структуры российского общества и самодержавного политического режима. Оба последних компонента оказывали деформирующее влияние на становление Личности в российских реалиях, которой в борьбе за свои гражданские права приходилось с большим трудом пробивать частокол крепостничества, сословности и авторитаризма. Все это вместе взятое тормозило формирование свободной Личности, которой пришлось шаг за шагом вести упорную борьбу за свои права и свободы.

Едва ли нужно специально доказывать, что на этапе зарождения и распространения либеральных идей в России основную роль играли отдельные интеллектуалы, осознавшие собственную самость и осмелившиеся, хотя бы в узком кругу единомышленников, заявить о своей приверженности либеральным идеям. При этом либеральные идеи интеллектуалов следует отличать от некоторых практических действий российских носителей власти (например, Екатерины II, Александра I, Александра II), которые вынуждены были осуществлять некоторые реформы, включающие в себя некоторые либеральные компоненты. Разумеется, венценосные монархи это делали не потому, что разделяли мировоззренческие принципы либерализма, а исключительно потому, что некоторые элементы вошли в западноевропейскую практику и давали позитивные результаты, прежде всего в области экономики, образования и культуры. В свою очередь, изменение правового статуса дворянства и горожан (соответственно, две екатерининские «Жалованные грамоты»), а также некоторые преобразования в экономике, торговле и образовании стимулировали развитие и укрепление империи, повышали ее международный престиж. Ведя разговоры о «среднем роде людей», «законной монархии», носители верховной власти постепенно избавлялись от прежних «следов тиранства», демонстрировали, хотя бы на словах, свою приверженность к праву и законности. Парадокс ситуации и состоял в том, что царственные венценосцы, мировоззренчески далекие от идей либерализма, способствовали, хотели они того или нет, формированию общественной среды, которая, в свою очередь, объективно вырабатывала

условия для воспроизводства и восприятия либеральных идей в далеко не простых и противоречивых конкретных российских реалиях. Так постепенно в «скорлупе» крепостничества, сословности и самодержавия и зарождался русский либерализм.

Зарождение либерализма в России, как нового исторического явления, проходило, как, впрочем, и все новое, в родовых муках. Тем не менее, этот новорожденный «младенец» не был западноевропейским «суррогатом». Это было собственно «российское дитя», вошедшее в качестве нового члена в «семью» европейского либерализма. Русский либерализм, стал развиваться в конкретных российских исторических условиях, которые, и это вполне естественно, не могли не оказать на него свое влияние. Такой подход, на мой взгляд, позволяет пересмотреть утверждения о так называемом *пара* и *квази* либерализме, априори усматривавшие в русском либерализме какие-то «изъяны» его «худосочности» и «не дозрелости». Фактически новый член, пополнивший «либеральную семью», был, образно говоря, совершенно «здоровым ребенком». Однако «расти», «воспитываться» и «мужать» ему пришлось в крайне трудной исторической среде.

Напомню, что маркером для утверждений о *квази* и *пара* характере русского либерализма было сравнение последнего с передовым либерализмом западноевропейских стран. Однако следует иметь в виду, что русские интеллектуалы, знакомые с научными и общественно-политическими течениями и конкретными практиками, прекрасно отдавали отчет в иллюзорности автоматического переноса этих идей и практик европейского либерализма на иную российскую почву. По вполне понятным причинам, они вынуждены были селективно отбирать из классического западного либерализма такие его элементы, прежде всего, правового и законодательного характера, комбинировать их таким образом, чтобы они, в своей совокупности, не вступали в резкое противоречие с представлениями о мироустройстве венценосных монархов и состоянием формирующегося общества. Отмечу, что эти идеи, во-первых, позволяли расширить статусные возможности Личности; во-вторых, пробудить от вековой спячки русское общество; и, в-третьих, убедить власть в рациональности предлагаемых ими мер. Зерно либерализма, брошенное в российскую неблагоприятную почву интеллек-

туалами второй половины XVIII – начала XIX в., со временем дало собственные национальные либеральные всходы, а затем и плоды.

Третья проблема, которая заслуживает дальнейшего изучения, состоит, на мой взгляд, в том, что генезис, формирование и эволюцию русского либерализма следует рассматривать не в дихотомии «старый – новый» или «ранний – поздний», а в качестве единого сложносоставного исторического процесса. Если за основу взять ту же осевую проблему либерализма – Личность, то в отечественной и зарубежной литературе раскрыт процесс ее борьбы за расширение собственных статусных свобод и прав. Иными словами, «инвариантная» базовая основа либерализма постепенно расширялась, одновременно преобразуя общественную ткань и направляя общественное движение в русло борьбы за конституционные преобразования. В этом процессе основополагающую роль сыграло несколько поколений либералов-интеллектуалов (независимо от их сословной маркировки), которые, начиная со второй половины XVIII и до убытия в эмиграцию в 20-е гг. XX в. формировали соответствующую среду для восприятия и воспроизводства либеральных идей. Подчеркну, что либералы-интеллектуалы XIX в. (особенно его второй половины) активно приступили к разработке уже ценностных моделей преобразования России. Формирование таких ценностных моделей переустройства страны свидетельствовало о вступлении русского либерализма в качественно новую стадию своей эволюции. Это был период не только «взросления», но и «возмужания» русского либерализма, ставшего активно обогащать мировую общественную мысль инновационными идеями, рожденными и выпестованными на национальной почве. Вполне понятно, что без предшествующего опыта нескольких поколений либералов такой качественный скачок был бы в принципе невозможен.

Обращая внимание участников конференции на сохранение и продолжение либеральной традиции в России, я, разумеется, далек от мысли о том, чтобы рассматривать русскую интеллектуальную среду, включая в нее и либералов, в качестве некого единого и цельного монолита. Изначально русский либерализм, как, кстати, и другие общественно-политические направления, представлял собой сложносоставной и динамично развивающийся организм. В сравнительно широких мировоззренческих и идеологических рамках либерального направления общественной мысли и обществен-

ного движения причудливо переплетались, взаимодействовали и противостояли друг другу, как различные индивиды, так и течения. Будучи открытой ценностной мировоззренческой системой, русский либерализм, неизменно сохраняя свое непроницаемое, «инвариантное ядро», в динамично изменяющемся историческом контексте мог впитывать (и действительно впитывал) новые идеи, что свидетельствовало о его способности к трансформации в зависимости от меняющихся исторических условий. В данной аудитории эту посылку можно специально не обосновывать примерами, ибо это и так вполне очевидно.

Обогащение русского либерализма новыми идеями, порожденными западноевропейской и отечественной наукой, западноевропейской и отечественной практикой, в начале XX в. обусловило выработку либералами-интеллектуалами синтетической модели переустройства России, которая в ряде своих исходных пунктов (нравственно-этическом, социально-реформаторском, правовом) способствовала обогащению мирового либерализма как целого.

Важной проблемой, которая, на мой взгляд, нуждается в дальнейшем осмыслении и конкретно историческом исследовании является проблема совершенствования организационных форм объединения и консолидации либеральных элементов. Речь в данном случае идет не о трансформации от салонов и кружков к союзам и политическим партиям, ибо данная тема в той или иной степени нашла свое отражение в историографии, а о выявлении комплекса причин и обстоятельств, обусловливавших выбор соответствующих форм самоорганизации. Я имею в виду смену форм либеральной самоорганизации, которая не только логически, но и конкретно исторически увязывается с состоянием общественной среды и отражает ее готовность или неготовность к объединению. Так, например, опыт формирования либеральных протопартийных и собственно партийных структур убедительно показал, что мировоззренческие, идеологические и программные расхождения в либеральной среде оказались настолько существенными, что не позволили выработать ни единой модели преобразования России, ни единой тактики, ни создать единой политической партии. Подобная ситуация была характерна и для других общественно-политических течений и направлений, что, на мой взгляд, свидетельствовало о незавершенности процесса формирования гражданского общества

в России, отсутствии традиции к компромиссному урегулированию противоречий между стратами, а также между общественными и государственными структурами и институтами. На мой взгляд, подобная историческая ситуация в значительной степени обусловливала отсутствие консолидационных тенденций в либеральной среде, что, в свою очередь, во многом предопределило длящуюся ее политическую инертность, а также организационную рыхлость.

В литературе не одно десятилетие идет дискуссия о «границах» и «пограничных зонах», занимаемых «либеральной семьей» в общем пространственном интеллектуальном измерении, в которое входят и другие течения и направления общественной мысли и общественного движения, в частности, консерваторы и социалисты. Лакмусовой бумажкой для определения таких пространств являются содержание соответствующих понятий (консерватизм, либерализм, социализм). Предложенное мной определение понятия либерализм дает, на мой взгляд, ответ на вопрос о «территории», занимаемой «семьей» русского либерализма в общем пространстве, а также «семьями» русского консерватизма и русского социализма. При этом следует также иметь в виду, что все эти «семьи» являются не одномерными, а сложносоставными. Так, в «либеральной семье» есть свои консерваторы, «центристы» и радикалы. Поэтому представляется не правомерным исключать из «семьи» русского либерализма ни октябристов, как это делали и продолжают делать ряд европейских и отечественных исследователей, ни кадетов, как это, например, делали В.В. Леонтович и Р. Пайпс.

Многообразие членов «семьи» русского либерализма – вполне закономерное явление, отражающее различия в «характерах», манере и мотивации поведения как собственно в жизненных коллизиях (повседневности), так и особенно в общественно-политических передрягах, которых, как известно, в российской истории хоть отбавляй. Достаточно лишь напомнить о поведении октябристов, «центристов» и кадетов в экстремальных ситуациях периода трех российских революций и Гражданской войны.

Не менее оживленной представляется дискуссия о возможных и допустимых «границах» сотрудничества либералов, с одной стороны, с консерваторами, а, с другой, – с социалистами. В данной аудитории едва ли нужно напоминать, что в периоды кризисных ситуаций эти границы оказывались весьма «эластичными». Так, ок-

тябристы в октябре-декабре 1905 г. оказывали поддержку не только идейным консерваторам, но и непосредственно царской бюрократии в подавлении вооруженных восстаний. В последующем они активно сотрудничали с представителями консервативных фракций в Государственной Думе и Государственном Совете. В свою очередь, по крайней мере, «центр» и левое крыло «Союза 17 октября» продолжали на разных общественно-политических и законодательных площадках сотрудничать с партиями «Мирного обновления», «Демократических реформ» и «Конституционно-демократической». В 1915 г. представители умеренного и левого крыла думских фракций «Союза 17 октября» вошли в состав Прогрессивного блока.

В свою очередь, кадеты, не прекращая своего сотрудничества с умеренными и левыми октябристами, оказывали материальную помощь и идейно-политическую поддержку не только умеренным, но и радикальным социалистическим политическим партиям и в 1905 г., и в 1917 г. Хорошо известно сотрудничество кадетов с лидерами умеренных социалистических партий в коалиционных составах Временного правительства. Более того, после октябрьского большевистского переворота кадеты совместно с лидерами умеренных социалистов вели борьбу против большевистского режима.

Многообразие используемых русскими либералами практик свидетельствует о том, что они были не пассивными, а именно активными участниками происходивших в России общественно-политических баталий, не отказываясь от возможности применения в экстремальных ситуациях прямых методов насилия. Об этом важно напомнить, так как в ходе современных научных дискурсов не редко можно услышать утверждения о, якобы, категорическом неприятии либералами насильственных методов разрешения политических и социальных конфликтов. Я уже не раз говорил и писал о том, что левые «освобожденцы» и левое крыло кадетской партии не отрицали возможности разрешения кризисной ситуации в России революционными методами. Кстати, в этом не было ничего национально специфического, именно так поступали в кризисных ситуациях западноевропейские либералы.

В заключение своего выступления кратко остановлюсь на еще одной дискуссионной теме. Во-первых, речь идет о том, являлись ли левые русские либералы демократами, а, во-вторых, об их отношении к социализму как теории и практике. Думаю, ответ на оба

вопроса уже дан самой общественно-политической практикой. Так, анализ теории, программатики, политических практик русских либералов начала XX в., убедительно показывает, что демократические ценности стали одной из базовых основ для выработки либеральными теоретиками ценностной модели преобразования России. Подчеркну, что эта ценностная модель не была герметичной и продолжала оставаться открытой для восприятия новейших достижений и открытий в области общественных наук и конкретных политических и социальных практик. В рамках такого подхода к восприятию Иного, либеральные теоретики и идеологии использовали и включали в свой арсенал наработки европейских и российских социалистов. Хорошо известны факты сотрудничества левых либералов и социалистов в рамках «Союза освобождения», в Государственной Думе, в коалиционных составах Временного правительства в 1917 г., в Национальном центре в годы Гражданской войны, в разных общественно-политических структурах в период эмиграции.

Среди исследователей нет единого мнения и по вопросу о причинах недостаточного «прорастания» либерализма в российскую почву и его политической неэффективности, а, в конечном счете, его крушения. Действительно, в суровых исторических реалиях русскому либерализму было трудно укрепить свою корневую систему (социальную основу), хотя, образно говоря, крона его «древа» успела стать «раскидистой», но не достаточно эффективной в достижении конкретных политических целей. Напомню о либеральных «срывах» в 1906, 1917, 1918-1920 гг.

Дело в том, что национальная почва, на которой выросло «древо» русского либерализма не достаточно снабжала его «стволы и ветви» необходимыми питательными веществами, обеспечивающими обильное плодоношение. К сожалению, российское общество, длительное время пребывавшее в сословном состоянии, так и не стало гражданским обществом. Российское самодержавие противостояло объективно назревшим переменам и не желало добровольно трансформироваться в правовое государство. В результате, русский либерализм, с одной стороны, не получал должной подпитки со стороны общества, а с другой, – встречал неприятие со стороны власти. На политической арене он оказался между жерновами, с одной стороны, консерватизма, а, с другой, – радикального социализма. При этом следует учитывать, что консерваторы поль-

зовались поддержкой со стороны власти, а социалисты со стороны не структурированных (маргинализированных) слоев общества, продолжавших пребывать в переходном состоянии.

Из вышесказанного следует, что исследователям, изучающим или собирающимся изучать историю русского либерализма есть еще над чем серьезно работать. В данном случае речь идет и о генезисе русского либерализма, и маркировке этапов его формирования и функционирования, о причинах трудного его «прорастания» на российской почве. Однако, учитывая множество проблемных полей истории русского либерализма, важно помнить о том, что он являлся не «сколком», а полноценной российской национальной разновидностью, пополнившей и обогатившей «семью» либерализма как мирового целого.

А.А. Кара-Мурза[1]

О НАЦИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ ЛИБЕРАЛИЗМА И РУССКОЙ МОДЕЛИ В ЧАСТНОСТИ

1. Существуют ли национальные варианты либерализма?

Опыт успешной либеральной модернизации в странах Запада наглядно показывает, что либеральные традиции, например, в Англии, Франции или Германии *национально окрашены*, т.е. осуществление либерального проекта в этих странах стало возможным в результате глубоко самобытного национального социокультурного синтеза[2].

Известно, что либерализм в Англии (его родоначальником справедливо считается Джон Локк) изначально апеллировал к Священному писанию, как мощнейшей форме идейной легитимации. «Английский проект» затем успешно перекочевал в американ-

---

[1] *Кара-Мурза Алексей Алексеевич – доктор философских наук, профессор, заведующий отделом социальной и политической философии Института философии РАН, Президент национального фонда «Русское либеральное наследие».*

[2] Очерки истории западноевропейского либерализма (XVII-XIX вв.). / под общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М., 2004; Капустин Б.Г., Мюрберг И.И., Федорова М.М. Этюды о свободе. Понятие свободы в европейской общественной мысли. М., 2015.

ские Штаты: Локк, как известно, лично сочинил конституцию Северной Каролины.

Французский либеральный проект, восходящий к Вольтеру и Монтескье, в отличие от английского, принципиально не апеллировал к религии (для Вольтера особенно – это невозможно). Его укоренение в период позднего абсолютизма произошло в результате последовательного синтезирования с социальными левыми идеями – ранне-демократическими идеями в духе Руссо. А уже на этапе бурного развития капиталистических отношений имел место еще один синтез – либеральных концепций с идеями социалиста Сен-Симона (как известно, основные лидеры французской буржуазной модернизации были убежденными сен-симонистами).

Сравнивая английский и французский либеральные проекты, можно заметить следующее важное различие. Если становление либеральной демократии в Англии происходило за счет постепенной демократизации аристократических либеральных прав и свобод, то во Франции, напротив, имел место принципиально иной процесс – либерализация демократии, т.е. постепенное насыщение либеральными смыслами генетически первичной радикальной демократии.

Что касается Германии, то ее либеральная модернизация, чтобы стать успешной, сумела, помимо социального аспекта, включить в искомый модернизационный синтез некоторые умеренно националистические идеи. Заметим, что националистами были и Фридрих Лист – либерал и конституционалист, ставший идеологом раннего немецкого капитализма, и Фридрих Науманн – крупнейший немецкий либерал, бывший еще и известным теологом.

2. Является ли русский либерализм «вторичным» по отношению к западному?

В сборнике биографических очерков «Российский либерализм: идеи и люди»[1], написанных крупнейшими отечественными историками мысли, особое место уделено проблеме генезиса русского либерализма во времена императрицы Екатерины II. Подобное «углубление в историю» (напомню: первое издание книги, вышедшее в 2004 г., открывал очерк о реформаторе-конституционалисте александровской эпохи М.М. Сперанском) помогает четче прояс-

[1] Российский либерализм: идеи и люди. 3-е изд. В 2 тт. Общ. ред. А.А. Кара-Мурзы. М.: Новое издательство, 2018; т. 1, XVIII-XIX вв., 680 с.; т. 2, XX в. 948 с.

нить истоки и причины генезиса либерализма в России, увидеть в этом взаимосвязь внутренних российских процессов и попыток имплантации общеевропейских образцов. Становится очевидным, что появление в России либеральных проектов (конституционно-реформаторских, просветительских и т.д.) является, в первую очередь, результатом осмысления причин и последствий всплесков внутренней «русской смуты» XVII-XVIII вв., связанных с крайней неустойчивостью авторитарно-приказного строя и его уязвимостью перед лицом «нового варварства». А это означает, что Россия, с некоторой задержкой, пришла к общеевропейскому выводу, лежащему в основе либерального проекта как такового: человеческой цивилизации угрожает не только «варварство снизу» (позднее Пушкин отчеканит формулу «бунта бессмысленного и беспощадного»), но и «варварство сверху», ибо самовольная, неправовая власть оборачивается, в конечном счете, главным врагом не только искомого гражданского строя, но и самой государственности.

Либеральный социокультурный (и в этом контексте – политический) проект, таким образом, состоит в том, чтобы с учетом национальной специфики промыслить и реализовать срединный путь между деспотизмом и хаосом, между Сциллой неправовой «Власти» и Харибдой неправовой «Антивласти». Роль Запада, как устоявшегося идентификационного зеркала для мыслящей России, становится, таким образом, более отчетливой: путь Запада является для российских либералов не только образцом для подражания, но и важным историческим *уроком*. И в этом смысле уроки западноевропейских революций (в первую очередь, Французской) также лежат в основе зарождения и развития отечественного либерализма.

3. Что понимать под либерализмом и кого считать либералом?

Многие годы занимаясь историей либерализма – и как философско-политического учения, и как практического социокультурного проекта, – я все более убеждаюсь в точности определения либерализма, данного патриархом российской гуманитарной науки Борисом Федоровичем Егоровым (р. 1926): «Под либерализмом понимается идеологический комплекс, аксиологической вершиной которого является свободная личность. На этой вершине, а иначе можно сказать – на этом идеологическом фундаменте, основано все желаемое социально-политическое здание: общество и государство

служат свободной личности; господствуют экономические свободы и частная собственность, свобода вероисповеданий, свобода слова, терпимое отношение к "чужому"; предпочитаются, в противовес революционным ломкам, мирные и постепенные реформы»[1].

Это интегральное определение хорошо тем, что принципиально и точно вычленяя «аксиологическое ядро» либерализма как идеологического комплекса (примат *свободной личности* в качестве общелиберального инварианта), оно оставляет простор для легитимации многообразных либеральных вариаций («либерализмов», по выражению Б.Г. Капустина), различающихся своими социокультурными и политическими «оболочками» («кожурой»). В этом смысле определение, сформулированное Егоровым, позволяет очистить проблематику генезиса и типологии либерализма от многих проявлений субъективизма – «партийности», «вкусовщины» и т.п., – изрядно засоривших и деформировавших и без того сложнейшую для анализа проблему.

Характерно, что свое определение «либерализма» Егоров сформулировал в работе под названием «Эволюция русского либерализма в XIX в.: от Карамзина до Чичерина». Для людей, привыкших считать монархиста, и даже «абсолютиста», Н.М. Карамзина безусловным консерватором, подобная формулировка звучит, конечно, парадоксально, если не вызывающе. Между тем, в логике Егорова, которую я считаю глубоко верной, причисление Карамзина к либеральной традиции абсолютно естественно. По мнению Егорова, «у истоков независимой, личностной общественно политической мысли России стоит Н.М. Карамзин… От талантливой, яркой пропаганды внутренней свободы человека, пропаганды европейского просвещения, что было характерно для молодого Карамзина, художника и публициста, идет прямая дорога к русскому либерализму средней трети XIX века»[2].

Иными словами, ту или иную историческую фигуру – интеллектуальную или политическую – нельзя отлучать от либерализма только на том основании, что эта фигура является, к примеру, «монархической». Как показывает история, «монархисты» (а в определенные времена даже сами монархи – Екатерина II, Александр I,

---

[1] Егоров Б.Ф. Эволюция русского либерализма в XIX веке: от Карамзина до Чичерина // Из истории русской культуры. Т. 5 (XIX век). М., 1996. С. 480.
[2] Там же. С. 483-484.

Александр II) вполне могли быть либералами, если они убежденно считали именно «монархию» *наилучшей формой* (т.е. оптимальной политико-юридической «оболочкой») для произрастания свободной личности, накопления ее блага и соблюдения индивидуальных человеческих прав.

Уместно напомнить, что подобный подход к «монархизму» и конкретно к Карамзину был характерен в свое время и для историка-эмигранта В.В. Леонтовича (1902–1959) – автора классического труда «История либерализма в России»[1]. Как известно, Леонтович отводит Карамзину одну из первых глав в своем фундаментальном исследовании, аргументируя это тем, что «его (Карамзина – *А.К.*) идеи, его общий духовный подход и даже его личность сыграли положительную роль в развитии России как раз в либеральном направлении… Он старался всячески расширить те каналы, через которые могли проникнуть и действительно проникали в Россию либеральные идеи… Карамзин, как представитель сентиментального гуманизма, поддерживал как бы кристаллизацию некоторых укорененных в гуманизме предпосылок либерального мышления»[2]. Еще важнее, по мнению Леонтовича, то, что Карамзин был убежден (и опыт правления Екатерины II подтверждал это), что «значительные элементы либеральной программы могут осуществляться и в рамках абсолютной монархии»[3]. Поэтому Карамзин (которого Леонтович называет «представителем либерального абсолютизма») «считал для абсолютной монархии возможным принять основные требования либерализма в качестве правительственной программы или даже в качестве основных принципов, на которых построено государство, при этом нисколько себе самой не повредив, и тем самым способствовал тому, чтобы направить русских монархов на путь либеральных реформ… По мнению Карамзина не только возможно, но и необходимо, чтобы абсолютная монархия усваивала принципы либеральной идеологии. Проведение в жизнь либеральных реформ и принятие либеральных методов управления государством являются требованием справедливости, а, следовательно, и требованием нравственным»[4].

---

[1] Леонтович В.В. История либерализма в России. М., 1995.
[2] Там же. С. 98.
[3] Там же. С. 99.
[4] Там же.

Таким образом, можно согласиться и с Леонтовичем, и с Егоровым, что *либералом* человека (ученого, идеолога, политика) делает принципиальная центрированность его идей и действий на приоритете «блага свободной личности». Кт*о* и чт*о* может обеспечить это приоритетное благо – самодержавный монарх, конституция, народное представительство или что-то иное – вопрос вторичный. Поэтому, до тех пор, пока тот же Карамзин в своих мыслях и сочинениях ставил во главу угла приоритет «свободной личности» – *он был либералом.* И, соответственно, Карамзин переставал быть либералом, когда вместо «свободной личности» его приоритетом становилось самодержавное Государство (например, в «Записке о древней и новой России»), а судьба и ценность человеческой личности оказывалась вторичной.

4. Могут ли славянофилы быть либералами?

Еще одним примером субъективистской «партийности» в исследовании проблематики генезиса и типологии отечественного либерализма является стойкое предубеждение русских «западников» против самой возможности причисления к русским либералам кого-либо из русских славянофилов. Между тем, наша история показывает, что из среды славянофилов могут произрастать выдающиеся русские либеральные интеллектуалы и практики – такие как И.С. Аксаков, А.И. Кошелев, кн. В.А. Черкасский, Д.Н. Шипов, М.А. Стахович и др. Разумеется, «западническое ухо», настроенное очень определенным образом, не может не быть уязвленным, слыша славянофильские утверждения, что, мол, «до Петра Великого на Руси было больше свободы», что «Петр убил русскую свободу» (или, как вариант: «окончательно добил ее») и т.п. С подобными утверждениями можно (и часто нужно) спорить *фактологически*, но отрицать их *либеральную природу* (т.е. центрированность на проблеме русской личности и ее свобод) неверно.

В этом контексте стоит, наверное, вернуться и к переооценке идейного наследия А.И. Герцена, конкретно, того периода его творчества, когда, разочаровавшись в Европе, Герцен стал апологетом т.наз. «общинного социализма». По моему мнению, Герцен и в этот период *оставался либералом par exellence*, ибо «русская община» показалась ему (в результате разочарования во всех иных вариантах) наилучшей оболочкой для сбережения искомой «свободы ли-

ца». Герцен, разумеется, никогда не идеализировал русскую общину, но он не мог не отметить, что, при всех ее недостатках и даже пороках, она – едва ли не единственный институт, который во всех драматических коллизиях нашей истории оказывался способным уберечь остатки «свободы лица». Еще в работе «Русский народ и социализм. Письмо Мишле» (1851) он перечислял эти несомненные заслуги общины в деле сбережения личности от натиска внешних, принудительных форм: «Община спасла русский народ от монгольского варварства и от императорской цивилизации, от выкрашенных по-европейски помещиков и от немецкой бюрократии. Общинная организация, хотя и сильно потрясенная, устояла против вмешательства власти»[1].

А в известных «Письмах Линтону» (1854) Герцен в наиболее четком виде сформулировал те принципы, которые русская община имеет шанс (именно шанс – не более!) реализовать, чтобы обеспечить, в конечном счете, свободное развитие личности. Главное здесь в том, что община для Герцена – это возможный фундамент «очеловеченной собственности», народного низового самоуправления и представительства – модель, которую затем необходимо распространить на все общество: «Сохранить общину и дать свободу лицу, распространить сельское и волостное самоуправление по городам и всему государству, сохраняя народное единство, – вот в чем состоит вопрос о будущем России»[2]. Именно в этой парадоксальности герценовской позиции лежит разгадка того факта, что, спустя несколько десятилетий, деятели русского земского движения смогли с полным правом записать Герцена в ряд родоначальников «либерального земства».

Герценовский расчет на общинное самоуправление, как прообраз будущего общенационального гражданского общества, оказался несостоятельным. Но это была еще одна попытка ответить на общий вопрос, волнующий русских либералов: как в России пройти между Сциллой реакции и Харибдой революции и уберечь на этом пути человеческую личность и ее достоинство?

---

[1] Герцен А.И. Русский народ и социализм // Герцен А.И. Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1986. С. 447-449.

[2] Цит. по: Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. 1. М., 1956. С. 137.

5. Как соотносятся либерализм и религия?

Глубокая, метафизическая связь христианской религии с политическим воплощением либерального проекта вполне очевидна для евро-американской политико-философской мысли, но в современном российском контексте остается пока темой маргинальной, а для левых либералов радикального толка – в известном смысле и табуированной. Между тем, как уже было отмечено, либеральные учения в Англии, Германии, США – учения, закладывающие в основу национальных вариантов либерализма прямую религиозную санкцию, – дали свои политические плоды, в то время как отечественный либерализм в очередной раз оказался легковесен, не сумев обрести надежную метафизическую опору[1].

В ряде работ я высказываю точку зрения, что в начале XIX в. русская мысль могла пойти по европейскому пути легитимации «свободы» через религию, и у истоков этого направления «христианского либерализма» стоял именно Карамзин[2]. Об этом говорят, например, некоторые материалы из личных бумаг Карамзина, по большей части не опубликованные при жизни автора. Вот, к примеру, фрагмент «К потомству», который передает разговор Карамзина с императором Александром I в 1819 г. (на французском языке). Став известным, этот документ вызвал полемику, которая продолжается и по сей день. Вот слова Карамзина (в переводе с французского Ю.М. Лотмана): «Государь! Я не боюсь ничего. Мы все равны перед Богом… Государь, я презираю скороспелых либералистов, я люблю только ту свободу, которую никакой тиран не может у меня отнять»[3]. Замечу попутно, что часто встречающийся в литературе перевод карамзинской фразы *«je meprise les liberalistes du jour»* как *«Я презираю сегодняшних либералов»* является либо результатом плохого знания французского языка, либо сознательным подлогом. В своих статьях и лекциях я, в дополнение в лотмановскому, пред-

---

[1] Кара-Мурза А.А. Кризис идентичности в современной России: возможности преодоления // Реформаторские идеи в социальном развитии России. М., 1998. С. 108-125; Жукова О.А. История русской культуры и современность // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 105-116.

[2] Кара-Мурза А.А. Карамзин, Шаден и Геллерт. К истокам либерально-консервативного дискурса Н.М. Карамзина // Филология: научные исследования. 2016. № 1. С. 101-106; Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011.

[3] Карамзин Н.М. Неизданные сочинения и переписка. ч. 1. СПб., 1862. С. 9.

лагаю такие варианты адекватного перевода: *«Я презираю либералистов-однодневок»* или *«Я презираю дежурных либералистов»*.

В конце жизни Карамзин прямо и отчетливо подтвердил христианско-либеральную природу своей позиции (позиции больше культурно-этической, нежели политической) в «Мыслях об истинной свободе», написанных незадолго до смерти, в начале 1826 г.: «Можно ли в нынешних книгах или журналах без жалости читать пышные слова? Настало время истины; истиною все спасем; истиною всё ниспровергнем... Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе, с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к провидению!»[1].

В середине XIX - начале XX вв. линию «христианского либерализма» успешно продолжили такие отечественные мыслители, как И.С. Аксаков, В.А. Караулов, М.А. Стахович, П.Б. Струве (и другие авторы «веховского направления»), а также Ф.А. Степун и Г.П. Федотов[2].

6. Как соотносятся «свобода» и «порядок»?

Наконец, хочется по-новому расставить некоторые акценты и в еще одной активно обсуждаемой исследователями либерализма (в т.ч. отечественного) теме. В многолетнем и не утихающем споре о соотношении *«свободы»* и *«порядка»* давно определились две конкурирующие позиции.

Первая исходит из того, что либерализм – учение о свободном индивиде, проявляющем себя в разнообразных сферах. А проблематика «порядка», в свою очередь, сводится к тому, *как* из этих свободных индивидов создать устойчивое гармоничное общество. К сторонникам именно этой позиции примыкал, кстати, уже неоднократно цитированный Леонтович. Напомню принципиальный пассаж из его «Вступления» к «Истории либерализма в России»: «Основная идея либерализма – это осуществление свободы личности.

---

[1] Он же. Из записной книжки. М. 1982. С. 161-162.

[2] Кара-Мурза А.А., Жукова О.А. Свобода и вера. Христианский либерализм в российской политической культуре. М., 2011; Жукова О.А. К философии политической истории России: либерально-христианский синтез В.А. Караулова // Вопросы философии. 2011. № 6. С. 112-122; Жукова О.А. Национальная культура и либерализм в России (о политической философии П.Б. Струве) // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 126-135.

А основной метод действия либерализма – это не столько творческая деятельность, сколько устранение всего того, что грозит существованию индивидуальной свободы или мешает ее развитию»[1]. Как видим, основной задачей либерализма Леонтович прямо провозглашает задачу *отрицательную* – устранение всех возможных помех индивидуальной свободе.

Я являюсь убежденным сторонником другой позиции, которая состоит в том, что проблема «порядка» является не производной функцией, а *имманентным свойством* любого ответственного идейно-политического течения, в т.ч. и либерализма[2]. По моему мнению, в том непрекращающемся споре различных идей и концепций, который представляет собой история философско-политической мысли, единственным допустимым критерием правоты может служить лишь практический ответ на вопрос, какая форма социальной организации эффективнее противостоит общественному хаосу. Прочность политических систем, также как устойчивость цивилизаций или культур, проявляется не в их непосредственном противостоянии друг другу, но в способности сдерживать внутренний энтропийный процесс. Поэтому генезис политической науки и философии один – ощущение опасности политического и социального небытия. Из этого же ощущения рождается либерализм – определенный тип решения все той же «экзистенциальной проблемы».

Задача либерализма, таким образом, именно *творческая.* Она состоит в том, чтобы дать собственные ответы на вполне универсальные вопросы, например, на такой: «как возможен социальный порядок, если он в данный момент отсутствует или находится под угрозой?» А собственно либеральный ответ на этот вопрос состоит в следующем: «Общественный порядок возможен тогда и постольку, когда и поскольку допущена и защищена свобода человеческой личности». Таким образом, либерализм – это не просто умонастроение: «сентиментализм» или «скептицизм», к примеру, тоже умонастроения, но они не претендуют на роль идеологических концепций, тем более политических моделей. Либерализм не как простое умонастроение, а именно как особый принцип устроения общественно-

---

[1] Леонтович В.В. Указ. соч. С. 1.

[2] Кара-Мурза А.А. Свобода и порядок. Из истории русской политической мысли XIX - XX вв. М., 2009.

политической жизни обязан встроить в себя проблематику социального порядка. И подлинный либерализм именно это и делает.

История успешного становления либерального проекта на Западе с очевидностью показывает: системный либерализм конституируется не столько на почве размягчения власти, и тем более не на почве интеллигентского морализаторства, сколько на основе жестко политологической констатации либеральными мыслителями деградации и перспективы краха традиционалистских моделей порядка. Либерализация при таком подходе – и есть способ *социального упорядочивания*, а индивидуальная свобода и гражданские права становятся надежной основой нового более эффективного социального порядка.

Сегодняшней России, как никогда, нужна реабилитация либерального проекта – не только как эмансипаторского, но и как глубоко конструктивного. А это означает, что на переднем плане наших исследований должно проявиться подлинное кредо либерализма – кредо не отрицательное, а творческое, промысливание и конструирование новой гармоничной социальности.

А.Н. Медушевский[1]

БЫТЬ ЛИБЕРАЛОМ В РОССИИ: О СВОБОДНОМ ОБРАЗЕ МЫШЛЕНИЯ И ЕГО КРИТИКАХ

Подведение итогов изучения либеральной традиции, заявленное как тема данной конференции, заставляет обратиться к вопросам, которые обычно не ставятся в академической литературе: является ли русский либерализм оригинальным течением мысли и, если да, то в чем состоит эта оригинальность; каково место либерализма в современном обществе и насколько убедительны аргументы его критиков; существует ли преемственность классического либерализма и неолиберализма; с чем связано существование различных оценок исторического места русского либерализма и ка-

---

[1] *Медушевский Андрей Николаевич – доктор философских наук, профессор, ординарный профессор факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

ков его вклад в динамику социальных изменений; наконец, каков смысл либеральной позиции в современном российском обществе?

Либерализм – это идеология (и учение), отстаивающая свободу индивида правовыми средствами. Классический либерализм XVII - XVIII вв. возник как антитеза феодальным порядкам и стремился создать правовой строй, основой которого стали свобода совести и вероисповедания, экономической конкуренции, равенство всех перед законом, отказ от всех форм насилия и принуждения, как духовного, так и физического, выходящих за рамки необходимой защиты правового строя от его противников. В широком смысле слова либерализм означает свободный образ мышления, научного творчества и деятельности, не скованных традицией, коллективными предрассудками и принудительно-навязанными административными предписаниями. В зависимости от того, какие стороны этой свободы ставятся под угрозу в данном обществе или в определенный период времени – меняется политическая программа либерализма. Наличие этих общих компонентов не исключает, поэтому, вариативности форм проявления либеральной мысли, национальной специфики по регионам, странам и историческим периодам. Поэтому быть либералом в Западной Европе, России, Латинской Америке или Азии – не одно и то же: это значит применять идеологию либерализма в контексте социальных проблем данного общества, с четким представлением о различии между типами обществ и политических систем, напр., парламентской демократией или традиционалистским авторитарным режимом.

В связи с этим, сохраняет значение вопрос о соотношении общих идеологических принципов и их национальной интерпретации, имеющий прямое отношение к российскому варианту либерализма – является он простым воспроизводством западных идей или вносит нечто оригинальное в трактовку самих принципов? В литературе выдвинуты полярные позиции. Согласно легкомысленному утверждению И. Берлина: «Россия не внесла в сокровищницу человечества ни одной новой социальной или политической мысли: любую из них легко возвести не просто к западным корням, но к той или иной конкретной доктрине, исповедовавшейся на Западе восемью, десятью, а то и двадцатью годами раньше»[1]. Из этого следует, что русское освободительное движение вообще и либерализм в

[1] Берлин И. История свободы. Россия. М., 2014. С. 19.

частности, лишь с опозданием повторяет идеи западных либералов, транслирует их «отраженным светом» и, не находя поддержки в традиционном обществе, вынужден пребывать в исторической изоляции, колеблясь между апатией и революционным протестом. Логичным выводом из этого становится тезис о том, что единственной оригинальной российской идеей выступает враг либерализма – т.н. «правовой нигилизм», т.е. принесение либеральных ценностей в жертву некоему абстрактному идеалу «справедливости». Другая позиция прямо противоположна: «Более пристальное изучение русской мысли», – говорит А. Валицкий, «показывает скорее, что во многих случаях характерная для нее антиправовая настроенность имеет западное происхождение»[1]. Он объясняет этот выбор тремя факторами: формирование русского либерализма пришлось на эпоху переосмысления в Европе результатов Французской революции, критики капитализма, а позднее также осознания растущего конфликта права и политики. Длительная и не очень продуктивная дискуссия об особенностях русского мышления, связанная со стремлением отыскать в нем некие исключительные признаки (напр., соотношение понятий «правда» и «истина», «право» и «справедливость» и т.д.), позволяющие будто бы объяснить отторжение либерализма, не привела к однозначным результатам. Скорее, напротив, позволила демифологизировать эти стереотипы, в частности, об особом и уникальном (в мировой истории) отношении русских к этим понятиям[2]. Обращаясь к либерализму за пределами Западной Европы, например, в странах Латинской Америки, нетрудно увидеть сходство интенций, лексики и результатов, а также комбинированный характер интеллектуальных заимствований – как из Европы и США, так и из России[3]. Вопрос об оригинальности и «новизне» интеллектуального течения предполагает выход за рамки европоцентризма и не сводится к реконструкции односторонней филиации идейных влияний. Главными критериями становятся когнитивный (закладывающий информационную основу социального конструирования), институциональный (инфраструктура коммуни-

[1] Валицкий А. Философия права русского либерализма. М., 2012.
[2] «Правда». Дискурсы справедливости в русской интеллектуальной истории. М., 2011.
[3] Pineiro Iniguez C. Pensadores Latinoamericanos del Siglo XX. Buenos Aires, Ariel, 2014.

каций) и функциональный (характер деятельности)[1]. С этих позиций проблема всего незападного либерализма может быть сформулирована следующим образом: как построить правовое государство в обществе с традиционалистским сознанием и привить либеральные идеи (в ограниченный исторический отрезок времени) там, где они не сформировались эволюционным путем? Это требует особой теории, технологий и методов социального проектирования. Русский либерализм как политическая теория и практика решал именно эти задачи.

Другая сторона проблемы – поставить классическое либеральное наследие в контекст современных общественно-политических дискуссий. В современном обществе изучение либерализма вышло за рамки национальных исследовательских традиций и интегрировано в дебаты о перспективах глобализации и выборе стратегии основных идеологических течений по отношению к ней. Либерализм ассоциируется с программой глобализации – распространением принципов прав человека, толерантности, политкорректности, защитой прав меньшинств и индивида во всемирном масштабе, причем независимо от национальных, религиозных и культурных традиций, состояния дел в экономической, политической и интеллектуальной сферах отдельных регионов и стран[2]. Этот подход возобладал, по крайней мере, в странах «коллективного Запада», с крушением СССР и представлением о неотвратимом повсеместном торжестве либерализма в обозримый исторический промежуток времени. В контексте этих представлений возникла концепция универсальных международных норм о правах человека, реализовался интеграционный проект Европейского Союза, были предприняты усилия по стимулированию смены авторитарных режимов в разных регионах мира. В России либеральная идеология имела доминирующий характер в период формирования основ новой государственности, а ее принципы получили закрепление в Конституции 1993 г., сформировав основы либеральной стратегии переходного периода.

В настоящее время, однако, стал ясен избыточный оптимизм этих представлений, особенно, с точки зрения политической реальности и разновекторных тенденций мирового развития. Общая про-

---

[1] Медушевский А.Н. Политическая история русской революции: нормы, институты, формы социальной мобилизации в XX в. М.-СПб., 2017.
[2] Верховенство права как фактор экономики. М., 2013.

блема – кризис завышенных ожиданий, порожденный глобализацией: конфликт национальных и наднациональных структур, выражающийся в более жестком постулировании принципа государственного суверенитета, исчерпание идеи государства всеобщего благоденствия, эрозия привычных форм социализации (размывание среднего класса как основы демократических институтов), ослабление легитимности институтов либеральной демократии (подмена их экспертократией и правлением менеджеров), рост информационного манипулирования. Ценности политкорректности и толерантности, выдвинутые как добровольный выбор (в силу которого индивид самостоятельно выбирает определенный тип поведения), столкнулись со стремлением к их формальному регулированию и жесткому насаждению, не всегда отвечающему традиции и представлениям отдельных обществ и социальных групп о справедливости. Ответом части национальных государств на глобализационный (в либеральном понимании) проект стал правый поворот – рост популизма (как правого, так и левого) и критика либеральной идеологии[1]. Выяснилось, что страны эталонной демократии столкнулись с рядом мощных вызовов, которые элиты не смогли предвидеть или, по крайней мере, были не готовы к ним – Брексит, миграционный кризис, противопоставление рядом государств Центральной и Восточной Европы своей «национальной идентичности» таким ее формам как европейская и глобальная, пересмотр конституций в направлении самоизоляции под видом восстановления «исторической традиции» и «национальной идентичности». Россия по-своему отреагировала на этот «ревизионистский» тренд, выступив с определенной программой пересмотра либеральной версии глобализации, жестко сформулировав концепцию «суверенной демократии», «пределов уступчивости», защиты традиционных ценностей от влияния «западного либерализма». Но она лишь возглавила реставрационно-консервативный импульс, охвативший ряд стран Европы и постсоветского региона, входивших ранее в сферу советского влияния.

Одним из трендов современных дебатов стало противопоставление классического либерализма и т.н. неолиберализма с растущей критикой последнего. Если классический либерализм выражал устремления эпохи Просвещения – стремление формирующегося гражданского общества к преодолению феодальных ограни-

[1] Популизм как общий вызов. М., 2017.

чений в рамках национальных правовых государств, то неолиберализм, по мнению оппонентов (И. Валлерстайн), – выдвигает противоположный принцип: «неолиберальная волна поднялась на глубоко ложной риторике, касающейся глобализации», неолиберализм отрицает важнейшую идею государства благосостояния, а потому его нельзя считать новой разновидностью либерализма – «он перенял лишь название»[1]. Выдвигается понимание неолиберализма как доктрины, претендующей на то, чтобы стать всемирной идеологией, обосновывающей единую политику реформ поверх национальных границ – он (как полагает У. Бек) «борется за мир без границ» исключительно для утверждения «транснационального капитала»[2]. Свой вклад в эту критику вносит критическая интерпретация постсоветской версии либерализма как «либерального большевизма», подрывающего национальную экономику и культуру во имя продвижения западного мира. В результате либеральных реформ, заявил Дж. Стиглиц, Россия трансформировалась из экономического гиганта в страну-экспортера природных ресурсов, а возникший там «эрзац-капитализм» не обеспечивает стимулов экономического роста[3]. Глобализация по либеральным лекалам, считают эти критики, оказалась выгодна только наиболее развитым странам (для выхода со своим экспортом на новые рынки), но не всем остальным, население которых переживает упадок. Наконец, теория демократического транзита, столь влиятельная в 1990-е гг. как научная и идеологическая концепция, оказалась несостоятельна в силу своей абстрактности, механистичности и телеологического характера. Стало очевидно, что либеральная демократия вовсе не обязательно является единственно возможным результатом переходного периода. На этом пути возможны зигзаги, возвратные движения и воспроизводство авторитаризма в новой форме (напр., т.н. «нелиберальной демократии»). Отметим, что большинство этих критических инвектив адресовано именно неолиберализму, причем в его конкретной форме – идеологии т.н. либератарианства, отличающейся приверженностью рыночному фундаментализму и индивидуализму и ставшей основой социаль-

---

[1] Валлерстайн И. Конец знакомого мира. М., 2003. С. 134.
[2] Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономия. М., 2007. С. 125.
[3] Стиглиц Дж. Глобализация: тревожные тенденции. М., 2003. С. 185.

но-экономических реформ неоконсервативных правительств США и Великобритании 70–80-х гг. XX в. В целом, поставлен вопрос – возможно ли преодоление кризиса глобализации в его основных экономических, социальных и политических формах – с позиций либерализма?

Еще более радикальной выглядит критика либерализма в контексте современного российского консервативного тренда и выводы, которые вытекают из нее. Речь идет о возрождении традиционных ценностей, подъеме национального протеста против глобализации и мультикультурализма, отказе от «либеральных западных ценностей», современных форм демократического представительства (вплоть до восстановления сословной организации общества), отрицании форм политической и партийной конкуренции и создании некоего нового (старого) типа государственности, контролирующей нравственное состояние общества с позиций его будто бы неизменных «имманентных моральных ценностей». На этом пути отрицания либерализма смыкаются крайние течения – левые и правые, и обосновывается концепция «левого консерватизма» или «консервативной революции» как выхода из кризиса современных институтов. В целом – представлена идея возврата к советскому наследию как основа антизападного проекта[1]. В области внешней политики те же идеи выражены в новейших призывах к изоляционизму (напр., в воззрениях идеологов Изборского клуба) и отказу от европеизации в стремлении повернуться лицом к Азии (как продемонстрировано в некоторых программных заявлениях на Валдайском клубе). Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что данная критика едва ли содержит новые аргументы: все они практически буквально воспроизводят положения консервативных предшественников, заявлявших, что «Россия ничего общего не имеет с Западной Европой»: здесь существует особая система ценностей (православно-государственного единства), управления (основанного на абсолютном слиянии власти и собственности), все реформы, направленные на европеизацию и модернизацию общества (от Петра Великого до Александра II) были, поэтому, обречены на провал, интеллигенция отстаивает исключительно собственные корыстные интересы, а

[1] См.: По-другому: Сборник статей о традиции и смене идеологического дискурса. М., 2017.

«близорукие либералы» завели государство в тупик, единственным выходом из которого стала «безобразная революция»[1].

Что ж, сомнения вполне основательные в свете катастрофического коммунистического эксперимента XX в. Это направление критики четко ставит ряд вопросов, на которые сторонникам либерализма необходимо дать ответ: действительно ли русский либерализм ничего не дал для продвижения русского общества по дороге цивилизационного развития; правда ли, что «неолиберализм» отрицает наследие классического либерализма или речь идет только об одной его версии (ассоциирующейся преимущественно с политикой США); составляет ли существо этого течения насильственное разрушение национальных границ и установление (в схематично-марксистском понимании) неоимпериалистического господства над мировой экономикой, или речь идет о последовательном продвижении либеральных ценностей как таковых (включая свободу рыночной конкуренции в глобальном масштабе, но не сводясь к ней); в какой степени революционные срывы общественного развития связаны с программой либерализма; насколько результаты экономических реформ в постсоветской России объясняются применением идеологии либерализма, а насколько ограниченностью выбора политического инструментария элитой реформ, столкнувшейся с резким и неожиданным крушением советской плановой экономики; вытекает ли из дисфункций либеральной демократии и трудностей ее становления в ряде регионов вывод о ее принципиальной нереализуемости? А главное, следует ли в контексте этой популистской критики полностью отринуть либерализм во имя правых, либо левых призывов, или, напротив, перенастроить данную парадигму, обратившись, в частности, к ее аутентичной классической версии?

Если допустимо методологическое предположение о сходстве современного кризиса правосознания начала XXI в. с тем, который имел место в начале XX в. (поскольку в обоих случаях речь шла о резком изменении системных «правил игры» в мировой политике), то возможно обсуждение общих параметров их преодоления. Ответы на большинство поставленных вопросов были представлены русским либерализмом периода постреволюционной эмиграции. Это наследие имеет значение в силу сочетания ряда обстоятельств, –

[1]См. напр.: Святополк-Мирский Д.П. Чем объяснить наше прошлое и чего ждать от нашего будущего? Париж, 1926.

сочетания, не воспроизводившегося более нигде, но во многом сходного с текущей ситуацией глобализации: с одной стороны, мы имеем дело, безусловно, с представителями классической европейской либеральной традиции, культивировавшейся в России имперского периода XVIII-XIX вв., с другой – с попыткой радикального переосмысления этой традиции в контексте мировых войн, революций и тоталитаризма XX в. Далее, с одной стороны, речь шла о сохранении национальной правовой традиции российской государственности, с другой – необходимости ее соотнесения с процессами глобализации того времени – интенсификацией взаимодействия культур, всплеском национализма, сецессий, миграционными движениями, вопросами религиозной, культурной и политической идентичности. Наконец, это была ситуация, с одной стороны, глобального кризиса международного права и правосознания, связанная с резким дисбалансом мировой экономики и темпов социального развития, с другой – поиска новых основ поддержания правового государства и конституционализма в условиях резкого перехода к массовому обществу, построенному на принципиально иных формах политического участия, информационного обмена и направленного манипулирования информацией. Стало ясно, что ответы на эти вызовы не могут быть даны с позиций традиционного европоцентризма, цензовой демократии и ограниченного вовлечения масс (преимущественно неграмотных) в политику, но требуют осмысления в контексте того, что получило затем название неолиберализма.

Суммируем ряд основных выводов русского посткласического либерализма, составляющих его вклад в мировую политическую мысль и актуальные дебаты:

Во-первых, концепция кризиса права как конфликта позитивного права и правового идеала, который выражает новые представления общества о социальной справедливости[1]. Данный идеал вовсе не обязательно имеет рациональную природу: скорее он выражает завышенные ожидания от быстрых и во многом раздражающих перемен, утрату доверия к существующим правовым и политическим институтам, стремление к их быстрому и радикальному пересмотру. На этом пути возможно появление ложных идеалов – мобилизационных идеологий, создающих иллюзию решения проблем, способ-

[1] См. новый коллективный труд по этой проблеме: Философия права: П.И. Новгородцев, Л.И. Петражицкий, Б.А. Кистяковский. М., 2018.

ных уничтожить либеральный правовой порядок и повернуть развитие общества вспять («новый феодализм»). Задача, следовательно, заключается в том, чтобы противопоставить этим ложным идеалам – подлинные, научный и профессиональный подход к решению проблемы социальной трансформации, реформ права и институтов, в основе которых лежит развитие правосознания и направленная политика права. Эта задача после революции 1917 г. могла быть выполнена только в эмиграции, поскольку в советской России гуманитарная наука стала служанкой коммунистического богословия – «рабой политики»[1], а серьезные ученые старой школы предпочли скорее «замкнуться в сфере чистой науки, нежели влачить свою музу по трясинам эзопова языка»[2].

Во-вторых, объяснение срыва либеральных реформ в условиях революционного перехода от традиционного сословного общества к массовому (а затем и сегментированному обществу корпоративитского типа). Основные причины таких срывов – популистская реакция неподготовленного традиционалистского (аграрно-сословного) общества на трудности перехода, особенно, если они сопровождаются провалами элиты во внешней и внутренней политике; неготовность политического режима к своевременному и эволюционному продвижению социальных и политических реформ (или их сворачивание в интересах поддержания механического равновесия системы); радикализм интеллигенции, приносящей трудную работу по формированию правового сознания в жертву внешне привлекательным, но бессодержательным и нереализуемым (утопическим) доктринальным принципам. На этом фоне понятны ошибки русских либералов, первыми в Европе столкнувшихся с новым типом радикального мобилизационного антидемократического движения, для преодоления которого у них не хватило ресурсов, времени и политического опыта[3].

В-третьих, анализ новых форм абсолютного господства, невиданных ранее. Их особенность (по сравнению с историческими формами деспотии) состояла в использовании идеалов свободы,

---

[1] Максимович Е.Ф. Историческая наука в СССР и марксизм-ленинизм // Современные записки. 1936. LXII. С. 409-420.

[2] Кизеветтер А.А. Научно-историческая литература в современной России // Современные записки. 1923. XV. С. 388-400.

[3] Этот вопрос подробно рассмотрен в предшествующем томе «Муромцевских чтений», где представлена дискуссия о причинах поражения либерализма в 1917 г.

равенства и демократии во имя полного поглощения индивида государством. Так возникает прообраз тоталитаризма – превращения общества в «животный муравейник»[1]. Советское государство с позиций либерализма предстает как идеальный тип такой неограниченной деспотии – уникальное явление в истории человечества, где характер государственного властвования, основанного на насилии, воплощен в «чистой и идеологически прозрачной форме», а потому его изучение «представляет выдающийся интерес»[2]. Это позволяло выяснить специфику идеократического господства: «новое общество» формируется однопартийным режимом, поскольку «уничтожив все другие партии, большевизм превратился в универсальную партию, в государство»[3]. Важным направлением этих исследований стал юридический анализ советского режима в связи с анализом его реального функционирования[4]. При такой постановке вопроса открывалась перспектива сравнения советского государства с другими авторитарными и корпоративистскими режимами в разных регионах мира, с учетом динамики имитационных и переходных правовых форм – реального, номинального и мнимого конституционализма. Сегодня – это также анализ всего инструментария манипулирования правом и правоприменительной практикой для поддержания авторитаризма.

В-четвертых, разработка концепции правовых реформ в обществах незападного типа. Вклад политической теории русского либерализма безусловно определяется теорией государственной (юридической) школы, предложившей целостную концепцию объяснения взаимодействия общества и государства в русской истории, раскрывшей значение таких факторов как географическая среда (процессы колонизации и борьба «леса со степью»), механизмы сословного регулирования («закрепощение и раскрепощение сословий»), особый тип отношений власти и собственности («служилое государство»), реформ и контрреформ в формировании общества, роли бюрократии в их осуществлении. Русский дореволюционный либерализм действительно делал упор на государство как главный институт трансформации общества[5] – в этом состояло его принци-

---

[1] Алексеев Н.Н. Пути и судьбы марксизма. Берлин, 1936.
[2] Он же. Право Советской России. Прага, 1925. Вып. 1. С. 29-52.
[3] Далин Д.Ю. После войн и революций. Берлин, 1922. С. 7-53.
[4] Тимашев Н.С. Политическое и административное устройство СССР. Париж, 1931.
[5] Леонтович В.В. История либерализма в России. 1762-1914. Париж, 1980.

пиальное отличие от западноевропейского (точнее, его доминирующей англо-саксонской версии), настаивавшего на «минимализме государства». Но это было не результатом теоретических искажений, а, в первую очередь, признанием реальности. В этом отношении русский либерализм сходен с немецким и, особенно, испанским, где темы незавершенной секуляризации, индустриализации и демократизации выражались сходным призывом к «европеизации». В эмигрантской политической мысли данная теория получила развитие на более широком материале, охватив фактически все внеевропейские цивилизации, как исторические, так и современные. Известный спор евразийской и западнической школ, несмотря на его политическую направленность, стимулировал выход за рамки европоцентризма, позволяя обсуждать критерии сопоставимости институтов разных регионов мира, в частности, обществ незападного типа, где развитие опирается на преобладающую роль государства. Подобные «революции сверху», осуществляемые в России примерно раз в полстолетия, вовсе не уникальны: они предстают как выражение особой стратегии развития в странах, где государство в силу слабости общества, вынуждено время от времени брать на себя задачи перестройки институтов и форм социализации (это состояние общества лучше всего передается понятием «направляемая демократия»).

В-пятых, решение проблемы соотношения институциональных заимствований и содержательных внутренних преобразований. В этом контексте представлен пересмотр имперского периода русской истории, который противопоставлялся советскому как эпоха постепенного, но неуклонного развития европеизации и становления гражданского общества. Начало этому процессу, следуя Е.Ф. Шмурло, положили реформы Петра Великого, заложившего основы веротерпимости, прав личности, гражданской ответственности, законности, просвещения и знания, т.е. всего того, что было утрачено после большевистской революции[1]. П.Н. Милюков, ранее критически оценивавший реформы Петра, коренным образом пересмотрел свои позиции: он констатировал, что петровская «революция» есть «водораздел в русской истории» (сыграв роль Возрожде-

[1] Шмурло Е.Ф. Петр Великий и его наследие. Речь в торжественном собрании 8 февраля 1925 г. по случаю 200-летия со дня смерти императора Петра Великого. Прага, 1925.

ния и Реформации на Западе). Она открыла период веротерпимости и просвещения; преодолела «состояние полной изоляции России», наметив сближение России с Западной Европой; ее неизбежные издержки объяснялись стремлением «наверстать потерянное время», а потому в ней «все было оправдано последующим ходом истории». «Реформа Петра удалась, – заключал он, – и ее удача показывает, что дело тут было не в простом заимствовании извне, а в могучем импульсе к развитию внутреннего процесса». Эти выводы обосновывали европейский путь России, служили доказательством ее «неазиатской» природы и противостояли «новоявленному русскому обскурантизму»[1]. Так закладывались основы концепции, получившей позднее название «модернизации» (формирование которой проходило при деятельном участии представителей эмигрантской науки).

В-шестых, решение вопроса о соотношении внутренней и внешней политики России с позиций ее европейской идентичности. Известно, что националистическая риторика, как и обвинения русских либералов в империализме, были чрезвычайно характерны для эпохи Первой мировой войны, став аргументом левых партий, особенно, большевиков, в ходе захвата власти. Однако, во-первых, эта риторика является неотъемлемой частью классического либерализма всех европейских империй; во-вторых, ее подъем характерен для всех воюющих стран (в ряде которых он достигал гораздо более высокого уровня эмоционального накала, чем в России); в-третьих, с позиций либерализма предполагается разрешение конфликтов в рамках международно-правовых договоренностей, закладывающих основу последующей стабильности. «Имперское сознание», – констатировали либеральные аналитики, – вовсе не константа русской истории: следует различать советский (идеологический) экспансионизм от политики российского государства. Это государство, конечно, преследовало национальные интересы, но (в отличие, напр., от Британской империи) не ставило задачей империалистическое господство как таковое. С этих позиций подвергался критике известный (и распространенный ныне) тезис о «врожденном русском империализме». Как утверждал М.М. Карпович (на пике холодной войны), вообще империализм (включая сюда месси-

[1] Милюков П.Н. Петр Великий и его реформа // На чужой стороне. Прага, 1925. № 10. С. 5-28.

анский панславизм) «остается чужд большинству русской культурной элиты новейшего времени». Доказательством отсутствия «имперского сознания» в русском обществе и интеллигенции в России (в отличие от стран Запада) служит то, что в России «не удалось создать либерально-националистического течения»[1]. Современные дебаты о «национальном либерализме» в России, спровоцированные конфликтом на Украине 2014 г., интересны тем, что говорят о нем не столько как о существующем течении (для которого требуется, как минимум, завершение формирования «гражданской нации»), сколько как о потенциально возможном.

В-седьмых, отказ от исторического детерминизма (в культурной, экономической или националистической формах) и принятие идеи вариативности исторического процесса, результаты которого определяются не только общими социальными процессами, но готовностью общества и элиты к переменам на переломных этапах истории. Так, русский абсолютизм пал в силу неспособности «внять зову и духу времени», такого отставания от «темпа жизни», в силу которого утратил «способность учитывать вес и значение событий»[2]. Советский режим, как предполагалось, ждет та же участь в силу отсутствия внутренних стимулов к развитию. Дискуссия о возможных путях преодоления советского режима длительное время ориентировалась на опыт Французской революции (диктатура как форма постреволюционной стабилизации), но, в конечном счете, завершилась прогнозом о возможности новой и нетипичной формы перехода: «Советская система, – констатировал Н. Рязановский в 1960-е гг., – вряд ли не изменится, вряд ли изменится эволюционным путем, вряд ли будет свергнута в результате революции. История, будьте уверены, найдет путь, посрамив историков»[3]. Пожалуй, это наиболее точный прогноз крушения советского режима в ходе Перестройки, которая, действительно, больше походила на реформацию, нежели на реформу или революцию. Подобная вариативность поли-

---

[1] Карпович М.М. Русский империализм или коммунистическая агрессия? // Новый журнал. 1951. XXV. С. 243-263.

[2] Вишняк М.В. Падение русского абсолютизма // Современные записки. 1924. С. 231-264.

[3] Riasanovsky N.V. A History of Russia. N.-Y., 1963. P. 641. Цит. по изд.: История и историография России. Из научно-литературного наследия русского зарубежья. М., 2006. Т. III. С. 451.

тических преобразований, комбинирующая элементы типичных исторических форм прошлого, конечно, не исключена в будущем.

Современный образ либерализма в русском общественном сознании далек от стабильности и представляет результирующую исследовательских стратегий, заданных идеологическими приоритетами предшествующих этапов его развития, функционирования и осмысления. Следует выделить, во-первых, позиционирование данного течения его представителями и идеологами в момент создания и формирования в имперский период – от реформ Петра Великого и первых проектов XVIII в. до Октября 1917 г.: его социальная функция определялась задачами европеизации, продвижения либеральных реформ в условиях самодержавия и стимулирования последнего к их проведению (за отсутствием других инструментов реализации данной программы в традиционном аграрном обществе). Во-вторых, переосмысление всей либеральной программатики в эмиграции, связанное с крушением либерального проекта общественного переустройства по итогам революций начала XX в. и установления большевистской диктатуры – период, функция которого может быть определена как необходимый ретроспективный анализ – своеобразная работа «над ошибками», результатом которой стал посткласcический вариант русского либерализма, внесший фундаментальный вклад в объяснение логики мирового исторического процесса, в частности, обществ незападного типа развития, начавших осмысление своей идентичности после русской революции. В-третьих, критический анализ либеральной традиции в период холодной войны, который преследовал вполне прагматическую цель – определить устойчивость Советской системы и перспективы ее трансформации: с одной стороны, предельно негативная советская интерпретация либерализма как враждебного, идеологически чуждого явления, упоминания о котором должны были лишь оттенить правильность стратегического выбора большевизма; с другой, позитивная, но (за отдельными исключениями) окрашенная ностальгически-пренебрежительным отношением западная интерпретация данного феномена как понятного, хотя и неукоренившегося, поверхностного явления, транслирующего западные ценности в чужеродной социальной среде, не способной воспринять их. В-четвертых, «романтическая» интерпретация либерализма периода крушения советского строя и формирования постсо-

ветской государственности, связанная с решением задач переходного периода: в ее основу была положена не классическая русская либеральная традиция, оказавшаяся эффективно удаленной из общественного сознания в советский период, но та версия экономического неолиберализма, которая получила распространение в США и Западной Европе в 70-е гг. XX в. («Чикагская школа»), действительно обеспечив там технологический рывок к обществу благосостояния. Нет спору, что она предлагала ряд рецептов выхода из тупика советской плановой экономики. Вопрос в эффективности этих рекомендаций в ситуации тотального монополизма и бюрократизации всех проявлений общественной инициативы. В-пятых, корректировка представлений о либеральной модели в постсоветский период, связанная с трудностями и издержками рыночных реформ, осознанием системных особенностей постсоветского общества и обращением к долговременным трендам российской истории нового и новейшего времени. В этом контексте оказались востребованными исследования дореволюционного либерализма – от осторожного интереса к данной проблематике в позднесоветский период – к ее интенсивной разработке на современном этапе.

Сочетание этих пяти стратегий интерпретации либерализма до сих пор не завершилось их синтезом – созданием целостного образа русского либерализма в общественном сознании, которое попрежнему мечется между различными семантическими и политическими трактовками данного феномена, особенно, с учетом широкого спектра его вполне конъюнктурных трактовок. Если для одних либерализм есть идеология демократического процесса, то для других – неорганичное (заимствованное с Запада) течение мысли, которое, к тому же, объявляется ответственным за катастрофу Российской империи и распад СССР. Если одни понимают либерализм как научную теорию, имеющую четкое концептуальное ядро, то другие – скорее как совокупность достаточно размытых культурных стереотипов, определяющих социальное поведение части общества (интересно появление понятия «неполитического либерализма», раскрыть которое стремятся на материале литературной классики, в силу жанровых особенностей отражающей, впрочем, не столько норму, сколько патологии социального развития)[1]. Либерализм ассоциируется одними с освободительным движением в цар-

[1] Давыдов А.П. Неполитический либерализм в России. М., 2012.

ской России, другими – с практикой экономических реформ постсоветского периода, издержки которых возлагаются на либералов-реформаторов 90-х гг. XX в. Этот последний вектор интерпретации доминирует в официальной риторике, подкрепляемой псевдолиберльным китчем – насаждаемым образом либерала, готового отвергнуть патриотизм (в виде достойного ответа на западные санкции) ради поддержания собственного благополучия – высокой моды, устриц и сигар. Наконец, одни готовы к профессиональному обсуждению вклада русского исторического либерализма в политическую культуру современного общества, другие – нет, предпочитая воспроизводить упрощенные (и во многом карикатурные) штампы о маргинальности русского либерализма, транслируемые в современных СМИ.

В современной общественно-политической дискуссии принципиальную роль играет факт поражения русского либерализма в ходе революции 1917 г., рассматривающийся критиками едва ли не как окончательный приговор ему. Выдвинутый нами тезис о «вынужденных ошибках» либералов в русской революции был истолкован как признание несостоятельности концепции вариативности революционных процессов и возможности их иного исхода[1]. Отметим, что понятие «вынужденности» в нашей интерпретации есть переменная, зависящая от объема информации, которым располагает социальное движение или его лидеры: ее степень определяется, следовательно, не механическим детерминизмом в принятии решений, а способностью их корректировки в зависимости от степени понимания ситуации и оценки рисков. Вариативность (если понимать ее как выбор, связанный с объемом используемого информационного ресурса), на наш взгляд, как раз и предполагает вынужденные ошибки. Если деятель X использует информационный ресурс A, а деятель Y использует ресурс B, то можно предположить появление деятеля Z, который располагает комбинированным ресурсом (A+B). Это значит, что он может предложить решение, которого не могут предложить по отдельности X и Y. Границы выбора (степень его свободы или, напротив, его «вынужденность») есть функция от объема информации, в данном случае – наличия или отсутствия знаний, исторического опыта и технологий преодоления политических кризисов в пользу либерализма. В этом смыс-

[1] Клямкин И. Какая дорога ведет к праву? М., 2018. С. 247-250.

ле, «вынужденные» ошибки либералов в России 1917 г. перестают быть таковыми при разрешении подобных кризисов в иной когнитивно-информационной парадигме – с использованием другого информационного ресурса, в других условиях, странах, периоды времени или набора руководящих деятелей.

Интерес к либерализму в современном российском обществе (в отличие от эпохи Перестройки и реформ 1990-х гг.) едва ли выходит за академические рамки. В современной историографии решены вопросы эвристического характера: реконструированы основные идейные истоки, программные документы, политические партии, взгляды лидеров русского либерализма, представлены фундаментальные публикации документов либерального движения, труды его идеологов (в т.ч. эмигрантского периода), монографии об эволюции философских, политических и конституционных взглядов либеральных мыслителей и их роли в борьбе за правовое государство в России[1]. «Муромцевские чтения» сыграли в этом очень важную роль. Дело, следовательно, не в недостаточной исследованности вопроса: в обозримой перспективе вряд ли получим результаты, принципиально меняющие сложившуюся картину.

Проблема – в том, что эти исследования до сих пор не переведены в систему рекомендаций, принятых обществом и политической элитой как руководство к действию. Если суммировать причины этого, то они схематично сводятся к следующим: апатия постсоветского общества (и невосприимчивость к рекомендациям научного сообщества); отсутствие в нем полноценной политической конкуренции (заставляющей критически взвешивать аргументы в межпартийном споре); возобладавший запрос на стабильность (как системная реакция на распад государства дважды в течение XX в.); доминирование консервативно-авторитарного тренда в информационной и политической повестке. Эти факторы, дополняемые официальной трактовкой либерализма (как правило, отождествляемого с неолиберализмом в его либертарианской версии) как потенциально деструктивного течения, возможно, достигают цели поддержания лояльности общества к власти в краткосрочной пер-

[1] Результаты этих исследований отражены в энциклопедических изданиях: Общественная мысль России XVIII-начала XX вв. М., 2005; Общественная мысль русского зарубежья. М., 2009; Российский либерализм середины XVIII - начала XX века. М., 2010.

спективе. Но они (как показывает исторический опыт) не могут обеспечить устойчивого демократического развития в длительной перспективе, ведут к стагнации общественного развития, лишая политическую систему гибкости перед лицом внешних и внутренних вызовов.

Итак, смысл либеральной позиции в современном российском обществе очевиден: он вытекает из представления об обществе как сложной саморегулирующейся системе, вмешательство в которую извне (напр., со стороны национального государства или внешних сил) может быть оправданно лишь для установления четких правовых правил функционирования норм, институтов и социальных практик, направленных на раскрытие потенциала свободы общественных инициатив и творческой энергии личности. Это вмешательство может быть большим (там, где эти нормы, институты и практики находятся на стадии формирования) или меньшим (там, где они существуют и дело идет о поддержании их бесперебойного функционирования). Граница между этими двумя состояниями общества достаточно четко фиксирует задачи государства в процессе социальных изменений, проводя водораздел между двумя идеальными типами либерализма – условно «западным» и «незападным».

Задачи либерализма везде остаются сходными – создание условий для устойчивого демократического развития (секуляризация, преодоление экономического, социального и политического монополизма, обеспечение равенства перед законом и защита прав личности), но шкала приоритетов (в т.ч. в трактовке принципов плюрализма, демократии и защиты отдельных прав), внешнеполитическая доктрина (представления о государственных интересах и необходимых для этого союзах), тактика и инструменты достижения этих задач могут (и должны) быть различны с учетом различий между развитым гражданским обществом и отстающим в развитии, между стабильной политической демократией и той, которая только начинает преодолевать тоталитаризм, между странами, уже прошедшими весь цикл модернизационных реформ и теми, которые не завершили его, но вынуждены сделать это в ограниченный промежуток времени, заимствуя институты и добиваясь их адекватного функционирования.

В условиях глобализации эта схема нуждается в корректировках, связанных с выходом общества за рамки европоцентризма

(полноценным включением в игру новых регионов мира, ранее существовавших на периферии исторического развития), изменением структуры информационного ресурса (возможность непосредственного обмена информацией, минуя все стадии ее постепенного исторического освоения в режиме догоняющего развития), формированием мирового гражданского общества. Здесь необходима особая концепция и стратегия преобразований, связанных, с одной стороны, с созданием равноправных условий интернационального диалога и закреплением общих ценностей и критериев оценки их реализации; с другой – преодолением национального и культурного изоляционизма (устойчивых социальных и когнитивных стереотипов в данном обществе), с третьей – продвижением новых ценностей, институтов и практик правового регулирования. Контуры именно такой концепции были предложены российским историческим либерализмом рубежа XIX-XX вв. и она вполне адекватна задачам XXI в.

Это делает оправданным вывод о существовании единой российской либеральной традиции, преемственности между классическим либерализмом и современным – они сходны в теоретических основах и целях, но различны в способах и тактических методах их достижения в принципиально разных социальных условиях. По результатам этого анализа предлагаем ввести для их обозначения два новых понятия – «исторический либерализм» (охватывающий имперский период) и «актуальный либерализм» – его современная версия, основанная на научной адаптации классического наследия к решению задач современного общества. Неизбежное осознание российским гражданским обществом своих интересов (как автономных по отношению к государственной власти) делает актуальным запрос на перемены, а, значит, необходимой программу фундаментальных либеральных преобразований, опирающуюся на свободный образ мышления.

К.А. Соловьев[1]

ПОЭТИКА РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

В начале XX столетия П.Н. Милюков, рассуждая о политическом будущем России, вспомнил о древнеримской легенде, посвященной пророчице Сивилле, которая предложила царю Тарквинию Гордому купить книгу судеб. Скаредный царь не желал платить много и надеялся на уступки со стороны прорицательницы. Но он жестоко ошибался. Пророчица твердо стояла на своем. Вместо того, чтобы сбросить цену, она бросила в огонь часть книги, продолжая настаивать на той же сумме. Тарквиний упирался. Сивилла бросила в огонь новые свитки. Цена оставалась неизменной. В итоге римскому царю пришлось идти на уступки, выплатив Сивилле надлежащую сумму и при этом получив лишь часть книги[2].

Пересказывая эту историю, хорошо известную любому выпускнику классической гимназии, Милюков делал прозрачный намек: с историей не стоит торговаться. Она получает то, что требует. Попытка навязать ей свою волю может лишь непоправимо ухудшить ситуацию. Таким образом, будущий лидер партии кадетов подчеркивал неминуемость судьбы – а, значит, и политической реформы. Правительству не следовало хвататься за прошлое. В противном случае оно рисковало потерять существенно больше.

Со статьей Милюкова внимательно ознакомились в «высших сферах». Ее читал и министр внутренних дел В.К. Плеве, большой «ценитель» нелегальной прессы и, в частности, журнала «Освобождение». Он никак не соглашался с главными выводами историка и публициста. По его мнению, нельзя уступать под давлением обстоятельств. Это дорога в никуда. Любая уступка предваряет другую, новую. Сделав первый шаг навстречу оппоненту, нельзя остановиться на полпути. Приходится отступать все дальше и уступать все больше – вплоть до окончательной капитуляции. Имея в виду это соображение, Плеве настаивал на том, что именно правительство должно формировать повестку общественного обсуждения. Оно должно не плестись в хвосте требований оппозиции, а

---

[1] *Соловьев Кирилл Андреевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института российской истории РАН.*

[2] ГА РФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 460. Л. 31.

навязывать ей собственное понимание перспектив развития страны. Представление о вредоносности уступок вполне разделял император, о чем свидетельствовала и резолюция, наложенная на записку Плеве[1].

В данном случае были представлены два принципиально разных видения будущей революции, которую пророчили в разных углах России начала XX столетия. И в одном, и в другом случае революция рассматривалась как вполне вероятная и даже, может быть, неминуемая перспектива. Однако для Плеве это, прежде всего, определенное состояние умов, которое можно попытаться контролировать. Это вполне по силам правительству, которое при проведении разумной политики имеет шанс сохранить за собой интеллектуальное лидерство и политическую инициативу. В сущности, министр внутренних дел ставил вопрос о работе с общественными настроениями, о попытке влияния на них[2]. Для него революция – это болезнь, которую можно и нужно лечить.

Милюков мыслил, писал, действовал в рамках совсем иной образной системы. Для него революция – это, прежде всего, стихия. Это обстоятельство непреодолимой силы. С ней нельзя договориться. Ею нельзя руководить. Вместе с тем, можно угадать направление ветра в надежде, что волна подхватит и вынесет наверх ту или иную политическую организацию. Зная законы социальной природы, можно выработать безошибочную тактику, взяв себе в союзники саму историю. «Тот, кто хочет управлять жизнью, прежде всего, не должен ее бояться и во всяком случае не должен ей ставить преграды, иначе он будет сметен с дороги. Надо верить в то, что жизнь сама сумеет отстоять себя и найдет для своих страстей, для сталкивающихся интересов, для неразрешенных проти-

---

[1] Там же. Л. 31. Примечательно, что некоторые представители либеральной мысли вполне соглашались с доводами В.К. Плеве. Например, князь П.Д. Долгоруков писал в 1904 г.: «Всякие уступки и колебания гибельны для существующего режима: он держится и может еще некоторое время держаться только насилием, внушающим страх. Официальный либерализм в пределах существующего политического status quo ничего не даст и не может дать русскому обществу, ибо самые скромные минимальные требования либеральной программы, например, свобода печати или общественных собраний – несовместимы с самодержавием и потому не могут быть им осуществлены» (Долгоруков П.Д. Исторический урок // Освобождение. 1904. № 57. С. 18).

[2] См.: Соловьев К.А. В.К. Плеве: несостоявшийся реформатор // Проблемы реформирования России на рубеже XIX-XX вв.: к столетию со дня смерти С.Ю. Витте: Сб. ст. СПб., 2018. С. 149-164.

воречий самый разумный исход, если ей дадут возможность самой искать, размышлять и сравнивать. Вместо этого, всему этому житейскому морю хотят противопоставить преграду, и удивляются, что волны разбивают камни и что каждый день приходится сызнова, без всякой пользы и без надежды на успех, вновь начинать Сизифову работу»[1].

Это важнейшая компонента политической «поэтики» русского либерализма начала XX в. К такой образной системе прибегали многие конституционные демократы. Как писала газета «Право» 9 января 1906 г., вспоминая годовщину «Кровавого воскресенья»: «Насущная задача заключается вовсе не в том, чтобы бороться с крайними партиями, которые сами захвачены стихией, а бороться с этой последней; борьба же со стихией возможна не противопоставлением ей плотин, которые, как показали многочисленные опыты, раньше или позже непременно будут смыты, – а, напротив, устранением тех препятствий, которые превращают величавое течение в бешеный поток, смывающий на своем пути без разбору все, что не встретится»[2]. О могучем потоке, сметающем все на своем пути, писали и потом. «Нужно внести народное движение в берега, дать ему правильное течение, внести сознательность, планомерность», – утверждал депутат Первой Думы из фракции кадетов П.А. Сафонов[3]. «Мы, несомненно, накануне страшных событий, если не произойдет резкого поворота правительственной политики. Теперь уже выясняется, что закрытием Таврического дворца историю Думы нельзя считать завершившейся. Мы стоим снова в ожидании таких потрясений, о последствиях которых страшно и мыслить»[4]. Эти строки из газеты «Речь» 11 июля 1906 г., опубликованной два дня спустя после роспуска Первой Думы. Как известно, он, вопреки многочисленным прогнозам и ожиданиям, не вызвал соци-

---

[1] Милюков П.Н. Итоги избирательной кампании // Вестник народной свободы. СПб., 1907. № 8. Стб. 517. «Конституционно-демократическая партия верит в то, что установление в России той конституции, главные лозунги которой партия пишет на своем знамени, властно диктуется самой историей и потому должно рано или поздно осуществиться: ни больше, ни меньше, не может успокоить потрясенную страну», – писал Н.И. Кареев (Кареев Н.И. К вопросу об учредительных функциях Государственной думы // Вестник Партии народной свободы. 1906. № 3. Стб. 148).

[2] Из итогов // Право. 1906. № 1. С. 6.

[3] Государственная Дума первого созыва: Стенографический отчет: В 2 т-х. Т. 1. СПб., 1906. С. 95; См. также: Езерский Н. Государственная Дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 144.

[4] Речь. 1906. 11 июля. С. 1.

альной бури или политического катаклизма. Это повергло в недоумение либеральную общественность. Подводя итоги бурной первой половине 1906 г., князь Е.Н. Трубецкой писал в редактируемом им «Московском еженедельнике»: «В действительности у нас не затишье и не буря, а мертвая зыбь. Мы видим разрозненные волны, которые несут без направления и без цели. Неизвестно, какой ветер и куда их гонит. Определенного ветра вообще не чувствуется; нет того общего стремления, которое бы объединило разбушевавшуюся стихию»[1]. Иными словами, кораблю предрекали крушение, а его ожидал штиль. И впоследствии к «морской теме» кадеты обращались не раз. В 1907 г. М.М. Винавер, описывая прошлогодние события, отмечал, что к роспуску в Первой Думе серьезно не готовились, так как депутаты были уверены, что «когда грянет буря кто-то за Думу постоит и народное представительство выйдет из борьбы еще крепче»[2].

За этими метафорами кроется особое понимание логики политического процесса, которое не подразумевает диалога и компромисса. Оно изначально нацелено на конфликт и противостояние. Если знать истину (а что может быть более достоверным, нежели законы природы?) – не стоит в важном уступать заблуждающимся. В лучшем случае, стоит использовать их как временных попутчиков, чья близорукость может быть даже на определенном этапе полезна. В этом лишний раз сказывалась идеологоцентричность политического процесса в России начала XX в. Интеллигентские партии (коими были практически все политические объединения в стране того времени) строились вокруг общности взглядов, а не интересов. Это сильно ограничивало возможности для политической торговли: все-таки политические идеалы не должны были стать разменной монетой, в то время как именно из комбинации интересов в западноевропейских парламентах складывались политические союзы и альянсы.

---

[1] Трубецкой Е.Н. Мертвая зыбь // Московский еженедельник. 1906. № 26. С. 3.

[2] Винавер М.М. Конфликты в первой Думе // Первая Государственная Дума: В 3 вып. Вып. 1. СПб., 1907. С. 184. Либералы сравнивали революцию со стихией – и не обязательно с бурей или морским штормом. Часто вспоминались неконтролируемые лесные пожары, которых не остановить усилиями правительственных учреждений. «Можно тушить пожар, пока он вспыхивает в одном – двух местах, но если он вспыхивает в бесконечном количестве мест, тушить его не хватает никаких сил, да и пожарные могут отказаться от своего дела», – писал Д.Д. Гримм в 1905 г. (Гримм Д.Д. Наше политическое положение // Право. 1905. 15 апреля. Стб. 1168).

В этом отношении российские либералы мало отличались от своих оппонентов слева и справа. И те, и другие признавали лишь за собой монополию на истину. Либералы в этом также мало сомневались. И все же важнейшая особенность либерального видения политики того времени иного свойства. В основе его лежало представление о строгом детерминировании исторического процесса. Иногда его можно несколько ускорить, иногда – иначе «канализировать», но никогда – обратить вспять. В рамках такого взгляда на будущее страны, развитие институтов правового государства и гражданского общества рассматривалось как неизбежность, обусловленная эволюцией общественного правосознания[1]. Такого рода подвижки – не выяснить путем опросов или даже голосования. Едва ли можно рассчитывать на массовую компетентность в вопросах государственного строительства. Существенно более важными были представления, доминировавшие в интеллектуальной среде, политический язык, навязывавший собственную модель мышления и даже выводы тем, кто им пользовался[2]. В соответствии с этой логикой, политический выбор так или иначе осуществляется интеллектуалами, среди которых было немало сторонников либеральных взглядов.

Действительно, в этом пространстве представители либеральной мысли чувствовали свою большую силу[3]. Даже их непримири-

---

[1] Соловьев К.А. Политическая культура // Очерки русской культуры. Конец XIX-начало XX вв. Т. 2: Власть. Общество. Культура. М., 2012. С. 126-127.

[2] В соответствии с теоретическими построениями либералов, революция – это, прежде всего, разрушение прежней государственно-правовой системы и замещение ее новой. Подобная ситуация возникала тогда, когда правосознание населения принципиально расходилось с действующими законодательными нормами и не было возможности привести их в соответствие. Тогда действующая власть неизбежно теряла свой авторитет и лишалась всякой возможности контролировать ситуацию. «Неудовлетворенное общественное правосознание ищет себе иного выхода помимо существующей законодательной власти и создает новое право через посредство иных органов или существовавших ранее, но не обладавших законодательной властью, или совершенно новых, созданных общественным движением. Эти органы провозглашают новые юридические нормы, которые санкционируются в той или иной форме общественным мнением и этим путем превращаются из выражения правосознания отдельных лиц в положительное право» (Кокошкин Ф.Ф. Лекции по общему государственному праву. М., 2004. С. 106).

[3] Не раз повторяющимся постулатом либеральной тактики было утверждение, что политическая борьба заключается, прежде всего, в формировании и организации общественного мнения. Общественное мнение, согласно этой точке зрения, есть основная опора существующего режима, права, организации власти. Как писал ведущий специалист партии кадетов в вопросах права Кокошкин, власть покоится, преж-

мые критики из стана социалистов или правомонархистов вынужденно перенимали язык либералов, говоря о гражданских и политических свободах. Ведь им также надо было отстоять свое право на свободу собраний, слова и печати[1]. Одним лишь фактом своего

де всего, на системе общественного признания, а общественное мнение есть первейший регулятор правовой системы. Но это положение будет похоже на магическое заклинание, лишенное всякого практического смысла, если проигнорировать его приложение к реальной политике, которое также обосновывалось юристами-либералами.

Для того, чтобы высокие фразы обрели плоть, необходимо найти им воплощение в существующей практике. Иными словами, что есть общественное мнение? По мысли Кокошкина, П.И. Новгородцева, С.А. Котляревского, М.Я. Острогорского, общественное мнение материализовывалось в виде материалов прессы, позиции авторитетного института власти или партии или же общественной организации. Причем газеты или депутаты, как это обосновывал Новгородцев, выражают свое собственное мнение, которое лишь претендует на то, чтобы быть признанным общественным, всеобщим. И в той мере, в какой эти точки зрения соответствуют духу времени, они находят признание в обществе или же, наоборот, отвергаются им. «Народная воля на практике есть даже не воля большинства, а воля тех, кому удается заставить принимать себя за большинство», – вспоминает Новгородцев слова Д.С. Милля.

Позиция, которая как раз находится в согласии с идеями, циркулирующими в обществе, пассивно принимается большинством, не готовым самостоятельно вдумываться в текущую политическую обстановку и принимать необходимое решение. Вместе с тем духовная жизнь страны концентрируется именно вокруг общественного мнения, которое, таким образом, оказывает влияние на стереотипы мышления и эмоциональное состояния общества.

Следовательно, особая роль выпадает тем институтам, которые претендуют на право выражать общественное мнение. Если же быть более точным, интеллигенции, эти институты представляющей. Но она вовсе не гегемон общественного движения: это совершенно противоречит самой природе общественного мнения. Ведь не стоит упускать из виду психологический момент, что говорящий от имени общества уверен, что он говорит от имени общества, несмотря на то, что в действительности он выражает исключительно собственную точку зрения. Иначе говоря, интеллигенция, представляющая институты власти, партии, периодические издания, выражает или, по крайней мере, пытается выражать позицию всего общества. В конце концов, признанное общественное мнение – это как раз то, что соответствует духу времени и насущным потребностям всего общества как единого целого (Новгородцев П.И. Введение в философию права. СПб., 2000. С. 120).

Это построение предполагает для интеллигенции роль политического класса, благодаря которому современное общество осуществляет свои политические функции. Интеллигенция осуществляет преобразование неосознанных нужд сложившегося общежития в рациональные политические формы, способствующие эффективному управлению социумом.

[1] Так, избирательная платформа Союза русского народа, принятая в сентябре 1906 г., включала положение о гражданском равноправии всех российских подданных, за исключением евреев (Правые партии: Документы и материалы, 1905-1910. Т. 1. М., 1998. С. 191). В избирательной платформе Союза русского народа, составленной перед выборами во II Думу, говорилось: «Свободы, дарованные по воле монаршей, Манифестом 17 Октября 1905 г. ко благу русского народа, должны быть

существования они защищали либеральный тип политической борьбы и организации.

Язык либерализма втягивал в себя сторонников самых разных взглядов. И речь идет отнюдь не только о риторических фигурах. За этим стояло особое понимание либеральной политики, которая лишь оттеняется, благодаря позиции ее противников. Для Плеве-политика – это своего рода торговля – с оппонентами, с историей, с судьбой. Он верил в возможность управления ситуацией, которая в каждый момент времени – результат сложного баланса сил. Он, так или иначе, может быть изменен – в том числе, и благодаря усилиям правительства. Милюков предлагал принципиально иное видение проблемы. Для него политик – это штурман на лодке в бушующем море. Он не может изменить направление ветра или высоту волн. Его задача – соответствовать привходящим обстоятельствам, что только и дает шанс на выживание[1].

Из этих умозаключений может последовать ложный вывод: будто бы либералы полагали весьма скромной роль политиков в государственной жизни страны. Ситуация была прямо противоположной. Либеральный политик ставил себе на службу стихию, практически отождествляя себя с ней. Он был историческим оптимистом, не сомневавшимся в своей правоте, а значит, и в окончательной победе. Зная законы природы, он должен был подчинить себе клокочущую материю, придавая ей стройность и упорядоченность. Как писал П.Б. Струве, «политик должен исходить из предположения, что он может и должен овладеть движением, ибо если он в это не верит, ему как политику нужно… ложиться спать. И несомненно, что жизнь направится по среднему пути компромисса между непокор-

---

ограничены законами, ограждающими личность, общество и государство от злоупотреблений или частных лиц и нарушений их со стороны должностных лиц и учреждений, выразятся ли эти нарушения в превышении или в бездействии власти» (Там же. С. 278-279). Схожие вопросы становились предметом обсуждения и левых радикалов. В программе социал-демократов в числе ближайших политических задач называлось установление демократической республики; введение всеобщего, равного, тайного и прямого голосования в законодательное собрание; расширение сферы компетенции органов местного самоуправления; провозглашение и защита гражданских прав человека (неприкосновенности личности и жилища, свобода слова, совести, печати, собраний, стачек, союзов, передвижения) (Меньшевики: Документы и материалы, 1903-февраль 1917 гг. М., 1996. С. 30-31). Иначе говоря, речь шла о правовых предпосылках формирования гражданского общества.

[1] Miliukov P.N. Russia and it’s crisis. Chicago, 1905. P. 564.

ными силами стихийного процесса и сознательными политического строительства»[1].

Д.В. Тимофеев[2]

ИСТОРИЯ РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА XIX СТОЛЕТИЯ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ПОНЯТИЙ: ПРИНЦИПЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ[3]

В работах по истории российского либерализма одним из центральных вопросов, вызывающих научные дискуссии как в среде отечественных, так и зарубежных исследователей, является вопрос о времени адаптации либеральных идей в России и корректности утверждения о существовании национальных моделей либерализма в различных странах мира[4]. В поисках ответа на эти вопросы одни исследователи пытаются конструировать универсальный «эталон» либерализма, а другие, напротив – предлагают собственные определения сущности политических идеологий, которые в наибольшей степени соответствовали бы исследуемой ими исторической реальности. Однако такой сценарий «универсализма» или «умножения» определений либерализма не только не способствует, но и во многом затрудняет выявление всего спектра позитивных и негативных реакций современников изучаемого времени на возникновение в публичном пространстве дискуссий о границах личной свободы индивида, его роли в развитии общества и характера взаимоотноше-

---

[1] Струве П.Б. Как найти себя // Освобождение. 1905. № 71. С. 337.

[2] *Тимофеев Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (ИИиА УРО РАН), профессор кафедры истории России Уральского Федерального университета.*

[3] *Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 16-31-00007-ОГН.*

[4] См., например: Либерализм в России / Под ред. В.Ф. Пустарнакова. М., 1996; Нарский И.В. Российский либерализм в европейском и национальном контексте (историографический парадокс) // История национальных политических партий в России. М., 1997. С. 335–355; Шелохаев В.В. Дискуссионные проблемы русского либерализма в новейшей отечественной литературе // Вопросы истории. 2007. № 5. С. 3–16; Шелохаев В.В. Общественная мысль России: теоретико-методологические проблемы ее изучения // Вопросы истории. 2010. № 6. С. 37–53; Berest J. The emergence of Russian liberalism: Alexander Kunitsyn in context, 1783–1840. New York, 2011; Bell D. Remaking the World: Essays on Liberalism and Empire Princeton UP, 2016.

ний с государством и согражданами. Все это, на мой взгляд, обуславливает необходимость поиска более «тонких» инструментов исследования, которые позволяли бы следовать не заранее определенной схеме по поиску либерализма даже там, где он, как система социально-экономических, политических и морально-этических принципов, еще не сформировался, а выявлять особенности взаимовлияния различных идей, традиций, стереотипов поведения в процессе формирования элементов либерального мировоззрения в общественном сознании изучаемого периода времени.

Принципиально важным такой подход представляется в условиях, когда заимствованные извне либеральные идеи еще не получили доктринальную четкость и воспринимались фрагментарно посредством чтения работ известных экономистов или правоведов. Такое знакомство, безусловно, стимулировало сопоставление содержания теоретических постулатов с окружающей действительностью как в России, так и в странах Европы, что обусловило формирование у образованной части общества стремления к составлению разнообразных проектов преобразований, призванных хотя бы частично устранить очевидные несоответствия между идеалом и действительностью. Конечно, как показывают многочисленные исследования по истории общественной мысли России и правительственного реформизма XIX в., большая часть таких проектов оставалась не востребованной, но принципиальное значение для истории российского либерализма имеет не степень реализации задуманного, а то, как современники формулировали свои предложения, каким образом они аргументировали необходимость их реализации. В данном контексте внимание историка должно быть направлено не только на то, что предлагал автор того или иного проекта, доклада, журнальной статьи или публичного выступления, но и какое смысловое наполнение приобретали понятия «свобода», «собственность», «закон», «конституция» и др. понятия социально-политического лексикона. Сопоставление позитивных и негативных контекстов их употребления, выявление риторических приемов, используемых современниками для смещения смысловых акцентов, известных ранее, и интерпретации содержания новых, заимствованных из иной языковой среды концептов, – все это позволит выявить особенности трактовок системообразующей для либерального мировоззрения идеи свободы личности и ее производных в

текстах исторических источников. При таком подходе перед исследователем открывается перспектива объяснения, почему российские сторонники либеральных идей, заявляя о своей приверженности идеалам свободы, неприкосновенности частной собственности и верховенства закона, допускали разнообразные исключения из общих правил и не видели противоречий в собственных суждениях, например, о характере взаимоотношений индивида и государства, целесообразности дифференциации гражданских прав и т.п.

В современной историографии целесообразность обращения к историко-понятийному анализу как к методу исследования процесса формирования групповых конвенциональных соглашений о содержании концептов, используемых современниками изучаемого времени в процессе дискуссий по наиболее важным социально-политическим, экономическим и религиозно-этическим вопросам, не вызывает сомнений. Подтверждением этого являются тематические сборники по истории понятий[1], перевод на русский язык избранных статей из фундаментального словаря «Основные исторические понятия. Исторический словарь общественно-политического языка в Германии»[2], а также работы А.Б. Каменского, О. Хархордина, М. Одесского, Д. Фельдмана, С.В. Польского, Е.В. Каменева, М.А. Киселева, А.Т. Бикбова, Г.В. Дуриновой, К.Д. Бугрова, Е.Н. Марасиновой и др. исследователей по истории общественно-политической мысли России XVIII–XX вв.[3] Примени-

---

[1] Понятие государство в четырех языках. Сб. ст. под ред.О. Хархордина. СПб.; М., 2002; Исторические понятия и политические идеи в России XVI-XX века: Сб. науч. работ. СПб., 2006; Очерки исторической семантики русского языка раннего нового времени. М., 2009; История понятий, история дискурса, история метафор / Сб. ст. под ред. Х.Э. Бедекера. М., 2010; «Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Т. 1–2. М., 2012; Эволюция понятий в свете истории русской культуры. М., 2012.

[2] Словарь основных исторических понятий: избранные статьи в 2-х т. М., 2014.

[3] Каменский А.Б. Подданство, лояльность, патриотизм в имперском дискурсе России XVIII в.: исследовательские проблемы. М., 2007; Хархордин О. Основные понятия российской политики. М., 2011; Одесский М, Фельдман Д. Поэтика власти. Тиранборчество. Революция. Террор. М., 2012; Польской С.В. Концепт «монархия» и монархическая риторика в России XVIII века // Вестник РГГУ. Сер. «Культурология. Искусствоведение. Музеология. 2012. № 11(91). С. 11–19; Каменев Е.В. Концепт «закон» в мировоззрении декабристов // Россия XXI. 2013. № 6. С. 74–103; Киселев М.А. Форма правления и социальная иерархия в российской политической мысли XVII четверти XVIII века // Исторический вестник. 2013. № 6(153). С. 18–52; Бикбов А.Т. Грамматика порядка. Историческая социология понятий, которые меняют нашу реальность М., 2014; Дуринова Г.В. Русский социально-политический язык: «Наказ» Екатерины II. Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21. Управление (государство и общество).

тельно к истории российского либерализма, значительный познавательный потенциал историко-понятийного подхода был продемонстрирован в фундаментальной энциклопедии «Российский либерализм середины XVIII – начала XX века», важным структурным элементом которой, наряду с информацией о либеральных газетах и журналах, биографических статьях о жизни и деятельности русских либералов, были также статьи, посвященные эволюции значений основных понятий либерального лексикона. В предисловии к данному изданию В.В. Шелохаев, объясняя читателям важность такого подхода, писал: «Специальное обращение к анализу содержательной составляющей понятий и их меняющейся сложносоставной структуры позволяет комплексно и поэтапно проследить логику генезиса, формирования и эволюции собственно российского либерализма, показать качественные приращения, произошедшие в нем со 2-й половины XVIII до 30-х гг. XX в.»[1]

Наиболее перспективным вариантом решения обозначенной задачи может стать обращение к методологическим установкам современной «истории понятий», теоретические рамки которой были выработаны в процессе дискуссий между сторонниками немецкой школы «Begriffsgeschichte», основоположником которой был Р. Козеллек, и англосаксонской школы «History of Concepts», сформировавшейся под влиянием работ Дж. Покока, Кв. Скиннера и их последователей в различных странах мира[2]. В общем виде, не акцентируя внимание на имеющихся разногласиях между представи-

---

2015. № 1. С. 3–13; Бугров К.Д. Инструментарий истории понятий и его применение в изучении политической истории России XVIII века // Известия УрФУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2017. Т. 19. № 1(160). С. 160–176; Марасинова Е.Н. «Закон» и «гражданин» в России второй половины XVIII века: очерки истории общественного сознания. М., 2017.

[1] Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 5.

[2] См., например: Козеллек Р. Введение (Einleitung) // Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2 тт. М., 2014. Т. 1. С. 23–44; Pocock J. G. A. Politics, Language and Time. Essays in Political thought and History. London, 1972; Скиннер К. Коллингвудовский подход к истории политической мысли: становление, вызов, перспективы // Новое литературное обозрение. 2004. № 66. С. 55–66. Наряду с Германией и Великобританией, «история понятий» является основой для исследователей в Нидерландах (М. Ванн Гелдереном), Италии (М. Вироли), Финляндии (Т. Пулккинен), Франции (М. Пёше, Ж. Гийом).

телями этих направлений[1], важно отметить их общую нацеленность на изучение взаимосвязей социальной реальности, языка и коммуникативных действий, которые были одноименно и отражением, и фактором изменений в общественном сознании.

Использование методологических наработок «истории понятий» в исследованиях по истории либерализма России XIX в. обусловливает необходимость их конкретизации. Прежде всего, на мой взгляд, необходимо четко сформулировать принципы формирования источниковой базы исследования, которые позволили бы выявить значение и цели употребления основных социально-политических понятий в текстах российских авторов не только на уровне проектов и записок выдающихся государственных и общественных деятелей, но и в более широком публичном пространстве. С этих позиций, одним из основополагающих принципов историко-понятийного анализа должен быть *принцип разножанровости и сочетания текстов публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом*. Его реализация в конкретно-историческом исследовании предполагает дифференциацию источников по степени публичности и направленности на читателя на две группы. К первой следует отнести тексты, адресованные автором заранее известному читателю, на ответную реакцию которого он рассчитывал – проекты, доклады, особые мнения и записки, прошения и жалобы. Вторую группу источников с неопределенным адресатом образуют разнообразные по жанру публикации на страницах периодической печати, листовки и прокламации, учебные пособия, словари, литературно-публицистические произведения, законодательные акты (манифесты, указы) и т.п. тексты. Предлагаемая группировка источников позволяет сопоставить содержание, позитивные и негативные контексты использования социально-политических понятий для выявления отличий того, каким образом близкие по проблематике вопросы транслировалось на широкую читательскую аудиторию, и какие аргументы высказывались в текстах, ориентированных на достижение вполне определенного практического результата.

---

[1] На сегодняшний день существует множество историко-методологических обзоров, раскрывающих сходства и отличия «Begriffsgeschichte» и «History of Concepts», см. прим. выше.

Целесообразность такого сопоставления отчетливо прослеживается, например, при сравнении смысловых акцентов употребления понятий «свобода» и «рабство» в журнальных публикациях и недворянских проектах изменения правового положения частновладельческих крестьян в России первой четверти XIX в. Проведенный анализ журнальных публикаций о положении «невольников» в странах Африки, Северной и Южной Америки[1], историческом опыте отмены «рабства» в странах Европы[2], показал, что все подобные статьи содержали негативные оценочные суждения о «рабстве» как явлении, несоответствующем нормам христианкой морали, и признание того, что «свобода» для любого человека, вне зависимости от его социального статуса, является наивысшей ценностью. Одновременно с этим, российский читатель мог найти информацию о двух основных сценариях постепенного упразднения «рабства» в различных странах мира: предоставление «свободы» за денежный выкуп по инициативе или согласии владельца, либо как результат целенаправленной деятельности правительства по юридической регламентации прав и обязанностей подневольных работников. Описываемые в российских журналах случаи освобождения преподносились как отражение общемировой тенденции к постепенному искоренению «рабства», укрепление которой было связано с распространением «просвещения». При этом отмечалось, что в регионах с низким уровнем «просвещения» доминировал первый сценарий, а в странах Европы «свобода» работников возникала как результат реализации доброй воли верховной власти, поддержанной всеми группами населения. Именно такая логика была представлена на страницах журнала «Вестник Европы», опубликовавшего статью А.К. Шторха «Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях»[3]. В ней российскому читателю на примере относительно недавнего прошлого Дании, Австрии, Венгрии, Пруссии, Германии, Швеции, Великого Княжества Варшавского, «Соединенных Северо-

---

[1] Долго ли еще терпеть грабительства и жестокости африканских разбойников // Архив исторический и политический. СПб., 1818. С. 121–130; Взгляд на войну англичан с Ашантиями и на состояние английских поселений по золотому берегу // Сын Отечества. 1825. Ч. 102. № XV. С. 151–172.

[2] Взгляд на постепенный упадок рабства и крепостного состояния в Европе и ея колониях // Вестник Европы. 1819. Ч.106. № XIV. С. 138–147.

[3] Там же.

Американских областей», а также «колоний Датских, Английских, Французских» и землях «Испанской Америки» (Мексика), убедительно демонстрировалось, что наиболее распространенный и эффективный вариант искоренения «рабства» в современном мире – освобождение за выкуп по инициативе верховной власти. Таким образом, в текстах публичной коммуникации с неопределенным адресатом указанная трактовка понятия «свобода» актуализировала необходимость воспроизводства патерналистской модели государственного участия в решении крестьянского вопроса посредством законодательной регламентации взаимоотношений между помещиком и подвластными ему крестьянами.

Близкая, но не полностью тождественная трактовка понятия «свобода» была характерна для недворянских проектов отмены/смягчения крепостной зависимости крестьян. Одним из них был проект «О дозволении крестьянам выкупать самих себя» купца А.В. Ольхина (1771–1815). Автор предложил достаточно простую схему: частновладельческие крестьяне и дворовые люди в течение установленного срока (1 год и 3 месяца соответственно) после продажи имения новому собственнику получали приоритетное право выкупа «свободы» по цене, обозначенной в купчей крепости, даже в случае, если одновременно о желании выкупить объявляли родственники предыдущего владельца[1]. Однако оригинальность предложения Ольхина заключалась не в идее «выкупа на «свободу», а в том, что помещик не мог отказаться от продажи имения и освобождения крестьян.

Понимая, что реализация подобной схемы была возможна только в случае наличия у крестьян необходимых денежных средств, автор обозначил три основных сценария процедуры приобретения «свободы». Первый предусматривал самовыкуп крестьян за счет собственных «накоплений» и мог быть реализован зажиточными крестьянами. Второй вариант с небольшими дополнениями воспроизводил «договорной» сценарий освобождения, предписанный указом 20 февраля 1803 г., а третий – предусматривал возможность участия в выкупной операции «сторонних лиц», которые выплачивали за крестьянина установленную в купчей крепости сумму и все дополнительные платежи[2]. За исключением случаев,

[1] РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 400. Л. 70, 73, 74.
[2] Там же. Л. 73, 75, 76.

когда выкуп осуществлялся за счет родственников и «благотворителей», освобожденные «сторонними лицами» крестьяне должны были подписать особые контракты, в которых фиксировались финансовые обязательства между ними и людьми, заплатившими за их освобождение. С этих позиций, предлагаемый вариант «внешнего» выкупа крестьян на свободу становился бы законным способом приобретения рабочей силы теми, кто стремился к расширению производства, но не имел ранее соответствующих юридических оснований на покупку крепостных крестьян. Все это свидетельствует о стремлении автора предложить мягкий вариант перераспределения рабочей силы от дворян-помещиков в управление представителям других экономически активных групп населения.

В общем виде, сопоставление обозначенных текстов публичной коммуникации с определенным и неопределенным адресатом отражает очень важный аспект смыслового наполнения понятия «свобода» в России первой четверти XIX в. Одновременно с провозглашением несовместимости «рабства» с нормами христианской морали, понятие «свобода» было тесно взаимосвязано с понятием «собственность» и в рамках решения крепостного вопроса имело утилитарно-прагматические коннотации. При этом, вне зависимости от того, кто являлся бы инициатором освобождения – государство, помещик или любой «состоятельный гражданин», свобода не означала полной экономической независимости индивида, а трактовалась лишь как отсутствие насильственных действий со стороны других членов общества.

Предложенный выше пример наглядно показывает, что изучение истории российского либерализма как системы ценностных ориентаций не может ограничиваться сравнительно-контекстуальным анализом использования какого-либо одного понятия, даже если оно является центральным для либеральной идеологии, т.к. оно никогда не существует изолированно от других понятий. Анализ различных контекстов использования понятия «свобода» в российском социально-политическом и экономическом дискурсе первой половины XIX в. показал его взаимосвязь с понятиями «закон», «государство», и «просвещение», с помощью которых обосновывалась необходимость дифференциации гражданских и политических прав для каждой сословной, и даже внутрисословной, категории в зависимости от наличия у ее представителей

«собственности» и необходимой «степени просвещения»[1]. В такой трактовке «свобода» из естественно-правовой категории превращалась в условное понятие, а его содержание должно было определить государство. Все это, на мой взгляд, убедительно доказывает важность реализации в конкретно-исторических исследованиях *принципа системного анализа логических и ассоциативных взаимосвязей социально-политических понятий* в сознании современников изучаемого времени.

Еще одно условие для адекватного изучения процесса формирования либеральных взглядов в России XIX в. – сознательное ограничение историком исследовательского поля в рамках четко обозначенных хронологических и проблемно-тематических границ. В противном случае, стремление проследить эволюцию системы понятий от момента их зарождения до современности неизбежно приведет к «скольжению по поверхности исторической реальности». Такой масштаб исследования делает невозможным выявление особенностей аргументации, логических и ассоциативных связей, существовавших в общественном сознании относительно непродолжительный промежуток времени, ограниченный жизнью одного-двух поколений, в течение которого, как правило, происходит формирование и закрепление новых значений. Учитывая данное обстоятельство, изучение общественного сознания посредством обращения к «истории понятий» должно выстраиваться как вертикальная хронологическая последовательность горизонтальных срезов, на каждом из которых необходимо выявлять широкий спектр использования социально-политических понятий в процессе поиска современниками решения наиболее актуальных проблем. В первой половине XIX в. к таким проблемам относился так называемый крепостной вопрос, вопрос о способах повышения эффективности системы государственного и местного управления; модернизации российского законодательства и повышения конкурентоспособности российской экономики. При рассмотрении каждого из этих вопросов социально-политические понятия могли приобретать дополнительные коннотации и контексты. Именно поэтому еще одним принципом, которым, на мой взгляд, необходимо руководствоваться при

---

[1] См. подробнее: Тимофеев Д.В. Европейские идеи в социально-политическом лексиконе образованного российского подданного первой четверти XIX века. Челябинск, 2011.

изучении исторического опыта российского либерализма, является *принцип сфокусированного изучения системы понятий в рамках одного проблемно-тематического поля* с последующим сопоставлением особенностей трактовок понятий в других, одновременно существовавших проблемных полях. На практике это означает последовательное комплексное сопоставление того, как, например, понятие «гражданские права» трактовалось в текстах на сугубо экономические темы, и как изменялись смысловые акценты при его использовании в произведениях современников, размышлявших о необходимости политической модернизации систем государственного управления или перспективы освобождения крепостных крестьян.

Л.Г. Березовая[1]

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЛИБЕРАЛИЗМА В ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Революции в России начала XX в. были практической проверкой существовавших тогда идеологий. А эмиграция – жестокой проверкой тех же идей в «безвоздушном пространстве»: без государства, без политики, без партий, без общества. Практически осталось лишь интеллектуальное поле, где продолжали существовать и развиваться идеи и идеологии. Для либерализма, который является наиболее интеллектуальным продуктом, такая обстановка стала толчком дальнейшего развития.

В дореволюционной России либеральная идея имела ограниченный круг приверженцев. Личностное начало русской жизни, основанное на ценности свободы, и по своей сути, и по своему социальному «размещению» аристократично, уязвимо, зыбко и было полностью сметено революционной идеей равенства. Накануне революции в России либерализм развивался преимущественно как политическая идеология и политическое движение. На первый план выдвигались политические *методы*, инструменты, которые должны были обеспечить свободное развитие и бытование личности. Бер-

[1] *Березовая Лидия Григорьевна – доктор исторических наук, профессор.*

дяев писал: «Ваша религия общественности, социальности есть религия средств, а не целей»[1]. Идеология, в которой высшая ценность – духовная жизнь личности, не может увлечь массы, не может стать лозунгом, под которым побеждают революции. «Либерализм есть настроение и миросозерцание культурных слоев общества. В нем нет бурной стихии, нет огня, воспламеняющего сердца, в нем есть умеренность и слишком большая оформленность. <…> Либеральная идея не обладает способностью превращаться в подобие религии и не вызывает к себе чувств религиозного порядка. В этом слабость либеральной идеи, но в этом и хорошая ее сторона»[2]. Либерал в политической жизни, как правило, ассоциируется с умеренностью, компромиссностью, половинчатостью решений. Он силен не в поле идеологии, а в поле нравственности, поскольку здесь у него незыблемая опора: ценность человеческой личности. В начале XX в. либеральная идея в России потерпела интеллектуальное (дискуссия вокруг «Вех») и политическое (1917 г.) поражение и в эмиграции должна была извлечь как политические, так и интеллектуальные уроки.

Как ни парадоксально, более благоприятные условия для самосознания либерализма, для философского его обоснования создались в эмиграции. Эмиграция была перенасыщенным «интеллектуальным раствором», в котором только в первое десятилетие изгнания тон задавали политики. Попытка сохранения либерализма как политической идеологии и партийной структуры была предпринята группой парижских кадетов во главе с П.Н. Милюковым, что выразилось в приспособлении либеральных идей к текущему моменту: в 1920 г. в форме «новой тактики», в 1924-1925 гг. в форме создания РДО – Республиканско-демократического объединения. Но в обстановке отсутствия государства, общества, политической борьбы либеральная идеология поневоле стала умозрительной и постепенно ушла в чистую теорию. Философская мощь русской эмиграции позволила создать интеллектуальные конструкции, составившие альтернативу марксистской теории общества. Эмигрантская мысль стала интеллектуальным полем для осмысления самой идеи «свободы» в русском сознании.

---

[1] Бердяев Н.А. Философия неравенства // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 122.
[2] Там же. С. 121.

Речь идет, в первую очередь, о концепциях двух виднейших философов эмиграции: Н.А. Бердяева и С.Л. Франка. В 1922 г. они вместе покинули Россию на «философском пароходе» и вместе работали в основных интеллектуальных центрах русского зарубежья: Религиозно-философской академии, Русском университете, в журнале «Путь» и др. Хотя Бердяев жил в Париже, а Франк в Берлине, они активно переписывались и сотрудничали. Их осведомленность о содержании научных изысканий друг друга видна в тематике лекций и статей, которые они планировали в Берлине и Париже. Об их духовной близости свидетельствует переписка философов в 1920-е гг. (по поводу журнала «Путь», Религиозно-философской академии, противостоянии «религиозным мракобесам») в эмиграции[1].

Два их трактата, написанные в эмиграции – «Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии» (1923) Бердяева и «Духовные основы общества: Введение в социальную философию» (1930) Франка – фактически представляют собой новую социальную теорию, которая основана на концепции свободы как основы взаимоотношений личности и общества. Эти вопросы оба философа начали разрабатывать еще до революции. Значительными вехами на этом пути была книга Франка «Душа человека», ставшая его докторской диссертацией в 1917 г., и статьи Бердяева 1918 г., составившие книгу «Духовные основы русской революции»[2]. В 1920-1930-е гг. оба философа написали целый ряд статей и книг, посвященных проблемам свободы, духовной жизни общества[3]. Фактически оба философа восполняли главный недостаток русского либерализма – его сосредоточенность на методах без разработки самого понятия «свобода» применительно к человеку и обществу. «Либерализм так основательно выветрился, так обезду-

---

[1] Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева (1923–1926) // Вопросы философии. 2014. № 2. С. 131-154.

[2] См.: Материалы для библиографии русских научных трудов за рубежом (1920-1940). В 2-х тт. Белград, 1931, 1941; Клепинина Т. Библиография сочинений Н. Бердяева. Париж, 1978.

[3] См. основные сочинения философа в эти годы: Бердяев: «Духовные задачи русской эмиграции», 1925, «Метафизическая проблема свободы», 1928, «Правомыслие и свободомыслие», 1928, «Парадоксы свободы в социальной жизни», 1931, «О социальном персонализме», 1933, «Противоречия свободы», «О формальной демократии, свободе и социализме», 1936 и др. Франк: «Крушение кумиров», 1924, «Я и Мы», 1925, «Смысл жизни», 1926 и др.

шился, что можно еще признавать элементы либерализма, но невозможно уже быть либералом по своей вере, по своему окончательному миросозерцанию. Либерализм перестал быть самостоятельным началом, он сделался каким-то компромиссом, каким-то полудемократизмом или полуконсерватизмом», – писал Бердяев[1].

Бердяев не только не связывал либерализм с кадетской партией и ее политической программой, но и предостерегал от такой связи. Права человека и права гражданина имеют разный исток и разное предназначение. В 1933 г. Бердяев писал в журнале «Путь»: «Думать, что либерально-демократическая идеология и особенно практика и есть обоснование и выражение принципов личности и свободы, есть, по-моему, большое заблуждение». Идеология имеет дело с гражданином, с абстрактным человеком, а не конкретной личностью. С этой точки зрения, Бердяев считал, что «Либерализм есть извращение и компрометирование принципа свободы»[2]. В конце 1924 г. Бердяев присутствовал при образовании Республиканско-демократического объединения, инициированного Милюковым. Он серьезно спорил с Милюковым, пытаясь доказать ему бесперспективность продолжения либеральной политики при отсутствии политической жизни как таковой. Политик-либерал и либеральный философ не услышали друг друга, а Бердяев остался в убеждении, что дореволюционное понимание либерализма безнадежно устарело. 18 декабря 1924 г. он писал Франку об этой встрече: «Милюков и сейчас представляет из себя вольнодумного гимназиста 8 класса из 60 или 70 годов. Я себя чувствовал среди доисторических ископаемых»[3]. Бердяев утверждал, что «слово “либерализм” принадлежит к разряду очень порченых слов», что стало совершенно очевидно в эмиграции, где отсутствует политическая борьба, а политическая партия русских либералов превратилась в условность. Основной упрек Бердяева русскому либерализму состоит в его формализации и сосредоточенности на *средствах* достижения свободы без разработки сущности свободы личности. «Формальной свободе либерализма, свободе лживой и фиктивной, свободе немногих нужно противополагать реальную свободу, свободу для каждого человека, для каждой человеческой личности, ко-

---

[1] Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 124.
[2] Он же. О социальном персонализме // Новый град. 1933. № 7. С. 53.
[3] Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева (1923-1926). С. 133.

торой должна быть предоставлена реальная возможность осуществлять свою свободу». «Живой человек стоит выше государства, общества, нации, хозяйства. Все эти ценности допустимы лишь как функции его жизни <…>, которыми он должен овладеть»[1]. Философ видел опасность политического либерализма в том, что он слишком близко подходит к требованию формального равенства, заменяя им требование свободы. Он с горечью констатировал в эмиграции: «Слово “либерализм” давно уже потеряло всякое обаяние, хотя происходит оно от прекрасного слова “свобода”. Свободой нельзя пленить массы. Масса не доверяет свободе и не умеет связать ее со своими насущными интересами. Поистине в свободе есть скорее что-то аристократическое, чем демократическое. Это ценность более дорогая человеческому меньшинству, чем человеческому большинству, обращенная прежде всего к личности, к индивидуальности. В революциях никогда не торжествовал либерализм <…>, ибо во всех революциях поднимались массы. Масса же всегда имеет пафос равенства, а не свободы. И большими революциями всегда двигало начало равенства, а не свободы. Либеральный дух по существу не революционный дух»[2].

«Линия свободы» в эмигрантских сочинениях Бердяева и Франка не только не угасла, но получила полное развитие. Исходная позиция обоих философов состояла в убеждении, что общественная жизнь определяется не столько экономическими и политическими факторами (как у К. Маркса), сколько духовными. «Социальная оболочка» человека в теории марксизма исходила из постулата, что человек – часть общества. Религиозные философы «перевернули» формулу, заявляя, что все «общественное» – только часть личностного; и, с точки зрения иерархии духовных ценностей, «не личность, а общество есть часть личности, лишь одно из ее содержаний»[3]. Принципиально важный для Бердяева трактат «Философия неравенства: Письма к недругам по социальной философии» был написан им сразу после вынужденного отъезда из России и еще носит характер полемики, страстного диалога с приверженцами демократизма и равенства. В новой социальной философии либерализма понятия «равенство» и «свобода» противостоят друг другу. Его

---

[1] Бердяев Н.А. Указ. соч. С. 44.
[2] Он же. Философия неравенства. С. 121.
[3] Он же. О социальном персонализме. С. 44.

идея «персонализма» предполагала, что в центре истории, в центре общественной жизни, политики стоит личность, ее интересы и благополучие. Но не бывает равенства личностей. И потому равные права на деле оказываются неравными. Требование равенства – это требование демократизма, требование масс, лозунг революций. Требование гражданских прав в либеральной политике вплотную подводит к демократическому требованию равенства прав, а осуществление на практике всеобщего равенства прав «пожирает свободу» личности. Осуществление равенства на деле несет в себе зерна тирании, поскольку обеспечить равенство неравных личностей можно только постоянным насилием. Формальные политические права на деле не гарантируют человеку ни экономического, ни гражданского равенства. «*Свобода есть прежде всего право на неравенство»*[1]. Признание неравенства личностей выводило Бердяева на понятие «аристократия». Он даже признавался, что его понимание аристократизма ближе к средневековому рыцарству, к дворянскому чувству чести, нежели к буржуазной классовости. Однако он говорил, не об аристократии по рождению и социальному статусу, а об «аристократии духа» («эзотерическая аристократия»), т.е. выделял личности, которые играют высокую роль в обществе, отличаются полнотой и благородством духовной жизни[2].

Несомненной заслугой Бердяева было указание онтологического основания либерализма – свободы религиозной совести, т.е. духовного содержания личности. В сущности, либерализм – это вообще не идеология, а «настроение и миросозерцание» личности, он внеисторичен. Идеологией либерализм становится лишь в ходе политической жизни, когда политические партии включают в свои программы требования, которые обеспечивают условия, при которых может быть реализована свободная личность (свобода совести, слова, собраний, свободные выборы, презумпция невиновности и т.п.). Вечное начало либерализма кроется не в его внешних формах, а в самом человеке, его правах и свободах как носителя божественного начала. Вырождение либерализма, в понимании Бердяева, вызвано забвением божественного в человеке, забвением того, что «декларация прав человека должна быть связана с декларацией обязанностей человека», с «декларацией прав Бога» в человеке.

---

[1] Бердяев Н.А. Философия неравенства. С. 127. Курсив Бердяева.
[2] Там же. С. 117.

Только при этом условии осуществление прав личности будет связано с осуществлением прав других, «почитание в каждом человеческого образа» как подобия Бога[1]. В такой трактовке права человека получают онтологическую духовную основу.

Сходные интеллектуальные позиции занимал и Франк. Ключевая книга Франка по этой проблеме «Духовные основы общества: Введение в социальную философию» вышла уже в более «спокойное» время эмиграции – в 1930 г. Сам Франк называл представленную концепцию лишь «сокращенным эскизом системы социальной философии», считая ее продолжением своих дореволюционных книг: «Предмет знания», «Душа человека». Однако опыт 1917 г. и эмиграции заставил философа обратиться к проблеме взаимоотношений человека и общества. Либеральное начало философии Франка проявилось в том, что он начинает строить свою философскую систему от человека, видя в нем «незыблемое начало». «Общественная жизнь есть жизнь человеческая, творение человеческого духа», она имеет характер самопознания человека, совокупности всех его проявлений[2]. Франк подверг пересмотру многие дореволюционные позиции либералов, считая их в значительной степени областью публицистики, выражением «политических страстей и домогательств» и в любом случае – практических стремлений[3]. Смысл истории, по Франку, состоит не в мифическом «прогрессе», «а в том, что ее конкретное многообразие во всей его полноте есть выражение сверхвременного единства духовной жизни человечества», «*конкретное самосознание человечества»*[4]. Связь человека и общества выражается в том, что «целое» присутствует «в каждой его части», как единый человеческий дух в каждом отрезке времени. Общество строится как «итог стихийного скрещения индивидуальных воль», через которые «обнаруживают свое влияние некие *общие силы»*[5].

Таким образом, Франк близко подходит к «персонализму» Бердяева, хотя придает самостоятельный смысл не только личностному духу, но и духу общества. Если общество не просто сумма индивидуальностей, то «неизбежно возникает представление об обще-

---

[1] Там же. С. 123, 125.
[2] Франк С.Л. Духовные основы общества // Русское зарубежье. Л., 1991. С. 251.
[3] Там же. С. 254.
[4] Там же. С. 266, 267. *Курсив С.Л. Франка*.
[5] Там же. С. 282, 283. *Курсив С.Л. Франка*.

стве как о *живом существе»*[1]. Это возникающее «многоединство», внутреннюю, немеханическую связь индивидуальных сознаний Франк обозначает понятием «соборности», духовной общности, отличая его от «внешней» связанности правовыми, формальными отношениями. Франк, таким образом, попытался философски обосновать мифологический термин «соборность», которым часто оперировали русские мыслители. Соборность, по его мнению, проявляет себя в семейных отношениях, религиозной жизни и практиках повседневности. Либерализм как политическая идеология «работал» лишь с одной стороной общественности: ее формальными, правовыми, экономическими и политическими отношениями – Франк называет эту область «наружным слоем общества». Духовная природа общества осталась за границами партийных программ и теорий. В этом крылись причины исторического поражения либерализма в России. Франк разделял позицию Бердяева о религиозном наполнении духовной жизни личности. Человек, который «имеет сознательную внутреннюю связь с Богом», «сознает Бога в самом себе» носит в себе понимание «должного» в общественной жизни[2]. Франк видел основы формального права именно в этом идеальном нравственном, божественном начале человека. История либерализма, по его мнению, показывала, что выведение права из абстрактно понимаемых «общественных благ» приводит к его нежизненности. «Право и власть никогда не есть имманентное выражение чисто человеческой воли <…> а есть выражение подчинения этой воли высшему началу»[3].

Франк обращался к опыту русской революции и социалистического государства в поисках гармонии духовной свободы личности и гражданских свобод. Сам по себе мир права и власти холоден и жесток, склонен к насилию, но революция показала, что попытка подчинить общественную жизнь исключительно нравственным началам – так, как они провозглашаются, – приводит к еще худшим результатам. Божественной нравственностью питается жизнь человека, но не всего общества. Природная необузданность человека приведет лишь к анархии и уничтожению всех сил добра ничем не сдерживаемым насилием, а не общественной жизни в любви и бла-

---

[1] Там же. С. 287. *Курсив С.Л. Франка*.
[2] Там же. С. 333.
[3] Там же. С. 335.

годати. Формальный закон необходим, поскольку он «есть форма борьбы с несовершенством мира и человека». *«"Закон природы" и закон нравственный стоят в теснейшей связи между собой* и суть лишь разные выражения несовершенного состояния бытия»[1]. Попытка полной свободы в России во время революции привела «к чудовищной неправде того всеобщего рабства, которое именуется социализмом». «Последняя цель общественной жизни, как и человеческой жизни вообще, одна – *осуществление самой жизни,* во всей всеобъемлющей полноте, глубине, гармонии и свободе ее божественной первоосновы»[2].

Понимание свободы у Франка сходно с позицией Бердяева в том отношении, что свобода не означает произвол и анархию. В их философии человек не выступает как «*самодержавный хозяин* своей жизни»; он лишь «проводник абсолютной, Божьей правды, слуга, а не хозяин». Его нравственная жизнь – не право, а обязанность «служения». Существует лишь право требовать, чтобы человеку и обществу были предоставлены возможности *служить* этой Божественной правде. Попытка либерализма примирить личность и общество на почве формального права ложна, поскольку ни «права человека», ни «воля народа» не могут быть основой человеческого общества. Разрешение этой антиномии Франк видел в «служении» личности высшей правде, которое не должно быть основано на внешнем принуждении, а вытекало из глубинного смысла человеческой жизни, а потому служение ей – свободное. Таким образом, свобода – это обязанность и право человека следовать Божественной правде. Франк считал, что попытка социализма сделать человека «винтиком» государственной машины «не может привести ни к чему иному, кроме разнузданного самодурства деспотической власти и отупелой пассивности или звериного бунта подданных»[3].

Франк поддерживал тезис Бердяева о невозможности реализации равенства, выдвинув тезис об иерархическом строении общества. Если Бердяев говорил о выделении «духовной аристократии», то Франк предпочитает использовать термин «иерархия» для обозначения структуры общества. Уничтожение иерархии равносильно упадку самого общества, его застою и распаду, а революции могут

---

[1] Там же. С. 349-350. *Курсив С.Л. Франка*.
[2] Там же. С. 375, 377. *Курсив С.Л. Франка*.
[3] Там же. С. 389.

только менять состав иерархических слоев («кто был ничем, тот станет всем»). Франк признавал, что эта иерархическая структура имеет пирамидальную форму, т.е. «*меньшинство властвует над большинством».* «Есть только одно отношение, в котором все люди действительно, т.е. онтологически равны <…> это есть их *отношение к Богу*[1]*.* Божественная природа человека – единственное, что обеспечивает ему духовную свободу. Таким образом, им была обоснована «абсолютная неустранимость религиозного начала служения как первоосновы и верховного руководящего принципа общественной жизни» и жизни человека[2].

Конечно, философские системы «общественности» у Бердяева и Франка не вполне совпадают, немало было и разногласий между ними. Франк в письме к Бердяеву 28 марта 1926 г. после дискуссии о его статье «Основы религиозной философии» признавался: «Я никогда не мог разделять Ваших метафизических идей и вместе с тем всегда любил Вас – и чем ближе знал, тем больше люблю – за жизненную верность, и чуткость к правде, Ваших непосредственных *волевых* устремлений, и потому, несмотря на все разногласия, считаю себя Вашим союзником в борьбе»[3]. Общность философов состояла в их общем противостоянии социальной философии марксизма и стремлении создать альтернативную философию общества. Сходство позиции определялось признанием личности в ее божественной природе высшей ценностью. Не будучи друзьями, они стали единомышленниками во взглядах, исповедуя православие в «хомяковской», а не «филаретовской» традиции, по выражению Бердяева, т.е. включающее протестантский и гуманистический уклон[4]. Было бы ошибкой считать их одинокими и непонятыми «философами свободы». Даже в советской России у них находились единомышленники. В 1930 г. Бердяев получил несколько писем из советской России от безвестного ученого Ю. Панебратцева, которому удалось прочесть эмигрантские статьи философа. Он писал из советской России 14 апреля 1930 г.: «… как ни больно оторваться от родной земли <…>, но ради духовной свободы мысли и сове-

---

[1] Там же. С. 394, 399. Курсив Франка.
[2] Там же. С. 384.
[3] Из переписки С.Л. Франка и Н.А. Бердяева (1923 -1926 гг.) С. 150.
[4] Бердяев Н.А. О русской философии / Сост., вступ. ст. и примеч. Б.В. Емельянова, А.И. Новикова. Свердловск, 1991. Ч. 1. С. 270. См. также: Бердяев Н.А. Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли). VI гл. Париж, 1926.

сти, все можно отдать и всем пожертвовать. Ведь бывают эпохи, когда дух народа для того, чтобы жить и развиваться, должен покинуть родную почву <…>»[1].

В.В. Журавлев[2]

«ИСТОРИЯ ВТОРОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» П.Н. МИЛЮКОВА: СИМБИОЗ ВЗГЛЯДОВ УЧЕНОГО И ПОЛИТИКА[3]

Труд выдающегося русского историка и политика Павла Николаевича Милюкова «История второй русской революции»[4], созданный им по свежим следам описываемых событий февральского этапа Великой российской революции 1917 г., занимает особое, можно сказать, уникальное место в отечественной историографии. Являясь одновременно и важным, бесценным источником, и весомым историографическим фактом. А, точнее, – исследовательским трудом с активным авторским включением в воссоздание, описание и оценку данных событий, свидетелем и активным участником которых он был.

Само введенное в название определение жанра данного труда как «истории» сознательно выводит авторский замысел за грань собственно воспоминаний, выдавая нацеленность на концептуальную отстраненность в возможных пределах от позиций собственного «Я». Усиливает эту тенденцию и принятое автором решение упоминать о себе как об акторе, активном «игроке» на политическом поле только в третьем лице. Максимально проясняя суть своего замысла, Павел Николаевич заявляет в Предисловии: «"Исто-

---

[1] «Ваше письмо… будто солнечный луч»: Письма Юрия Панебратцева Николаю Бердяеву // Вопросы философии. 2014. № 11. С. 118.

[2]*Журавлев Валерий Васильевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой Новейшей истории России Московского государственного областного университета, главный специалист Центра документальных публикаций Российского государственного архива социально-политической истории.*

[3]Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 17 – 01 – 00237 «Общественная мысль России с древнейших времен до первой трети XX века. Коллективная монография в 4-х томах».

[4]Милюков П.Н. История второй русской революции. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 767 с. Научный комментарий к изданию подготовлен А.В. Репниковым.

рия" ставит себе иную задачу, чем "Мемуары". Она принципиально отказывается от субъективного освещения и заставляет говорить факты. Факты подлежат объективной проверке, и поскольку они верны, постольку же бесспорны и вытекающие из них выводы» (с. 11).

Профессионализм историка, однако, заставляет автора сделать при этом весьма важные оговорки: «Другой вопрос, насколько самые факты известны и насколько они собраны с надлежащей полнотой, чтобы позволить определенные выводы. Не может быть сомнения, конечно, что дальнейшее накопление и изучение фактов оставит далеко позади предлагаемый первый опыт их предварительной установки». Естественные оговорки эти, однако, не останавливают автора в самооценке исследовательского характера собственного начинания Он «льстит себя надеждой, что при этом не очень изменятся намечаемые им выводы» (с. 11).

Одно дело, однако, представить и выстроить факты о тех или иных событиях, а другое – дать им оценку. Милюков, прекрасно понимая это, не скрывает от читателя, что из предлагаемого им «рассказа, несомненно, вытекал определенный политический вывод». И в этом уже правомерно усматривать заявку на признание самим автором двух ипостасей в видении и оценке воссоздаваемых им событий: с уровня, с одной стороны, ученого-историка, а, с другой стороны, ключевого политика либеральной направленности. Сложная парадигма взаимовлияния и переплетения указанных начал позволяет нам ввести термин «*симбиоз*» для характеристики диалектики их взаимодействия. Напомню, что понятие это обозначает «сожительство организмов совершенно разных видов, чаще всего полезное для обоих участников»[1].

Переводя термин, взятый из области биологии, в сферу историографического рассмотрения, важно подчеркнуть такую важную особенность данного явления как взаимную полезность, возможно даже благотворность, такого рода сосуществования для его участников, что мы можем наблюдать, применяя это понятие при оценке социальных отношений, практически в любой области человеческого бытия и сознания. В рассматриваемом же случае – для двух «Я» в авторском восприятии событий: с позиций, с одной стороны, скру-

[1]Большой словарь иностранных слов. М., 2012. С. 734.

пулезного исследователя фактов и явлений, с другой же – политически ангажированного активного их участника.

Уточняя специфику рассматриваемого труда, следует подчеркнуть, что перед нами *политическая* история событий 1917 г., направленность и содержание которой отвечает критериям именно этого исследовательского жанра. «Главной движущей силой», если употребить этот марксистский термин, революционного процесса для автора являются его акторы – политики, в согласии одних и непримиримой схватке с другими «ткущие» полотно истории.

Касаясь источниковой базы «Истории», нельзя не отметить, что она достаточно обширна и разнообразна с учетом тех сложных условий, в которых данное исследование создавалось. Одной из главных ее составляющих можно признать периодическую печать. Автор так или иначе обращается к материалам почти трех десятков газет и журналов в широчайшем диапазоне «от монархизма до анархизма»: от охранительно-консервативной газеты «Новое время», издания деловых кругов «Биржевые ведомости» и солидного историко-литературного журнала «Вестник Европы» до большевистской «Окопной правды» и захваченной анархистами газеты «Русская воля». Не остаются без внимания и одиозные издания типа «Вестника Союза освобождения Украины», исповедовавшего прогерманские взгляды украинских ультранационалистов. Важное место, естественно, занимает либеральная печать («Речь», «Русское Слово», «Свободный Народ»), а для анализа послеоктябрьских событий – советские «Известия» и большевистская «Правда».

Широко пользуется автор и изданиями русской эмиграции 1918-1923 гг., в т.ч. мемуарного характера. Такими, как «Архив русской революции», в 1-м томе которого были помещены воспоминания В.Д. Набокова – члена ЦК кадетской партии, одного из ближайших соратников Милюкова, вместе с которым в 1919 г. он издавал в Лондоне журнал «New Russia». Обращение к документам своей партии и информация, полученная автором из личного общения с широким кругом политических лидеров 1917 г., дополняют отечественную источниковую базу исследуемого труда, делая ее в целом вполне репрезентативной для проведения объективного исследования.

Широко привлекается зарубежная информация. В том числе, книга американского посла в России Дэвида Френсиса[1] (615). Не мог обойти своим вниманием Милюков и «брошюру» представителя Белого дома в Петрограде Эдгара Сиссона «Германо-большевистский заговор» (у Милюкова просто «The Bolshevist Conspiracy» – с. 586), опубликованную в 1918 г. американским правительственным Комитетом по общественной информации и содержавшую в приложении 68 документов, якобы свидетельствовавших о поддержке большевиков со стороны Генштаба Германии.

Тема «немецкого золота» большевиков, получившая широкое распространение в западной советологии и возрожденная некоторыми «новаторами» на российской почве в 1990-е гг., требует специального рассмотрения[2]. В данном случае обращает на себя внимание исследовательская осторожность, с которой Милюков подошел к оценке, посчитав, в частности, необходимым отметить: «Основательность сомнений (в подлинности данных документов – В.Ж.) была признана союзными правительствами и на документы перестали ссылаться…Точного критерия я до сих пор не имею» (с. 586-587). Осторожность эта оказалась оправданной. Впоследствии (в 1956 г.) американский историк и дипломат Дж. Кеннан признал данные документы подделкой («апокрифом»)[3], что в отечественной историографии было подтверждено исследованиями Г.Л. Соболева и В.И. Старцева.

Своеобразным «косвенным» источником данного труда можно признать дневник[4] автора «Истории». Хотя хронологически он не относится к событиям 1917 г., но последовательно фиксирует авторские суждения и размышления, а также политические дискуссии последующего периода по проблемам, корнями своими уходящим в описываемое им время. Постоянное обращение к оценке опыта и ошибок недавнего прошлого в дневниковых записях, которые велись параллельно с работой автора над книгой, несомненно, держало его «в тонусе» в ходе исследовательского процесса.

---

[1]Russia from American Embassy, by David R. Francis. N.Y. Scribner's, 1921.

[2]Наиболее тщательный анализ pro et contra в подходе к данной проблеме см.: Логинов В.Т. Неизвестный Ленин. М., 2010. С. 224-252.

[3]Kennan G.F. The Sisson Documents // Journal of Modern History, 1956. Vol. № 2. P. 130-154.

[4]Дневник П.Н. Милюкова. 1918- 1921. М., 2004. 847 с.

Создавая свой труд, Милюков-ученый руководствовался выработанными и многократно опробованными им (прежде всего в своих знаменитых «Очерках по истории русской культуры»), методологическими принципами. «Целью исторического познания, – как удачно обобщает их суть Н.И. Канищева, – П.Н. Милюков считал выявление закономерностей путем последовательного углубления анализа в направлении от сложносоставных явлений, представляющих собой результат действия различных сил, к более простым, чтобы получить элементарные слагаемые, которые могут быть объяснены посредством законов естественно-научного знания (метод "социологической дедукции")»[1].

Исследуемый труд создавался поэтапно, в сложной, постоянно меняющейся обстановке: исторической, событийной, политической, чисто житейской. Работа над ним растянулась на несколько лет. Началась она в 1918 г. в Киеве, где автор оказался, будучи вынужденным покинуть Петроград после большевистского декрета от 28 ноября 1917 г., объявлявшего Партию конституционных демократов «врагами народа». Надо отметить, что именно в это время личностное и политическое неприятие большевизма достигло у Милюкова апогея. Это выразилось, в частности, в том, что он – вопреки позиции части однопартийцев – вступил в переговоры (впоследствии признав их ошибочность) с оккупировавшим Украину германским военным командованием о помощи Добровольческой армии генерала М.В. Алексеева, временно потеряв на этом полномочия председателя ЦК партии. Завершалась же работа над «Историей» уже после окончания Гражданской войны (вплоть до 1923 г.) в эмиграции – в Англии, а затем во Франции.

Излишне говорить, что структура труда, содержащего 3 выпуска, а точнее – проблемно-тематического «узла» («Противоречия революции», «Корнилов или Ленин?», «Агония власти»), тщательно выверена. Хронологически выстроенный событийный подход органично связан с проблемно- аналитическим. Читатель получает четкое представление о том, как, зародившись в ходе февральских событий, революционная волна нарастала от этапа к

[1] Канищева Н.И. Милюков Павел Николаевич // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010. С. 574. Специально об этом см.: Пустарнаков В.Ф. Социологическая концепция П.Н. Милюкова – антитеза метафизической философии истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 11-32.

этапу, достигнув «девятого вала» к октябрю 1917 г. Как в ходе этого нарастания менялась расстановка, конфигурация социальных и политических сил и таяли надежды их либеральной составляющей на стабилизацию ситуации в стране.

Образцом многофакторного подхода можно признать уже содержание первого раздела первой главы «Корни второй революции».

Автор видит эти корни прежде всего в историческом прошлом страны. На протяжении всего своего творческого пути, начиная с «Очерков по истории русской культуры», он пытается разгадать код дихотомии «Россия – Европа». Позиция Милюкова-политика заставляет его, по справедливому замечанию американского исследователя Т. Эммонса, занимать позицию «посредника между крайностями исключительности и тождественности (с европейской моделью – В.Ж.) в интерпретации исторического пути России (ибо ставкой было *будущее* страны, и радикал- либерал Милюков находил неприемлемым видение *будущего* обеими сторонами)». Впоследствии в стремлении дистанцироваться уже от евразийцев[1], он фактически разрушает дихотомию Россия – Европа «признанием существования множества "Европ" и конструированием западно-восточного культурного уклона, который включал Россию как самый восточный фланг Европы и, следовательно, как самую своеобразную европейскую страну, наиболее подверженную азиатскому влиянию, но, тем не менее, европейскую»[2].

В реалиях начала 1918 г., когда создавалась первая часть его труда, носящая название «Противоречия революции», Милюков был склонен к повторению своих прежних убеждений в том, что «мы не могли *еще* (выделено нами – В.Ж.) выработать что-либо подобное устойчивому западному культурному типу». И что: «Неорганичность нашего культурного развития есть неизбежное следствие его запоздалости».

На этой позиции историка базировались прежние, исходные убеждения Милюкова-политика, теоретика и стратега либерального движения в стране. Он полагал, что по мере осознания сущности старого режима как врага общества в целом два главных социаль-

---

[1] Специально об этом см.: Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков в полемике с евразийской концепцией русской истории // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 62-73.

[2] Эммонс Т. «Запоздалость» или «своеобразие»? Проблема русского исторического процйесса у П.Н. Милюкова // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 57, 58.

но-политических течения в стране – социалистическое и либеральное – «получат возможность совместных действий … в борьбе с общим врагом». Убеждения эти, сформировавшиеся еще в канун Первой российской революции, не в последнюю очередь опирались, надо полагать, на знание (и признание возможности его применения) опыта взаимодействия либерального и социалистического движений на Западе.

Ход и результаты российского революционного процесса поставили крест на этих убеждениях. Не подобрав в свое время «ключ» к диалогу с царской властью в силу «неискренности уступок» старого режима, Милюков и его партия в ходе партийно-политической борьбы 1917 г. оказались отброшенными «социалистической демократией» на периферию революционного, а – в итоге – и исторического процесса. Признавая это, Павел Николаевич, вместе с тем, видит в таком развороте событий прежде всего «неполное приспособление русских политических партий к условиям и требованиям русской действительности».

Данное суждение, на наш взгляд, акцентируя фактор «запоздалости», не снимает с повестки дня проблему «своеобразия». И в этом можно узреть позицию именно историка, прошедшего суровую школу политической борьбы, опыт которой заставил его рассматривать как историческую данность явления, уже не подвластные анализу в русле его прежнего понимания дихотомии «Россия – Европа».

Характерна именно для взглядов российского либерала точка зрения на февральские события, выраженная в заголовке «Четвертая Гос[ударственная] Дума низлагает монархию». «Парадигма конституционной революции как либеральная альтернатива проекту социальной революции», по точной оценке современного исследователя[1], находит в данном заголовке наиболее явное и яркое проявление.

Характерна в этом отношении самооценка, которую Милюков дает своей – направленной против правительства и «членов придворного кружка, с именем императрицы во главе» – речи в Государственной думе от 1 ноября 1916 г. с ее ставшим легендой ре-

[1] Медушевский А.Н. Почему либералы проиграли русскую революцию? Революция и либерализм в сравнительной перспективе // Либералы и революция: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 13-14 октября 2017 г. г. Орел, Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева / Под общ. ред. д.и.н., профессора В.В. Шелохаева. Орел, 2017. С. 20.

френом «Глупость это или измена?». Опубликованная лишь через месяц, она, тем не менее, сразу же после произнесения разошлась в рукописных списках по всей стране. «Этот громадный отзвук, – заключает Павел Николаевич, – сам по себе превращал парламентское слово в штурмовой сигнал и являлся красноречивым показателем настроения, охватившего всю страну. Теперь у этого настроения был лозунг, и общественное мнение единодушно признало 1 ноября 1916 г. началом русской революции» (с. 35). На этот раз предельно точный в большинстве своих оценок автор не уточняет, что он вкладывает в понятие «единодушное общественное мнение», прекрасно понимая, что для большей части крестьянства, например, этот «лозунг» вряд ли дошел.

Такой (назовем его сугубо правоведческим) подход опирается на тезис об особой роли политиков, «вождей» в революции в силу пассивности, инертности, неподготовленности для социально-политических преобразований широких масс населения. Милюков был глубоко разочарован, более того – уязвлен их позицией, как она ему представлялась тогда, в ходе событий 1917 г. А именно: безразличием к «агонии», по его собственным словам, Временного правительства и власти в целом; пассивной реакцией на захват власти большевиками в октябрьские дни; более чем скромными для либералов итогами выборов в Учредительное собрание (собрав 4,5% голосов избирателей, кадеты получили 14 депутатских мандатов из 765)[1]; равнодушием большей части, казалось бы, уже ставших *юридически* гражданами россиян к разгону Конституанты и объявлению кадетов «врагами народа».

По свежим следам всех этих коллизий лидер отечественного либерализма не пытается смягчить своих жестких оценок тому, что называет «душой народа», «душой предков»: «Наша русская âme ancestrale (душа предков – В.Ж.) продолжает, очевидно, представлять ту плазму, на которой лишь слабо и отрывочно запечатлелись отметки истории. Основным свойством ее еще остается та всеобщая приспособляемость и пластичность, в которой Достоевский признал основное свойство русской души, – идеализировав его, как "всечеловечность". В политическом же применении, бесформен-

[1] См.: Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 164. См. также: Всероссийское Учредительное собрание: Энциклопедия / автор-составитель Л.Г. Протасов. М., 2014. 555 с.

ность этой души проявляется как… догосударственный "анархизм»"…» (с. 22).

Запальчивость эту (не лишенную, впрочем, определенных оснований для человека, твердо стоящего на позициях верховенства права) можно объяснить, в том числе, состоянием психологического потрясения, в котором пребывал Милюков в первые месяцы 1918 г., когда писались эти строки. Однако 27 декабря 1920 г., находясь в Лондоне, он в Предисловии к своему труду, возвращаясь к оценкам почти 3-летней давности, фактически признает их скоропалительными.

Убедившись, что «революционный процесс вышел более стихийным и менее сознательным, чем хотелось бы непосредственным деятелям революционной эпохи», в силу чего «роль вождей в событиях оказывается менее активной», Павел Николаевич ратует за то, что «должно быть сильно исправлено и ходячее представление о пассивной роли инертной массы», которое, как мы могли убедиться выше, исходило от него самого.

Окончательные представления Милюкова конца 1920 г. кардинально отличаются от его умозаключений начала года 1918-го, когда ему «казалось», что масса русского населения «действительно только *терпела*». Опыт политика и зоркость историка, как бы слившись воедино (вот оно одно из свидетельств обоюдной пользы симбиоза двух «Я»!), подталкивают его к обоснованию новой парадигмы в решении проблемы соотношения начал стихийности и сознательности и алгоритма поведения масс в революции: « …Обозревая теперь весь процесс в его разных фазисах, мы начинаем приходить к выводу, что терпение масс, все же не было вполне пассивным. Массы принимали от революции то, что соответствовало их желаниям, но тотчас же противопоставляли железную стену пассивного сопротивления, как только начинали подозревать, что события клонятся не в сторону их интересов».

Вывод, проистекающий из этого, уже мало напоминает представления Павла Николаевича как политика собственно либерального толка, заставляя нас вспомнить о материалистических его «грехах» молодости: «Отойдя на известное расстояние от событий, мы только теперь начинаем разбирать, пока еще в неясных очертаниях, что в этом поведении масс, инертных, невежественных, забитых, сказалась коллективная народная мудрость».

Такое буквально «озарение» заставляет Милюкова увидеть, «подводя актив и пассив», в русской революции «то же, что показало изучение великой французской революции». А именно: «Разрушились целые классы, оборвалась традиция культурного слоя, – но народ перешел в новую жизнь, обогащенный запасом нового опыта и решивший для себя бесповоротно свой главный жизненный вопрос; вопрос о земле» (с. 12-13).

Разобранная ситуация позволяет нам судить о том, как непросто складывался у Милюкова дискурс в интеллектуальном пространстве между двумя ипостасями собственного «ego»: «Я-историка» и «Я-политика». Но самое важное здесь заключается в том, что неизбежно возникающие на этой почве нестыковки, противоречия он стремится преодолевать сугубо самостоятельно. Строгая опора на факты в осмыслении и переосмыслении ключевых событий революционного процесса 1917 г. оборачивается тем, что в большинстве случаев Милюков-историк берет верх над политиком. И это мы прослеживаем на протяжении всего его исследовательского процесса, неотрывно следующего за процессом революционным.

Выдвинутый и отстаиваемый им постулат инертности масс побуждает Павла Николаевича рассматривать революционный процесс через призму – в основе своей – процесса политического, который представляется ему в виде сменяющих друг друга стадий борьбы сил либеральных (и шире – «буржуазных»[1]) с силами «социалистической демократии». Точками же отсчета при переходе из одной стадии в другую выступают кризисы Временного правительства.

Первый кризис он рассматривает в границах формулы «буржуазное правительство капитулирует перед социалистами», а в своей отставке с поста министра иностранных дел видит лишь результат закулисного сговора: «Таким образом, выдавалась советам лишь личность П.Н. Милюкова, а не его политика» (с. 97). Деятельность первого коалиционного правительства, особенно в свете событий 3-5 июля, он склонен оценивать под углом зрения того, что «социалисты защищают буржуазную революцию от социалистической», хотя и открывают путь попятного, в его понимании, движения событий: «Цикл грядущих превращений у русской революции здесь наметился, как в зеркале. На этой покатой плоскости коалиционное правительство оказалось, действительно, "первым шагом". Прежде чем

[1] Термин этот П.Н. Милюков употребляет как в кавычках, так и без них.

совершился "второй", – к господству советов, – коалиция должна была пройти через тройной кризис, в котором противоречие между утопизмом слов и неизбежным реализмом дел министров-социалистов вскрылось вполне и до конца» (с. 101).

С этих позиций Милюков оценивает деятельность второго (с 24 июля) и третьего коалиционного правительства (с 25 сентября), а также два «мятежа» – выступление большевиков 3-5 июля и «заговор» Корнилова. Рассматриваются они в тесной взаимосвязи – как два полюса революционного процесса – в виде дилеммы: Корнилов или Ленин?

Пристальное внимание уделяет Милюков анализу этапов движения большевиков к власти.

Касаясь событий 3-5 июля, он фактически признает их стихийными, но видит в них пролог октябрьского переворота: «Итоги опыта были чрезвычайно поощрительны. Большевики увидали, как, в сущности, легко овладеть властью. Было очевидно, что, когда наступит время для повторения опыта, они проведут его более систематически и сознательно». Главный же урок для власти состоял в том, что она не извлекла из случившегося никаких уроков: «Фатально государственный корабль несло течением к крутому обрыву» (с. 201).

Милюков-историк не скрывает, что Милюков-политик, находясь в гуще этих событий, не избежал гипноза недооценки политических потенций большевиков. Как ошиблись не только антибольшевистски настроенные слои населения, но вожди и рядовые члены практически всего широчайшего спектра оппозиционных большевизму партий и движений. Впоследствии эту позицию сторонних наблюдателей, «зрителей из партера», некоторые из них были склонны возвести в ранг некоего политического замысла. «В очень умеренных кругах, – свидетельствует Милюков, – последний эксперимент находили даже очень желательным, чтобы "навсегда излечить Россию от большевизма"». Прошло всего несколько месяцев, и Милюков, находясь на Дону (в Новочеркасске), где в это время уже формировалась Добровольческая армия, констатировал: «Опыт показал, что вся эта легкомысленная самоуверенность была глубоким заблуждением».

Отрекаясь от скептицизма, который породила у него в свое время «идеология большевистского переворота», изложенная в ле-

нинской брошюре «Удержат ли большевики государственную власть?» (вышла в свет 1 сентября), Милюков уже в начале 1918 г., размышляя с позиций не только политика, но и историка-аналитика, заключал: «Таким образом, теперь можно с большей объективностью прислушаться к тому, о чем предупреждал Ленин, взвесить то верное, что было в его предупреждениях, – и что дало большевикам доверие масс, внушило им ту смелость "дерзания", которой не хватало Керенскому, – и успехом их попытки вполне оправдало предварительные расчеты и соображения Ленина» (с. 579).

Эту свою уверенность большевики подтвердили своим отношением к предпринимавшимся попыткам хоть как-то стабилизировать положение в стране, демонстративно отказавшись от участия во Временном совете Российской республики (Предпарламенте) уже в день открытия его работы 7 октября. «Уходя из Мариинского дворца, – резюмирует Милюков, – большевики тем самым показывали, что парламентской борьбы они не признают и что дальнейшую борьбу против правительства и против «руководящих партий» Совета они будут продолжать вне этой залы, на улице. Они говорили и действовали, как люди, чувствующие за собой силу, знающие, что завтрашний день принадлежит им» (с. 539).

Власть в стране в октябре сменилась, но острейшие проблемы не только сохранились, но приобрели еще более острый и – в плане их решения – неотложный характер. Главным из них оставался вопрос о мире. Что же касается большевиков, то они, как нам уже приходилось говорить и писать[1], оказались в полном одиночестве, когда пришлось решать вопрос о формах и способах выхода из войны, взвалив ответственность за национальное унижение страны в форме сепаратного мира с Германией исключительно на свои плечи. И это не могло не способствовать обострению обстановки на пути движения страны к Гражданской войне.

За все приходилось платить сполна. Отвергнув идеи коалиции с другими революционными партиями и создания «однородного социалистического правительства», большевики предоставили своим политическим оппонентам важную дополнительную услугу, избавив их от необходимости примерять на себя саван постыдного Брест-

[1] Специально об этом см.: Журавлев В.В. Первая мировая война в человеческом измерении: власть и общество // Россия XXI. 2014. № 2. С. 62-94.

ского мира и размышлять над реальностью либо нереальностью других альтернатив решения вопроса.

Воспользовался этой «услугой» и Милюков. Завершая свой труд, он напишет: «Партия народной свободы предсказывала при этом, что победа большевиков повлечет за собой проигрыш войны и разделение России на части» (с. 685). В этом итоговом суждении Павел Николаевич говорит уже голосом политика, а не вдумчивого историка-аналитика, каким выступает на протяжении большей части книги.

К исходу 1917 и началу 1918 гг., и это сегодня уже очевидно для всех непредвзятых исследователей, предотвратить катастрофический для России итог войны не смог бы уже никто. Ибо все мыслимые и немыслимые шансы на изменение ситуации в стране и в армии были исчерпаны, что между строк фактически признает и Милюков. Большевикам в силу их неуступчивости и политического максимализма досталось в единоличное наследство лишь то, что было достигнуто совместными разнонаправленными действиями всех борющихся друг с другом социальных и политических сил страны.

Но признать это Милюков-политик, как и Милюков-историк, уже не смог. Ибо историографические оценки, основанные на полном понимании и признании коллективной ответственности – прямой или косвенной – всех политических и социальных сил за то, что страна в итоге вверглась в пучину Гражданской войны, могли появиться, быть осмыслены, сформулированы и аргументированы лишь потомками, причем очень далекими потомками[1], героев и мучеников Великой российской революции 1917 г.

Подводя итоги, следует, прежде всего, сказать, что обращение к труду Милюкова ставит перед нами сложную проблему взаимоотношений науки, идеологии и политики при воссоздании и оценке событий прошлого, настоящего и будущего. Особенно в том ее аспекте, который требует ответа на вопрос, возможно ли получить – в целом и основном – объективное историческое исследование от профессионального ученого, стоящего на твердых идеологических и политических позициях?

---

[1] См. новейший обобщающий труд: Российская революция 1917 года: власть, общество, культура: в 2 т. / Отв. ред. Ю.А. Петров. М., 2017. Т. 1. 743 с.; Т. 2. 591 с.

«История второй русской революции» дает нам достаточно редкий пример того, что на данный вопрос может быть получен и положительный ответ. Труд этот правомерно считать по сей день «работающим инструментом» познания эпохи, которой он посвящен. В том числе в свете сохраняющейся исследовательской ситуации, когда, по оценке современных специалистов, продолжает доминировать «разная критериальная оценка тех системных изменений, которые произошли в государственном устройстве, политической системе и политическом строе России в 1917 г.»[1].

В структуре сложного взаимодействия начал науки, идеологии и политики верх берет все-таки наука, последовательное стремление автора достичь истины в понимании смысла и логики развернувшихся в «роковом» году отечественной истории событий, в т.ч. в уяснении причин и уроков краха либерального движения в стране. Даже в тех случаях, когда истина эта – идейно, политически, нравственно, психологически – дается Павлу Николаевичу нелегко, он не жалеет о том, что «добровольно отказался от некоторых преимуществ мемуарного изложения, чтобы тем более приблизиться к выполнению задачи историка» (с. 686).

В данном отношении рассматриваемый труд разительно противостоит многим поделкам как пробольшевистской, так и антибольшевистской направленности, которыми так богата библиография данных событий.

Отметив во Введении к современному изданию «Истории», что «Милюков как историк-профессионал, стремился довести свой труд до совершенства», В.В. Шелохаев подчеркивает, что он «существенно отличается от десятитомного труда А.И. Солженицына "Красное колесо"[2], который также посвящен описанию событий 1917 года». Суть этого отличия, по мысли крупнейшего исследователя истории российского либерализма, заключается в следующем: «Если Милюкову, находившемуся в эпицентре послефевральских событий 1917 года, удалось создать объективное, живое, документальное, масштабное историческое полотно, то Солженицын, наоборот, "утонул", в буквальном смысле этого слова, в "груде" необработанного материала и не смог понять общий смысл поли-

---

[1] Аронов Д.В., Кошелева С.В. Типология государственной власти в России в феврале-октябре 1917 г. // История государства и права. 2017. № 19. С. 14.

[2] Солженицын А.И. Красное колесо. Узел I - IV. Париж, 1985-1991.

тических событий 1917 года, а главное, логику их развития от февраля к октябрю» (с. 5).

Добавлю, что автор «Красного колеса» не только «утонул» в разнородном материале, но и с усердием графомана попытался насытить – и перенасытить – далеко не всегда точно установленными или осмысленными фактами некую заранее, априори ясную для него схему, на публицистический смысл которой указывает само «хлесткое» название данной эпопеи.

Непрофессионализм и субъективизм подобного рода подходов ярко выявляет себя в сопоставлении с позицией, которую избрал Милюков, открыто заявивший, что «не хотел и не мог подгонять факты к выводам; наоборот, он принимал выводы из фактов, как нечто бесспорное, хотя бы эти выводы и противоречили настроению того момента, когда переживались события и писалась "История"» (с.11).

Новая «Смута», в эпицентре которой оказалась наша страна в 1990-е гг., лишь усилила «непререкаемость» толкований некоторых представителей западной историографии, склонных рассматривать историю России исключительно как цепь «периодических цивилизационных катастроф». Неясным, хотя и подразумевающимся, для них остается лишь один вопрос, который ставший американским историк А.Л. Янов выразил следующим образом: «Победит ли она (эта периодичность – В.Ж.) снова в двадцать первом [веке], предстоит ли, иначе говоря, России еще одна цивилизационная катастрофа…»?[1]

Иное видение будущего *своей* страны за восемь десятилетий до этого утверждал Павел Николаевич, пересмотревший, о чем уже говорилось выше, по завершении работы над «Историей второй русской революции» свое понимание места и роли народа в социальных движениях: «Если из мрака небытия, в котором мы погребены под обломками великих руин, нам удастся зафиксировать эту светлую точку вдали, то это соображение поможет излечить самый упорный пессимизм, и, быть может, внушить отчаявшимся и тонущим, каких теперь так много, – желание жить дальше, чтобы работать для родного народа на новом пути, избранном им самим» (с. 13).

---

[1] Янов А.Л. Европа в политической традиции России // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. С. 93.

И в этом признании судьбы Отечества как высшей ценности заключено свидетельство того, что сотканный из веры в Россию и не умирающих надежд на ее достойное будущее патриотизм Павла Николаевича Милюкова оказывался готовым вступить в благотворный дискурс, а может быть даже и спор, с его убеждениями как историка, так и политика.

А.С. Туманова[1]

ЛИБЕРАЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА: ПРОМЕЖУТОЧНЫЕ ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ОСМЫСЛЕНИЯ[2]

Постсоветский период обогатил российское обществоведение концептом гражданского общества. Само по себе его появление стало возможно в результате трансформации советского общества в постсоветское, сопровождавшейся кардинальным пересмотром традиционных институтов и ценностей. В экономической сфере происходила замена плановой командной экономики рыночным хозяйством, в политической сфере на смену однопартийной политической системе пришла многопартийность, модернизация правовой жизни выразилась в замене социалистического общенародного государства государством, признавшим права и свободы человека и гражданина высшей ценностью.

В 1990-е гг. понятие «гражданское общество» все шире и активнее входит в исследовательское поле общественных наук[3]. На

---

[1] *Туманова Анастасия Сергеевна – доктор исторических и юридических наук, профессор, профессор кафедры теории и истории права, ведущий научный сотрудник Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

[2] *Подготовка данной публикации была осуществлена при поддержке Фонда фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в рамках Программы фундаментальных исследований, проект «Адаптация современных подходов к менеджменту НКО и повышение эффективности развития третьего сектора в России» в 2018 г.*

[3] См, например: Ступишин В. Гражданское общество и демократическое государство // Общественные науки и современность. 1990. № 1. С. 87-95; Одинцова А.В. Гражданское общество: взгляд экономиста // Государство и право. 1992. № 8; Голенкова З.Т. Гражданское общество в России // Социс. 1997. № 1; Гражданское общество

проходившем в ноябре 2001 г. в Кремле Гражданском форуме и представители власти, и общественные деятели рассуждали о захлестнувшей российское общество самоорганизации и о задачах государства в этой связи. В 2000-е гг. российские обществоведы вели полемику по поводу понятия гражданского общества, его характеристик и ценностного наполнения, соотнесения с политическим обществом и с государством[1].

В фокус исследований попала и история гражданского общества. Однако вопрос о времени появления гражданского общества в России и специфике его развития является мировоззренческим в основе своей. Он тесно связан с представлениями о содержании понятия «гражданское общество», а также с определением сущности самодержавного строя, в условиях которого институты гражданского общества формировались.

В центре внимания автора статьи находятся ключевые подходы к изучению гражданского общества, существующие в современных гуманитарных науках, прежде всего, в исторической науке. Поскольку в последние десятилетия появилось существенное число работ по данной теме, а объем статьи не позволяет описать всего этого многообразия, автор ограничится исследованиями, представляющимися ему основополагающими.

Российскими учеными до сих пор не выработано единого подхода к трактовке гражданского общества. Ряд исследователей подразумевают под ним индустриальное общество, достигшее определенного уровня социально-экономического и культурного развития (рыночная экономика, демократия, признание прав человека и т.д.). Другие рассматривают гражданское общество как часть социума, сферу между индивидом и государством, противостоящую государству. Гражданское общество предстает в этой интерпретации как система горизонтальных связей и

в России: западная парадигма и российская действительность / отв. ред. К. Холодковский. М., 1996 и др.

[1] Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. 2002. № 1. С. 3-51; Мамут Л.С. Гражданское общество и государство: проблемы соотношения // Общественные науки и современность. 2002. № 5. С. 95-103; Мотрошилова Н.В. О современном понятии гражданского общества // Вопросы философии. 2009. № 6. С. 12-32.

отношений, охватывающая собой значительную часть населения и существующая вне властной вертикали. Философ В.М. Межуев, к примеру, понимает под гражданским обществом совместные (коллективные) действия людей в сфере их публичной жизни, которая перестает быть монополией властных элит[1]. Существует также взгляд на гражданское общество как на частную, неполитическую сферу социума, в которой происходит институционализация граждан посредством создаваемых ими ассоциаций.

В условиях плюрализма подходов к гражданскому обществу вновь оказываются востребованными концепции и определения, созданные ведущими западными теоретиками. У истоков современных представлений о гражданском обществе стоит французский аристократ, социолог и историк первой половины XIX столетия Алексис де Токвиль. Посетивший Соединенные Штаты Америки в 1830-е гг., Токвиль пришел к выводу, что США продвинулись в развитии гражданского общества существенно далее других стран. Америка переживала тогда «эру ассоциаций», они возникали там тысячами и формировали своеобразный этос. Создавая ассоциации, американцы, по словам Токвиля, брали ответственность за свою жизнь и работали во имя общего блага. В классическом труде «Демократия в Америке» (1835-1840 гг.) ученый постулировал, что стержневым институтом гражданского общества служат добровольные ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты, и защищавшие граждан от возможной тирании большинства. По мере того, как «свободная сфера общественной жизни» наполнялась ассоциациями, государству, согласно Токвилю, ничего не оставалось как отстраниться от многих функций, которые оно выполняло[2].

Описанные Токвилем процессы легли в основание теории публичной сферы, созданной немецким философом Юргеном Хабермасом в 1962 г. и ставшей ключевой для объяснительных моделей формирования гражданского общества. В фундаментальной работе о структурной трансформации публичной сферы Хабермас

---

[1] Межуев В.М. Гражданское общество и современная Россия // Человек и культура в становлении гражданского общества в России. М., 2008. С. 6.
[2] Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

рассмотрел развитие политико-философских идей и институтов общественности в буржуазную эпоху (XVIII–XIX вв.) и выделил несколько ключевых форм, в которых нашло выражение становление общественности. В их числе были кофейни, читательские и дискуссионные кружки, клубы и др. Распространение газет и журналов привело, по мнению Хабермаса, к политизации общественности, к появлению у нее претензии на участие в политической жизни и в государственном управлении. Выход политически активной общественности на арену истории был связан с созданием представительного органа власти. Суть процесса, в понимании Хабермаса, состояла в переходе публики с ее растущими частными интересами в новое качество, от контрагента власти в ее полноправного партнера-оппонента, научавшегося действовать активно и превращавшегося в политического субъекта. В ядро слоя «публики» Хабермас включил буржуа, а также должностных лиц общественного управления: в континентальной части Европы с ее традицией рецепции римского права и правовой доктрины как способа рационализации общественных отношений это были, прежде всего, юристы. Наряду с ними к публике причислялись врачи, приходские священники, офицеры, профессора, а также школьные учителя и писари[1].

Гражданское общество трактуется Хабермасом как сфера между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация, а также как зона частной автономии, создаваемой частным правом и либеральным рынком. Ядром гражданского общества немецкий ученый признает добровольные ассоциации, находящиеся вне государства и экономики, которые дают гражданам возможность управлять самостоятельно и формировать мнения, действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале. Хабермас характеризует ассоциации как «центры кристаллизации автономной публичности»[2]. К ним он причисляет церкви, культурные союзы и академии, независимые СМИ, спортивные и дискуссионные клубы, группы для общего проведения досуга, гражданские инициативы и форумы, а также профессиональные объединения. Добровольные ассоциации

---

[1] Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inguiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27–73.

[2] Хабермас Ю. Предисловие к переизданию 1990 года // Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества. М., 2016. С. 41-42.

служили антитезой королевскому абсолютизму и патриархальному укладу жизни, играли определяющую роль в создании новой (буржуазной) публичной сферы, в рамках которой частные лица собирались вместе, чтобы публично обмениваться мнениями и становиться публичными людьми, создавать общественность[1].

Наряду с укоренившимися в науке классическими подходами к гражданскому обществу, существуют и постклассические подходы и определения. Современный немецкий историк Штефан-Людвиг Хоффманн предпринял, к примеру, попытку препарировать процессы гражданской самоорганизации с позиций категорий «социальное общение» и «демократия». Отталкиваясь от концепций гражданского общества Токвиля и Хабермаса и разделяя их мнение о ключевой роли ассоциаций в создании публичного пространства, Хоффман сосредоточивает свое внимание на ассоциативной культуре, в частности, на такой ее характеристике, как социальное общение, а также на его социальных, нравственных и политических последствиях. Под социальным общением он понимает присущие добровольным ассоциациям практики: формализованные правила (процедуру приема, уставы и т.п.), принципиальное равенство членов, автономные цели (совершенствование нравов и пр.) и добровольность объединения. Акцент на практиках ассоциаций позволяет, по словам Хоффмана, сделать более обозримым поле исследования и частично исключить из него неформальную общественность (аристократические салоны, буржуазные семьи, чайные, создание национальных памятников и пр.)[2].

Используя парные понятия «демократия» и «социальное общение», Хоффман характеризует противоречия в функционирования ассоциаций в течение «долгого» XIX в., от позднего Просвещения до Первой мировой войны, а также воссоздает историю их успеха в указанный период, что лишний раз доказывает, по его словам, существование связи между социальным общением и демократией[3]. В фокусе исследования оказывается сравнительная история общественности, воплощенная

---

[1] Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. P. 27-31.
[2] Хоффманн Ш.Л. Социальное общение и демократия. Ассоциации и гражданское общество в транснациональной перспективе, 1750-1914. М., 2017. С. 10, 20, 21.
[3] Там же. С. 142.

в социальных практиках функционирования ассоциаций различных стран и регионов, от США до европейских государств (Британская империя, Франция, немецкие государства, включая Австро-Венгрию, Российская империя). Характеризуя существующие сегодня тенденции исследования общественных ассоциаций, Хоффман указывает, что если ранее импульсы для историографии социального общения исходили от социологии и антропологии, то теперь законодателем умов служит политическая теория либерализма. Он справедливо замечает, что история ассоциаций тождественна истории либерализма, поскольку в эпоху, когда большинство стран на европейском континенте существовало в форме конституционных монархий, ассоциации действовали как школа демократии[1].

Продуктивным направлением современных исследований гражданского общества следует признать попытку рассмотреть этот процесс сквозь призму формирования гражданской идентичности. Такая постановка проблемы была предпринята в коллективной монографии под редакцией Б. Пиетров-Энкер и Г.Н. Ульяновой[2], а также в сборнике статей под редакцией Н.А. Проскуряковой[3]. Данные работы выполнены при участии как российских, так и зарубежных авторов, известных специалистов по интересующей нас проблематике. Они содержат обзор современных теорий идентичности, а также эмпирические исследования социальных представлений, практик, коллективных и персональных идентичностей представителей интеллектуальных профессий (учителей, профессуры, адвокатуры и др.), сложившихся на рубеже XIX-XX столетий. Исследуемые идентичности, практики и представления анализируются на предмет соответствия идеальным моделям гражданства и гражданского общества, а также с позиций смыслового содержания, которое вкладывалось в них современниками.

Исследования гражданского общества с позиций гражданской идентичности тесно связаны с исследованиями истории российской

---

[1] Там же. С. 130.

[2] Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX-начало XX века / Отв. редакторы Б. Пиетров-Энкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007.

[3] Гражданская идентичность российской интеллигенции в конце XIX – начале XX века: Сб. статей / отв. ред. Н.А. Проскурякова. М., 2013.

общественности, являвшейся носителем гражданской культуры. Под общественностью понимается образованная часть общества, мыслящая категориями общественного блага и воплощающая свою идентичность в различных объединениях.

В России начала XX в. понятие «общественность» обозначало «образованное общество», а также общественную сферу в целом, мотивированную на достижение общественного блага. Изучившая практику употребления термина «общественность» в текстах второй половины XIX – начала XX в. О.Ю. Малинова отмечает, что последний ассоциируется с общественной жизнью и характерными для нее практиками, а также с общественным мнением и критически настроенной читающей публикой. Данное понятие, как отмечает Малинова, употреблялось в значении активной силы, противостоявшей правительству/власти[1].

Авторам вышедшего в США в 1991 г. сборника «Между царем и народом» термин «общественность» представлялся категорией, близкой к понятиям «среднее сословие» и «буржуазия», используемой для обозначения готовности действовать ради всеобщего блага и прогресса, а не для реализации узких задач какого-либо определенного класса[2]. В работах 2000-х гг. общественность уже, как правило, не отождествляется с буржуазией, поскольку носителем ценностей гражданского общества в России, воссоздававшихся добровольными ассоциациями, являлся не только и не столько средний класс, сколько либеральные землевладельцы, дворянская и разночинная интеллигенция, правительственные чиновники и др.[3] Институциональный характер придал данному понятию Манфред Хильдермайер, обозначив «общественность» как «самостоятельно развивающуюся, публичную, не требующую самоотверженности (политической активности – *А.Т.*), но и не эгоистическую деятельность в различных объединениях, без которой невозможно граж-

---

[1] Малинова О.Ю. Общество, публика, общественность в России середины XIX-начала XX века: Отражение в понятиях практик публичной коммуникации и общественной самодеятельности // «Понятия о России»: К исторической семантике имперского периода. Т. I. М., 2012. С. 443, 445, 462.

[2] Clowes E. W., Kassow S.D., West J.L. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991.

[3] Bradley J. Subjects into Citizens: Societies, Civil Society, and Autocracy in Tsarist Russia // American Historical Review. Vol. 107. No. 4. October 2002. P. 1100.

данское общество»[1]. Б.Н. Миронов понимает под «общественностью» прежде всего образованную и социально активную часть населения, к которой относит дворянство, духовенство и верхи торгово-промышленного класса[2]. Немецкий историк Л. Хэфнер трактует «общественность» как обладателей имущества и образования, а в широком смысле, как специфическую форму социума, границы которого заданы такими институциями, как салоны, ассоциации, городские думы. Основываясь на подсчетах численности членов общественных организаций городов Саратова и Казани, он утверждает, что в начале XX в. доля общественности не превышала 1,5-2% в массе городского населения (с учетом их жен и детей – 2-3%), насчитывая в Казани и Саратове максимально 2-3 тыс. человек мужского пола. Для сравнения: число немецких буржуа равнялось 5-15% населения[3].

Примером институционального подхода к проблеме становления в России гражданского общества явилась монография «Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX вв.», изданная под нашей редакцией в 2011 г.[4] Ее авторами явились видные российские историки А.Д. Степанский, И.С. Розенталь, В.Я. Гросул, А.Е. Иванов, Д.И. Раскин, американский историк Дж. Брэдли и др. Именно общественные организации, их различные виды и категории, явились предметом рассмотрения в книге. Становление и развитие общественных организаций впервые прослежено на протяжении всего имперского периода с последней трети XVIII в. и до начала XX в. Авторами рассмотрены основные этапы формирования общественности, охарактеризованы социокультурные и правовые основы общественной самоорганизации, факторы ее активизации в годы Великих реформ и конституционных преобразований начала XX в.,

---

[1] Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218.

[2] Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Т. 2. СПб., 2000. С. 210-211.

[3] Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 187, 199, 201-202.

[4] Самоорганизация российской общественности в последней трети XVIII – начале XX веков / отв. редактор А.С. Туманова. М., 2011.

показано развитие культуры общественной самоорганизации как специфического вида культуры общества, представлена типология добровольных организаций. Рассмотрена история формирования, развития и итоги деятельности наиболее ярких и представительных групп общественных организаций имперской России: клубов, благотворительных, просветительных, сельскохозяйственных, учительских, литературно-художественных, женских, досуговых, вероисповедных и национальных. Общественные организации трактуются как институциональный стержень для создания в императорской России публичной сферы и формирования гражданского общества.

Авторами были выработаны основные критерии, которые, по их мнению, позволяют судить о качественном состоянии общественной самоорганизации в различные периоды существования Российской империи. Во-первых, это наличие институционального каркаса в виде оформившейся системы добровольных ассоциаций, отражавших разнообразие интересов и потребностей групп российского общества, сформированные ими ценности. Во-вторых, складывание правовой основы для самоорганизации, регулирование различных сторон жизнедеятельности обществ действующим законодательством, а также рождение доверия к праву как к регулятору взаимоотношений между властью и обществом. Третий существенный аспект самоорганизации – идеологический – предполагал бытование в обществе идеологии, признававшей значимость объединения людей как важного фактора развития социума, способа разрешения назревших проблем населения, реализации его прав и свобод. Четвертый – практический (деятельностный) аспект – включал наличие у самодеятельных объединений успехов в достижении декларированных ими задач. Все вышеперечисленные факторы были рассмотрены в совокупности, а также в динамике. Анализируя каждый из них, исследователи констатировали определенный прогресс от царствования к царствованию (хотя и отметили цикличность общественного развития), считая периодом наивысшего формирования общественной инициативы монархию Николая II. В начале XX в. в России активно происходил процесс разложения сословного общества, и общественное положение подданного все меньше определялось его сословным статусом и все больше – его профессиональной принадлежностью и активной гражданской позицией.

Автор первой главы В.Я. Гросул, характеризуя русское общество XVIII-XIX вв., приходит к выводу о возрастании роли общественной инициативы и о превращении общественных организаций к концу XIX в. в заметную силу, в той или иной степени независимую от власти и даже ей порой противостоящую. Недоверие власти к общественной инициативе, а зачастую и противодействие ей сдерживали, по его мнению, ее развитие в начале XX в.[1]

И.С. Розенталь в разделе, посвященной клубам императорского России[2], рассматривает возникновение и развитие клубов как важную составную часть институционализации сферы досуга жителей городов, в которую с течением времени включались все новые общественные слои. Подчеркивая значение клубов для российского общества и для публичной власти, Розенталь изучает их роль в формировании общественного мнения, их участие в создании элит и элитарного образа жизни и, в конечном счете, в сплочении вокруг клубов интеллигенции. Анализируя роль и значение российских клубов, он признает существование в России начала прошлого века ростков гражданского общества, уничтоженных после 1917 г.[3] По мнению Розенталя, высказанному в его более ранней работе, в России в начале XX в. складывались самоорганизующиеся институты, необходимые для выражения и реализации интересов граждан, к числу которых относились, в первую очередь, добровольные общества и союзы. Увеличение их количества, расширение круга участников свидетельствовало о дифференциации потребностей, усвоении идеи самоценности личности, осознании права на выбор форм взаимного сотрудничества – помимо сословных и иных градаций, установленных государством[4].

Монография базируется на исследовательских наработках предшественников, прежде всего историка общественных организаций А.Д. Степанского[5], памяти которого она посвящена. В разра-

---

[1] Самоорганизация российской общественности. С. 165.

[2] Данный раздел является сокращенной версией его монографии. См.: Розенталь И.С. И вот общественное мненье! Клубы в истории российской общественности. Конец XVIII – начало XX вв. М., 2007.

[3] Самоорганизация российской общественности. С. 431.

[4] Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004. С. 204.

[5] Степанский А.Д. История общественных организаций дореволюционной России. М., 1979; Он же. Самодержавие и общественные организации России на рубеже XIX-XX вв. М., 1980; Он же. Общественные организации в России на рубеже XIX-XX веков.

ботке данной темы доктор исторических наук, профессор РГГУ Степанский являлся, в полном смысле, первопроходцем. Именно он составил первую современную типологию российских обществ, дал периодизацию основных этапов их развития, начиная с последней четверти XVIII в. и заканчивая рубежом XIX-XX вв., проанализировал причины их возникновения и охарактеризовал основные принципы деятельности, осмыслил феномен добровольных ассоциаций как составной части политической организации общества.

Приведенный обзор историографических подходов к проблеме гражданского общества позволяет говорить о ее известной дискуссионности и о неразрешенности ряда важных вопросов. Во-первых, как можно оценить состояние общества позднеимперской России, достигло ли оно качества гражданского общества и насколько далеко продвинулось в этом направлении в предреволюционный период? Во-вторых, как складывались взаимоотношения институтов гражданского общества и публичной власти на различных этапах становления общественности, препятствовала ли власть формированию общественных институтов либо же соучаствовала в этом процессе?

Концентрированное выражение этой дискуссии можно увидеть в суждениях западных русистов. Историки Л. Хэфнер, Э. Кимбелл, Дж. Хатчинсон характеризуют гражданское общество последнего десятилетия царского режима как относительно слабое. Свои выводы они основывают на утверждении об отсутствии в условиях самодержавного строя, либо присутствии в минимальных дозах таких важных атрибутов гражданского общества как защищенные права личности и собственности, религиозная и этническая терпимость, верховенство права и закона, неприкосновенность частной собственности и автономия частной сферы, а также сильный средний класс и развитые коммерциализированные города. Важным критерием в их построениях выступает также отношение верховной власти к праву. Оценивая акты 3 июня 1907 г. о роспуске Государственной думы и об изменении порядка выборов в нее как свидетельство того, что «русское государство и его лидеры не держались за право и закон» и «гражданственность» самодержавия… страда-

---

М., 1982; Он же. Легальные общественные организации в политической системе царской России // Общественные организации в политической системе 1917-1918 годов. М., 1991 и др.

ла от юридического дефицита», немецкий ученый Л. Хэфнер утверждает, что гражданское общество не было принято большинством населения в качестве третьей силы после радикальной оппозиции и самодержавия и разорвалось между этими крайностями. Хэфнеру видится более адекватным применительно к поздней имперской России понятие локального, «местного общества», нежели «гражданского». Ученый признает наличие гражданского общества на местах, в отдельных губернских и уездных центрах, и констатирует отсутствие его в общеимперском масштабе ввиду отсутствия форм и сетей коммуникаций на межрегиональном уровне. Российское местное общество, являвшееся эквивалентом европейского буржуазного общества, не выполнило, по мнению Хэфнера, своей исторической роли. Будучи аморфным и малочисленным (всего 1,5–2 % по подсчетам Хэфнера от численности городского населения Казани и Саратова), оно не сумело стать интегрирующей третьей силой между властью и массами, в результате чего и «было раздавлено этими жерновами»[1].

Наиболее последовательным сторонником утверждения, что в позднеимперской России существовало гражданское общество, сопоставимое с западноевропейскими аналогами, является американский историк Дж. Брэдли. Рассматривая жизнедеятельность обществ в сфере науки и образования[2], Брэдли призывает считать их моделью самоорганизации, в рамках которой формировалась публичная сфера гражданского общества и адекватная ему политическая и правовая культура, было достижимо социальное согласие. Под публичной сферой им понимается социальная среда, в которой частные лица защищали свои интересы, обсуждали общие вопросы и выражали позиции. Для Брэдли данное понятие синонимично термину «общественность». В условиях самодержавия общества

---

[1] Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3. С. 196, 199-201; Он же. В поисках гражданского общества в самодержавной России. 1861-1914 гг. Результаты международного исследования и методологические подходы // Гражданская идентичность и сфера гражданской деятельности в Российской империи. Вторая половина XIX – начало XX века / Отв. ред. Б. Пиетров-Эннкер, Г.Н. Ульянова. М., 2007. С. 51.

[2] Bradley J. Voluntary Associations in Tsarist Russia. Science, Patriotism and Civil Society. Cambridge, London, 2009. См. также русскую версию книги: Брэдли Дж. Общественные организации в царской России: наука, патриотизм и гражданское общество. М., 2012.

являлись, по его мнению, самостоятельными и самоуправляющимися организациями, в которых вырабатывалась система ценностей, не характерных для традиционной России: личная инициатива, дух предприимчивости, трудолюбие, самостоятельность, ответственность за свою судьбу, самосовершенствование, вера в науку и прогресс. Именно в обращении к общекультурным идеалам и либеральным ценностям, заключенным в деятельности неполитических ассоциаций, Брэдли видит способ преодоления доминировавшего много лет в исторических исследованиях противопоставления государства и общества. Первоначально общества, по его мнению, были благонамеренны и законопослушны, требуя лишь организационной автономии, однако, не получив желаемого, многие из них переходили к конфронтации с государством. Историк приходит к выводу, что неуспех России в развитии жизнеспособных демократических институтов был неуспехом не гражданского общества, но следствием бескомпромиссной политики самодержавной власти, не пожелавшей этого допустить и слишком долго не терпевшей рядом с собой существования политической публичной сферы, способной содействовать развитию процессов, запущенных добровольными ассоциациями. «Так же, как и в странах континентальной Европы, частные ассоциации в России были институциональным каркасом для освобождения общества от диктата государства. Однако успех или неуспех такого освобождения… во многом зависит от степени готовности государства "отпустить общество на свободу", терпеть дрейф частных ассоциаций в сторону политики и позволить неполитической публичной сфере стать посредником в этом процессе», – пишет Брэдли[1].

Близкую точку зрения высказывает и А.Н. Медушевский, который изучает формирование гражданских институтов на всероссийском материале и в длительной исторической ретроспективе, также сопоставляя отечественный опыт с европейским. Динамику реформаторского процесса в России Медушевский отождествляет с диалектической спиралью, на каждом новом витке которой ему видится продвижение страны к гражданскому обществу и правовому государству. Важной вехой на этом пути ученый считает Великие реформы, и, в первую очередь, реформу 1861 г., создавшую правовую основу для трансформации аграрного общества в направлении

[1] Брэдли Дж. Общественные организации в царской России. С. 439-440.

общества гражданского. Слабость гражданских институтов он объясняет неподкрепленностью социальной реформы реформой политической, т.е. переходом от самодержавия к представительной системе правления в виде конституционной монархии. В подобных условиях авторитарная власть в России была призвана, по мнению историка, выполнять несвойственную ей функцию, правовым путем разрешать фундаментальный социальный кризис традиционного общества и осуществлять реформационный переход к гражданскому обществу, что и обусловило сложности и диспропорции этого движения[1].

Вину за незавершенность формирования в дореволюционный период гражданских институтов возлагает на авторитарный режим и В.В. Шелохаев. По словам этого видного историка российского либерализма, последний «искренне верил и рассчитывал, что ему удастся дозировать и контролировать процесс модернизации, направлять его в приемлемое русло», ввиду чего долгое время искусственно блокировал такие составляющие модернизационного процесса, как введение гражданского равноправия, политических свобод, реформирование политической системы. «Из-за того, что личность была подавлена и вытеснена на периферию социальных связей, – считает Шелохаев, – общество не смогло выстроить эффективные экономические, правовые, политические отношения, стать действенным партнером государственной власти»[2]. Особо следует отметить очерк Шелохаева «Институты гражданского общества и правового государства» в изданной под его редакцией коллективной монографии «Модели общественного переустройства России. XX век» (М., 2004), где дана характеристика воззрений на гражданское общество и правовое государство теоретиков Партии народной свободы, анализируется разработанный кадетами пакет законопроектов, гарантировавших права личности и способствовавших демократизации российского общества начала XX в.

---

[1] Медушевский А.Н. Формирование гражданского общества: реформы и контрреформы в России // Реформы и реформаторы в истории России: Сб. статей. М., 1996. С. 75; Он же. Диалог со временем: российские конституционалисты конца XIX - начала XX вв. М., 2010; Он же. Ключевые проблемы российской модернизации. М., 2013. С. 133-136.

[2] Шелохаев В.В. Вводная статья // Права и свободы человека в программных документах основных политических партий и объединений России. XX век. М., 2002. С. 4.

Как полагает петербургский историк Б.Н. Миронов, хотя Россия по показателю зрелости гражданского общества, а именно – по числу добровольных организаций и по степени их общественной активности, и уступала западным странам, однако прогресс в XIX – начале XX вв. был налицо. Российские добровольные ассоциации являлись бастионами западной культуры, выполняли функцию тигля, где формировался средний класс, где происходила надсословная, надэтническая, надрелигиозная социализация. Поле их деятельности постоянно увеличивалась, и в начале XX в. они непосредственно формировали общественную жизнь российских городов[1].

В 1990-е-2010-е гг. в России появилось большое число исследований, акцентирующих внимание на таком качестве общественных ассоциаций, как укорененность в локальном обществе. Процессы общественной самоорганизации на уровне отдельных городов исследованы весьма обстоятельно. Опыт Москвы рассмотрен в статьях Дж. Брэдли[2] и А.С. Тумановой[3], в монографии И.С. Розенталя[4], опыт Казани – в главе коллективной монографии казанских историков, написанной А.Н. Зориным и Е.В. Клюшиной[5], опыт Саратова – в статьях Л. Хэфнера[6], опыт Тамбова – в книге А.С. Тумановой[7], опыт Костромы и Ярославля – в диссертационном исследовании

---

[1] Миронов Б.Н. Добровольные ассоциации и гражданское общество в позднеимперской России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2008. Т. XI. № 1. С. 189-192.

[2] Bradley J. Voluntary associations, civic culture and obchestvennost' in Moscow // Clowes E. W. et al. (eds.). Between Tsar and People: Educated Society and the Quest for Public Identity in Late Imperial Russia. Princeton, 1991. P. 131-148; Брэдли Дж. Общественные организации и развитие гражданского общества в дореволюционной России // Общественные науки и современность. 1994. № 5. С. 77-89.

[3] Туманова А.С. Добровольные организации и общественность города Москвы в начале XX в. // Россия XXI. 2005. № 1. С. 96-121.

[4] Розенталь И.С. Москва на перепутье: Власть и общество в 1905-1914 гг. М., 2004.

[5] Зорин А.Н., Клюшина Е.В. Общественные организации городов // Очерки городского быта дореволюционного Поволжья / А.Н. Зорин, Н.В. Зорин, А.П. Каплуновский и др. Ульяновск, 2000.

[6] Хэфнер Л. Civil Society, Burgertum и «местное общество»: в поисках аналитических категорий изучения общественной и социальной модернизации в позднеимперской России // Ab Imperio. 2002. № 3.

[7] Туманова А.С. Общественные организации города Тамбова на рубеже XIX-XX веков. Тамбов, 1999.

О.Ю. Соболевой[1], опыт Рязани – в диссертации О.Е. Сафоновой[2]. Развитие организованной общественной самодеятельности в Поволжье, на Дальнем Востоке, на Среднем Урале и в Сибири также стало объектом специальных исследований[3]. Предметом исследования в последние годы становятся и судьбы отдельных ассоциаций[4].

Изучение состояния и качества развития ассоциаций в провинции, в особенности в провинции неуниверситетской, показывает, насколько институты и практики гражданского общества, общественного участия и самодеятельности были развиты в дореволюционной России. Основываясь на исследованиях, анализировавших процессы самоорганизации, происходившие на уровне отдельных городов, немецкий историк Хильдермайер оценивает степень развития гражданского общества накануне Первой мировой войны и революции 1917 г. как достаточно высокую. Возникновение большого числа добровольных объединений в разных сферах знаменовало, по его словам, «начало самостоятельной деятельности ранее пассивных сегментов общества, которая могла бы развиться до той степени, которая является внутренним ядром гражданского общества»[5].

Очевидно, что изучение гражданского общества должно опираться на обширный источниковый материал. Плодотворной представляется попытка найти точку соприкосновения между

---

[1] Соболева О.Ю. Региональные легальные общественные организации на рубеже XIX-XX вв. (1890-1914) (на материалах Костромской и Ярославской губерний). Дис. ... к.и.н. Иваново, 1993.

[2] Сафонова О.Е. Общественные неполитические организации Рязанской губернии в эпоху модернизации (конце XIX – начало XX в.). Дис. … канд. ист. наук. Рязань, 2017.

[3] Хаченьян А.Л. Общественные организации Нижнего Поволжья на рубеже XIX–XX веков. Дис. … канд. ист. наук. Волгоград, 1999; Дегальцева Е.А. Общественные неполитические организации Западной Сибири (1861-1917 гг.). Барнаул, 2002; Котляр Н.В. Российские общественные организации Дальнего Востока в конце XIX – начале XX вв. Дис. … канд. ист. наук. Владивосток, 2004; Казакова-Апкаримова Е.Ю. Формирование гражданского общества: городские сословные корпорации и общественные организации на Среднем Урале во второй половине XIX – начале XX в. Екатеринбург, 2008.

[4] Майофис М. Воззвание к Европе: Литературное общество «Арзамас» и российский модернизационный проект 1815-1818 годов. М., 2008; Дмитриевский А.А. Императорское Православное Палестинское Общество и его деятельность за истекшую четверть века: 1882-1907. СПб., 2008; Аронов Д.В., Коновалова М.А. Московское юридическое общество в репрессивной практике Министерства народного просвещения: 1889-1892-1899 гг. // История государства и права. 2015. № 14. С. 32-37.

[5] Хильдермайер М. Общество и общественность на закате царской империи. Некоторые размышления о новых проблемах и методах // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. Сборник статей в честь Бориса Васильевича Ананьича. СПб., 2003. С. 218.

нормативными теориями гражданского общества, предписывающими гражданам, как и что им делать, и эмпирическими исследованиями, показывающими, кем они являются и что делают на самом деле. Полагаем, что приведенные в статье исследования являются существенным продвижением в изучении гражданского общества и добровольных ассоциаций.

А.В. Попова[1]

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ РОССИЙСКОГО НЕОЛИБЕРАЛИЗМА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

Неолиберальная политико-правовая доктрина[2] как ценностная мировоззренческая структура возникла в России в конце XIX в. на основе либерального направления государственно-правовой мысли, получившего свое развитие в России еще в XVIII в. По мнению исследователя дореволюционного российского либерализма И.Д. Осипова, неолиберализм как учение представлял собой «особую сборку» отечественного либерализма из внешне однотипных с европейским либерализмом ценностей и концепций»[3].

Первые попытки классифицировать различные течения российского либерализма предпринимались еще в 1904-1906 гг. в трудах идеологов разных политических движений, сосуществовавших в данный исторический период. По мнению представителей партии меньшевиков, в России было два качественно различных направления в либеральном движении – «Союз освобождения» («освобожденцы») и «Союз земцев-конституционалистов» («конституцио-

---

[1] *Попова Анна Владиславовна – доктор юридических наук, доцент, Профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»; профессор конституционного права Института права и национальной безопасности ФГОБУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»; профессор кафедры теории государства и права ФГОБУ ВО «Башкирский государственный университет».*

[2] См. подробнее: Попова А.В. Теоретико-правовое исследование неолиберальной политико-правовой доктрины в России (конец XIX – начало XX вв.): дис. … д.ю.н. М., 2014.

[3] Осипов И.Д. Философские основания русского либерализма (XIX - начала XX века): дис. … д.ф.н. СПб., 1999. С. 8.

налисты»)»[1]. «Освобожденцы», по словам А.С. Мартынова, выступили «пионерами нового буржуазно-демократического либерализма, идеологами буржуазного прогресса и социальных реформ»[2]. Ю.О. Мартов, характеризуя политические партии во время Первой русской революции и последующие годы, отмечал, что левые партии подразделялись на революционные и либерально-демократические, среди которых партия «Народной свободы» (или конституционных демократов) действительно была самой массовой и влиятельной[3].

В научной литературе советского периода господствовала точка зрения о том, что либерализм и неолиберализм представляли собой сходные по своим теоретическим установкам типы правопонимания, но при этом последний являлся высшим этапом развития либерального мировоззрения[4]. Е.Д. Черменский писал, что либеральная оппозиция до 1905 г. была едина по своим идеологическим установкам, а «Союз освобождения» представлял собой закономерный этап в развитии либерального земского движения[5]. И.Ф. Гиндин, напротив, считал, что в истории политико-правовой мысли сосуществовали классический либерализм, под которым он подразумевал земский и «настоящий буржуазный либерализм», трактовавшийся им как новый либерализм (неолиберализм), представлявший собой идеологию «буржуазной интеллигенции», и поэтому не получивший поддержки капиталистов[6]. К.Ф. Шацилло разделял точку зрения Гиндина и определял неолиберализм как либерализм более высокого качества, т.к. его выразителем была «новая буржуазная интеллигенция»[7].

Таким образом, в советской историографии утвердился тезис о том, что на рубеже XIX - XX вв. – «старый» и «новый» либерализм в

---

[1] Егоров А.Н. Историографическая судьба русской либеральной идеи (начало XX века) // Русская культура нового столетия: Проблемы изучения, сохранения и использования историко-культурного наследия. Вологда, 2007. С. 492.

[2] Общественное движение в России в начале XX века / Под ред. Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова. В 4-х тт. Т. 3. Кн. 5. Партии – их состав, развитие и проявление в массовом движении, на выборах и в Думе. СПб., 1914. С. 2.

[3] Мартов Ю.О. Избранное. М., 2000. С. 244.

[4] См., например: Зорькин В.Д. Позитивистская теория права в России. М., 1978. С. 136.

[5] Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. 448 с.

[6] Гиндин И.Ф. Русская буржуазия в период капитализма, ее развитие и особенности. // История СССР. 1963. № 2. С. 57-80; № 3. С. 37-60.

[7] Шацилло К.Ф. Первая революция в России 1905-1907. М., 1985. 223 с.

России сосуществовали и дополняли друг друга. Так, В.Я. Лаверычев писал, что «новый» либерализм не заменил и не вытеснил окончательно «старый» земский либерализм, а существовал и действовал рядом с ним[1]. Разделяя такую точку зрения, А.Д. Степанский отмечал, что не было серьезных различий между либералами-помещиками и либералами-интеллигентами[2]. При этом «новый» либерализм, хотя и отделился от «старого», но до конца не смог полностью освободиться от наследия прошлого[3], т.к. представители «старого» или «классического» либерализма, возникшего и развившегося в самостоятельное учение в XVI–XVIII вв., трактовали свободу как отсутствие принуждения и видели ее естественные ограничения в равенстве прав других людей.

В конце 1980-начале 1990-х гг. в российском обществе начался этап углубленного изучения истории становления и развития российского либерализма, что можно объяснить сменой правовой идеологии и открытием для широкого пользования архивных документов, ранее закрытых. Исследование российского либерализма превратилось в самостоятельное научное направление, получившее развитие в различных областях научного знания[4]. Так, были выявлены не только характерные черты российского варианта либерализма, но и его особенности в сравнении с западноевропейским классическим либерализмом. Представители либеральной доктрины при помощи правительственных реформ пытались привнести западные идеи в малоподготовленную к их восприятию среду, рассчитывая создать в России гражданское общество и правовое государство. Поэтому в историографии был сделан вывод о формировании российского либерализма в условиях уже существующей ограниченной демократической традиции, хотя на Западе демократия сама основывалась на либеральной правовой док-

---

[1] Лаверычев В.Я. Общая тенденция развития буржуазно-либерального движения в России в конце XIX-начале XX века. // История СССР. 1976. № 3. С. 27-38.

[2] Степанский А.Д. Либеральная интеллигенция в общественном движении России во второй половине XIX-начале XX вв. // Исторические записки. 1983. № 109. С. 65-66.

[3] См., например: Щетинина Г.И. Интеллигенция, революция, самодержавие. // История СССР. 1970. № 6. С. 134; Савельев В.А. Теория возрожденного естественного права в учении П.И. Новгородцева. // Труды ВЮЗИ. Вопросы государства и права в общественной мысли России XVI-XIX вв. М., 1979. С. 110-128.

[4] Шацилло К.Ф. Первая революция в России 1905-1907. М., 1985. 223 с.; Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1907-1914 гг. М., 1991. 231 с.; Думова Н.Г. Кончилось ваше время. М., 1990. 335 с. и др.

трине[1]. Таким образом, исторические условия развития либерализма в России послужили основой для формирования новой системы ценностей – неолиберализма[2]. Применительно к России второй половины XIX - начала XX вв. неолиберализм определялся как «общественное движение, представленное главным образом интеллигенцией и направленное на достижение правового государства и гражданского общества»[3]. В.В. Шелохаев в своих работах продемонстрировал принципиально отличное от советской историографии отношение к неолиберализму, определив его основой концепцию синтеза «бессословной» интеллигенции, заинтересованной в эволюционной модернизации страны, и «внеклассового» государства[4].

В 90-х гг. XX в. в исторической и политологической литературе установилось тождество понятий «социальный либерализм» и «новый либерализм», обоснованное социальным характером неолиберализма, выражавшимся в стремлении обеспечить каждому гражданину право на достойное человека существование[5]. Важнейшей

---

[1] См. например: Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема // Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Матер. межд. науч. конф. М., 1999. С. 23-24; Либеральная модель общественного переустройства России конца XIX-начала XX века. М., 1994. 131 с.; Русские либералы – кадеты и октябристы: (Документы, воспоминания, публицистика) М., 1996. 303 с.; Либерализм в России. (Сб. ст.). М., 1996. 449 с.; Опыт русского либерализма. Антология. М., 1997; Алафаев А.А. Русский либерализм на рубеже 70-80-х годов XIX в. Из истории журнала «Вестник Европы». М., 1991; Вандалковская М.Г. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. 285 с., Думова Н.Г. Либерал в России: трагедия несовместимости // Исторический портрет П. Н. Милюкова. Ч. 1. М., 1993. 240 с.; Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993; Вишневски Э. Либеральная оппозиция в России накануне первой мировой войны. М., 1994.191 с.; Кунцевич К.М. Либерализм: сущность, истоки, перспективы. Минск, 1993; Давыдов М.А. Оппозиция его величества: дворянство и реформы в начале XIX в.: Учеб. пос. М., 1994. 197 с.; Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России. М., 1995. 286 с.; Осипов И.Д. Философия русского либерализма XIX-начала XX в. СПб., 1996. 191 с.; Гоголевский А. Очерки русского либерализма XIX-начала XX в. СПб., 1996. 153 с. и др.

[2] Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. С. 25.

[3] Медушевский А.Н. Либерализм как проблема современной западной историографии // Вопросы истории. 1992. № 8-9. С. 173.

[4] Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 27-28.

[5] Валицкий А. Владимир Соловьев: Религиозная философия и возникновение «нового либерализма» // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 187- 240; Его же. Интеллектуальная традиция дореволюционной России. // Общественные науки и современность. 1991. № 1. С. 145-159; Его же. Нравственность и право в теориях российских либералов второй половины XIX-начала XX века // Вопросы фи-

особенностью неолиберализма, по мнению современных исследователей, стало стремление интегрировать демократические, социальные и либеральные идеи в свою идеологию и практику, оставляя в центре внимания вопросы свободы личности[1]. Однако, на наш взгляд, данное утверждение не верно вследствие того, что неолиберализм вобрал в себя не только идиомы либерализма и социал-демократизма, но и позитивизма, а также учитывал достижения исторической и психологической школ права.

Несмотря на значительный объем научной литературы по проблематике либерализма, следует отметить, что российский либерализм в целом и неолиберализм, в частности, оказались недостаточно изученными. Как отмечал В.Ф. Пустарнаков, «есть ли вообще какие-то существенные концептуальные точки соприкосновения между современными авторами, занимающимися историей российского либерализма. По-разному выглядят в их изложении сущностные признаки либерализма, нет сходства в понимании состава российской либеральной семьи, снова просматриваются существенные различия в периодизации истории либерализма в России»[2].

Шелохаев в подтверждение этого тезиса отмечает, что в историографии существуют различные характеристики российской либеральной доктрины конца XIX-начала XX вв.: «старый», «новый», «дворянский», «земский», «интеллигентский», «самодержавный», «бюрократический», «правительственный», «консервативный», «демократический», «радикальный», «политический», «социальный», «национальный» и др. Это обстоятельство, по его мнению, «свидетельствует о безусловно сложносоставном характере данного мировоззренческого, идейно-политического, социокультурного и институционального исторического явления»[3]. Именно поэтому, с авторской точки зрения, следует полагать, что необходимо, осно-

---

лософии. 1991. № 8. С. 25-40; Голубев Н.Р. Взгляды политических партий и общественных движений на проблемы настоящего и будущего России (конец XIX-начало XX в.). Пермь, 1998. 331 с.; Савельев Г.Г. Проблема революции в теориях русского «социального либерализма»: автореф. дисс. … к.полит.н. СПб., 1998. 21 с.

[1] См. например: Кисельникова Т.В. Проблемы социального либерализма российской общественно-политической мысли (1890-ые-1917 гг.): дисс. … д.и.н. Томск, 2003. 651 с.; Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. 387 с.

[2] Либерализм в России. С. 21.

[3] Шелохаев В.В. К вопросу о типологии русского либерализма // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сб. науч. ст. Орел, 2010. С. 10.

вываясь на анализе различных либеральных концепций, предметно детерминировать неолиберализм в его сущностном отличии от классического либерализма в рамках исторического периода конца XIX-начала XX вв.

Современные исследования по вопросу особенностей содержания российского либерализма можно разделить на две большие группы. В одних обосновывается точка зрения о том, что российский либерализм является простым заимствованием западного либерализма, т.к., не представляя собой исконной политико-правовой идеи, оказался в совершенно чуждой ему социальной среде[1]. И.Ф. Худушина прямо называет российский либерализм «сколком» с западного образца и считает, что основной постулат классического западного либерализма, утверждающий приоритет индивида, оставался не востребованным в российской либеральной практике[2].

Другие исследователи, наоборот, утверждают, что российский либерализм, зародившийся в XVIII в. и получивший развитие в XIX в., изначально отличался от западного. Различие заключалось в том, что российский либерализм исторически не был обоснован, время его возникновения не соответствовало эпохе либерализма в Западной Европе. Кроме того, он не носил характера идеологии для большинства российского народа, в отличие от западного, имевшего широкую социальную поддержку. Российский либерализм обуславливался одной из интеллектуальных традиций российской общественной мысли[3].

В то же время, нам представляется правильной научная позиция А. А. Валицкого, утверждавшего, что «русская интеллектуальная мысль начала XX в. развивалась в том же русле, что и западная, а отнюдь не отставала от нее»[4]. По мнению Шелохаева, значение либеральных идей для развития российской государственности заключалось в том, что они «стали распространяться в период,

---

[1] Рормозер Г. Пути либерализма в России // Полис. 1993. № 1. С. 33-34.

[2] Либерализм в России. С. 84.

[3] См. подробнее: Пахоленко Н.Б. Либерализм в России: история и перспективы // Государство и право на рубеже веков: Мат.-лы всеросс. конф. «Проблемы истории и теории». М., 2001. С. 179; Либерализм в России. (Сб. ст.). М., 1996; Сиземская И., Новикова Л. Либеральные традиции в культурно-историческом опыте России // Свободная мысль. 1993. № 15. С. 68.

[4] Валицкий А. Нравственность и право в теориях русских либералов конца XIX – начала XX века. С. 37.

когда авторитарный режим (…) был в состоянии отвечать на вызов времени, “проводить” сверху разноуровневые реформы, которые способствовали стабилизации общественной обстановки и динамичному экономическому развитию»[1].

Современные исследователи российского либерализма также отмечают, что основной характеристикой пореформенного либерализма (неолиберализма – *А.П.*) стала социально-экономическая проблематика. Например, неолиберализм в работах Пустарнакова определяется как учение, сформировавшееся в условиях противостояния идеологии протекционизма, появление которого связывалось с пересмотром теории невмешательства государства в экономическую и социальную сферы жизни общества[2].

В 90-х гг. XX в. появились научные работы в области философии, политологии, истории, в рамках которых большинство исследователей отмечало, что произошло качественное изменение системы ценностей классического западноевропейского либерализма. В систему прав личности было включено «право на достойное человека существование», содержание которого представляло собой составную часть теории гражданского общества и правового государства, получившей распространение в Западной Европе во второй половине XIX в. Таким образом, был сделан вывод о том, что основой российской неолиберальной политико-правовой доктрины явилась концепция синтеза «внеклассового государства» и «бессословной интеллигенции», заинтересованной в мирной эволюции государства и права[3].

Исследователи российской либеральной доктрины пришли к заключению, что она, в отличие от западноевропейского аналога, не предполагала насильственные методы, а использовала компромисс, опираясь на дворянство и интеллигенцию, для достижения изменений не революционным, а эволюционным путем, в ходе которого должно изменяться общественное сознание. «В России, – писал И.К. Пантин, – ценности либерализма так и не смогли опло-

---

[1] Шелохаев В.В. Русский либерализм как историографическая и историософская проблема. С. 32.
[2] Либерализм в России. С. 238.
[3] См., подробнее: Шелохаев В.В. Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии 1900-1914 гг. М., 1991. 231 с.; Русский либерализм: исторические судьбы и перспективы: Мат-лы межд. науч. конф. М., 1999. 567 с.

дотворить демократическую идеологию и массовое сознание»[1]. Именно этим, по мнению исследователей, можно объяснить тот факт, что по мере проникновения либеральных идей шел процесс накопления консервативных черт и тенденций.

Часть авторов, признавая оригинальность российского либерализма, пишут о его интегральном характере. Так, Л.В. Селезнева подчеркивает, что итоговая русская либеральная модель (неолиберализм) имеет «интегративный характер», и «сравнительный анализ показал доминирование немецкого влияния как относительно государственного устройства, так и в сфере партийно-политических отношений»[2]. Однако, на наш взгляд, вопрос заимствования необходимо рассматривать в зависимости от этапа развития либерализма, т.к. среди российских либералов и неолибералов были приверженцы как англосаксонской, так и континентальной моделей либерализма.

Согласно утверждениям К.С. Гаджиева, либеральное мировоззрение в России укоренилось лишь во второй половине XIX – начале XX вв.[3] В.Н. Коновалов, соглашаясь с данным утверждением, характеризует идеологию неолиберализма тем, что в ней была выдвинута более позитивная концепция, чем в классическом либерализме, возродившая концепцию особого значения благосостояния[4]. Таким образом, большинство исследователей сходится во мнении, что во второй половине XIX в. исторические и экономические условия обусловили формирование в России особого типа либерализма – неолиберализма, обогатившего идеологию и практику классического либерализма новыми идеями и новым видением проблем.

По определению И.Н. Сиземской и Л.И. Новиковой, «”новый либерализм” появился в условиях социально-политического идейного кризиса 90-х гг. XIX в. как попытка синтеза общечеловеческих ценностей классического либерализма и социальных программ демократического социализма»[5]. С.И. Глушкова признает неолибера-

---

[1] Пантин И.К. Драма противостояния // ПОЛИС. 1994. № 3. С. 77.
[2] Селезнева Л.В. Западная демократия глазами российских либералов начала XX века. Ростов-на-Дону, 1995. С. 175.
[3] Гаджиев К.С. Политическая наука. М., 1994. С. 263-264.
[4] Коновалов В.Н. Либерализм // Политология. Словарь. Ростов-на-Дону, 2010 [Электронный ресурс] // URL: http://enc-dic.com/polytology/Liberalizm-3244.html (дата обращения: 01.06.2018).
[5]Либерализм в России. С. 293.

лизм закономерным этапом российского либерализма и определяет его как радикально-демократический либерализм, проникнутый «духом демократических свобод»[1]. А.В. Гоголевский предлагает определять неолиберализм как демократический либерализм, отличием которого от классического либерализма, признававшего необходимость «нравственной связи между властью и народом», было требование ограничения верховной власти правом. Осипов выделил целый спектр концепций в рамках российского неолиберализма: «свободный универсализм» П.И. Новгородцева, «соборный либерализм» Е.Н. Трубецкого и С.Л. Франка, «сингулярный универсализм» легального марксиста П.Б. Струве, «правовой солидаризм» Б.А. Кистяковского и М.М. Ковалевского. Общие методологические подходы в данных концепциях позволили Осипову сделать вывод о существовании «универсальной (либерально-консервативной) нормативно-ценностной тенденции социальной философии XX века» в виде российского неолиберализма, в рамках которого были преодолены основные противоречия ее европейского аналога[2].

К.А. Гусев в рамках российского неолиберализма выделял консервативный и социальный неолиберализм. Представители консервативного направления выступали за синтез таких основных постулатов западноевропейского либерализма, как приоритет свободы личности, эволюционный путь развития общества и государства с ценностями консерватизма, заключавшимися в преемственности религиозно-нравственных и государственных традиций российского менталитета. Особенностью философии права консервативного неолиберализма было не только внешнее ограничение свободы личности в виде государственного закона, но и внутреннее самоограничение в виде морали, нравственности отдельного индивида и общества в целом. Представители социального направления неолиберализма особое внимание уделяли становлению таких политических форм, как конституционализм и парламентаризм, игравших, по мнению Гусева, особую роль в теории общественного идеала[3].

---

[1] Глушкова С.И. Проблема правового идеала в русском либерализме. Екатеринбург, 2001. С. 96.

[2] Осипов И.Д. Философия либерализма в России // Антология русской философии. СПб., 2000. Т. 1. С. 267.

[3] См. подробнее: Гусев К.А. Политико-правовые концепции русского либерализма. Конец XIX-начало XX в.: дисс. ... к.ю.н. СПб., 2002. 230 с.

В современной философии либерализма, на наш взгляд, заслуживает внимания диссертационное исследование Б.В. Васильева, который полагает необходимым в рамках российской либеральной философии права выделить особую неолиберальную философско-правовую парадигму. Ее содержание представлено двумя течениями: идеалистическим, подразделявшимся на школу «нравственного идеализма», религиозную метафизику и «научный идеализм», и позитивистским, раскрывавшим в противовес юридическому позитивизму социологическую и психологическую направленность философии права. Различие между этими течениями, с точки зрения Васильева, состояло в отношении к естественному праву: представители идеалистического течения полагали его за основу философии права, а позитивистского – отрицательно относились к нему[1].

Автор настоящей статьи, признавая неоспоримость такого деления, вместе с тем отмечает, что Васильев из-за ограниченности предметного исследования, не рассмотрел «социальный (правовой) либерализм», представители которого сыграли определяющую роль в развитии неолиберальной теории социального правового государства. Кроме того, подавляющее большинство неолибералов прошло через увлечение естественно-правовой доктриной, позитивизмом и марксизмом, а некоторые претерпели эволюцию собственных взглядов. Например, Новгородцев, отнесенный Васильевым к школе «нравственного идеализма» («возрожденного естественного права» – *А.П.*), в эмиграции перешел на религиозно-метафизические позиции. Кистяковский, разделявший постулаты «научного идеализма», считал правильной синтетическую теорию права, объединяющую правоведение, социологию, психологию и философию права. С.Н. Булгаков, с одной стороны, разделял приверженность к религиозно-метафизическим взглядам, а с другой – призывал учитывать марксистское понимание экономики и т.д. Поэтому мы можем очень условно соотносить тех или иных мыслителей с идеалистическими или позитивистскими направлениями российского неолиберализма, что, на наш взгляд, свидетельствует об интегральном характере неолиберальной политико-правовой доктрины.

---

[1] См. подробнее: Васильев Б.В. Философия права русского неолиберализма конца XIX-начала XX века.

Завершая наше исследование, хотелось бы привести слова Осипова, который, характеризуя особенности неолиберальной философии права, отмечал, что она выступает как «опережающее» мышление, преодолевающее в духовно-практической деятельности исторические рамки, т.к. этика российского либерализма стала социальной и государственной этикой, представляя собой гражданское служение государству, обществу и людям[1].

Н.Б. Хайлова[2]

ЦЕНТРИЗМ В РУССКОМ ЛИБЕРАЛИЗМЕ НАЧАЛА XX в.: ИСТОРИОГРАФИЯ ПРОБЛЕМЫ (1906 – начало 1990-х гг.)

Многоликость «центризма» – давно признанный факт. Осмысление данного феномена как общекультурного явления, связанного со стремлением к диалогу и согласию, уходит корнями в глубь веков. Уже в трудах философов Древнего Востока и античного мира были определены контуры концепции «золотой середины»: утверждался приоритет нравственной составляющей этого понятия, обращено внимание на объективную закономерность изменчивости форм и содержания «центрального положения», подчеркнута самостоятельная ценность последнего[3].

Представление о «центре» в политике, характерное для Новейшего времени, сформировалось в середине XIX в. во Франции. Именно тогда базовые ценности «середины» были «вписаны» в реалии парламентской практики, а политический центризм стал трактоваться как «промежуточная» позиция между «правыми» и «левыми».[4] В России подобный взгляд получил распространение в самом начале XX в. Западный опыт приобрел тогда особую актуальность в

---

[1] Осипов И.Д. Философия права русского либерализма XIX-начала XX в. СПб., 1996. С. 35, 49.

[2] *Хайлова Нина Борисовна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра «История России XIX – начала XX вв.» Института российской истории РАН.*

[3] Плотичкина Н.В. Политический центризм в истории политических учений // Человек. Сообщество. Управление. 2006. № 1. С. 24-35.

[4] Ее же. О политическом центризме (эволюция понятия) // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2004. № 2. С. 147-151.

связи с ускорением дифференциации политических сил и зарождением парламентаризма. Определение «центристов» как деятелей «умеренного направления», в целом, совпадало с европейской традицией. Именно в этом смысле характеризовались, прежде всего, кадеты и октябристы.

Констатируя расплывчатость, подвижность границ либерального лагеря, современники вплоть до 1917 г. подчеркивали незавершенный, непрерывно «становящийся» характер российской многопартийности, фиксировали «оттенки и полутона» в ее «палитре». В частности, им удалось разглядеть особую когорту участников политической жизни – либералов-центристов, занявших «срединную» позицию между соратниками П.Н. Милюкова и А.И. Гучкова.

Проблема центризма в русской либеральной общественно-политической мысли и практике была осознана практически одновременно с образованием партий – Демократических реформ (ПДР) и Мирного обновления (ПМО). Вступившие на политическую арену в 1906 г., именно эти политические организации, прежде всего, обозначили «центр центра». Их первыми «историографами» стали авторы изданий справочного характера (энциклопедии, словари, сравнительные таблицы политических партий), а также разного рода брошюр «общедоступного» содержания – просветительского и партийно-пропагандистского характера. Это был «своего рода “нулевой цикл” строительства научного здания»[1].

В публикациях 1906-1917 гг. представлены попытки классификации и оценки перспектив не только ПДР и ПМО, но и целого «шлейфа» партий, союзов, клубов и т.д., располагавшихся в русле либерально-центристского течения или в непосредственной близости от него. Одни из этих объединений претендовали на всероссийский масштаб и влияние (как, например, Умеренно-прогрессивная

---

[1] Розенталь И. О некоторых тенденциях осмысления Первой мировой войны, революции и большевизма современниками» // Россия XXI. 2018. № 3. С. 69. По словам автора, «всякое историческое исследование вторично – в том смысле, что раньше, чем приступят к делу специалисты-историки, события прошлого, еще не ставшего таковым, непосредственно наблюдали и, если могли, фиксировали современники». В этой связи И.С. Розенталь ссылался на «близкую, но не идентичную» мысль литературоведа Ст. Рассадина: «История в романе – да и в научной работе – есть не первая, а так называемая вторая реальность. Представимая приблизительно и условно, с версиями и домыслами». «Остается неясным, считал ли автор [Рассадин – Н.Х.] все перечисленное недостатками, которых лишена “первая (“сырая”) реальность”», – комментировал известный историк приведенную цитату, предоставляя читателю возможность самостоятельно поразмышлять над проблемой.

партия (УПП), объединившаяся с ПДР в марте 1906 г.; Демократический союз конституционалистов (ДИСК); Партия «свободомыслящих»), другие имели местное или региональное значение (московский Клуб независимых; Конституционно-либеральная партия Прикамья, Донская прогрессивная партия и др.). В «силовом поле» идей, определивших «самостояние» ПДР и ПМО, формировались программные и тактические установки ряда партий на национальных окраинах Российской империи[1].

Отмечая близость взглядов «демреформаторов» к кадетам, а «мирнообновленцев» – к октябристам, современники обращали внимание на главный показатель «умеренности» ПДР и ПМО – исключительную приверженность идее «мирного обновления», безусловное осуждение насилия. Прежде всего, именно благодаря этой своей «родовой черте» либералы-центристы и оказались на «средней» позиции в либеральном лагере – между кадетами (с их «поклонами» налево) и октябристами (фактически поддержавшими введение военно-полевых судов, сохранение «исключительных положений» и т.д.)[2].

«Притяжение» «демреформаторов» и «мирнообновленцев» к партийным «полюсам» либерализма объяснялось не только «пересечениями» с ними на уровне программ, но и самим фактом происхождения ПДР и ПМО (соответственно, первой – из «недр» Конституционно-демократической партии, второй – от «Союза 17 октября»). Однако если случай с основателями ПМО (П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов), бывшими лидерами октябристов, подтверждает данный вывод, то характеристика «демреформаторов»

---

[1] Об этом свидетельствуют, в частности, программные документы (а также выступления лидеров) ряда прибалтийских партий. Это – Конституционно-католическая партия Литвы и Белоруссии (г. Вильно), Балтийская конституционная партия (г. Рига). Последняя известна также под другими названиями – «Прибалтийская конституционная партия», «Немецкая партия». Близкими к ней по своей программе были также Монархически-Конституционная партия в Курляндии, Либерально-конституционная партия в Либаве и Конституционная партия в Эстляндии (Программы политических партий России. Конец XIX – начало XX вв. М., 1995. С. 339). «Партия является средним между «Союзом 17 октября» и Конституционно-демократической партией», – определяли положение своей организации на «карте» российской многопартийности основатели «Союза обновления» (Бессарабия) (ОР РНБ. Материалы по истории выборов в I Государственную думу, собранные по поручению председателя Совета министров графа С.Ю. Витте графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым. Т. 1. Л. 102 об.:694).

[2] Политическая энциклопедия / ред. Л.З. Слонимский. Т. 1. СПб., 1906. С. 616; Кожин Л. Современные политические партии в России. М., 1906. С. 15 и др.

как «группы, отделившейся от конституционалистов-демократов»[1] (закрепившаяся в последующей историографии благодаря такому же мнению В.И. Ленина и бытующая до сих пор), а также зачастую определение ее видных представителей (в частности, М.М. Ковалевского, С.Д. Урусова) как «кадетов», противоречит историческим фактам[2]. Очевидно, «летописцам» событий было просто «не до того», чтобы наводить соответствующие справки.

Современники, фиксируя «промежуточное» положение политических объединений либералов-центристов, характеризовали эти организации как «умеренно-либеральные», определяли их (в зависимости от подходов к группировке партий) как «конституционно-монархические», «конституционно-демократические», «либерально-демократические».[3] Преобладала трактовка либералов-центристов как составной части «левого центра», ядром которого являлась Конституционно-демократическая партия. Подобная классификация совпадала, в целом, с самоидентификацией идеологов либерально-центристского течения. Правда, некоторые из них весьма критически оценивали попытки «вписать» их объединения в сложившуюся «систему координат». В частности, Ковалевский, один из лидеров ПДР, отзывался о ней исключительно как о «партии здравого смысла»[4].

---

[1] Народный политический словарь. Пособие при чтении газет, журналов, брошюр и политической литературы / сост. Н. Денисюк. Пг., 1917. С. 136.

[2] Организаторы ПДР, несмотря на сочувствие кадетам (по словам Арсеньева, «à défaut de mieux», т.е. «за неимением лучшего»), предпочли сохранить организационную самостоятельность. Что касается самого Арсеньева, то он стал, по сути, единственным из лидеров партии, пережившим опыт «хождения» в партию П.Н. Милюкова. Однако пребывание основателя ПДР в рядах кадетов было очень недолгим. Отказавшись 26 сентября 1905 г. («за множеством дел и недостатком сил») от предложения Набокова, Кедрина и других стать членом Петербургского комитета конституционно-демократической партии, Арсеньев все-таки вскоре был избран в этот партийный орган. Но уже 23 ноября того же года он вышел из кадетской партии, «не желая безусловно подчиняться партийной дисциплине» // РГАЛИ. Ф. 40. Оп. 1. Ед. хр. 37. Л. 15, 21 об, 25 об, 39 об, 40, 41 об; ОР ИРЛИ. Ф. 294. Оп. 4. Ед. хр. 56. Л. 55.

[3] Кожин Л. Современные политические партии в России. М.. 1906. С. 15; Политические партии. Сборник программ существующих в России политических партий с предисловием и примечаниями. М., 1906. С. 6; Программы политических партий в России / под ред. И.В. Владиславлева. М., 1917. С. 3, 7-22; Василевский Л.М. Политические партии на Западе и в России. Вып. 2. В России / под ред. проф. И.И. Иванюкова. СПб., 1906. С. 20-25.

[4] Страна. 1906. № 224. 28 ноября. Ковалевский впоследствии уточнил, что понимает под «партией здравого смысла». «Это – партия, – писал он, – избегающая всяких крайностей, выше всего ставящая науку и свободное исследование, далекое от под-

Отношение к ПДР и ПМО как к «производным» от кадетов и октябристов не помешало современникам разглядеть самостоятельную значимость либерального центризма. Подчеркивалось заметное влияние идейной платформы ПДР на формирование взглядов ряда либерально-центристских объединений. Данное обстоятельство, в свою очередь, вовсе не препятствовало и последним сохранять свою индивидуальность. Так, констатируя, что программы ПДР и ПМО не носили «резко обособленного характера», современники, тем не менее, обращали внимание на существенное отличие позиции «мирнообновленцев» по аграрному вопросу: гораздо более заметное и определенное «сочувствие» принципу частной собственности. Отмечался также особый (в отличие не только от кадетов, но также соратников по либерально-центристскому «лагерю») акцент в программе Партии «свободомыслящих». Это – мысль о первостепенности «коренных культурно-просветительных реформ»[1].

Распространенный взгляд на организации либерально-центристского направления, возникшие в период революции 1905-1907 гг., сводился к тому, что эти политические группировки, немногочисленные и преимущественно «интеллигентские» по своему составу, «не приобрели сколько-нибудь значительного влияния и распространенности», носили «отвлеченный, чисто кабинетный характер»[2]. «Партия эта представляет лишь теоретический интерес, как материал для ознакомления с различными течениями русской политической мысли, но самостоятельного значения в деле формировки партий не имеет и иметь не будет»[3], – этот отзыв о Партии «свободомыслящих», относящийся к 1906 г., можно считать типичным для восприятия либералов-центристов в обществе. Однако констатация данного факта вовсе не исключала интереса к проявлениям феномена либерального центризма вплоть до 1917 г. Поводом для этого служила, прежде всего, заметная роль лидеров

чинения политике, церкви, национальным пристрастиям, завоевательным стремлениям, справедливая по отношению ко всем классам общества, озабоченная материальным и духовным благоденствием Родины, считающая утопией всякую попытку вызвать переворот в общественном укладе, по крайней мере, переворот быстрый и внезапный, и подготавливающая лучшее будущее распространением в массах знания и уравнением условий борьбы и конкуренции из-за приобретения необходимого достатка» // Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М., 2005. С. 267-268.

[1] Василевский Л.М. Политические партии на Западе и в России. С. 24.

[2] Там же. С. 20, 24.

[3] Там же. С. 24.

ПДР (М.М. Ковалевский. В.Д. Кузьмин-Караваев) и ПМО (гр. П.А. Гейден) в становлении российского парламентаризма в период революции 1905-1907 гг. (особенно их деятельность в I Думе). Оценки, в частности, организаторов ПДР как «талантливых утопистов-фантазеров», решающих все злободневные вопросы русской жизни на основе «абсолютной справедливости», вовсе не исключали отношения к этой партии как к «серьезной группе»[1]. Такие авторитетные эксперты, как кн. Е.Н. Трубецкой, В.В. Водовозов и Л.З. Слонимский акцентировали внимание на обоснованном характере содержания программы ПДР, объясняли ее возникновение особенностями исторического пути России, а также своеобразием развития русской общественной мысли[2].

Последующее развитие событий и, соответственно, эволюция либерального центризма способствовали определенной положительной корректировке сущности и перспектив данного явления. Примечательно, что в одном из обзоров «некоторых фактических итогов» развития российской многопартийности к марту 1917 г. партии либералов-центристов (ПДР «с примкнувшей к ней УПП», Партия «свободомыслящих» и Партия прогрессистов) были включены в число «всех сколько-нибудь значительных политических группировок».[3] Партия прогрессистов ассоциировалась у современников главным образом с одноименной думской фракцией. При этом подчеркивалась прямая связь последней с ПМО. Таким образом, констатировалась преемственность «срединного» течения в русском либерализме. Кроме того, отмечалось укрепление позиций прогрессистов в III и IV Думе, а также радикализация их тактики. Обращалось внимание на особую роль крупной буржуазии в становлении прогрессизма[4].

Завершающий этап эволюции центристского течения в русском либерализме пришелся на период от февраля к октябрю 1917 г. «Бывшие прогрессисты» – именно так воспринимались тогда члены Российской радикально-демократической партии (РРДП), образо-

---

[1] Зиновьев А. Нужны ли России «демократические реформы»? СПб., 1906. С. 3, 17.

[2] Политическая энциклопедия / Ред. Слонимский Л.З. Т. II. СПб., 1907. С. 986-987; Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Т. 15. СПб., 1915. С. 848-849; ОР РНБ. Ф. 1071. Т. XIII. Л. 130 об.:573.

[3] Программы политических партий в России / под ред. И.В. Владиславлева. М., 1917. С. 3, 7-22.

[4] Там же. С. 21, 25; Мартов Л. Политические партии в России. М., 1917. С. 17.

вавшейся в марте 1917 г. «преимущественно из лиц, принадлежавших к Партии прогрессистов». Однако в отличие от последней, РРДП переместилась «влево», заняв на обновленной карте российской многопартийности пограничное положение между кадетами и социалистами[1].

Очередная страница в истории России, связанная с приходом к власти большевиков и установлением идеологического диктата РКП(б) - ВКП(б), означала качественно новый этап и в развитии отечественной историографии. В соответствии с ленинской оценкой партий либерального центризма как незначительного явления в политической жизни (в определенной мере коррелировавшей с мнением, распространенным до 1917 г.), «срединное» течение в русском либерализме начала XX в. продолжало оставаться на периферии общественного и научного интереса. С позиций классового подхода прогрессисты характеризовались как часть лагеря «буржуазной контрреволюции». Отмечалась роль особой когорты московских предпринимателей (П.П. Рябушинский. А.И. Коновалов, С.И. Четвериков и др.) в становлении их идеологии и определении особенностей тактики. В целом, обосновывался вывод об их несостоятельности и бесперспективности[2].

Трудности в объективном освещении прошлого страны, однако, не смогли остановить процесс «приращения» научного знания. Предпосылкой для этого стало использование новых источников. Так, в книге, вышедшей в 1926 г., анализ деятельности прогрессистов в годы Первой мировой войны был основан на впервые вводимых в научный оборот материалах из фонда Департамента полиции[3]. Начиная с 1930-х гг., проблематика русского либерализма на протяжении нескольких десятилетий находилась в центре внимания Е.Д. Черменского. На основе значительной документальной

---

[1] Велихов Л. Таблица русских политических партий (Систематизация современных политических направлений). Пг, 1917.

[2] См.: Берлин П.А. Русская буржуазия в старое и новое время. М., 1922; Покровский М. Русская история в самом сжатом очерке. Ч. III. Вып. I. М., 1924; Сеф С.Е. Буржуазия в 1905 году. М.; Л., 1926; Рейхардт В.В. Партийные группировки и представительство интересов крупного капитала в 1905-1906 гг. // Красная летопись. 1930. № 6(69); Владимиров А. Буржуазия между двумя революциями // Проблемы марксизма. 1931. № 8-9; Большая советская энциклопедия. Т. 47. М., 1940 и др.

[3] См.: Граве Б.Б. К истории классовой борьбы в России в годы империалистической войны. Июль 1914 г.-февраль 1917 г. Пролетариат и буржуазия. М.; Л., 1926. Впоследствии документы из упомянутого архивного фонда были опубликованы в сборнике «Буржуазия накануне Февральской революции» (М.; Л., 1927).

базы историк уже в 1939 г., в своем первом обобщающем труде, расширил представление и о взглядах и деятельности либераловцентристов (Умеренно-прогрессивной партии, Партии мирного обновления), конкретизировал взгляды их лидеров (П.П. Рябушинский. А.И. Коновалов, Д.Н. Шипов, гр. П.А. Гейден, М.А. Стахович, Н.Н. Львов, кн. Е.Н. Трубецкой и др.), а ряд его выводов адекватно отражал суть упомянутых партий, их место в политической жизни[1].

В 1970 г., во втором издании (переработанном и дополненном) своей монографии, посвященной анализу позиций буржуазии и действий царизма в период революции 1905-1907 гг.[2], Черменский значительно расширил круг источников (прежде всего, за счет архивных материалов), подверг пересмотру и уточнению ряд своих выводов и заключений, а также включил в книгу новые разделы. Автором впервые был обстоятельно изложен сюжет, связанный с ПМО и расколом «Союза 17 октября» в период первого междудумья. Более подробно и последовательно, в сравнении с изданием 1939 г., Черменский осветил переговоры (с участием мирнообновленцев) о создании «общественного министерства» летом 1906 г. А приведенная им информация о ПДР представляла собой вплоть до 1990-х гг. наиболее подробную справку об этой партии. Дальнейшее изучение архивов позволило Черменскому обосновать, в частности, вывод о росте влияния прогрессистов, благодаря посредничеству которых «в 4-й Думе оппозиционное большинство складывалось чаще, чем в 3-й Думе»[3].

---

[1] Так, Е.Д. Черменский отмечал изначальную близость к кадетам основателей УПП, характеризуя последнюю как «партию с либеральной искрой», в отличие от «Торгово-промышленной партии с ярко-реакционной окраской». Обращая внимание на лидерский состав ПМО – «из перебежчиков с правого крыла кадетской партии (Н. Львов, кн. Е. Трубецкой и др.) и левых октябристов (Шипов, Гейден, Рябушинский и др.», – Черменский подчеркивал, что, в отличие от «Союза 17 октября», ПМО объявила себя «непримиримо-оппозиционной ко всякому антиконституционному правительству» и ввиду этого заявила об отказе поддерживать министерство Столыпина. «От кадетов мирнообновленцев отделяло отрицание каких бы то ни было соглашений с революционерами, прямое – без кадетских уверток – осуждение революционного насилия и решительный отказ от “антиконституционных” способов борьбы против правительства», каким стало инициированное кадетами Выборгское воззвание // Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в революции 1905-1907 гг. М.; Л., 1939. С. 186, 317 и др.

[2] См.: Черменский Е.Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1970.

[3] Черменский Е.Д. IV Государственная дума и свержение царизма в России. М., 1976. С. 22.

Ко времени выхода из печати упомянутых нами последних крупных работ Черменского советская историография русского либерализма, в т.ч. центристского течения в нем, обогатилась исследованиями целой плеяды историков. Труды многих из них, изданные в 1960-е гг., вошли в «золотой фонд» отечественной историографии. Особое место в этом ряду занимает книга В.Я. Лаверычева, в которой на основе солидной источниковой базы впервые была рассмотрена роль московской буржуазии в становлении прогрессизма[1]. Почти одновременно с Лаверычевым представили вниманию коллег и заинтересованной читательской аудитории свои первые обобщающие труды А.Я. Аврех и В.С. Дякин. Монографии 1960-х гг. стали для каждого из этих авторов стартовой площадкой для последующего углубленного изучения сущности т.н. «третьеиюньской системы» и «царизма накануне свержения самодержавия», а в контексте данной проблематики – анализа взглядов и деятельности прогрессистов в период работы III и IV Думы[2]. В 1969 г. В.Н. Селецкий защитил кандидатскую диссертацию, посвященную «вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне Первой мировой войны». Продолжив впоследствии изучение «прогрессизма как политической партии и идейного направления в русском либерализме», ученый опубликовал ряд статей, подведя итоги своей работы в докторской диссертации[3].

Что касается начального этапа парламентской деятельности либералов-центристов, то определенный вклад в освещение темы внес С.М. Сидельников. Он впервые подверг детальному анализу изменения в партийной группировке депутатов I Думы, отразив в данном контексте динамику процесса самоорганизации и консолидации депу-

---

[1] Лаверычев В.Я. По ту сторону баррикад: из истории борьбы московской буржуазии с революцией. М., 1967.

[2] Аврех А.Я. Царизм и третьиюньская система. М., 1966; Его же. Столыпин и третья Дума. М., 1968; Его же. Царизм и IV Дума (1912-1914 гг.). М., 1981; Его же. Распад третьиюньской системы. М. 1985; Дякин В.С. Русская буржуазия и царизм в годы Первой мировой войны 91914-1917). Л., 1967; Его же. Самодержавие, буржуазия и дворянство в 1907-1911 гг. Л., 1978; Его же. Буржуазия, дворянство и царизм в 1911-1914 гг. разложение третьеиюньской системы. Л., 1988.

[3] Селецкий В.Н. «Прогрессисты» (К вопросу о политической консолидации русской буржуазии накануне первой мировой войны). Дисс. … к.и.н. М., 1969; Его же. Образование партии прогрессистов // Вестник Московского университета. Сер. 9. История. 1970. № 5. С. 32-48; Его же. Прогрессизм: идейно-политическая платформа // Непролетарские партии России в трех революциях. М., 1989; Его же. Прогрессизм как политическая партия и идейное направление в русском либерализме. М., 1996 и др.

татов «прогрессивного направления», в т.ч. примкнувших к ПДР, а также инициаторов образования группы «мирнообновленцев»[1].

Представление о либеральном центризме, сложившееся к началу 1970-х гг., было отражено в Советской исторической энциклопедии. В издании были помещены статьи о четырех партиях – ПДР, ПМО, прогрессистов и «свободомыслящих»[2]. Характерно, что из лидеров «центристов» самостоятельной статьи «удостоился» только М.М. Ковалевский[3]. Можно предположить, что это было обусловлено не только значительностью масштаба его научного наследия, но и дружескими и деловыми связями русского ученого с К. Марксом, которого Ковалевский (несмотря на существенные расхождения во взглядах с автором «Капитала») называл своим «учителем».

Несмотря на то, что в отношении либералов-центристов продолжали ретранслироваться стереотипы (как дореволюционные, так и сложившиеся в советский период), тем не менее уже в публикациях 1960-х гг. наметился отход от устоявшихся представлений и, более того, – проявилось критическое отношение к ленинским оценкам непролетарских партий[4].

Однако «брешь в системе партийного диктата» была пробита лишь к середине 1980-х гг. Этому способствовал, в т.ч., курс на корректировку методологической базы исследований российской многопартийности начала XX в., обозначившийся в 1970-1980-е гг. В частности, Л.М. Спирин обосновывал конкретно-исторический подход к изучению партий, недопустимость однозначной оценки той или иной политической организации на всем пути ее развития. Он же призывал коллег к соблюдению принципа историзма – «изучению не отдельных фактов жизни и деятельности партий, а всей совокупности их», с учетом неоднородности партий. Ученый подчеркивал важность разработки категориального, понятийного аппарата,

---

[1] Сидельников С.М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962. С. 192-196.

[2] Советская историческая энциклопедия. Т. 10. М., 1967. Стб. 892-893, 904; Т. 11. М., 1968. Стб. 591-592.

[3] Советская историческая энциклопедия. Т. 7. М., 1965. Стб. 452-456.

[4] Так, И.М. Маляренко подвергла сомнению ленинскую характеристику ПДР как «ничтожного ответвления от кадетов справа», обосновав свое мнение ссылкой на аграрную программу этой партии, отличавшуюся значительной «левизной» // Маляренко И.М. Аграрные программы политических партий в первой русской революции 1905-1907 гг. в свете ленинского учения о двух путях развития капитализма в сельском хозяйстве // Всесоюзный заочный финансово-экономический институт. Научные записки аспирантов. М., 1965. С. 148.

а также изучения роли субъективных факторов применительно к историко-партийной проблематике. Не отрекаясь от ленинской методологии, Спирин признавал вопросы классификации партий «очень сложными и мало разработанными» и фактически ставил в «повестку дня» необходимость активизации усилий историков и в этом направлении[1]. Настаивая на более «полном и эффективном» применении системного подхода к разработке проблем политической истории, А.Я. Аврех предлагал переходить на «микроуровень», т.е. действовать путем «расчленения основных компонентов данного строя – центральной власти, классов, партий и др. – на более мелкие структуры с целью их более эффективного изучения и обнаружения таких механизмов и взаимодействий, которые при более суммарном подходе оставались бы невыявленными»[2].

По сути, революционное значение имело коллективное исследование «Непролетарские партии России. Урок истории» (М., 1984), положившее начало научной разработке системы политических партий в России[3]. Историографический «прорыв» (в т.ч. в изучении проблемы центризма в русском либерализме) был во многом подготовлен циклом научных конференций, посвященных истории непролетарских партий России и организованных Научным советом по истории Октябрьской революции, во главе которого стоял академик И.И. Минц. Одним из центров нового направления в политической истории стал Калининский государственный педагогический институт им. М.И. Калинина, где еще в начале 1960-х гг. В.В. Коминым было проведено первое комплексное исследование, специально посвященное непролетарским партиям России[4]. Следуя в русле ленинской теории о закономерности их банкротства, автор, тем не менее обосновывал «совершенно неоспоримый» вывод о «весьма

---

[1] Спирин Л.М. Некоторые теоретические и методологические проблемы изучения непролетарских партий в России // Банкротство мелкобуржуазных партий России 1917-1922 гг. Ч. 1. М., 1977. С. 3-17; Его же. Еще раз о теоретико-методологических вопросах изучения истории непролетарских партий России // Непролетарские партии России в годы буржуазно-демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С. 3-16.

[2] Аврех А.Я. Распад третьиюньской системы. М., 1985. С. 5.

[3] См. об этом подробнее: Шелохаев В.В. Роль К.В. Гусева в создании фундаментального труда «Непролетарские партии России. Урок истории» // Гусевские чтения. Сборник статей / Памяти Кирилла Владимировича Гусева посвящается / Под общ. ред. д-ра истор. наук, проф. П.Т. Тимофеева. М., 2005. С. 11-19.

[4] Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий России в период подготовки и победы Великой октябрьской социалистической революции. М., 1965.

внушительной силе всего блока помещичье-буржуазной и мелкобуржуазной контрреволюции в России в 1917 году», который, «безусловно, был способен при благоприятных условиях одержать победу»[1]. Одним из историографических открытий В.В. Комина стала Российская радикально-демократическая партия. Ей был посвящен специальный раздел книги, стимулировавший исследовательский интерес к радикал-демократам[2].

Об оживлении «историографического ландшафта» свидетельствовали, в частности, публикации Г.А. Федотовой и Н.Я. Куприца, посвященные политическим взглядам и общественной деятельности М.М. Ковалевского. Это были «первые ласточки», предвосхитившие череду «политических биографий» лидеров либерального центризма в 1990-2000-е гг.[3] Однако исключительно значимым событием в изучении либерального центризма стало появление в 1973 г. первого исследования, посвященного истории Партии мирного обновления[4]. Его автор, В.М. Шевырин, впоследствии представил и наиболее полное «жизнеописание» гр. П.А. Гейдена, одного из основателей этой партии[5]. Являющийся на протяжении нескольких десятилетий признанным специалистом по данной тематике, именно Шевырин в 1985 г. поддержал призыв А.Д. Степанского к коллегам-историкам заняться специальным изучением истории ПДР, предшественницы мирнообновленцев в деле «обустройства»

---

[1] Там же. С. 13.

[2] Там же. С. 366-373. Впоследствии к истории РРДП обратился В.П. Булдаков. Он характеризовал национальную программу этой партии как «буферную», т.е. стоящую «между эсеро-меньшевистскими и кадетскими национальными программами» // Булдаков В.П. Национальные программы правящих партий России в 1917 г. (проблемы взаимодействия). В кн.: Непролетарские партии и организации национальных районов России в октябрьской революции и гражданской войне. М., 1980. С. 11-20. Отмечая «слабую популярность» РРДП, историк констатировал «существенный вес» радикал-демократов во Временном правительстве // Булдаков В.П. Политические маневры контрреволюции в 1917 г. К вопросу об изучении новых непролетарских политических образований. В кн.: Непролетарские партии России в годы буржуазно0демократических революций и в период назревания социалистической революции. Материалы конференции. М., 1982. С. 168-171.

[3] Федотова Г.А. Политическое учение М.М. Ковалевского. Дисс. … к.и.н. М., 1973; Куприц Н.Я. Ковалевский. М., 1978.

[4] Шевырин В.М. История Партии мирного обновления (1906-1907 гг.). Дисс. … к.и.н. М., 1973.

[5] Он же. Рыцарь российского либерализма. Граф Петр Александрович Гейден. М., 2007.

«срединного» течения в русском либерализме начала XX в.[1] Заметной вехой в историографии либерального центризма стала также монография Н.А. Балашовой, посвященная «Московскому еженедельнику» – неофициальному печатному органу ПМО[2].

В 1977 г. вышло в свет фундаментальное исследование В.И. Старцева, главным предметом которого явились переговоры о создании в России правительства с участием «общественных деятелей», имевшие место в октябре 1905 г., июне-июлей 1906 г., осенью 1915 г. и в конце февраля 1917 г.[3] Этих переговоров ранее касались в своих исследованиях Е.Д. Черменский, В.С. Дякин, Б.В. Ананьич, В.Я. Лаверычев. Однако именно благодаря Старцеву данная проблема стала объектом самостоятельного изучения, а причастность к упомянутым событиям видных деятелей «срединного» течения в русском либерализме (гр. П.А. Гейден, И.Н. Ефремов, М.А. Стахович, кн. Е.Н. Трубецкой, Д.Н. Шипов, Н.Н. Львов, М.М. Ковалевский, В.Д. Кузьмин-Караваев, П.П. Рябушинский, А.И. Коновалов и др.) была раскрыта с максимальной (на тот период) полнотой.

Важнейшим этапом в изучении русского либерализма (а в дальнейшем – стимулом для расширения представления об этом многогранном явлении) стали публикации В.В. Шелохаева – первые монографические исследования, посвященные истории Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября»[4]. Впоследствии автором впервые был применен системный подход к анализу деятельности трех основных либеральный партий (включая «центристов») – кадетов, прогрессистов и октябристов[5]. При этом были выявлены не только общие закономерности функциони-

---

[1] Степанский А.Д. Процесс возникновения непролетарских партий России в орсвещении современной советской историографии // Историографическое изучение истории буржуазных и мелкобуржуазных партий России. М., 1981. С. 8; Шевырин В.М. Революция 1905-1907 гг. (Обзор советской литературы). М., 1985. С. 35.

[2] Балашова Н.А. Российские либералы начала XX века. Банкротство идей «Московского еженедельника». М., 1981.

[3] Старцев В.И. Русская буржуазия и самодержавие в 1905-1907 гг. (Борьба вокруг «ответственного министерства» и «правительства доверия»). Л., 1977.

[4] Шелохаев В.В. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983; Его же. Партия октябристов в период первой русской революции. М., 1987.

[5] Шелохаев В.В.Идеология и политическая организация российской либеральной буржуазии. 1907-1914 гг. М., 1991.

рования этих партий в 1907-1914 гг., но и показаны особенности, присущие каждой из них.

Особо следует упомянуть также вклад Н.М. Пирумовой и К.Ф. Шацилло в изучение «корней» либерального центризма, «протопартийного» периода в его истории. Так, Пирумова, изучая эволюцию земского либерализма до начала XX в., обратила внимание на группу умеренно-либеральных деятелей, близких к журналу «Вестник Европы», который в конце 1905 - начале 1906 гг. стал платформой для образования ПДР. Историк пришла к выводу о том, что на рубеже XIX - XX вв. упомянутые деятели занимали своего рода «срединное» положение между «славянофильской» группой сподвижников Д.Н. Шипова, председателя Московской губернской земской управы (впоследствии близкой октябристам), и тверскими земцами-конституционалистами («влившимися» затем в кадетскую партию)[1].

Идея «многосложности» русского либерализма была развита К.Ф. Шацилло, автором первого в советской историографии комплексного исследования истории либерализма накануне революции 1905-1907 гг.[2] Он выступил против «упрощения и обеднения» данной проблемы, традиции искусственного «усреднения» либерализма, сформировавшейся еще до 1917 г. Исследуя подспудный процесс кристаллизации основных либеральных партий (кадетов и октябристов), Шацилло представил спектр различных течений отечественного либерализма, в т.ч. также отразил противоречивый характер его земской разновидности. В результате, автором монографии были обозначены контуры обширного поля деятельности для последующих поколений историков. В частности, им были зафиксированы важные аспекты предыстории ПДР и ПМО, отмечена видная роль будущих либералов-центристов в консолидации либеральной оппозиции вокруг Вольного экономического общества, различных профессиональных организаций интеллигенции в пореформенный период. Развивая мысль о «двух тенденциях в земском либерализме» (в лице правого и левого его «крыльев»), Шацилло в то же время констатирует факты, выходящие за рамки данной дилеммы. В этой

---

[1] Пирумова Н.М. Земское либеральное движение. Социальные корни и эволюция до начала XX века. М., 1977. С. 108.

[2] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг.: организация, программы, тактика. М., 1985.

связи примечательно его заключение о «какой-то средней позиции между конституционалистами и неославянофилами», которую пытался занять П.А. Гейден по организационным, программным и тактическим вопросам[1]. Данное наблюдение историк фактически распространил и на соратников графа по кружку «Беседа» (включавшему в себя ряд будущих либералов-центристов). Шацилло показал разномыслие в их среде (по вопросам о целесообразности организационных «улучшений» либеральной среды, выработки какой-либо конкретной программы, и др.), которое в определенной степени определило впоследствии некоторые характерные черты ПДР и ПМО. Знаменателен и вывод Шацилло о весомом вкладе «традиционного земского либерализма» в зарождение т.н. «нового либерализма». Фактически ученый предвосхитил обоснование той же мысли (в связи с характеристикой генезиса взглядов будущих лидеров ПДР) в новейшей историографии[2].

Таким образом, очевидно, что, советские историки, мобилизовав большой опубликованный и особенно архивный материал, существенно расширили представление о русском либерализме, органической частью которого являлось и «срединное» течение в нем. Разные грани интересующей нас проблемы «высвечивались» в ходе дискуссий советских историков о «жизнеспособности» прогрессизма, специфике Партии прогрессистов и особенностях ее становления, споров о «властебоязни» либералов в 1914-1917 гг. и др. Однако, несмотря на успехи, достигнутые к началу 1990-х гг. на данном направлении, интерес ученых к деятельности либералов-центристов носил, в основном, ситуативный характер. Зачастую оценки были основаны на стереотипах, закрепившихся за данной

---

[1] Там же. С. 116-117, 156.

[2] Речь идет, в частности, о публикациях, в которых характеризуется роль деятелей круга «Вестника Европы» (на рубеже 1905-1906 гг. – основателей ПДР) в зарождении в России еще в пореформенный период т.н. «нового либерализма», характерной чертой которого являлось сочетание стремления к политической свободе с глубокой и настойчивой проповедью социальных реформ // Китаев В.А. Об особенностях либерализма «Вестника Европы» (1870-1880-е гг.) // Петр Андреевич Зайончковский. Сборник статей и воспоминаний к столетию историка / [сост. Л.Г. Захарова, С.В. Мироненко, Т. Эммонс]. М., 2008. С. 531-549; Хайлова Н.Б. Социальная справедливость и социальное государство: взгляд русских либералов-центристов начала XX века // Проблемы социальной справедливости и современный мир: Материалы VI Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Череповец, 24-26 марта 2016 г.) / Под ред. О.В. Козловой (отв. ред.), А.Е. Новикова, Н.В. Алексеевой. Череповец, 2016. С. 30-35.

когортой еще до 1917 г. Господство классового подхода и марксистско-ленинской методологии побуждало исследователей концентрировать усилия на решении задач, далеких от проникновения в сущность либерального центризма. Установки партийных инстанций ориентировали ученых на совершенно определенный «ракурс» анализа прошлого страны (под углом зрения противостояния «контрреволюционных» сил и революционно-демократического лагеря) и соответствующие выводы, сводившиеся к заключению об исторической обусловленности и неизбежности победы большевиков и установления монопартийной системы в России. Следование в фарватере идеологических догматов неизбежно приводило к искажению исторических реалий, в частности, преувеличению степени «буржуазности» прогрессистов разных поколений и, соответственно, их социальной базы. Феномен «срединного» течения в русском либерализме не осмысливался всесторонне и комплексно как особое явление общественно-политической мысли и практики, имевшее предысторию, уходящую корнями в пореформенный период, впервые заявившее о себе в 1905-1907 гг. в связи с формированием российской многопартийности и присутствовавшее в политической жизни России вплоть до прихода к власти большевиков в 1917 г., претерпев к этому времени ряд этапов в своей эволюции.

Отсутствие системного подхода к рассмотрению либерального центризма, периферический интерес к соответствующим политическим партиям (за исключением Партии прогрессистов и Умеренно-прогрессивной партии) были характерны и для зарубежной (прежде всего, англо-американской) историографии[1]. Зачастую и в работах западных коллег, относящихся к интересующему нас периоду, ретранслировались традиционные клише (о малочисленности, непопулярности политических организаций либералов-центристов, о том, что ПДР и ПМО были «правее кадетов», а ПМО – «левее октябристов», и т.д.), присутствовала путаница в партийно-фракционной идентификации представителей «центра центра». Наряду с этим, утвердилось мнение о ПМО как точке отсчета в истории прогрессизма. Характерно, что, анализируя попытки политической консолидации московской «бизнес-элиты», ученые не склонны были преувеличивать «классовые интересы» прогресси-

[1] См. подробнее: Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М., 2015. С. 126-154.

стов, выделяли роль религиозного (старообрядческого) фактора в складывании «национально-либеральных» установок «кружка Рябушинского». В целом, позитивно оценивая перспективы «срединного» течения в русском либерализме, западные исследователи обращали внимание на проблемы в Партии прогрессистов. В ряде работ она характеризовалась как «парламентское явление, а не общенациональная организация», отмечалось противостояние накануне Первой мировой войны между думским лидером И.Н. Ефремовым и П.П. Рябушинским и его окружением. Особо выделим работы польского историка Эд. Вишневски, на протяжении многих лет плодотворно занимающегося историей прогрессизма. Его первый обобщающий труд на эту тему был опубликован в 1984 г.[1]

Возвращаясь к анализу советской историографии, отметим, что преодоление кризисной ситуации, сложившейся в изучении «непролетарских партий», и, в связи с этим, выход на новые «рубежи» в изучении взглядов и деятельности либералов-центристов, – стали возможны благодаря масштабному проекту по исследованию российской многопартийности, инициированному и возглавленному в начале 1990-х гг. доктором исторических наук, профессором В.В. Шелохаевым. Под его научным руководством в 1994 г. была защищена кандидатская диссертация, посвященная истории Партии демократических реформ. В работе впервые получил обоснование вывод об этой партии как идейном истоке «прогрессизма» и отправной точке организационного оформления данного течения общественной мысли, «вехами» эволюции которого стали партии Мирного обновления и Прогрессистов[2]. Благодаря обращению к первоисточникам и свободной от идеологической заданности проработке фактологического материала, к середине 1990-х гг. были представлены перспективные результаты первых опытов объективного осмысления дореволюционной многопартийности, в т.ч. взглядов и деятельности либералов-центристов[3]. А наиболее масштаб-

---

[1] Вишневски Эд. Прогрессисты во время Первой мировой войны и Февральской буржуазно-демократической революции. М., 1984.

[2] Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ. Автореферат дисс. ... к.и.н. М., 1994.

[3] См., например, материалы, помещенные в 1993 г. в журнале «Политические исследования (ПОЛИС)», в рубрике «Партии и парламентаризм в досоветской России»: Петров Ю.А. «Третье сословие»: вхождение в политику // ПОЛИС. 1993. № 3. С. 176-180; Хайлова Н.Б. ПДР, «партия здравого смысла» // Там же. С. 181-184; Шелохаев В.В. Прогрессисты – партия предпринимателей и интеллектуалов // Там же. 1993.

ным символом радикальных перемен стал беспрецедентный коллективный труд – энциклопедия «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века» (М., 1996). В издание вошло около 50 статей, связанных с историей центризма в русском либерализме начала XX в. Представленная в них информация о политических партиях, их лидерах и периодических изданиях (с краткой библиографией и ссылками на архивные источники) послужила основой для дальнейшей разработки темы.

Ф.А. Селезнев[1]

ПАРТИЯ КАДЕТОВ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ: ПРОБЛЕМНЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИОГРАФИИ

В 1994 – 2001 гг. научным коллективом под руководством В.В. Шелохаева в рамках серии «Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: Документальное наследие» были изданы протоколы заседаний ЦК и материалы съездов и конференций Конституционно-демократической партии, а также журналы заседаний Всероссийского Национального Центра[2]. Публикация этого удобного для обработки массива документов, снабженного именными указателями, открыла перед историками практически неограниченные возможности для всестороннего анализа различных этапов деятельности партии Народной Свободы. Появление подобного комплекса источников особенно ценно для изучения ро-

---

№ 4. С. 159-164; Шевырин В.М. Мирнообновленцы: в поисках «третьей силы» // Там же. С. 165-168; Шелохаев В.В. Многопартийность, «висевшая в воздухе» // Там же. 1993. № 6. С. 166-171. См. также: Петров Ю.А. Партии промышленников и предпринимателей; Шевырин В.М. Мирнообновленцы; Шелохаев В.В. Прогрессисты; Хайлова Н.Б. Партия демократических реформ // Политическая история России в партиях и лицах / Сост.: В.В. Шелохаев (руководитель), Н.Д. Ерофеев, И.Е. Задорожнюк и др. М., 1994. С. 7-73.

[1] *Селезнев Федор Александрович – доктор исторических наук, профессор, заведующий Центром краеведческих исследований Института международных отношений и мировой истории Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.*

[2] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. М., 1994-1999; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. М., 1997–2000; Всероссийский Национальный Центр. М., 2001.

ли кадетов в годы Гражданской войны – периода, который в историографии Конституционно-демократической партии (КДП) остается наименее изученным.

Теперь перед учеными стоит задача по осмыслению указанных материалов. Она уже начала выполняться в появившихся за прошедшее двадцатилетие диссертационных исследованиях[1] и обобщающих трудах. Среди последних следует особо выделить новую фундаментальную монографию В.В. Шелохаева «Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции», в немалой степени опирающуюся на изданные под его руководством источники[2]. Отдельная глава в ней посвящена Гражданской войне.

Автор книги сосредоточился на трех основных аспектах истории кадетов в годы Гражданской войны. Это положение КДП после большевистского переворота, разработка кадетскими теоретиками программы «переходного периода» после свержения большевистской власти, деятельность кадетов в районах дислокации Белого движения. Каждая из этих тем является перспективной и для дальнейшего изучения, поскольку содержит ряд дискуссионных проблем и неизученных вопросов.

Укажем, во-первых, что советская историография рассматривала Гражданскую войну как противостояние победившего в ходе Великой Октябрьской социалистической революции пролетариата и свергнутых эксплуататорских классов. Политическим олицетворением последних считались кадеты. Поэтому, они, а не «мелкая буржуазия» (эсеры), рассматривались как основные противники большевиков. Например, в известной книге Л.М. Спирина конституционные демократы названы «главной партией реставрации власти буржуазии и помещиков»[3].

---

[1] См. напр.: Сотова О.А. Национальная политика кадетов в составе белогвардейских правительств в период Гражданской войны в России: Автореф. дисс. … к.и.н. М., 2002; Кудряков В.В. Кадеты и левые партии в 1914 – 1918 гг.: Автореф. дисс. … к.и.н. М., 2007; Карташова И.А. Кадеты в общественно-политической жизни Юга России 1917–1920 гг.: Автореф. дисс. … к.и.н. Кропоткин, 2011; Васильева Е.В. Программные установки и политическая практика кадетов Сибири (май 1918 – январь 1920): Автореф. дисс. … к.и.н. Омск, 2011; Ехина Н.А. Трансформация политических позиций кадетской интеллигенции в 1917-первой половине 1930-х гг.: Автореф. дисс. … к.и.н. М., 2012.

[2] Шелохаев В.В. Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.

[3] Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. – 1920 г.). М., 1977. С. 266.

В качестве одного из доказательств этого тезиса советские историки называли участие кадетов в деятельности комитетов спасения родины и революции. Так, по мнению Н.Г. Думовой, хотя во Всероссийском комитете спасения родины и революции «верховодили правые эсеры», в подавляющем большинстве губернских комитетов партия Народной Свободы играла «активную, а часто и доминирующую роль»[1].

Среди современных историков есть те, кто придерживается этой традиционной концепции. Так, согласно В.Г. Хандорину, последствия большевистского переворота на время сплотили кадетов с социалистическими партиями, сообща с которым они создают органы сопротивления – комитеты спасения родины и революции[2]. Однако существует и противоположная точка зрения. В.В. Кудряков утверждает, что социалисты, вошедшие во Всероссийский комитет спасения родины и революции, «направили усилия на изоляцию кадетов от дела борьбы с большевиками и на обсуждение целесообразности компромиссов с РСДРП»[3]. Несмотря на кажущуюся экстравагантность, эта мысль находит надежное подтверждение в источниках. По образному выражению члена Всероссийского комитета спасения родины и революции князя В.А. Оболенского, кадеты чувствовали себя там «как белые вороны». Их не выбрали в бюро комитета и не подпускали к делу активного сопротивления большевикам. Чувствуя себя лишними в комитете спасения родины и революции, петроградские члены партии Народной Свободы перестали посещать его заседания[4].

Похожая картина нарисовалась в Москве. На заседании Московской городской думы 28 октября 1917 г. гласные-социалисты (эсеры и меньшевики) отказались включить кадетов в состав созданного для противодействия большевикам Комитета общественной безопасности. Тогда возмущенный кадет Н.И. Астров покинул заседание, полагая «бессмысленным оставаться при таких условиях в коридорах Думы»[5].

---

[1] Думова Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917 г. – 1920 гг.). М., 1982. С. 25, 27.

[2] Хандорин В.Г. Идейно-политическая эволюция либерализма в Сибири периода революции и гражданской войны. Томск, 2010. С. 126.

[3] Кудряков В.В. Указ. соч. С. 13.

[4] Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 558, 560, 561.

[5] Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М., 2005. С. 387, 389.

По такому же сценарию развивались события в Нижнем Новгороде. Там, как и в столицах, в городской думе большинством располагали эсеры. В силу этого, именно они возглавили антибольшевистское сопротивление. Кадеты же занимали в его структурах подчиненное положение и, даже, как вчерашние «контрреволюционеры-корниловцы», подвергались политической дискриминации. Так, в выбранном 26 октября 1917 г. Нижегородской городской думой комитете защиты революции из десяти членов кадетов было только двое, а возглавил его эсер. При формировании думой 29 октября 1917 г. Объединенного комитета защиты революции (позднее – комитет спасения родины и революции) фракция меньшевиков объявила, что «находит невозможным присутствие в комитете представителя партии Народной Свободы, ибо она может послужить яблоком раздора, и Комитет не будет иметь авторитета в глазах масс». И хотя один кадет в состав комитета все же был выбран, заседания комитета спасения родины и революции он фактически не посещал, ибо ему было сказано, что «его присутствие там, как члена партии Народной Свободы, вредно отразится на отношении масс к самому Комитету». Наконец, когда эсеры в декабре 1917 г. формировали Союз защиты Учредительного собрания, конституционному демократу Е.М. Ещину без обиняков объявили, что партия Народной Свободы «как таковая, допущена быть в Союз не может»[1].

Приведенные факты позволяют поставить вопрос о пересмотре характерного для советской историографии утверждения о том, что кадеты сразу после Октябрьской революции стали центром консолидации противников ленинской партии и применяли активные формы борьбы с большевиками. Скорее можно говорить об использовании конституционными демократами тактики «пассивного сопротивления». Отметим в этой связи, что в воззвании ЦК КДП от 27 октября 1917 г. содержится лишь один конкретный призыв – «не признавать власти насильников, не подчиняться их распоряжениям»[2].

В то же время, неприятие партией Народной Свободы Октябрьского переворота не подлежит сомнению. Оно нашло яркое выражение в ходе компании по выборам депутатов Учредительного со-

---

[1] Подробнее см.: Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905–1917 гг.). Нижний Новгород, 2001. С. 154-155.

[2] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915-1920 гг. М., 1998. С. 409.

брания. «Против большевиков», – таков был руководящий лозунгом кадетов[1].

В свою очередь, и большевики относились к партии Народной Свободы с наибольшей враждебностью и опаской. В.И. Ленин предлагал объявить партию кадетов вне закона. М.А. Ларин выступал за лишение конституционных демократов мандатов членов Учредительного собрания. В ночь на 28 ноября 1917 г. были взяты под стражу члены кадетского ЦК С.В. Панина, П.Д. Долгоруков, А.И. Шингарев, Ф.Ф. Кокошкин. В тот же день на заседании Совета народных комиссаров Л.Д. Троцкий указал на «связь кадетов с врагами народа – калединцами» и охарактеризовал ЦК КДП как «очаг контрреволюции, очаг восстания». Вслед за ним, Ленин внес проект декрета «об аресте виднейших членов центрального комитета партии врагов народа и предании их суду революционного трибунала». В результате Совнарком издал антикадетский «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции»[2].

Судя по данным, введенным в научный оборот Л.Г. Протасовым, эти действия большевиков могут быть истолкованы как подготовка к исключению кадетов из числа депутатов Учредительного собрания, с тем, чтобы затем объявить его (по примеру французской революции 1789 г.) революционным конвентом. (За это ратовали Н.И. Бухарин и Л.Д. Троцкий)[3]. Однако противодействие эсеров заставило Ленина отказаться от этого шага и «Декрет об аресте вождей гражданской войны против революции» не получил практических последствий.

В.А. Степанов, взятый под стражу 28 ноября, был освобожден левым эсером из наркомата юстиции и скрылся. Новых арестов не последовало. Паниной 10 декабря 1917 г. Петроградский революционный трибунал вынес общественное порицание и отпустил. Долгоруков был освобожден без суда 19 февраля 1918 г. Несомненно, получили бы свободу также и Шингарев с Кокошкиным. Их убийство стало полной (и неприятной) неожиданностью для Ленина. Вопрос о заказчиках преступления требует дополнительного изучения, по-

---

[1] Подробнее см. Поликарпов В.Д. Пролог гражданской войны в России. Октябрь 1917-февраль 1917. М., 1976. С. 311-312.

[2] Протоколы заседаний Совета Народных Комиссаров РСФСР. Ноябрь 1917-март 1918 гг. М., 2006. С. 62.

[3] Протасов Л.Г. Всероссийское Учредительное собрание: история рождения и гибели. М., 1997. С. 272.

скольку обстоятельства убийства не позволяют списать его на спонтанное самоуправство «матросов-анархистов». Убийцы действовали слаженно и по одной и той же схеме: один сильно сдавливал жертве горло, лишая возможности сопротивляться, затем другой в упор стрелял ей в сердце и рот. Оба киллера входили в сводный отряд матросов Балтийского флота, который участвовал в установлении советской власти в Петрограде и Москве, разгоне демонстраций в поддержку Учредительного собрания, охране III Съезда Советов (командир Н.А. Ховрин, заместитель командира – А.Г. Железняков, начальник штаба – А.Ф. Ильин-Женевский).

В декабре 1917 г. давление органов советской власти на партию Народной Свободы ослабло и она, согласно данным, приводимым Думовой, возобновила открытую деятельность[1]. По оценке Шелохаева, кадеты могли вести легальную работу до конца мая 1918 г. Однако следов ее немного. В опубликованных материалах заседаний ЦК мы не видим сколько-нибудь значимых проявлений политической активности руководства КДП с декабря 1917 по февраль 1918 г. Это отразилось и на настроении местных групп партии. Хандорин на материалах Сибири показал, что этот период отмечен «определенной пассивностью, подавленностью и растерянностью основной массы кадетов»[2].

Часть конституционных демократов, включая членов ЦК, в это время вообще отходит от политической деятельности и начинает работу в советских учреждениях. Некоторые из этих интеллигентов-кадетов проявляют лояльность к новой власти. Вопрос о формах их интеграции в советскую реальность, на взгляд автора, может стать темой отдельного исследования.

Были и партийные активисты, стремившиеся использовать легальные структуры для борьбы с большевизмом изнутри. Так Д.И. Шаховской 2 февраля 1918 г. в тезисах доклада ЦК партии Народной Свободы указывал на то, что партийные формы деятельности уже утратили «значительную долю своей силы» и необходимо найти другие общественные и массовые объединения, ко-

[1] Думова Н.Г. Указ. соч. С. 83.
[2] Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 127.

торые можно было бы использовать. Среди них Шаховской отводил главное место кооперации[1].

Впрочем, практического воплощения идеи Шаховского не получили. Наоборот, как в свое время было отмечено автором, в марте – апреле 1918 г. на уровне ЦК КДП и местных организаций рассматривался вопрос о возможности сотрудничества с большевиками в деле национальной обороны, в т.ч. в создании Красной армии[2].

Этот факт красноречиво свидетельствует о том, что своей главной задачей кадеты по-прежнему считали доведение до победного конца войны с Германией в единении с союзниками по Антанте. Не случайно партия Народной Свободы активизировала свою деятельность именно после заключения Брестского мира. Агитационная комиссия КДП 3 апреля 1918 г. решила его не признавать, «считать себя в состоянии войны с немцами» и «вести самую жестокую войну с германофильскими течениями в обществе…»[3].

В этой системе координат для кадетов возможным было взаимодействие со всеми политическими силами, выступавшими за возобновление войны, в т.ч. и с большевиками. Ведь многими представителями советского руководства Брестский мир воспринимался как краткая пауза перед возобновлением боевых действий, которую они использовали для создания новой армии.

На базе восстановления Восточного фронта кадеты были готовы искать союзников и справа и слева. Этим, по мнению автора, и объясняется их участие в Правом центре и Союзе возрождения (Левый центр), а отнюдь не стремлением получить партнеров для борьбы с большевиками, как это принято считать в историографии. Так В.В. Кудряков утверждает, что в основу Союза возрождения России (Левого центра) легла идея единого «демократического» антибольшевистского фронта[4]. Однако совсем по-другому расста-

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. С. 413-414.

[2] Селезнев Ф.А. Указ. соч. С. 158–159; Он же. Партия кадетов после Брестского мира: вопрос о выходе России из Первой мировой войны // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, программатике и политико-правовой практике российского либерализма: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 1-3 октября 2015 г. Орел, 2015. С. 316-318.

[3] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. Т. 3. С. 422.

[4] Кудряков В.В. Указ. соч. С. 13.

вил акценты современник и участник событий С.П. Мельгунов. В его интерпретации, задачей «Союза возрождения России» было «объединить всех тех, которые не признавали Брестского мира, всех тех, кто отстаивал единство России и стоял на демократической платформе; попытаться создать новый фронт при содействии союзников для борьбы с немцами»[1].

Впрочем, следует признать, что в партии кадетов были и те, для кого главным врагом был большевизм, а не Германия. В историографии указанные политики обычно объединяются под названием «германофилов». Однако оно не может быть признано адекватным. Считать кадетов – членов Правого центра, а также П.Н. Милюкова или Н.В. Устрялова германофилами, т.е. сторонниками союза с Германией, было бы ошибкой. Очевидно, что идеология названного течения внутри КДП требует дальнейшего, более глубокого изучения.

По-прежнему дискуссионным остается вопрос о роли кадетов в становлении диктаторских режимов А.И. Деникина, А.В. Колчака, Н.Н. Юденича и П.Н. Врангеля. Многие историки утверждают, что партия Народной Свободы политически и идеологически руководила ими. Так, Хандорин пишет о том, что колчаковский переворот был подготовлен при участии кадетов, и они, по существу, заняли положение правительственной партии[2]. Но есть авторы, полагающие, что политический вес кадетов в окружении Деникина и Колчака был не очень велик. По оценке Г.А. Трукана, либеральная группа в Особом совещании при Деникине не смогла преодолеть влияние реакционеров-военных. Что касается совета министров при Колчаке, то в нем наоборот доминировали не кадеты, а социалисты во главе с премьером П.В. Вологодским из партии эсеров[3]. (Правда, Хандорин характеризует Вологодского как беспартийного)[4].

Похожая точка зрения представлена Н.А. Ехиной. По ее мнению, конституционные демократы «вынуждены были подстраиваться под политические взгляды тех, кто обладал реальной возможностью оказать вооруженное сопротивление большевикам». В итоге, в своей реальной повседневной деятельности, как на Юге, так и на Востоке России они «по существу брали на себя обязательства ру-

---

[1] История «Союза возрождения России». Справка С.П. Мельгунова // Красная книга ВЧК. Т. 2. М., 1990. С. 81.
[2] Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 214-215.
[3] Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М., 2000. С. 83, 148.
[4] Хандорин В.Г. Указ. соч. С. 215.

ководствоваться не столько кадетской программой, сколько политической платформой военных режимов Деникина и Колчака, и серьезного политического влияния, по сути, не имели»[1].

Впрочем, с конца 1918 г. партию Народной Свободы уже нельзя считать единым субъектом политического процесса. Она, как справедливо отметил Шелохаев, потеряла свою «организационную целостность», что неминуемо сказывалось на ее идейной сплоченности[2].

В это время у кадетов фактически отсутствует руководящий центр. М.М. Винавер и В.Д. Набоков, с сентября 1917 г. направлявшие работу кадетского ЦК, уехали в Крым. Милюков из-за попыток опереться на помощь Германии, был отторгнут партией. Все трое уже в 1919 г. оказались за границей. Организация подпольной антибольшевистской деятельности в Москве была результатом личных усилий Н.Н. Щепкина, а не партийных структур. В целом, к исходу Гражданской войны партия Народной Свободы оказалась не только не способна объединить на антибольшевистской платформе сколько-нибудь широкие общественные круги, но и сама не смогла консолидироваться.

И.В. Сабенникова[3]

ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИСТОРИОГРАФИИ ЛИБЕРАЛИЗМА: ПРОБЛЕМЫ АРХИВНОЙ ЭВРИСТИКИ

Историографическое изучение любой проблемы связано с вовлечением в научный оборот новых массивов документов по тем темам, которые до сих пор остаются малоизученными. Тем более это важно применительно к русскому либерализму, чьи архивы долгое время оказывались труднодостижимы для исследователей. Среди причин, затрудняющих изучение русского либерализма, можно назвать значительную распыленность документов, образующих не только самостоятельные фонды, но и входящие составной

[1] Ехина Н.А. Указ. соч. С. 22.
[2] Шелохаев В.В. Указ. соч. С. 636.
[3] *Сабенникова Ирина Вячеславовна – доктор исторических наук, зав. сектором использования архивных документов Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела (ВНИИДАД).*

частью в коллекции и фонды различных учреждений российской эмиграции, достаточно частое и не всегда контролируемое перемещение документов в течение первой половины XX в., а также осторожное отношение самой эмиграции к изучению ее архивов, ограничение доступа к своим документам из опасения того, что информация, в них содержащаяся, будет использована советскими спецслужбами. И, наконец, ограничения на доступ к документам, которые определяются архивным законодательством каждой страны отдельно. В результате всех этих сложностей, период вовлечения документов по русскому либерализму в научный процесс сильно растянулся во времени и не вполне завершился сейчас. Поскольку изучение русского либерализма и эмиграции возможно только при комплексном знании всего объема имеющихся документов, то сохраняется задача выявления, публикации и введения в научный оборот документов, рассредоточенных по разным архивам и библиотекам. С этой целью коллектив авторов подготовил справочник «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939», вышедший в издательстве Директ-Медиа и содержащий систематизированную информацию о документах, характеризующих структурную составляющую российской постреволюционной эмиграции[1]. Справочник позволяет реконструировать документальные комплексы по русской постреволюционной эмиграции в целом, выявить фонды и коллекции, в которых отложились источники по русскому либерализму, прежде всего в англоязычных странах – Австралии, Великобритании, Ирландии и США, актуализировать использование этих документов путем проведения выставок, конференций, всевозможных публикаций и т.д.

Документы справочника позволяют ответить на следующие вопросы: политические симпатии отдельных диаспор русской эмиграции, связь мест проживания эмиграции и наиболее представительные места хранения ее документов, выявление мест архивного хранения документов, история их попадания в архивы и использования. Материалы справочника позволяют классифицировать выявленные материалы по проблемному принципу, по институтам русской эмиграции, по архивам, их хранящим. Возможность такой

[1] Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939. Материалы к межархивному справочнику // Сост. и авт. ввод. статей и приложений И.В. Сабенникова, В.Л. Гентшке, А.С. Ловцов. М.-Берлин: Директ-медиа , 2017.

классификации важна для изучения русского либерализма, поскольку позволяет понять, в каких именно странах жила либеральная эмиграция, как она институционализировалась, взаимоотношение различных групп внутри нее, и оценку ими основного вопроса русской эмиграции – вопроса о причинах и следствиях русской революции. Вместе с тем, справочник позволяет определить современные места хранения документов эмиграции и выявить соотношение различных групп этих документов, например, по времени создания: дореволюционные, созданные в ходе революции и Гражданской войны, возникшие в период деятельности эмиграции до 1939 г. или позже.

Постреволюционная российская эмиграция – уникальное явление в мировой истории. Значительный процент либеральной интеллигенции среди русских эмигрантов способствовал ее консолидации, созданию различных политических, творческих, профессиональных, благотворительных объединений, библиотек, издательств и периодических изданий. Все это создало исторический феномен, исследование которого еще не завершено, отчасти по причине плохого знания исследователями мест хранения архивных документов русского зарубежья.

Общественная жизнь русской постреволюционной эмиграции выражалась в сложной системе различных социальных связей, представленных институтом общественных организаций. Существование широкого спектра различных политических течений, общественных объединений и организаций в русской диаспоре было закономерно. Как отмечают многие современные исследователи, это в значительной мере было связано с процессом международного транзита (перемещения) значительной части общественных институтов дореволюционной России на иную социальную почву, что создавало в итоге новые социальные образования. В результате таких преобразований бывшие русские консульства за рубежом выполняли функции правовых учреждений, а такая общественная организация как, например, Земско-городской комитет (Земгор) стал продолжением и развитием российского земского самоуправления в условиях эмиграции.

Общая идея борьбы с большевизмом, надежды на скорый крах советской системы, на возвращение привлекали в ряды этих организаций все новых членов из лиц, оказавшихся за границей после

Гражданской войны. Общественные формирования эмиграции структурировались на основе общности интересов (политика, благотворительность, просвещение и т.п.) и стремления к достижению общих целей. Помимо сети всевозможных организаций, в эмиграции действовали политические партии и объединения. Они складывались по инициативе отдельных лиц и групп эмигрантов на добровольной основе, имели собственное самоуправление. Их влияние на эмигрантскую среду, сроки деятельности определялись целым рядом факторов – от востребованности до финансовой составляющей. Итогом взаимодействия эмигрантских общественных и международных организаций стал единый идентификационный документ – «нансеновский» паспорт, который более 20 лет подтверждал принадлежность беженцев из России к русскому зарубежью.

Объединительные процессы, шедшие в постреволюционной эмиграции в период 1920-1940-х гг., отличались различной интенсивностью, определяемой численностью и структурой эмигрантского сообщества различных стран. Однако центральным всегда оставался вопрос об отношении к революции, принятие или непринятие ее в целом и отдельных ее этапов. В результате появилось множество групп, союзов и т.п., имеющих сходные цели, но предлагающих различные методы борьбы. Объединению в общества и союзы способствовала потребность сохранения своих национальных, культурных и духовно-нравственных ценностей, а идея возвращения на родину препятствовала ассимиляции и натурализации русских[1], в результате чего процесс интеграции и социокультурной адаптации русских беженцев к социальным условиям европейских стран, США,

---

[1] Volkmann H.T. Die Russische Emigration in Deutschland. 1919-1929. Wurzburg, 1966; Williams R.C. Culture in Exile. Russian Emigres in Germany. 1881-1941. N.Y., 1972; Beyssac M. La vie culturelle de L`emigration russe en France. Chronique (1920-1930). Paris, 1971; Raeff M. Russia Abroad. A Cultural History of the Russian Emigration, 1919–1939. N.Y., 1990; Russian Emigrants. Contribution to the Scientific and Cultural Life of America. N. Y., 1985; Der grosse Exodus / Die russische Emigration und ihre Zentren 1917 bis 1941/ München, 1994; Окунцов И.К. Русская эмиграция в Северной и Южной Америке. Буэнос-Аэрес, 1967; Русский Берлин.1921-1923. Париж, 1983; Беляков В.В. Приютила Африка Жар-птицу: Россияне в Египте. М., 2000; Российская диаспора в Африке. 20-50-е годы: Сб. ст. / Отв. ред. А.Б. Летнев. М., 2001; Казнина О.А. Русские в Англии: Русские эмигранты в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX в. М., 1997; Мелихов Г.В. Российская эмиграция в Китае (1917-1924). М., 1997; Российская эмиграция в Турции, Юго-Восточной и Центральной Европе 20-х годов: (Гражд. беженцы, армия, учеб. заведения) / Под ред. Пивовара Е.И. М., 1994.

Австралии и Китая завершился лишь к 1939 г.

Современная российская историография постепенно заполняет пробел в сфере знаний, касающихся российской диаспоры за рубежом и ее структурной составляющей. Но без глубокого изучения архивного наследия российского зарубежья, невозможно достоверное освещение истории российского эмигрантского сообщества. Русская эмиграция, ставившая своей стратегической целью возвращение в Россию, оставила потомкам богатое документальное наследие. Документы российской эмиграции отложились: в государственных архивах многих стран мира (Национальный архив США, Вашингтон; Национальный архив Финляндии, Хельсинки и т.д.); в архивных фондах университетов, музеев, библиотек (Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса; Литературный Архив Музея национальной письменности в Праге и т.д.); в архивах научных, общественных организаций (Архив института истории общества Макса Планка и т.д.); в архивах религиозных организаций (Архив Свято-Троицкой семинарии, Джорданвилль, США и т.д.); в архивах и музеях, созданных российскими эмигрантами (Музей русской культуры в Сан-Франциско и т.д.); в архивах различных эмигрантских организаций, находящихся у них, в личных архивах эмигрантов и их потомков (Архив Толстовского фонда в Вэлли Коттедж, США; Личное собрание А. Копршивовой-Вуколовой, Чехия и т.д.); в различных фондах (Фонд «Russia Cristiana», Италия и т.д.)[1]. Среди них документы как вывезенные из России, так и возникшие в процессе деятельности частных лиц и эмигрантских организаций.

Представители российской эмиграции, прежде всего либеральная интеллигенция, понимая необходимость сохранения документального наследия русского зарубежья, много сделали в этом направлении, обеспечив преемственность культурной традиции, разорванной революцией и десятилетиями установившегося после нее режима. Даже там, где русская эмиграция была незначительной, как, например, в Великобритании, где по некоторым данным находилось около 2000 русских беженцев, преимущественно либерально настроенной интеллигенции (В. Набоков, А.В. Тыркова-Вильямс, П. Виноградов, М. Ростовцев, Б. Анреп, А. Павлова,

[1] Сабенникова И.В., Гентшке В.Л. Зарубежная архивная Россика: география размещения, выявление, публикация источников. М., 2014. С. 23-24.

Н. Зернов и др.),[1] в архивах отложился достаточно обширный комплекс источников, связанных с Россией. Значительным собранием материалов российского происхождения располагают Государственный архив Великобритании (Public Record Office), Отдел рукописей Британской библиотеки (British Library), Библиотека Школы славянских и восточноевропейских исследований (School of Slavonic and East European Studies Library), Архив Королевского географического общества (Royal Geographical Society), архив Королевского общества (Royal Society) и др. Крупнейшим собранием документов русской эмиграции является Русский архив Бразертонской библиотеки университета г. Лидса (Brotherton Library, University of Leeds). Среди документов этого архива фонд «Земгора», документы П.Г. Виноградова – профессора Оксфорда, правоведа и историка, отложившиеся сразу в нескольких коллекциях Лидского архива и др. Обширный фонд С.П. Мельгунова хранится в Отделе рукописей Британской библиотеки политических и экономических наук (British Library of Political and Economic Science). В Архиве Лейбористской партии (The Labour Party Archive) в фонде Российские материалы – записи выступлений А.Ф. Керенского по международным вопросам и экономическому положению в России (янв. 1920 г.)[2].

Даже в Республике Ирландия, где представителей первой волны эмиграции практически не было, хранятся документы, содержащие сведения о численности российских эмигрантов, о помощи им, о решении визовых проблем и т.д. Среди них Национальный архив (National Archives of Ireland. Dublin) и Военный архив в Дублине (Military Archives of Ireland. Dublin); Главная библиотека независимой англиканской церкви в Ирландии (Ирландской церкви) (Main Library of the Independent Anglican Church of Ireland (ChurchofIreland)). Последняя хранит документы Ассоциации англиканских и восточных церквей (Anglican and Eastern Churches Association), содержащие информацию о Русской православной церкви в Лондоне, о Фонде помощи духовенству и т.д.

---

[1] Каталог выставки «Русские в Англии: между двумя войнами (1917-1940 гг.)». БФРЗ 2000 г. [Электронный ресурс] // URL: http: old.bfrz.ru/dejat/vystavki/anglia/katalog.doc (дата обращения 10.12.2016).

[2] См. подр. Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.М Архивные материки Российского зарубежья: тенденции и направления изучения; аннотированный указатель. М.-Берлин, 2015. С. 82-109 (То же. [Электронный ресурс] // URL: http://lib.biblioclub.ru/index.php?page=book&id=279329).

Наиболее представительной из стран в плане эмигрантских архивов являются США, где формирование русской диаспоры происходило постепенно и отличалось от других регионов. Численность русской эмиграции здесь значительно возросла после Второй мировой войны, в результате расширения социалистической политической системы, когда многие эмигранты из стран Восточной Европы и Китая вынуждены были вторично эмигрировать, главным образом, в США и, в меньшей степени, в Австралию. Именно в США на подъеме холодной войны сложились наиболее представительные по составу документов архивные хранилища, которые продолжают работать и в настоящее время.

Наиболее значительным из эмигрантских архивов в США стал Музей русской культуры при Русском центре в Сан-Франциско. Постоянный интерес у исследователей вызывают коллекции Архива Гуверовского института (Hoover Institution on War, Revolution and Peace), являющегося одним из крупнейших зарубежных хранилищ документов по истории России периода Первой мировой войны и революции. Здесь находятся интересные документы, содержащие сведения о численности и положении русской диаспоры в мире, документы, характеризующие выдающихся представителей эмиграции. Среди них наиболее востребована исследователями коллекция Бориса Николаевского, одна из самых интересных эмигрантских коллекций, приобретенная институтом в 1963 г. В нее включены документы российских политических партий преимущественно левого толка, а также ряда крупных политических деятелей, документы, относящиеся к жизни русской постреволюционной эмиграции. Фонд Николаевского состоит из 203 подгрупп (серий), сгруппированных по принципу происхождения документов. 39 серий содержат документы организаций. Лучше всего представлена документация меньшевистского крыла РСДРП, это самая репрезентативная коллекция меньшевистских документов за пределами России и бывшего СССР. В фонде также отражена деятельность Государственной думы, февральская и октябрьская революции 1917 г., Гражданская война и т.д.

Бахметевский[1] архив (Columbia University in the City of New York,

[1] В литературе встречается различное написание названия архива на русском языке – Бахметьевский архив и Бахметевский архив. Это связано с написанием фамилии его создателя Бахметьев или Бахметев.

Bakhmeteff Archive of Russian and East European Historys and Culture) был создан в 1951 г. в США по инициативе бывшего посла Временного правительства в Вашингтоне, профессора Инженерной школы Колумбийского университета Б.А. Бахметева для хранения документов из России и Восточной Европы, оказавшихся за границей после революции 1917 г. и Гражданской войны, а также в последующие годы. Бахметевский архив является одним из основных по объему хранилищем российских документов за пределами России и бывшего Советского Союза. Здесь хранятся документы, отражающие важнейшие исторические события, послужившие причиной эмиграции из России, – революцию 1917 г. и Гражданскую войну, мемуары общественных и государственных деятелей, лидеров политических партий и революционного движения, участников Первой мировой и Гражданской войн. В документах личного и официального характера освещена деятельность военных и гражданских учреждений, имевших отношение к событиям первой четверти XX в. Среди других выделяется фонд Б.А. Бахметева – инициатора создания русского архива (документы за 1914–1951 гг., около 34000 ед. хр.). Большая часть фонда относится к периоду 1917–1922 гг. Тематические папки в основном содержат документы, относящиеся к периоду Гражданской войны, посвященные Парижской мирной конференции, созданному Бахметевым фонду и Советский России начала 1920-х гг. Печатные материалы включают в себя брошюры, журналы и газетные вырезки. Также имеются собранные вместе отчеты различных департаментов российского посольства и миссии с 1917 до начала 1920-х гг.

Интересные документы отложились и в некоторых учебных учреждениях США. Так, Архив Центра российской культуры при колледже г. Амхерст, Массачусетс (Amherst Center for Russian Culture, Amherst College, Amherst, Massachusetts) был создан в 1991 г. на основе коллекции документальных материалов российской эмиграции, переданной колледжу г. Амхерст известным русистом Томасом П. Уитни (Thomas P. Whitney). В архиве содержатся рукописи, книги, периодика и другие документы, связанные с русской постреволюционной эмиграцией. В Библиотеке школы права Гарвардского университета (Harvard Law School Library, Harvard University) хранится архив директора Американского Красного креста на Ближнем Востоке – Чарлза Клэфлина Дейвиса, в состав которого

входят документы и фотографий о жизни русских белоэмигрантов 1919-1923 гг. в Турции. В особой коллекции (Special collection) библиотеки Джорджтаунского университета в Вашингтоне находится архив известного американского дипломата и советолога Роберта Ф. Келли, содержащий документы периода, предшествующего признанию Советской России Соединенными Штатами Америки в 1933 г. В Свято-Троицкой Духовной Семинарии (The Holy Trinity Orthodox Seminary) г. Джорданвилль имеются интересные коллекции документов Русского общевоинского союза, В.А. Абданк-Коссовского, П.Н. Краснова, В.А. Маевского и др.

Российская диаспора в Австралии географически одна из самых отдаленных и далеко не самая многочисленная, ее формирование, как и формирование других российских диаспор, зависело от изменений политической и экономической ситуации в России и мире. С 1920 по 1940 гг. здесь нашло приют чуть больше 2 тыс. русских беженцев. Главным центром русской иммиграции в Австралии был Квинсленд, где проживало около половины русских австралийцев. В годы Второй мировой войны и после нее сюда приехала часть эмигрантов проживавших ранее в странах Европы и Азии, а так же перемещенных в ходе Второй мировой войны лиц, т.н. «дипи»[1]. Эмигрантского архива русским в Австралии создать не удалось, но в 2016 г. в Сиднее открылся небольшой музей, характеризующий жизнь русских на этом континенте.

Материалы русского происхождения отложились в различных архивохранилищах Австралии, например, в National Archives of Australia (NAA) , а также в библиотеках этого континента. Среди них Митчелловская и Фишеровская библиотеки (Сидней)[2]. Отдел рукописей и фотодокументов Государственной библиотеки Нового Южного Уэльса, Библиотека университета штата Квинсленд (University of Queensland Library, Brisbane, Australia), в которой находится обширная коллекция документов по истории русско-австралийских

---

[1] См. подробно: Каневская Г.И. «Мы еще мечтаем о России…». История русской диаспоры в Австралии (конец XIX в.-вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток, 2010.

[2] Библиотека Митчелла – часть Государственной библиотеки штата Новый Южный Уэльс, которая занимает помещения двух зданий, соединенных между собой. Более старое здание (1906 г.) носит название библиотеки Митчелла. В ней находится бесценная коллекция рукописей. Библиотека Фишера (Fisher Library) – главная библиотека Сиднейского университета, обладающего самым обширным собранием книг в Южном полушарии, насчитывающим более 2 млн. томов.

связей – «Бумаги Томаса Пула и Эрика Фрида»[1]. Помимо архивов и библиотек, материалы о россиянах находятся и в мемориалах и музеях Австралии, как, например, в Австралийском военном Мемориале (Australian War Memorial), в Канберре. Имеются и семейные архивы русских эмигрантов[2].

Процесс формирования документальных коллекций и фондов русской эмиграции проходил под влиянием различных обстоятельств, что привело к тому, что лишь в редких случаях весь объем документальных источников хранится в одном архиве, большей же частью они рассредоточены по различным хранилищам, что значительно осложняет работу исследователей. Учитывая данную особенность, исследователи постарались свести воедино всю разрозненную до настоящего времени информацию.

Например, документы такой известной русской общественной благотворительной организации как Российский Красный Крест хранятся в архивах разных стран. Несмотря на то, что в англоязычных архивах нет отдельного фонда РОКК, тем не менее, документы, характеризующие деятельность этой значимой организации русского зарубежья, можно найти в ряде фондов Бахметевского архива (США) и архива Лидса (Великобритания). В определенной степени это связано с тем, что в состав организации входили многие видные общественные деятели эмиграции, по своим политическим взглядам близкие к конституционным демократам или монархистам (граф П.Н. Игнатьев (президент), Б.Е. Иваницкий, барон Т. Нольде (бывший тов. Министра иностранных дел), М.С. Аджемов, Н. Антонов, Е. Бинексен (бывший член думы), А. Шаманский (бывший член совета по сельскому хозяйству), А.И. Гучков (бывший председатель Государственной думы), Васильчиков и граф В.Н. Коковцев), в состав архивных фондов которых входит деловая переписка по вопросам РОКК, уставные и программные документы, мемуары и воспоминания. Так, в Бахметевском архиве (USA BAR) находятся фонды Игнатьева П.Н. (Ignatev, Pavel Nikolaevich, graf) и Лодыженского Ю.И. (Lodyzhenskii, Iurii Ilich), а в архиве Лидса

---

[1] Массов А.Я. Коллекция документальных материалов по истории русской иммиграции в Австралии в библиотеке Квинслендского университета // Берега: Информационно-аналитический сборник о русском зарубежье. СПб., 2009. Вып. 11-12. С. 66-69.

[2] Govor E. Russian Anzacs in Australian History. UNSW Press in association with the National Archives of Australia. Australia, 2005. P. 307 (Говор Е. Российские «Анзаки» в истории Австралии).

(UK LRA) документы семьи Саблина (Sablin Family).

Рассеянными по архивохранилищам оказались документы другой важной организации русского зарубежья – Совещания послов, созданной в Париже в 1921 г. на совещании российских послов, не признавших РСФСР. Председателем организации был выбран русский посол в Риме, старейшина дипкорпуса – М.Н. Гирс (товарищ председателя – В.А. Маклаков). Бывшие послы защищали интересы русских эмигрантов в странах их пребывания вплоть до 1940 г. Документы, касающиеся организации, оказались распыленными между тремя архивами и вошли в состав пяти фондов, преимущественно лиц, участвовавших в ее деятельности: Саблина Е.В. (Sablin, Evgenii Vasilevich) USA BAR, Гирса М.Н. (Mikhail Nikolaevich de Giers USA HIA) , Маклакоа В.А. (Maklakov, Vasily Alekseyevich) USA HIA и Архива Земгора (Суб-коллекция: LRA MS 1500) UK LRA.

Справочник «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939» включает разделы, характеризующие структуру российской постреволюционной эмиграции: российское государство накануне октября 1917 г.; Белое движение в годы Гражданской войны; общественно-политические движения, партии и организации; военные, военно-политические организации и союзы российской эмиграции; дипломатические представительства и организации; религиозные конфессии, организации, союзы; печать; коммерческие организации; профессиональные объединения, творческие союзы; благотворительные, ветеранские организации, объединения и фонды; научные, учебные организации и объединения; культурно-просветительные, досуговые, спортивные общества, объединения по интересам; молодежные движения, союзы, организации; дом Романовых, включающий в себя как фонды, непосредственно принадлежащие его членам, так и фонды различных лиц, организаций, имеющие в своем составе документы, относящиеся к российской монархии; зарубежные организации, поддерживавшие беженцев и эмигрантов; дополнительные материалы к теме. Информация об организациях, учреждениях, описываемых в тексте, биографические сведения приводятся по аннотациям архивных фондов, справочным изданиям, в т.ч. биобиблиографическим, специальным научным исследованиям.

Таким образом, появление межархивного справочника «Зарубежная Россия: Организации российской эмиграции 1917-1939»

вносит ценный вклад в изучение русского либерализма. Введение в научный оборот информации о местах хранения различных материалов по русской постреволюционной эмиграции позволяет расширить источниковую базу современных исследований в области либерализма и открывает новые возможности изучения русского либерализма по самым разным направлениям – географическому, персональному, институциональному и другим, позволяя исследователям найти ответы на нерешенные вопросы.

В.В. Вострикова[1]

ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ XVIII-XIX вв.

Одним из ключевых дискуссионных вопросов историографии отечественного либерализма является проблема адекватности либерального проекта модернизации страны, разработанного на рубеже XIX-XX вв., российским историческим традициям. Думается, что определенный вклад в осмысление данной проблемы может внести рассмотрение понимания самими либералами основных тенденций российского исторического процесса, тем более, что среди идеологов отечественного либерализма начала XX в. были видные ученые-историки, профессионально подходившие к анализу истории России.

Научная новизна данного исследования заключается в том, что в нем ставится задача комплексного рассмотрения взглядов идеологов либерализма рубежа XIX-XX вв., тогда как в отечественной историографии существуют работы, в которых анализируются исторические концепции отдельных либеральных ученых-историков, прежде всего, А.А. Кизеветтера, А.А. Корнилова, П.Н. Милюкова[2].

---

[1] *Вострикова Влада Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Математика, информатика и общегуманитарные дисциплины» Орловского филиала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.*

[2] Вандалковская, М.Г. Исторические взгляды А.А. Кизеветтера // Очерки истории отечественной исторической науки XX века / Под ред. В.П. Корзун. Омск, 2005. С. 90-124; Она же. П.Н. Милюков, А.А. Кизеветтер: история и политика. М., 1992. Дорохов В.Н. Исторические взгляды П.Н. Милюкова. Сергиев Посад, 2005; Зоць С.А. Об-

Источниковой базой исследования послужили работы идеологов российского либерализма по истории России, включая монографические исследования, лекционные курсы, статьи в энциклопедиях, а также мемуары и некоторые работы публицистического характера.

Следует отметить, что под «либерализацией» ученые-либералы понимали процесс становления и постепенного расширения прав и свобод личности, результатом которого выступало сокращение сферы государственного контроля над личностью и обществом в целом. На макроуровне это выражалось в формировании правового государства и гражданского общества.

По мнению либералов, устойчивая тенденция либерализации режима отмечалась в России, начиная с периода «просвещенного абсолютизма». Увязывать этот процесс с модернизацией Петра I либералы не считали возможным, ибо, как указывал М.М. Ковалевский, Петр, хотя и пытался европеизировать Россию, в политической сфере лишь усугубил неограниченную, деспотическую власть, прибавив «к единой голове монарха сто рук бюрократии»[1], и милитаризировал страну, усилив государство в противовес обществу.

Екатерина II, отмечал В.И. Герье, тоже «крепко держалась за свое самодержавие» и конституционные идеалы Европы оказались для нее чужды[2]. Однако, несмотря на всю противоречивость екатерининской эпохи, А.А. Корнилов считал возможным расценивать ее как «великий поворотный пункт» в истории России, ибо именно тогда властью были поставлены принципиально новые задачи. «Если до Петра включительно главнейшими лозунгами государственной власти были собирание старинных русских земель, охрана государственной территории и внешнее возвеличение России», пояснял историк, то с царствования Екатерины «главной целью государственной деятельности официально признается… "блаженство"

щественно-политическая деятельность и государственно-политические взгляды М.М. Ковалевского. Дисс… к.и.н. Орел, 2007; Левандовский А.А. Из истории кризиса русской буржуазно-либеральной историографии. А.А. Корнилов. М., 1982; Шляхов М.Ю. Общественно-политическая деятельность и научные взгляды А.А. Корнилова. Дисс…. к.и.н. Нижний Новгород, 2002.

[1] Ковалевский М.М. Очерки по истории политических учреждений России. СПб., 1908. С. 4.

[2] Герье В.И. Речь, произнесенная гласным В.И. Герье 21-го апреля в торжественном заседании Московской городской думы по случаю столетнего юбилея Грамоты, жалованной императрицей Екатериной Великой на права и выгоды городам Российской империи. М., 1885. С. 4.

подданных, благополучие граждан»[1]. Непосредственное выражение данной установки Корнилов видел в смягчении деспотической власти – в искоренении наиболее жестоких форм наказаний по суду[2]. Но еще более важным либерал считал оформление в екатерининскую эпоху тенденции раскрепощения сословий, начало которой положил Манифест о вольности дворянства Петра III. В этом событии усматривался первый шаг на пути от сословного общества к гражданскому – важнейшему процессу, протекавшему в Западной Европе параллельно со становлением правового государства. Раскрепощение началось с дворянства, «благодаря фактическому преобладанию этого сословия», указывал Корнилов, относительно же крестьян имело место, напротив, усиление крепостного права, однако наблюдалось изменение принципиального подхода к крепостной зависимости: была признана ее «ненормальность», «и идея освобождения в будущем именно в это время начинает пробивать себе путь…»[3]

Таким образом, отмечал Кизеветтер, к концу XVIII столетия четко обозначились два направления «для последующего движения истории – распространение отвоеванной для одного дворянства эмансипации от закрепостительного гнета на всю совокупность населения и превращение теоретически провозглашенных начал правового порядка в управлении в жизненный факт, огражденный определенными гарантиями»[4]. Попытка разрешения данных проблем, по убеждению либералов, составила «основное содержание истории России XIX в.». В ракурсе такого подхода либеральные идеологи анализировали деятельность всех российских императоров XIX столетия.

Александр I представлялся «убежденным сторонником либеральных доктрин», который «почти до начала 20-х годов был верен своим мечтам о либеральном политическом переустройстве России», желал облагодетельствовать страну дарованием ей прочных «законносвободных» учреждений[5]. Подготовительная работа велась в рамках Негласного комитета, результатом чего стало фор-

---

[1] Корнилов А.А. Курс истории России XIX в. М., 1993. С. 22.
[2] Там же. С. 34.
[3] Там же. С. 23.
[4] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. Репринтное воспроизведение издания 1890 г. Т. 55. М., 1992. С. 477.
[5] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 127, 131.

мирование конституционного проекта, в котором, как отмечал Ковалевский, имело место «воспроизведение характернейших черт всякого либерального правительства: разделение функций, различение административной и судебной власти, солидарность министров и их коллективная или индивидуальная ответственность перед палатами и судами»[1].

Либеральный характер, по убеждению Кизеветтера, Корнилова, Ковалевского и др., носили оба проекта М.М. Сперанского, находившегося «под прямым влиянием французских образцов, точнее – проекта конституции, выработанного Сийесом»[2]. Причем Кизеветтер отмечал, что в проекте 1809 г. Сперанский «сделал крупный шаг вперед сравнительно с проектом Неофициального Комитета», ибо исходил из того, что «начала политической свободы могут быть введены в стране не иначе, как при условии упразднения неограниченного самодержавия и замены его конституционной монархией»[3]. П.Н. Милюков особо подчеркивал, что в основу реформ Сперанского была положена «идея разделения властей: законодательной, исполнительной и судебной». «Средоточием судебной власти должен был быть сенат… Исполнительная власть распределялась между министерствами…», писал либерал, законодательную власть первоначально «предполагалось отдать… государственной думе… Но потом решено было сделать законодательным органом государственный совет»[4].

Однако, констатировал Кизеветтер, по ряду внешних (сложная международная обстановка) и внутренних (отсутствие ясного взгляда у членов Негласного комитета на сущность реформ, сопротивление реакционеров, характер Александра I, не созданный «для твердой борьбы с водоворотами и бурями житейского моря») причин, на практике от плана Сперанского «остались одни осколки, которые даже и не выражали основных его принципов»[5]. Все свелось «к техническим усовершенствованиям некоторых колесиков госу-

---

[1] Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 147.

[2] Там же. С. 134.

[3] Кизеветтер А.А. История России в XIX веке: Курс лекций, читанный на М.В.Ж.К. в 1915-16 году: Изд. по запискам слушательниц без просмотра автора. Ч. 1. М., 1916. С. 63.

[4] Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. Ч. 1. СПб., 1896. С. 159.

[5] Кизеветтер А.А. Девятнадцатый век в истории России. Р/на/Д., 1906. С. 12; Он же. История России в XIX веке: Курс лекций, читанный на М.В.Ж.К. в 1915-16 году. С. 69.

дарственного управления», так что сложившаяся система «не имела и отдаленного сходства с конституционным государством»[1].

«Единственным практическим плодом» либеральных планов монарха и его соратников Кизеветтер называл учреждение министерств, способствовавшее упорядочению управления, но не вводившее само по себе «никакой принципиальной перемены в государственном строе»[2].

Милюков считал необходимым отметить очень важное с точки зрения движения к правовому государству оформление при Александре I различия между законом и указом, явившееся следствием учреждения Государственного совета. Законом, указывал либерал, стало считаться «преимущественно постановление, проведенное через совет», тогда как «именным указом» вводился в действие проект, не получивший большинства в Госсовете, но подписанный императором[3].

Во второй период царствования Александр I, по мнению Кизеветтера, какое-то время «не покидал вполне прежних конституционных планов, что выразилось в даровании конституции Царству Польскому (1815), в обещании распространить "законосвободные учреждения" и на прочие части империи, в поручении Новосильцеву составить проект конституции для России»[4]. Однако напуганный «историей» с Семеновским полком 1820 г. и «повсеместным революционным брожением» в Западной Европе Александр I, указывал Корнилов, стал отождествлять либералов и революционеров, решительно отказавшись от всяких либеральных преобразований[5].

Внутренняя политика Николая I, отмечал Кизеветтер, давала более чем достаточно поводов для критики с позиций либерального реформаторства, ибо ее руководящей идеей стало «охранение существующего политического строя путем подавления всяких зародышей общественной самодеятельности»[6]. По мнению либерала, такая политика обусловливалась тем, что «весь строй… мысли и

---

[1] Кизеветтер А.А. История России в XIX веке: Курс лекций, читанный на М.В.Ж.К. в 1915-16 году. С. 69; Ковалевский М.М. Указ. соч. С. 147.
[2] Кизеветтер А.А. Девятнадцатый век в истории России. С. 14-15.
[3] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 160.
[4] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 484.
[5] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 127-128.
[6] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 485.

весь склад …натуры» Николая I были «глубоко чужды *духу* конституционного режима (*Курсив в тексте. – В.В.*)»[1]. Данная характеристика содержится в статье Кизеветтера «Император Николай I как конституционный монарх», написанной в 1912 г.[2] Однако столь претенциозное название, казалось бы, резко диссонирующее с характеристикой политики Николая I, может быть объяснено тем, как историк описывает отношение императора к конституции Царства Польского. Как указывал Кизеветтер, император Николай Павлович, «при всем стремлении к безграничной полноте своей власти, считал для себя обязательным точное соблюдение конституционных форм»[3]. А в заключении статьи историк пишет: «Одно из двух: или конституцию нужно уничтожить, или, – если она существует, – ее нужно соблюдать…»[4]. Здесь уже ощущается непосредственная связь с современной историку политической ситуацией. Представляется вполне вероятным, что Кизеветтер, видевший непоследовательность Николая II в отношении соблюдения Манифеста 17 октября и Основных законов, стремился провести мысль, что, если даже такой реакционер как Николай I соблюдал конституцию, то Николаю II «сам Бог велел» это делать… либо отменить конституционные нормы. Помимо того, возможно названием статьи Кизеветтер стремился показать, что в истории России уже был опыт сосуществования самодержавия с элементами конституционного порядка.

Не характерную для других либералов-историков оценку деятельности Николая I дал Корнилов. «… Правительственная система императора Николая была одной из самых последовательных попыток осуществления идеи просвещенного абсолютизма, – писал он. – Император Николай по своим взглядам не походил на Людовика XIV и никогда не сказал бы, как тот: «L'état – c'est moi !»; напротив, он неоднократно высказывал, что почитает себя первым слугой государства; но воле этого первого слуги должны были безропотно подчиняться все остальные. <…> По идее Николая Павловича, каждый губернатор должен был быть хозяином в губернии, а он, император, должен был быть хозяином в империи – таким же

---

[1] Он же. Император Николай I как конституционный монарх // Исторические очерки: Из истории политических идей. Школа и просвещение. Русский город в XVIII столетии. Из истории России в XIX столетии. М., 1912. С. 417.
[2] Там же. С. 402-418.
[3] Там же. С. 417.
[4] Там же. С. 418.

хозяином, каким был Фридрих Великий в своей относительно маленькой Пруссии, где он мог знать, как живет и работает почти каждый крестьянин»[1].

Милюков в череде преобразований Николая I выделял кодификацию законодательства – составление Сперанским 15-томного «Свода законов Российской империи». Историк расценивал это событие как «огромный шаг вперед» по пути формирования «гражданского правосознания в русском обществе»[2]. Однако, уточнял Милюков, «этот шаг вперед сделан был только самой незначительной частью русского общества», правосознание же основной массы населения – крестьян – заключалось в понимании того, что они должны «судиться и управляться по собственному праву», но «чтó это за право, известно немногим, но большинство убеждено, что это право не то – и не должно быть тем, каким пользуются высшие классы»[3]. «Перед таким состоянием юридического правосознания массы, – восклицал Милюков, – бледнеют те слабые и медленные успехи в развитии чувства законности, которые успела сделать привилегированная часть русского общества»[4].

Коренной перелом в процессе движения страны по пути становления правового государства и гражданского общества в XIX в. либералы увязывали с эпохой Великих реформ, не питая при этом иллюзий в отношении политических пристрастий Александра II. Как отмечал Корнилов, «…реформы произошли … не в силу стремления к ним государя, а почти наперекор его убеждениям», он действовал под давлением обстоятельств: коренные преобразования были необходимы «ради сохранения и усиления мощи Русского государства», о чем ясно свидетельствовало поражение в Крымской войне[5]. Александр II «должен был уступить развивающемуся социально-политическому процессу, так как он увидел, что если он будет бороться с этим процессом, как боролся его отец, то это может повести к развалу всего государства», – писал историк[6].

Н.И. Кареев, говоря об объективной обусловленности Великих реформ, проводил параллель с реформами Петра I. И те, и другие,

---

[1] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 127-128.
[2] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 161-162.
[3] Там же. С. 162.
[4] Там же.
[5] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 202.
[6] Там же.

подчеркивал либерал, «были глубокою исторической необходимостью: без этих двух эпох Россия рисковала пережить страшные внешние беды и внутренние потрясения, из которых еще неизвестно – как и чем бы она могла выйти»[1].

Важнейшей из реформ 1860-70-х гг. либералы считали отмену крепостного права, выдвигая на первый план ее правовой аспект: освобождение личности крестьянина. Вместе с тем, они указывали, что реформа имела серьезный недостаток – она не уравняла бывших крепостных «с помещиками в их гражданских правах, не сделала их равноправными гражданами той страны, в которой они вместе с помещиками продолжали жить: реформа перевела их из разряда крепостных крестьян *не в разряд полноправных граждан, а в разряд так называемых податных сословий»*[2]. Причина такой непоследовательности виделась либералам в политической позиции авторов реформы, при всей своей «доброжелательности по отношению к крестьянам» исходившим из необходимости «обеспечения благосостояния населения и государственных нужд», а не из потребности реализации принципа свободы личности[3].

Но либералы были глубоко убеждены в том, что, несмотря на половинчатый характер, реформа 1861 г. открыла перспективу «всестороннего обновления… государственного и общественного быта», стала своеобразной отправной точкой, прелюдией для целой череды коренных преобразований[4].

В ряду последних важнейшая роль с точки зрения движения России в направлении конституционализма отводилась земской реформе. Кизеветтер видел в земствах «несомненные зародыши правового строя», врезавшиеся «в толщу старого государственного строя клином, постепенно расщеплявшим эту толщу», ибо земское самоуправление и политический абсолютизм – «суть два исключающие друг друга начала»[5]. В.М. Гессен считал, что развитие зем-

---

[1] Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. СПб., 1901. С. 138.
[2] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 224.
[3] Там же. С. 225.
[4] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 487.
[5] Он же. Борьба за земство при его возникновении // Исторические отклики. М., 1915. С. 313.

ского самоуправления было в принципе невозможно в условиях сохранения бюрократического характера центрального управления[1].

Менее конфликтно представлял себе сочетание земского и абсолютистского принципов управления В.А. Маклаков. «С начала своего существования земства воплощали принцип *самоуправления общества в сотрудничестве с государственной властью* (*Курсив в тексте. – В.В.*), – писал либерал. – Они были школой для будущей конституции, знакомились на практике с началами народоправства и создавали кадры будущих политических деятелей. Конституция естественно мыслилась как "увенчание здания", как логическое завершение того, что уже было в земстве дано…»[2].

Однако, как и в случае с отменой крепостного права, либералы отмечали существенные недостатки земской реформы: реализацию в скрытом виде начала сословности в организации земства, в результате чего последнее сделалось органом поместного дворянства; ограничение функций земств «узкими рамками местных хозяйственных вопросов», причем без предоставления органам местного самоуправления «принудительной власти для приведения в действие своих постановлений»; контроль местной администрации[3].

Несколько иную оценку социального характера земской реформы предлагал Корнилов. По его мнению, классовые интересы в деятельности земств «имели свое значение», но проявлялись они «здесь гораздо слабее», нежели, например, «в губернских комитетах по крестьянскому делу»[4]. И обусловлено это было не только тем, что при обсуждении крестьянской реформы затрагивалось «самое существование помещичьего класса», а вопросы, подлежавшие ведению земств были не столь остры, но еще и тем, что наиболее сознательные земские деятели понимали всю шаткость положения земства в борьбе с притеснениями администрации без поддержки населения[5].

---

[1] Гессен В.М. Шестидесятые годы и предстоящая реформа // Гессен В.М. На рубеже. СПб., 1906. С. 262.

[2] Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника) // Цит. по: Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 233.

[3] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 487; Он же. Девятнадцатый век в истории России. С. 42.

[4] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 316.

[5] Там же.

Наибольшей законченностью и последовательностью, по убеждению либералов, отличалась судебная реформа, которая «действительно стремилась гарантировать русским гражданам суд "скорый, правый и милостивый"»[1]. Такой радикализм власти либеральные деятели увязывали с рядом обстоятельств. Во-первых, указывал Кизеветтер, разработка судебной реформы «попала в хорошие руки: юристы, которым она была вверена, с Зарудным во главе, взялись за дело… с горячим одушевлением», во-вторых, реформа «не задевала междусословных счетов», в-третьих, подготовка реформы «велась систематически, ее руководящие принципы твердо были установлены в самом начале и получили утверждение прежде их детальной разработки»[2].

Судебная реформа рассматривалась либеральными идеологами как «неизбежное» и «неустранимое» звено в цепи преобразований 1860-х гг., призванное «служить фундаментом того здания, которое тогда принимались строить». «…Без нее, – писал И.В. Гессен, – всякое здание действительно оказалось бы выстроенным на песке; как бы широко ни очертил закон права граждан, но если нет надлежащей охраны их, если правонарушение не может быть легко и просто восстановлено, произвол неизбежен, и всякое право превращается в фикцию»[3]. Помимо того, сама атмосфера гласных судебных заседаний, где произносились пылкие адвокатские речи, присяжными выражалась независимая позиция, с точки зрения либералов, несомненно способствовала формированию правосознания многочисленной публики, посещавшей суды. Таким образом, либеральными мыслителями признавалось основополагающее значение судебной реформы в плане становления в России правового государства.

Наиболее «скупой и осторожной» из Великих реформ, по мнению Корнилова, стала реформа печати, ибо снятие цензуры «представлялось правительству самой опасной из реформ»[4]. Либералов не удовлетворяла предоставленная печати «в высшей степени умеренная свобода», ибо печатные средства в таком состоянии

---

[1] Там же. С. 260.

[2] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 487; Он же. История России в XIX веке: Курс лекций, читанный на М.В.Ж.К. в 1915-16 году. С. 117.

[3] Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905. С. 56.

[4] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 261.

были фактически лишены возможности выполнять свои общественные функции, в частности, служить «оплотом истинной законности» и средством артикуляции общественного мнения по различным вопросам[1].

Оценивая Великие реформы в целом, либералы отмечали, что они не исчерпывали назревших нужд России, а «только расчищали почву для дальнейшей плодотворной работы в намеченном направлении»[2]. Вместе с тем, в 1860-1870-е г. XIX в. была проведена «непереходимая и неизгладимая» грань между дореформенной и пореформенной эпохами, а процесс либерализации страны стал необратим[3]. «Вопреки выражению известного адреса, поднесенного Александру II раскольниками, – писал Милюков, – "старина наша" *не* "слышится в новизнах" царя-реформатора; и это служит лучшим доказательством соответствия новых форм новому духу – и вместе ручательством за их развитие в будущем»[4]. По мнению Ковалевского, либеральный характер реформ во многом был обусловлен тем, что они были «плодом союза правительств с либеральной дворянской партией», в программу которой входило «не одно освобождение крестьян; реформы суда и управления и даже политическая реформа…»[5]

По убеждению либералов начавшееся с 1866 г. – после выстрела Д.В. Каракозова – отступление Александра II от намеченного в первые годы царствования курса, не смогло повернуть вспять процесс политической модернизации России[6].

Попыткой замедлить реакционные тенденции был представленный царю 28 января 1881 г. Всеподданнейший доклад министра внутренних дел М.Т. Лорис-Меликова. Вместе с тем, Корнилов, Кизеветтер и др. предостерегали от восприятия данного документа как проекта конституции, а его автора как сторонника конституционного строя. «Возникновение таких толков, – писал, в частности, Кизеветтер, – объясняется тем, что содержание проекта Лорис-

---

[1] Там же. С. 262; Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 487.

[2] Кизеветтер А.А. Девятнадцатый век в истории России. С. 45-46.

[3] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 263.

[4] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 162.

[5] Ковалевский М.М. Из истории государственной власти в России. М., 1905. С. 110.

[6] Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г. // Цит. по: Аронов Д.В. Сергей Андреевич Муромцев – от Лазавки до Таврического дворца: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 262.

Меликова было известно современникам только по глухим слухам, и в последующее время текст проекта долго оставался необнародованным»[1]. На самом же деле, проект был «чрезвычайно скромен по своему характеру», никакого ограничения самодержавия в нем не предполагалось, а его автор допускал лишь возвращение к принципам Великих реформ[2]. Проект Лорис-Меликова рассматривался либералами как свидетельство признания правящими кругами необходимости и своевременности введения представительных учреждений.

Убийство Александра II открыло в России период реакции, проводниками которой, по убеждению либералов, были Александр III и Николай II. «Основные государственные задачи, завещанные преобразовательной эпохой, уже не ставились на очередь… преобразованные учреждения подверглись новой переработке, на основах, не соответствовавших традициям преобразовательной эпохи», – писал Кизеветтер[3]. Причем, указывал Маклаков, «трагедия России была в том, что самодержавная власть стала бороться тогда не с Революцией, в чем была обязанность всякой государственной власти, не с конституцией, которую тогда никто открыто не требовал, а с самым духом Великих Реформ 60-х годов, которые могли и должны были в результате безболезненно привести к конституции»[4].

Для либералов наиболее отчетливо это проявилось в отношении земских и городских органов самоуправления. «Введение института земских начальников (1889) и новые положения земское (1890) и городовое (1892), – отмечал Кизеветтер, – существенно видоизменили строй местного управления, еще сильнее ограничив общественное самоуправление и еще более сгладив всесословный характер местных учреждений в пользу некоторых привилегированных классов», «помимо контроля над *законностью* земских постановлений, администрации был предоставлен контроль и над их *целесообразностью (Курсив в тексте – В.В.)*»[5]. Реформирование ор-органов местного самоуправления при Александре III проводилось

---

[1] Кизеветтер А.А. На рубеже двух столетий. Воспоминания. 1881-1914. Прага, 1929. С. 76.

[2] Там же. С. 76; Корнилов А.А. Указ. соч. С. 375.

[3] Кизеветтер А.А. История России // Энциклопедический словарь Брокгауза Ф.А. и Ефрона И.А. С. 489.

[4] Маклаков В.А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954. С. 216.

[5] Кизеветтер А.А. Указ. соч. С. 489.

на основе господствовавшей в государственном праве теории, согласно которой они признавались органами государственной власти. Исходя из этого, правящие круги стремились установить строгое подчинение земств администрации, по словам Корнилова, одеть их «в мундир Министерства внутренних дел и подчинить вышестоящим органам этого ведомства»[1].

Стремление власти вернуться, по выражению В.М. Гессена, «к попечительному режиму полицейского государства»[2] встречало резкое неприятие в обществе, претерпевшем модернизацию в либеральном направлении в эпоху Великих реформ. Последнее, по убеждению либералов, выражалось в становлении основ гражданского общества. Этот процесс либеральными идеологами увязывался с постепенным разрушением сословной структуры, происходившим на протяжении XIX столетия, а также с четко проявившейся во второй его половине в достаточно широких слоях населения потребностью открыто высказывать свое мнение в отношении общественных проблем и активно участвовать в их разрешении. По словам Муромцева, в обществе имелся «запас самостоятельных суждений, стремящихся к свободному выражению», и «запас сил, ищущих простора для деятельности»[3]. Ярким подтверждением этого, с точки зрения либералов, стала консолидация общественных сил в борьбе с голодом 1891 г.

Подводя итог XIX столетию, Кизеветтер указывал, что в своей сущности ход русской истории в этот период сопоставим с западноевропейским – «это растянувшийся процесс переработки так называемого "Старого порядка" в новый политический и общественный строй», а содержание этого процесса составляет формирование основ правового государства и гражданского общества[4]. Из этого делался вывод, что либеральная идеология не противоречит историческим традициям России, а органична им, развивает уже имеющиеся тенденции, и, значит, ключевой задачей является разработка программы либерального переустройства России, учитывающей национальные особенности.

---

[1] Корнилов А.А. Указ. соч. С. 407.
[2] Гессен В.М. Основы правопорядка // Гессен В.М. На рубеже. С. 55.
[3] Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г. С. 254.
[4] Кизеветтер А.А. История России в XIX веке: Курс лекций, читанный на М.В.Ж.К. в 1915-16 году. С. 7.

По мнению либералов, своего рода демиургом процесса либерализации страны выступила сама абсолютистская власть, ибо ее реформаторская политика на протяжении XVIII-XIX столетий, зачастую вопреки замыслам самих власть имущих, объективно, хотя медленно, но верно, вела к становлению в России основ правового государства и гражданского общества.

Нельзя не заметить, что последовательно либеральная схема российской истории, предложенная мыслителями, в целом адекватно отражая основную тенденцию развития страны, несет в себе элементы политизации, грешит неким «ускорением» – стремлением найти зародыши либерализма даже в те исторические периоды, когда констатация их наличия представляется весьма спорной. Такой подход отчасти может быть объяснен тем, что, будучи убежденными либералами, ученые активно участвовали в политической деятельности, используя свою историческую концепцию для обоснования сформулированной ими программы модернизации страны. Однако события начала XX в. доказали, что переоценка степени готовности общества к либеральным преобразованиям чревата серьезнейшими политическими потрясениями.

Ф.А. Гайда[1]

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ОПЫТА РОССИЙСКОГО ЛИБЕРАЛА НАЧАЛА XX в.

Сформировавшаяся в России во второй половине XIX в. либеральная традиция предполагала тесную и органичную связь с консерватизмом: в терминологии признанного идеолога этого направления Б.Н. Чичерина такой либерализм именовался «охранительным». По сути, «охранительный либерализм» был развитием консервативного мировоззрения в новых условиях быстро развивавшейся страны. «Прогресс и свободы» были призваны на службу государственным и общественным «основам». Такой либерализм

[1] *Гайда Федор Александрович – доктор исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России XIX века – начала XX века исторического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова.*

настаивал на творческом развитии «органических начал», которое требовало высвобождения каждой отдельной личности и создания условий для ее самостоятельного существования и активной деятельности. Основной ценностью в рамках подобных представлений была «нравственная личность». Либеральный мыслитель и публицист А.Д. Градовский отмечал: «Для человека с волею, разумом и сердцем всегда будет дорого слово старого философа – perfice te! (совершенствуй себя)»[1]. Представители «охранительного либерализма» не предполагали противостояния государству, наоборот, рассчитывали на плодотворное сотрудничество с ним. «Отличительная особенность русской истории в сравнении с историею других европейских народов состоит в преобладании начала власти», – писал Чичерин[2]. Великие реформы Александра II, предполагавшие широкие социально-экономические изменения и развитие политического строя, имели целью упрочить существующий государственный порядок и получили живое сочувствие представителей «охранительного либерализма»; многие его представители приняли в реформах самое активное участие.

Однако одновременно в России формировалась и традиция «освободительного либерализма» (также термин Чичерина). Он стал следствием разочарования в реформаторских усилиях власти и уверенности в бесплодности сотрудничества с ней со стороны либералов. Наиболее яркой фигурой среди радикальных либералов стал И.И. Петрункевич. Уже на рубеже 70-80-х гг. XIX в. он предполагал необходимость превращения России в парламентскую демократию на основе всеобщего избирательного права. Смена политического строя, по мнению политика, была возможна при объединении усилий земства и социалистической оппозиции. Петрункевич не призывал к революционному терроризму, но и не осуждал его, полагая, что усилия левых будут способствовать борьбе за конституцию[3].

Почва для дальнейшего развития радикальных настроений была создана в конце XIX в. той атмосферой, которая сопутствовала политическому курсу Александра III. Общество оказалось отстране-

---

[1] Градовский А.Д. Сочинения. СПб., 2001. С. 412.
[2] Чичерин Б.Н. Философия права. СПб., 1998. С. 452.
[3] Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля // Архив русской революции: В 22 т. Т. 21-22. М., 1993. С. 96-112.

но от участия в политическом процессе, что провоцировало не только рост недовольства, но и интерес к утопическим проектам переустройства страны. Бурное экономическое развитие лишь усиливало представления о возможности быстрых и коренных перемен. Молодое поколение воспринимало эпоху восьмидесятых годов как «угрюмое» время[1]. Член кадетского ЦК А.В. Тыркова вспоминала: «Власть подводила под общее понятие неблагонадежности всех, кто позволял себе слишком откровенно высказываться о народных нуждах или критиковать правительство. Правительство боялось людей с инициативой, рассчитывало справиться со всеми государственными задачами при помощи чиновников»[2].

В конечном счете, возникала такая ситуация, при которой любая государственная деятельность расценивалась как заведомо аморальная. Как вспоминал кадет кн. В.А. Оболенский, молодое поколение не шло в чиновники, несмотря на высокий спрос на образованных людей в государственных структурах. Мемуарист отмечал: «Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общеполезной, в конечном счете приносит вред народу уже тем, что усиливает правительственную власть. Кроме того, мы видели перед собой целый ряд примеров того, как люди самых левых убеждений, поступив на государственную службу, постепенно привыкали к компромиссам и теряли свой оппозиционный пыл». Молодой человек мог идти в науку и преподавание, литературу, искусство или «общественную деятельность», но непременно оппозиционную или революционную[3]. Новое поколение, по собственному признанию, выросло с редким «государственным простодушием»[4]. Будущее представлялось свободным от всякого государственного насилия. Известный экономист М.И. Туган-Барановский рисовал такую картину: «Все будут свободны. Не забывайте, что люди учатся летать. При развитии авиации полицейское государство не может существовать. Воздух не знает ни границ, ни паспортов»[5].

---

[1] Тыркова-Вильямс А.В. То, чего больше не будет. М., 1998. С. 142. См. также: Маклаков В.А. Власть и общественность на закате старой России (воспоминания современника). Париж, 1936. С. 5-6, 27-28.
[2] Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 142.
[3] Оболенский В.А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988. С. 102.
[4] Тыркова-Вильямс А.В. Указ. соч. С. 212.
[5] Там же. С. 233.

Радикальные либералы резко критиковали государственный формализм и никогда не рассматривали возможности стратегического сотрудничества с правительством. Кадеты неизменно отказывались входить в какой-либо коалиционный кабинет с бюрократами. Сразу после издания манифеста 17 октября 1905 г. и провозглашения на следующий день кадетской партии состоялась встреча новоявленного премьер-министра гр. С.Ю. Витте с представителями радикальных либералов Ф.Ф. Кокошкиным, Ф.А. Головиным и кн. Г.Е. Львовым. Витте пытался заручиться их поддержкой и пополнением формируемого кабинета, но услышал лишь революционное требование созыва парламента для выработки конституционного закона. Если, по мысли Витте, манифест должен был стать почвой для компромисса с либералами, то те, в свою очередь, требовали политической капитуляции своего исторического противника. Бюрократия должна была образовать «технический кабинет», подготовить и организовать выборы в парламент и сложить свои полномочия к его ногам[1]. Думская трибуна и печать выступали основными средствами борьбы. Применение легальных методов (в отличие от социалистов, совмещавших их с нелегальными) не означало «сговорчивости» либералов. Знаменитая милюковская речь «Глупость или измена?», произнесенная в Думе 1 ноября 1916 г. и многими воспринимавшаяся как «штурмовой сигнал революции», отнюдь не была связана с сиюминутными настроениями; за ней стояло целое мировоззрение.

Конституционные демократы выступали сторонниками парламентарного строя, при котором именно парламент становился центром всей политической и государственной жизни. Выборы предполагались на основе «четыреххвостки» – всеобщими, равными, прямыми и тайными. Когда кадетская партия принимала свою программу, подобные принципы на общенациональном уровне не были реализованы ни в одной стране мира (первой их провозгласила Норвегия в 1913 г.). Наличие в России трех четвертей неграмотного населения препятствием не считалось. Кадеты также выступали за однопалатный парламент, против создания какой бы то ни было «аристократической» или назначаемой сверху второй палаты. Партия также не была принципиальной сторонницей сохранения монархии, считая это вопросом второстепенным и связанным с теку-

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 216-225.

щей конъюнктурой. Большинство полностью разделяло «крылатую фразу Тьера», которую приводил в своих мемуарах В.А. Маклаков: «Монархия будет демократической по целям, конституционной по форме, или ее вовсе не будет»1.

Отношение к революциям также было прагматическим. «Партия создавалась, чтобы бороться *против самодержавия.* <…> В своей собственной среде конституционно-демократическая партия *революционной идеологии* не исключала [выделено в тексте – *Ф.Г.*]», – вспоминал Маклаков[2]. По результатам революционных событий 1905 г. Милюков заключал: «Мы хорошо понимаем и вполне признаем верховное право революции как фактора, создающего грядущее право в открытой борьбе с историческим правом отжившего уже ныне политического строя. <...> Да, мы за революцию, поскольку она служит целям политического освобождения и социальной реформы; но мы против тех, кто объявляет революцию «непрерывной», потому что полагаем, что непрерывная революция – революция во что бы то ни стало – служит лишь целям реакции и укрепляет контрреволюционные замыслы правительства»[3]. Заявляя о наличии у партии «друзей слева», кадетская партия так никогда официально не осудила революционного терроризма.

Экономическая программа кадетов была нетипична для классического европейского либерализма. В ней отсутствовал принцип неприкосновенности частной собственности (предполагалась передача крестьянам части помещичьей земли за умеренный выкуп). При этом провозглашался принцип восьмичасового рабочего дня. Кадетскую партию нельзя назвать буржуазной. Отношения с буржуазными кругами традиционно были натянутыми, причем эта проблема не была преодолена даже в условиях большевистской угрозы осенью 1917 г.[4] Таким образом, уже с момента возникновения кадетская партия стала органичной частью российского освободительного движения, занимая крепкие позиции на его правом фланге.

«Звездным часом» парламентской активности партии стала I Государственная дума. Партия одержала решительную победу на

---

[1] Маклаков В.А. Указ. соч. С. 521.
[2] Там же. С. 483.
[3] Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника. 1905-1906. СПб., 1907. С. 165, 168.
[4] См.: Селезнев Ф.А. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917 гг.). Нижний Новгород, 2006. С. 163-168.

первых в истории страны парламентских выборах и, взяв под контроль палату и ее президиум, повела решительное наступление на правительство. Дума призвала власть к объявлению всеобщей политической амнистии (в т.ч. для бомбистов) с одновременным привлечением к суду «карателей», а сама принялась за разработку земельного закона. Законопроект устанавливал лишь общие принципы реформы (нормы отчуждения земли, размеры выкупа), все детали должны были определить уездные комиссии, формируемые из чиновников и представителей местного самоуправления, помещиков и крестьян[1]. Таким образом, на местах создавались мощные очаги гражданского противостояния, а крестьянское движение в таких условиях должно было не сойти на нет, а лишь получить дополнительный стимул для роста. В случае сопротивления правительства кадеты не исключали превращения парламента в Учредительное собрание. После роспуска Думы партия инициировала Выборгское воззвание с призывом к мирному сопротивлению (уклонению от выплаты налогов и исполнения всеобщей воинской повинности), однако страна на него не отозвалась. Расчет на то, что она всемерно поддержит «избранников народа», пошел прахом[2]. В период II Думы премьер П.А. Столыпин предлагал кадетской партии легализацию, рассчитывая на превращение ее в конструктивную оппозицию, но в ответ предлагал публичное осуждение терроризма и, тем самым, размежевание с социалистами. Петрункевич убедил Милюкова в том, что такой шаг стал бы стратегическим поражением. Соглашение не состоялось[3]. Дума была вновь распущена, но на этот раз с изменением избирательного закона. Столыпин сделал ставку на октябристов.

Новый стратегический успех был достигнут кадетами уже в IV Государственной думе, где летом 1915 г. был создан Прогрессивный блок. Его декларация включала требование создания «министерства доверия», при этом блок вплоть до февраля 1917 г. так и не смог создать единого списка кандидатов на министерские посты. Не удалось согласовать и большинство законопроектов, кото-

---

[1] См.: Речь Н.Н. Кутлера и земельный проект Партии Народной Свободы. СПб., 1907.

[2] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 265-269, 274; Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 1. М., 1997. С. 218, 225, 230-231, 348-349.

[3] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 281-282.

рые думское большинство намеревалось провести через палату[1]. В дальнейшем кадетская партия ожидала действий «улицы». Прекрасно помня историю Выборгского воззвания, кадеты не прибегали к открытому революционному призыву, но вне революционного исхода развитие ситуации уже не мыслили. На заседании московского городского комитета кадетской партии в январе 1917 г. М.Л. Мандельштам предложил Милюкову на открытии Думы провозгласить ее Учредительным собранием, на что Милюков ответил: «Мы это сделаем, если у Таврического дворца мы будем иметь несколько полков»[2].

Программа первого состава Временного правительства предполагала реализацию освободительных принципов и широкую демократизацию политического строя России. Правительственная декларация полностью укладывалась в партийную программу кадетов. Именно они стали главными разработчиками законодательства Временного правительства, в т.ч. и закона о выборах в Учредительное собрание. По мнению кадетов, после победы революции принципы государственного управления должны были радикально измениться. В декларации Временного правительства отмечалось: «В основу государственного управления оно полагает не насилие и принуждение, а добровольное повиновение свободных граждан созданной ими самими власти. Оно ищет опоры не в физической, а в моральной силе»[3]. В период Апрельского кризиса Тыркова пыталась напомнить Милюкову, что «у всякой власти существуют классические методы властвования»; на что он «вспыхнул и ответил ей: "лучше я потеряю власть, но таких методов применять не буду"»[4]. Ликвидировалась административная вертикаль, упразднялась полиция. Бывшим полицейским чинам был закрыт доступ в ряды добровольной народной милиции, которая подчинялась не правительству, а органам местного самоуправления. Местная власть передавалась в руки самого общества, объединенного «узами любви и

---

[1] Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М., 2003. С. 207-218, 247-248.

[2] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 465.

[3] Вестник Временного правительства. 1917. 26 апреля.

[4] Борман А. А.В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувэн; Вашингтон, 1964. С. 128.

всеобщего братства»[1]. Временное правительство было связано с местным уровнем лишь посредством своих губернских и уездных комиссаров. Назначаемый губернский комиссар надзирал за «законностью и целесообразностью» действий органов местного самоуправления и мог опротестовать их решения в местном суде (хотя на практике судебная система была парализована). Кандидатура уездного комиссара утверждалась правительством по рекомендации уездного исполкома общественных организаций[2].

Экономическая политика Временного правительства не имела буржуазного характера, сочетая тенденции к росту государственного регулирования и общественного контроля. Обе тенденции имели скорее социалистический характер. Министр земледелия Шингарев ввел государственную хлебную монополию и инициировал закон, по которому все земли сельскохозяйственного назначения передавались под контроль общественных земельных комитетов. Вступивший в 1917 г. в кадетскую партию министр торговли и промышленности А.И. Коновалов согласился с введением восьмичасового рабочего дня на частных фабриках Петрограда и принял соответствующее решение в отношении казенных (в т.ч. военных) заводов. Сменивший его управляющий министерством торговли и промышленности кадет В.А. Степанов создал Главный экономический комитет – орган верховного регулирования экономики. Став министром финансов, Шингарев добился законов о прогрессивном налоге и налоге на сверхприбыль. Меры Временного правительства были подвергнуты резкой критике I Всероссийским съездом представителей промышленности и торговли, но к изменению правительственного курса это не привело[3].

Серьезно эволюционировала в 1917 г. и партийная программа кадетов. VII съезд партии в марте единогласно провозгласил основной задачей установление в России «демократической парламентской республики». Докладчик Кокошкин отмечал: «Республика

---

[1] Февральская революция. 1917. Сб. док. и материалов. М., 1996. С. 277.

[2] Временное правительство. Министерство внутренних дел. Циркуляры министерства внутренних дел. Вып. 1. Пг., 1917. С. 7-8; Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 1788. Оп. 2. Д. 6. Л. 12-15; Оп. 3. Д. 33. Л. 14-21; Оп. 6. Д. 5. Л. 50-57.

[3] Первый Всероссийский торгово-промышленный съезд в Москве. 19-22 марта 1917 г. Стенографический отчет и резолюции. М., 1918. С. 167-168, 230-231.

фактически уже существует»[1]. Майский VIII съезд принял принцип полновластия органов местного самоуправления на местах[2]. Партия также поддержала создание коалиционного правительства. Лишь в августе, накануне Корниловского выступления, партийная верхушка поставила вопрос об укреплении государственной власти. Предлагалось на короткий срок ввести военную диктатуру с последующей передачей власти Учредительному собранию. Но и в этом случае ЦК так и не принял конкретной резолюции. Даже в условиях большевистской угрозы кадеты так и не смогли наладить прочных отношений с возможными политическими союзниками – офицерством, буржуазией, духовенством. Частично это произошло лишь в годы Гражданской войны. Наоборот, в 1917 г. происходило смещение кадетской идеологии влево. На VII съезде партии основной докладчик Кокошкин отмечал: «Мы <...> стали на почву социалистического мировоззрения, не того, конечно <...> которое считает возможным изменить экономический строй путем насильственным, путем захвата политической диктатуры, а на почве того мировоззрения, которое полагает, что человечество постепенно врастает в новый социальный строй»[3]. VIII кадетский съезд принял принцип трудового землепользования (предполагался принудительный государственный выкуп с учетом «нормальной доходности» земли)[4].

Иным образом сложилась судьба другой либеральной партии России – октябристской. У ее истоков стоял известный московский земский деятель Д.Н. Шипов. Находясь под сильным влиянием учения Л.Н. Толстого, Шипов выступал против бюрократического диктата, но не поддерживал идеи ограничения самодержавия. Кроме того, по мнению общественного деятеля, развитие Запада было связано с эгоистическим началом и потому также было неприемлемо. По этой причине Шипова нередко считали «славянофилом», что сам он отрицал. Не принимая революционного насилия, Шипов изначально надеялся на то, что Россия сможет его избежать.

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 372.
[2] Там же. С. 661-668.
[3] Там же. С. 369. См. также: Кизеветтер А.А. Партия Народной Свободы и ее идеология. М., 1917; Изгоев А.С. О буржуазности // Вестник Партии народной Свободы. 1917. № 1. С. 8-9.
[4] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3 т. Т. 3. Кн. 1. М., 2000. С. 654-657.

В 1902 г. в частном письме он признавался: «Та нравственная идея, которая живет в душе и сердце русского народа, явится истолковательницей общемирового смысла жизни. Великий гений Толстого из общения с народом понял эту идею и явился ее выразителем и возвестителем. <…> В будущем она, я уверен, поможет России выработать общественный и государственный строй, более отвечающий благу общему, чем жизнь Западной Европы с ее капитализмом и борьбой личных и классовых интересов. <…> Этот переворот совершится в России без кровопролития и насилия, как это было в Европе»[1]. Когда большинство октябристов поддержало военно-полевые суды и аграрную реформу, Шипов покинул партию.

Октябристы во главе с новым лидером А.И. Гучковым видели в Думе серьезный инструмент влияния на монарха и правительство. В первую очередь, это касалось оборонной и церковной сфер, которые подвергались серьезной критике, болезненно воспринимавшейся при дворе. В конечном счете, действия Гучкова привели его в начале 1911 г. к острому личному конфликту с Николаем II[2]. Накануне парламентских выборов 1912 г. октябристская газета «Голос Москвы» начала резкую кампанию против «хлыста Гришки Распутина». Витте отмечал: «Весь поход, затеянный лабазником Гучковым, метит гораздо выше. <…> Для всех, у кого ум не затемнен страстями, ясно, что речь идет не о Распутине, а о колебании монархии в России[3]. Но на думских выборах без правительственной поддержки партия провалилась.

В целом, российский либеральный политик начала XX в. так и не смог выйти из амплуа идеалиста-оппозиционера и стать способным к признанию существующих реалий и необходимости компромиссов. Обычно они воспринимались как признак бессилия или аморальности. Если это все же происходило, то было тактическим приемом, направленным на безоговорочную победу в будущем. Политические схемы и идеалы воспринимались как ценность более существенная, чем «постылая реальность». Себя либералы воспринимали как единственную силу, способную ввести Россию на

---

[1] Шелохаев С.В. Д.Н. Шипов: личность и общественно-политическая деятельность. М., 2010. С. 221.

[2] Гайда Ф.А. Власть и общественность в России: диалог о пути политического развития (1910-1917). М., 2016. С. 81-82, 90.

[3] ГА РФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 564. Л. 818. Гр. С.Ю. Витте – епископу Варнаве (Накропину), 13 марта 1912 г.

верный, «цивилизованный» путь. Иного пути, как предполагалось, и нет, поэтому при любых обстоятельствах либеральное движение должно было сохранить свою ведущую роль. Весной 1917 г. либеральная оппозиция смогла одержать победу над историческим врагом – самодержавием – но, как показала ближайшая перспектива, у власти осталась совсем не надолго. Слом государственной машины, которую и сами либералы не собирались сохранять, сразу повлек их к поражению.

***Д.В. Аронов*[1]**

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ МОДЕЛИ РЕФОРМИРОВАНИЯ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX в.

Одной из специфических особенностей развития либерализма в России во второй половине XIX – начале XX в. стало его возникновение и становление в условиях социально-политического строя, который и по своей природе, и по видению власть предержащими направлений его эволюции входил в непримиримое противоречие с либеральным символом веры. Общий тренд власти, отрицающей необходимость сотрудничества с политически активной частью общества, стимулировал политику подавления общественно-политической активности, вытесняя либеральные настроения в полулегальную сферу общественного самовыражения. Известные отклонения, связанные с эпохой «Великих реформ», прежде всего земской и судебной, подтверждали это правило, в значительной мере стимулируя именно рост либеральных настроений в стране, рекрутируя молодежь в ряды будущих либеральных политиков.

Это обстоятельство, с одной стороны объективно сокращая социальную базу и легальные возможности распространения либеральных учений и настроений, перспективы учета общественного мнения, с другой стороны стимулировало появление в либеральной среде не частных проектов социальных преобразований, а мас-

[1] *Аронов Дмитрий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

штабных проектов реформирования социально-политического строя страны.

В отечественной историографии идею о наличии у отечественного либерализма модели реформирования России выдвинул и обосновал В.В. Шелохаев[1]. Впоследствии эта исследовательская гипотеза получила развитие в целом ряде работ, проблематика которых включала в себя ее частные проявления в различных сферах социального творчества, общественно-политической активности населения. В первую очередь, это относится к научной, партийно-политической и законотворческой деятельности[2] как отдельных представителей российского либерализма, так и его общественных организаций и, прежде всего, политических партий.

К основным этапам генезиса либеральной модели реформирования России, если перечислять их в хронологическом порядке, можно отнести следующие результаты либерального дискурса соответствующих исторических периодов:

- проекты материалов конституционного характера, генерируемые политически активной частью общества в 50-80-е гг. XIX в.[3];

- материалы правительственного протоконституционного законотворчества 70-80-х гг. XIX в.

- «Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г.»[4];

- либеральные проекты «Основного закона России» 1904–1905 гг. («Освобожденческий», «Парижский»); «Муромцевский»; «Московской городской Думы» («Герценштейновский»); «Харьковский»; «Екатеринославский»; «Гучковский»)[5];

---

[1] См.: Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996.

[2] См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной думе (1906-1917 гг.). М., 2005.

[3] См.: Петров Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века // Отечественная история. 1993. № 4. С. 32-47.

[4] См.: Аронов Д.В. «Записка о политическом состоянии России весною 1880 года» С.А. Муромцева – прошлое и современность // «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012. С. 274-283; Он же. Власть и общество в России: поиск компромисса – утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весною 1880 года») // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3-7.

[5] См.: Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел, М., 2005.

- совокупность законотворческого материала, внесенного либеральными партиями в Государственную Думу в парламентский период истории российского либерализма[1].

В этом контексте либеральная правовая модель понимается как целостный комплекс правовых явлений и процессов (позитивное право, правообразование, реализация права, правосознание), складывающийся в результате их взаимосвязи и взаимодействия, и характеризующий их юридическое воздействие на общественную жизнь. В рамках изучения данного процесса на уровне формирования исследовательского инструментария представляется целесообразным выделение следующих аспектов изучаемой проблематики: 1) стратегический и тактический уровень; 2) определение сущности либеральной правовой системы (российские либералы, кто они – предатели, прагматики, мечтатели); 3) либеральные законопроекты, подготовленные к внесению и внесенные в Думу; 4) работа в думских комиссиях; 5) межфракционное сотрудничество.

Соответственно, представляется возможным сформулировать иерархию целей, содержащихся в либеральной правовой модели (Таблица 1).

Таблица 1. Иерархия целей либеральной правовой модели

Стратегические	**Тактические**
Обеспечение поступательного развития общества (экономический рост, социальный мир; внешнеполитическая экспансия)	Прекращение противостояния общества и государства в его крайних проявлениях
Обеспечение нормативного закрепления основных прав и свобод человека как начального условия формирования субъекта гражданского общества	Расширение круга либерального электората
Сохранение единой государственной территории с расширением прав национальностей в области культурно-национальной автономии в сочетании с жесткой вертикалью исполнительной власти	Участие либералов в осуществлении исполнительной власти на условиях, приемлемых либеральными кругами
Обеспечение трансформационного перехода страны к системе государственного	Обеспечение организационно-идеологического пер-

[1] См.: Аронов Д.В. Законотворческая деятельность российских либералов в Государственной Думе (1906-1917 гг.). М., 2005.

устройства, основанного на единстве (слиянии) трех ветвей власти при сохранении общего примата власти исполнительной, выступающей главным двигателем преобразований, программу которых она определяет совместно с законодательной властью	венства либеральных партий в парламенте
Использование концепции реформы правовой системы в качестве базового элемента формирования новой национальной идеи на основе учета национальных особенностей, абсолютизации мирных путей трансформации, замены сословно-корпоративных регуляторов общественных связей правовыми	Формирование нормативной базы российского парламентаризма
	Формирование реальных рычагов воздействия на исполнительную власть

Исходя из имеющегося в нашем распоряжении материала, представляется возможным сделать вывод о том, что в начале XX в. либеральная часть российского общества предприняла попытку сформулировать базовые теоретические предпосылки для формирования и формализации новой национальной идеи для социума, проходящего стадию цивилизационного кризиса, вполне подпадающего под современное понимание такого феномена, как консервативный вариант модернизации. Это уподобление, как нам представляется, прослеживается как по целям, так и по предлагаемым технологиям его воплощения в политическую практику Российского государства. Особый интерес вызывает тот факт, что представители отечественного либерализма вполне отдавали себе отчет в том, что социум, которому предлагался либеральный вариант (модель) проведения комплексной социально-политической реформы, на предшествующем историческом этапе показал себя крайне инертным к восприятию самоценности правовых институтов как определяющего или, хотя бы значимого, условия общественного прогресса.

Предлагаемая в статье иерархия базовых целей, сформулированная в рамках проекта либеральной правовой реформы, смоделирована на основе изучения совокупности тех проектов нормативно-правовых актов, которые были разработаны в рамках либеральной правовой субмодели преобразования России. Последняя рассматривается нами как часть общелиберальной модели рефор-

мирования страны. В целом, представляется возможным сделать вывод о том, что иерархизированные цели правовой реформы выступали в качестве главного средства реализации правовой субмодели развития, были ориентированы на решение проблем формирования социальной основы либерального мировоззрения в России, обеспечивали соблюдение прав и свобод человека посредством их гарантии со стороны государства, а также в качестве своего рода критерия правового характера позитивного права.

Базовый вывод, сделанный авторами либеральной субмодели развития страны в начале XX в., это признание решающего значения государства в решении задачи по стратегическому реформированию социально-политической системы общества. С учетом этого методологического посыла возможность реализации либеральной модели преобразования России выглядит вполне обоснованной.

Проблема состояла в том, каким способом носители либеральных идей могут овладеть (использовать) механизмом государства для проведения в жизнь разработанной ими модели либерального реформирования страны. Предшествующий исторический опыт стран Европы (Великобритания, Франция) и США показывал, что либеральные идеи воплощаются в практике госуправления в процессе насильственных трансформаций социально-политического строя, связанных с применением насилия, как правило, вооруженного, будь то революция, война за независимость или народный бунт, как показывает история французской революции 1789 г., не менее «бессмысленный и беспощадный», чем русский бунт по пушкинскому определению. Однако, как нам представляется, одно из достижений российского либерализма, его вклад в мировое общелиберальное наследие состоит в том, что к двум постулатам либерального Symbolum Apostolorum – символа веры – он добавил третий – неприятие насильственных методов трансформации общества.

Эта проблематика обсуждалась, в частности, 6 июня 2018 г. в рамках Круглого стола «Российский либерализм: существует ли национальная модель», организованного фондом «Либеральная миссия»[1]. Идея дополнить символ веры вызвала далеко неодно-

[1] «Российский либерализм: существует ли национальная модель» / Дискуссия в фонде «Либеральная миссия». 06.06.2018 // [Электронный ресурс] URL: http://Rusliberal.ru (дата обращения: 21.08.2018).

значную реакцию, и большинство участников дискуссии в той или иной степени фактически перешли на обсуждение вопроса о том, возможно ли в принципе применение насилия как такового представителями либерального лагеря. По сути, произошла подмена тезиса. Говоря о неприятии либеральными теоретиками, политиками насилия как элемента либерального символа веры, мы имели в виду не их «травоядный», по выражению участников круглого стола «Российский либерализм: существует ли национальная модель», характер. Речь шла исключительно о методах социального проектирования и строительства, которые последовательно: а) закладываются в теоретические модели реформирования социума; б) формализуются в партийных программах; в) выступают в качестве императивных принципов при определении методов правового регулирования в практике парламентского законотворчества. Естественно, что любой либеральный политик не может ориентироваться на ненасилие как некий абсолют, исключающий его применение в случае внешней или внутренней угрозы национальному государству, его территориальной целостности и иным сущностным составляющим жизни социума.

Конечно в политической практике, в т.ч. и российского либерализма, нетрудно найти примеры, когда соблазн «оседлать революцию», воспользоваться слабостью исторической власти и принять участие в заговоре в стиле шекспировских трагедий, оказывался сильнее общетеоретических постулатов, имя им легион. Вместе с тем, на наш взгляд, было бы принципиальной ошибкой отождествлять позицию отдельных либеральных политиков, даже входящих в высшее руководство партии (прежде всего, речь идет о позиции П.Н. Милюкова) с общелиберальными принципами социальных преобразований. Однако в нашем случае мы говорим о принципах социального конструирования как неотъемлемом элементе модели реформирования страны. Кстати, именно здесь можно проводить четкий водораздел между либеральными и радикальными политическими партиями. У последних в программных документах может содержаться весь набор соответствующих текущему историческому моменту прав и свобод человека, однако в части приемлемых методов социальных преобразований в той или иной ипостаси будет присутствовать вариант насильственного слома прежнего государственного строя.

Если мы говорим о либеральном политическом спектре, то, в случае принятия их принципиального отказа от насильственных методов социального конструирования как сущностной черты либеральной модели преобразования страны, мы выходим на формулировку вопроса об альтернативных способах социальных преобразований или, как это было сформулировано выше в настоящей статье, овладения механизмом государственного управления именно для реализации постулируемой модели.

Естественной альтернативой этому пути выступает участие в госуправлении неким ненасильственным путем. Формально может быть сформулировано несколько вариантов социальных практик, позволяющих реализовать данную идею. Однако явно экзотические, переходящие в некую разновидность «политической маниловщины» варианты вряд ли стоит рассматривать сколь-нибудь подробно. Теоретически возможно диффузное проникновение либеральных политиков в механизм исполнительной власти, однако это явно лежит за рамками реальной политики. Вместе с тем, избыточный оптимизм, хотя и в более скромных масштабах был присущ части либеральных теоретиков. Так, С.А. Муромцев надеялся, что последовательная работа в рамках системы высшего юридического образования позволит вырастить поколение юристов, которые, заместив места судей, станут в своем роде «творцами права». «Судья не только является пассивным органом законодателя, – писал он, – но наравне с ним творит право». Отсюда же вытекала и главная задача современного правосудия – «формулировать новое учение о призвании судьи взамен неудовлетворяющего всем требованиям и потому устаревшего учения о «толковании» закона»[1]. Эта позиция не получила поддержки ни у современников Муромцева, ни у современных специалистов, полагающих, что в сложившейся в России правовой системе судейское правотворчество, скорее, деформирует право, чем обеспечит ему независимость от государственного влияния.

Вместе с тем, немаловажно и то, что сторонники «охранительного либерализма», представлявшие лишь один из оттенков российского либерализма, имманентно не предполагали насилия в отношении государства, полагая, что даже кардинальная социальная

---

[1] Муромцев С.А. Творческая сила юриспруденции // Юридический вестник. 1887. № 9.

реформа вызывает избыточные потрясения в менталитете, социальном устроении общества. Однако суть либерализма в его многообразии, а не в следовании единому критерию, исключая либеральный символ веры. Естественным следствием из этого был акцент на использовании электоральных институтов, позволяющих использовать народное волеизъявление как источник власти (в монархическом государстве еще один источник власти это либо историческая традиция, либо властвование «Милостию Божией»).

Социально-политическая практика России начала XX в. показала, что с момента фактического конституирования либеральных политических сил они преимущественно пошли по пути использования возможностей Государственной думы, расширения ее полномочий, борьбы за реализацию либеральных проектов во всех отраслях права, в т.ч. даже в таком сегменте, за которым в отечественной историографии, еще с дореволюционных времен, закрепился уничижительный термин «законодательная вермишель»[1].

Таким образом, анализ имеющихся в нашем распоряжении источников позволяет сделать вывод о наличии у российского либерализма начала XX в. комплексной модели реформирования страны, нашедшей свое выражение в научно-теоретической, партийно-политической и законотворческой деятельности его политических партий и отдельных представителей. Другим, не менее важным ее элементом, была методология ее реализации (социальное конструирование), в основе которой лежала широкомасштабная правовая реформа, реализуемая в ходе законотворчества партийных фракций либеральных партий в процессе парламентской деятельности.

[1] Калугин П.А. «Законодательная вермишель» судебной реформы – фракция конституционно-демократической партии в Третьей Государственной думе – политика малых дел // История государства и права. 2012. № 23. С. 40-42.

***Н.Г. Карнишина*[1]**

ИДЕИ РОССИЙСКОГО КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА: ОТ ТЕОРИИ К ПРАКТИКЕ

Генезис идей и теорий конституционализма свидетельствует об определенной преемственности основных концепций, выработанных российской конституционно-правовой наукой XIX – начала XX вв., и современных подходов к решению важнейших проблем государственного строительства. В частности, применительно к России особую актуальность представляет теория союзного государства, содержащаяся в ряде конституционных проектов XIX – начала XX вв.

Конституционализм – это система представлений, определяющая границы активности государства и его органов в регулировании различных сфер общественной жизни. Сущность конституционализма выражается в общественном согласии по этим вопросам, которое выступает необходимым условием его прочности. Конституционализм является многоаспектным понятием, которое включает в себя конституционные проекты, конституционный строй, конституционное законодательство, конституционную практику.

В России конституционно-правовые идеи возникли раньше конституционных норм и институтов. В исторических и историко-правовых исследованиях конституционализм в России рассматривается как историческая категория, тесным образом связанная с развитием российской государственности. Применительно к истории русского конституционализма, используется его дефиниция как совокупности взглядов русских конституционалистов на природу государства и общества и как социально-политическое течение, отраженное в деятельности, прежде всего, партии кадетов в начале XX в.[2]

По мнению А.Н. Медушевского, важнейшей особенностью российского конституционализма является отсутствие, даже в новейшее время, широкой социальной опоры для либерально-конституционного движения в виде растущего среднего класса и его

---

[1] *Карнишина Наталья Геннадьевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры «История Отечества, государства и права» Пензенского государственного университета.*

[2] Кравец И.А. Формирование российского конституционализма (проблемы теории и практики). М.; Новосибирск, 2001.

политических институтов. Отсюда вытекают двойственность социальной позиции и принципиальная слабость российского конституционализма, который, будучи связанным с процессом модернизации и по сути порожденным им (идея реформирования общества по западному образцу), в то же время был всегда объективно направлен против усиления государственной власти, являвшейся основным фактором модернизации[1].

Исследовательский вектор перспектив развития конституционализма исходит из того, что рост и укоренение конституционных учреждений и правосознания, как следствие всемерного развития конституционных идей и опыта конституционной практики, являются единственно возможным вариантом перехода от мнимого или номинального к подлинному и реальному конституционализму. Большую роль в этом процессе играет международный опыт конституционного развития, но преимущественную – собственный. Такая позиция вытекает из конституционного опыта Англии, США, стран Западной и Восточной Европы и находит подтверждение в трудах русских конституционалистов Ф.Ф. Кокошкина, В.М. Гессена, М.М. Ковалевского, Н.И. Лазаревского.

Идеи конституционализма представляют собой не национальную или региональную, а универсальную, общечеловеческую идею при наличии специфики ее воплощения в тех или иных странах. Конституционный строй фактически выступает в качестве центрального элемента конституционализма. Конституционный строй понимается как конституционное состояние общественных отношений, их соответствие конституционным принципам и нормам. Конституционный строй – это определенная форма, способ организации государства, которая обеспечивает подчинение его праву. Применительно к современным российским условиям необходимо различать конституционный строй как концепцию, идею, процесс и как реальность.

Конституционный строй и как особый тип властвования, не свойственный гражданскому обществу, и как результат социальных революций, и как цель воплощения конституционных идей и концепций, есть внутренне противоречивое явление, имеющее революционно-преобразующую и консервативно-ограничительную сто-

---

[1] Медушевский А.Н. Размышления о современном российском конституционализме. М., 2007.

роны. При этом ограничительная сторона конституционного строя выступает не только как правление, ограниченное Конституцией, но и как конституционно установленные пределы (юридические формы) самого народовластия. В рамках этих юридических форм могут происходить экономические, политические и обслуживающие их информационные процессы, приводящие к искажению народного волеизъявления на выборах и референдумах, что деформирует народовластие как сущность и революционную сторону конституционного строя. Между основными типами конституционного строя – либеральным и социальным – существуют разные варианты модификаций. Современное состояние российского конституционного строя, которое одни конституционалисты называют модернизацией, а другие – переходным периодом, есть укрепление победы либерального типа конституционализма.

Страноведческий подход к эволюции конституционных учреждений стал основой для характеристики конституционализма отдельных государств-наций. В таком случае конституционализм выступает как синоним демократического конституционного государства, окрашенный национальной спецификой. В этом смысле говорят об американском, германском, французском или английском конституционализме, причем термин "конституционализм" становится применимым и к странам, где нет писаной (кодифицированной или некодифицированной) конституции, однако реально функционирует режим конституционной демократии.

Так, например, конституционное развитие стран Восточной Европы после 1989 г. поставило перед теоретиками и практиками задачу переосмысления категорий либерального конституционализма применительно к постсоциалистическому и постсоветскому периоду трансформации их политических и правовых систем.

К примеру, разработаны идеи постсоциалистического и постсоветского конституционализма, которые вбирают в себя как элементы конституционализма, основанного на индивидуальных правах, так и элементы коммунитарной концепции конституционализма, при которой для идентификации личности решающее значение приобретает общность (community), поскольку она влияет на решение вопроса о том, какой надлежит быть справедливости[1].

---

[1]Дик Ховард А.Е. Конституционализм // Верховенство права. Сборник. М., 1992.

Начиная с нового времени, конституционализм претерпевал изменения, модифицировался в государствах, различавшихся своим уровнем социально-экономического и политического развития. Общая динамика на европейском континенте заключалась в постепенном переходе от либерального к демократическому конституционализму, опосредующему деятельность государства с социально ориентированной рыночной экономикой.

В этой связи З.Ф. Авалов в сборнике «Конституционное государство», изданном в 1905 г., писал: «Переход к конституционализму неизбежно сопровождается критическим пересмотром всех отдельных отраслей и частей государственного управления. Государство стало «обитаемым» зданием»[1].

По нашему мнению, одним из основных аспектов при анализе российского конституционализма всегда был национальный вопрос и проблема государственного устройства, в частности, статус Финляндии в составе Российской империи.

Кокошкин в статье «Правила 20 мая 1908 г. "О порядке направления финляндских дел"» писал: «Государственное единство создается и укрепляется не бюрократической централизацией, оно должно быть не внешним, механическим, а внутренним, органическим "единством сердец, а не единством оков", как гласит прекрасный английский девиз»[2].

«Целая страна, правда, небольшая, но своеобразная и обособленная в национальном, культурном и правовом отношении, имеющая свою особую конституцию, свое "особенное правительство" как бы поступает в специальное коллегиальное ведение высшего правительственного учреждения огромной империи, учреждения, которое в силу существующей в этой империи бюрократической централизации и без того завалено необозримым множеством разнообразнейших крупных и мелких дел». «Финляндия есть государство, а не губерния. Следовательно, нельзя управлять ею мимоходом и среди множества текущих дел», – так писал М.М. Сперанский в 1811 г. во всеподданнейшем докладе[3].

---

[1]Конституционное государство. Сб. ст. З. Авалов, В.В. Водовозов, В.М. Гессен. М., 1905.

[2]Финляндия. 1909. № 6. С. 59-67.

[3]Ученые записки Императорского Московского университета. Отдел юридический. Вып. 13. М., 1896. С. 30-41.

Кокошкин в статье «К вопросу о юридической природе государства и органов государственной власти» писал: «Государство есть союз, основанный на принципе общественного интереса. Поэтому оно выступает в юридической жизни в качестве субъекта права наряду с индивидами. Но от этих последних государство существенно отличается тем, что воля его образуется искусственно, путем комбинации многих отдельных воль, индивидуальных и коллегиальных»[1].

Кокошкин предложил проект децентрализации в форме автономизации, согласно которому регионы должны были получить статус не государственной, а лишь провинциальной автономии. Создание федерации по национальному признаку представлялось ему ошибочным и неэффективным путем, поскольку данная модель «в своем последовательном развитии привела бы к полному разрушению государственного единства России и к установлению не федерации (союзного государства), а конфедерации (союза государств)»[2].

В свою очередь, С.А. Котляревский писал: «Нечего объяснять, что конституционно-демократическая партия не менее твердо держится принципа единства и неделимости России, но она иначе понимает это единство; она думает, что сильная центральная власть совместима с весьма широкой децентрализацией, с существованием местных законов, вообще с признанием широкого простора для областных и национальных своеобразий»[3].

При чрезвычайной трудности найти бесспорную определяющую юридическую формулу, способную охватить все богатое разнообразие типов федерального устройства, вполне целесообразным представляется тот путь и метод, какой описал в своей книге С.А. Корф. Его вывод сформулирован следующим образом: «В мире сложился и оформился основной принцип колониального конституционного права, согласно которому для автономных колоний основной правовой гарантией их государственности являются их конституции, связывающие и обязывающие обе заинтересованные стороны, т.е. не только организующие колониальную государствен-

---

[1]Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1905.

[2]Он же. Тезисы к докладу «Автономия и федерация» // Съезды и конференции Конституционно-демократической партии. Т. 3. Кн. 1 (1915-1917 гг.). С. 580-587.

[3]Котляревский С.А. Национально-областной вопрос в программе конституционно-демократической партии // Российские либералы. М., 1996. С. 97-119.

ную власть, но и ограничивающие одновременно государственную власть метрополии»[1].

В современной России трансформация многих идеологических, нравственных и правовых ценностей вызывает необходимость консолидации правового сознания и правовой культуры общества. Особую актуальность сохраняет и необходимость дальнейшего исследования таких факторов российской государственности, как этнический, конфессиональный, пространственный, социокультурный. Многоаспектность феномена российского конституционализма во многом предопределена и особенностями исторического пути русского народа, полиэтническими и поликонфессиональными характеристиками общества. Этим, на наш взгляд, частично объясняется разрыв между теорией и практикой российского конституционализма.

В.В. Соколов[2]

НОРМАТИВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВЫБОРОВ В ПРОТОКОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОМ ЗАКОНОТВОРЧЕСТВЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX в.

История отечественного нормативно-правового регулирования процесса выборов в общероссийском масштабе, если не считать эпоху Земских соборов периода сословно-представительной монархии, вполне справедливо связывается с либеральными конституционными проектами начала XX в., когда во всей полноте раскрылись творческие возможности российской, в первую очередь, либеральной мысли. Сохранились свидетельства влияния либерального конституционного законотворчества и на законотворчество официальное, равно как и на законодательство, связанное с появлением в России Основных законов 23 апреля 1906 г. – первого нормативного акта конституционного характера. И хотя это влияние было более чем ограниченным, оно показывает наличие взаи-

[1]Корф С.А. Автономия колоний Великобритании. СПб., 1914.
[2] *Соколов Вадим Вячеславович – кандидат исторических наук, доцент.*

мосвязи между весьма различными по своему целеполаганию интеллектуальными традициями российского общества.

Логично предположить, что эти интеллектуальные традиции, как и общественный дискурс вокруг этих извечных российских проблем, как писал еще М.Е. Салтыков-Щедрин: «Чего-то хотелось: не то конституции, не то севрюжины с хреном, не то взять бы да ободрать кого-нибудь»[1], возникли на определенной базе, которая, так или иначе, имеет свои корни в предшествующих поколениях ученых, общественных и государственных деятелей. Последние десятилетия развития российской историографии отечественного либерализма вернули в исследовательское поле исторической и историко-правовой науки массив либеральных и протолиберальных проектов реформирования высших органов управления государства. Среди них как материалы, во многом и титульно, и сущностно претендующие на звание проекта основного закона страны[2], так и те, которые могут быть отнесены к таковым в результате современного научного анализа. Так, в число последних российские исследователи включают такой документ, как «Записка о внутреннем состоянии России весной 1880 г.»[3], подготовленный группой московских либералов в 1879–1880 гг., хотя по форме он представляет собой скорее аналитическую записку, но содержащиеся в нем выводы и предложения были формализованы и интерпретированы современными исследователями как крупномасштабный план государственных преобразований.

Вместе с тем, как нам представляется, остались незаслуженно обойденными вниманием те проекты, которые возникли в рамках правительственного и проправительственного конституционного за-

---

[1] Салтыков-Щедрин М.Е. Собр. соч. в 20 т. Т. 12 [Электронный ресурс] // URL: https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/toc.htm (дата обращения 16.08.2018).

[2] См.: Петров Ф.А. Земско-либеральные проекты переустройства государственных учреждений в России в конце 70-х – начале 80-х гг. XIX века // Отечественная история. 1993. № 4. С. 32-47.

[3] См.: Аронов Д.В. «Записка о политическом состоянии России весною 1880 года» С.А. Муромцева – прошлое и современность // «Время выбрало нас: Путь интеллектуала в политику» IV Муромцевские чтения. Сб. материалов научной конференции. 25–26 октября 2012 г. Орел, 2012. С. 274-283; Он же. Власть и общество в России: поиск компромисса – утопия или реальность (С.А. Муромцев «Записка о политическом состоянии России весною 1880 года») // Современное общество и право. 2013. № 2 (11). С. 3–7; Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели) // Орел: ОрелГТУ, М.: «Юрист», 2005.

конотворчества. К ним традиционно относят конституционный проект П.А. Валуева (1863 г.), конституционный проект Великого князя Константина Николаевича (1880 г.), «Конституцию» М.Т. Лорис-Меликова (1881 г.).

В советской историографии эти проекты, впрочем, как и либеральное наследие, относили к разновидности средств отвлечения народа от революционного движения[1]. Однако, несмотря на то, что данное целеполагание имело место, это никоим образом не снижает ценности данных материалов как источника, позволяющего охарактеризовать взгляды их авторов, близких к ним политических сил как на общее видение перспектив реформирования государственного строя страны, так и по ряду частных вопросов, связанных со становлением отдельных институтов, призванных урегулировать социально-политическую ситуацию в России в период, как системных кризисов, так и масштабных реформ, и призванных обеспечить стране догоняющие темпы развития.

В настоящей статье, не претендующей на обобщенную характеристику всего массива протоконституционного нормативного материала, созданного в данный период, что потребовало бы сочинения гораздо большего масштаба, ставится частная исследовательская задача изучения существовавших в правительственном лагере подходов к решению такого вопроса, как выбор типологии формирования высших органов власти с той или иной степенью привлечения потенциально симпатизирующих государственной власти социальных групп.

Одним из проектов, как уже отмечалось выше, был проект, разработанный под руководством П.А. Валуева, выступавшего в данный период в качестве министра внутренних дел и считавшего необходимым сохранение монархии посредством расширения социальной базы власти путем привлечения к участию в политической жизни консервативного элемента и, прежде всего, дворянства посредством введения новаций в систему государственного управления в духе имевшегося на тот момент западноевропейского опыта. В рамках подготовленных под его руководством материалов, одним из элементов новой системы госуправления предполагался общероссийский орган представительной власти. Помимо общей задачи привлечения новых социальных союзников, данный институт пред-

[1] См.: Ленин В.И. Гонители земства и аннибалы либерализма // ПСС. Т. 5. С. 26-72.

полагал противодействие такой новой угрозе государственному единству, как «провинциальный сепаратизм».

Помимо поста премьера, Валуев также выполнял функции председателя комиссии, разрабатывающей проект земской реформы, а также руководителя работ по проекту реорганизации Государственного совета. В последнем случае в интересующей нас части протоконституционного законотворчества предполагали включение в его состав выборных представителей от губерний. В случае осуществления этих идей был бы реализован план увенчать систему представительных органов на местах представительством в масштабах всей страны.

В рамках данного проекта, при Госсовете предполагалось создать «съезд государственных гласных, состоящий из выборных от всех частей империи (исключение составляли Польша и Финляндия). Нормы представительства предлагались следующие: от Петербурга и Москвы по трое гласных; от губернских земских собраний от одного до трех гласных и по одному гласному от 12 отдельно определяемых крупнейших городов. Помимо выборных гласных в состав съезда предполагалось ввести ряд лиц, которых назначало правительство, а также представителей высшего духовенства, численность которых привязывалась к общему числу гласных и предполагалась в пропорции 1/5. Также предполагалось, что съезд государственных гласных будет рассматривать бюджет, сметы, а также вопросы, решение которых связано с изданием новых законов, уставов или с изменением и дополнением действующих актов, и др. Здесь предполагалось, что первая стадия процесса участия общественности заканчивается. Что же касается второй, то здесь проект Валуева предполагал, что по завершении съезда, принятые им в рамках его компетенции решения, направлялись уже в общее собрание Государственного совета, в состав которого предполагалось ввести 16 гласных, избираемых «съездом государственных гласных». Таким образом, в предложенной системе двухуровневого законосовещательного органа в основу предлагаемой избирательной системы закладывался тот же двуступенчатый принцип формирования корпуса депутатов, избираемых населением. Идея этого института вполне очевидна: максимально исключить митинговую, эмоциональную составляющую в деятельности органа представительной власти. Подобной точки зрения придерживались позднее и многие

либеральные теоретики, полагавшие роль верхней палаты в частности в том, чтобы ограничивать «страсти народные» – непременный признак депутатов избранных непосредственно населением.

Еще один проект связывается в отечественной историографии с деятельностью председателя Государственного совета, брата царя Великого князя Константина Николаевича (1866 г.). В целом, это общая тенденция российских инициатив – быть связанными с деятельностью первых лиц государства. Идея данного проекта состояла в формировании при Государственном совете двух съездов гласных. Первый из них – земский, гласные которого должны были избираться губернскими земскими собраниями. Второй съезд был дворянским, и его члены избирались губернскими дворянскими собраниями. Вряд ли можно согласиться с тем, что это отчасти было повторением проекта Валуева, где речь шла о формировании съезда гласных в рамках создававшейся земской системы местного управления. Предлагаемые в системе Госсовета съезды также имели более узкие полномочия, реализуя контрольную функцию, занимаясь рассмотрением прошений и ходатайств земств и губернских дворянских собраний. Им также делегировалось рассмотрение вопросов местной хозяйственной жизни. Созывались съезды правительством по мере необходимости. Оно же определяло и повестку их работы, распускало их, когда считало необходимым. Естественно, что характер принимаемых решений был рекомендательным, а съезды носили совещательный характер.

Помимо Великого князя, одним из авторов проекта может считаться и князь С.Н. Урусов, председатель департамента законов Госсовета, написавший «Краткую записку» – черновой вариант рассматриваемого проекта. Суть его сводилась к созданию при Государственном совете совещательного собрания из представителей земств и городов – для предварительного обсуждения тех или иных вопросов.

Давая характеристику предлагаемому проекту, определяя его цели и перспективы принятия, Урусов писал: «Все эти предположения имеют целью, с одной стороны, удовлетворить действительно общему желанию, чтобы голос сословий прямо доходил до престола, а, с другой стороны, устранить именно поводы и предлоги к дальнейшему повторению превратного предположения, будто в настоящее время правде прекращен доступ к государю. В то же

время эти меры, весьма либеральные по своей форме, должны успокоить многие высказывавшиеся в последнее время стремления, но, в сущности, в них нет ничего опасного, так как, во-первых, депутаты будут призваны не в состав Государственного совета, где участие их было бы сопряжено с некоторыми неудобствами, но *они будут состоять при Государственном совете в виде представительных комиссий, во-вторых, председатели собраний будут назначаемы самим государем*, в-третьих, в собраниях будут присутствовать министры, и, наконец, в-четвертых, при обсуждении дел голос собрания будет только совещательный и в решительный обращаться не может»[1].

Соответственно, здесь мы видим тот же принцип организации выборов в общеимперский совещательный орган, что и в проекте Валуева, а именно: использование в качестве базы для них создаваемой в России системы органов земского управления. Естественно, что этому принципу органически присущ ряд недостатков. Так, наиболее явный связан с тем, что далеко не вся территория империи подпадала под земскую реформу. Вместе с тем, не надо забывать, что данный проект пишется явными консерваторами, для которых сама мысль о возможности ограничения монархической власти, незадолго до реформ Александра II, была просто невозможной. Собственно, и будущий царь-реформатор, будучи цесаревичем, высказывал в Госсовете далеко не реформаторские идеи, делая упор на вечность и незыблемость монархической власти в России. Соответственно, ставить им в вину основанность проектов не на принципах всеобщего, равного и прямого избирательного права не корректно.

Наверное, наиболее известным, хотя и не до конца, как представляется, изученным проектом, стала «Конституция» Лорис-Меликова (1881 г.), послужившая, в частности, основой мифологического символизма о реперной точке 1 марта 1881 г., когда Лорис-Меликов вез царю на подпись готовый текст конституции России. Однако нас интересует то обстоятельство, что это, прежде всего, был проект создания представительных учреждений, предполагавший, естественно, и определенную систему их формирования.

---

[1] Половцов А.А. Дневник Государственного секретаря: В 2 т. Т. I [Электронный ресурс] // URL: http://www.fedy-diary.ru/html/052012/15052012-07a.html (дата обращения: 16.08.2018).

В качестве первого этапа предполагалось изучение ситуации на местах посредством сенаторских проверок с последующим созданием двух подготовительных комиссий для подготовки законопроектов в административной и финансовой сфере. Предполагалось включить в повестку дня их работы вопросы о пересмотре земского и городового положений, ликвидации временно-обязанного состояния и понижения крестьянских выкупных платежей и ряд других. Для последующего обсуждения подготовленных данными комиссиями материалов (законопроектов) предполагалось создать «общую комиссию». В ее состав должны были войти депутаты, которые избирались в губернских земских собраниях и городских думах наиболее крупных городов.

Разработанные ими предположения, вместе с материалами сенатских проверок, должны были поступать на рассмотрение в подготовительные комиссии. На этой стадии становления имперской системы органов представительной власти комиссии должны были состоять из членов правительственных ведомств, а также приглашенных (по разрешению Императора) компетентных (как тогда говорили – сведущих) лиц, как служащих, так и не служащих. Подготовительные комиссии передавали выработанные законопроекты до внесения в Государственный совет на обсуждение в «общую комиссию». В ее состав предполагалось включить (призвать): 1) тех, кто принимал участие в деятельности подготовительных комиссий; 2) выборных от губернских земств (один или два в зависимости от численности населения губернии), а также от городских дум крупнейших городов (Москва, Петербург – по два, иные города – по одному) (новацией было то, что выборный мог не быть земским или городским гласным, а просто быть жителем соответствующей местности и отвечающим требованиям общеимперского законодательства); 3) назначаемых правительством в особом порядке выборных от неземских губерний и местностей.

Для занятий общей комиссии назначался определенный срок, сущность ее работы носила совещательный характер. В целом эта «общая комиссия» рассматривалась в качестве своего рода нижней палаты. Соответственно, в качестве верхней палаты могло выступить общее собрание Госсовета. В его состав предполагалось включить 10-15 представителей от т.н. «общественных учреждений».

Данный проект создания представительных учреждений стал предметом обсуждения в феврале 1881 г. В ходе редакционной обработки сократили представительство от губернских земств и крупных городов. Представительство национальных окраин было сочтено нецелесообразным. Также отказались от идеи ввести представителей «общественных учреждений» в общее собрание Госсовета. Вместе с тем, несмотря на изменения, общий принцип участия представителей общества в законодательном процессе на общегосударственном уровне в нем сохранялся. Так же, как и в предыдущих проектах, он сохранил базовую основу процесса выборов – систему земско-куриальную, позволяющую выводить на высший уровень управления тех, чья кандидатура устраивала бы самые разные политические течения на местах, имевших опыт политического и социального компромисса. Это была достаточно популярная идея той эпохи, применительно к формированию верхних палат общегосударственных парламентов.

Считается, что при работе над данным проектом широко использовался опыт создания организационных структур редакционных комиссий по подготовке «Великих реформ» (1858).

Конституционный проект графа П.А. Шувалова, с 1866 г. шефа жандармов, отличается от иных проектов своей определенной, как сказал бы современный специалист, политтехнологической составляющей.

Эта попытка реализации идеи общегосударственного представительного законосовещательного учреждения ориентировалась на необходимость разделения законодательной власти с высшим дворянством. Шувалов говорил: «Совещательное собрание не принесет истинной пользы. Нужно прямо приступать к конституционному устройству: учредить две палаты и предоставить им голос решающий. Если же этого сразу нельзя, то нужно, по крайней мере, положить такое основание, из которого впоследствии развилось бы настоящее представительное правление»[1].

---

[1] Кудинов О.А. Правительственные проекты конституций Российской Империи XIX в. // Государство и право. 2004. № 4. С. 73–79; Конституционные проекты преобразования России XIX века [Электронный ресурс] // URL: knowledge.allbest.ru>История>…_0.html (дата обращения: 17.08.2018); Панов В.Н. Правительственный конституционализм в России XIX века [Электронный ресурс] // URL: https://interactive-plus.ru/e-articles/213/Action213-19067.pdf (дата обращения: 17.08.2018).

Понимая ситуацию в высших эшелонах власти, Шувалов начал не с подготовки текста конституционного проекта, а с создания комиссии «для изучения нужд сельского хозяйства», созданной под руководством Валуева. Впоследствии Шувалов предлагает собрать совещательный орган для обсуждения проблем сельского хозяйства, который состоял бы из председателей земских управ и дворянских собраний. Этим он мог создать соответствующий прецедент, а орган теоретически мог бы эволюционировать в постоянный орган представительной власти. Фактически в итоге получался орган дворянского представительства, т.к. губернские земства на три четверти состояли из представителей дворянства, а в состав совещания предполагалось включить и предводителей дворянства. Комитет министров счел возможным пригласить председателей земских управ и предводителей дворянства в комиссии, но исключительно для обсуждения заранее подготовленных правительством проектов по частным вопросам деятельности органов местного управления.

В 1874 г. комиссия была создана для обсуждения проекта Закона о найме рабочих и прислуги. Комиссия состояла из представителей министерств, 11 губернских предводителей дворянства, 14 председателей губернских земских управ, в нее же входили 2 городских головы. Комиссия в общественном дискурсе получила название «парламент», но результаты носили более чем частный характер. На заседании Госсовета члены комиссии участвовали в качестве экспертов. Аналогичные комиссии больше не созывались.

Назначенный министром внутренних дел Н.П. Игнатьев (1882 г.) представлял проект, в котором предлагался созыв Земского Собора к коронации Александра III, но этот проект был отвергнут без обсуждения.

Подводя итоги анализа принципов формирования системы органов представительной власти на уровне государства, содержащихся в ряде протоконституционных проектов, представляется возможным говорить о наличии в них исключительно большого сходства. Практически все они принимают земскую систему как действующую и, более того, выступающую в качестве основы для формирования представительных органов следующего уровня. Сходным также в проектах выступает и общее количество гласных: все они предполагают сравнительно малочисленные органы. Дан-

ное обстоятельство вполне логично с их точки зрения, т.к. многочисленное собрание народных представителей, несмотря на все фильтры и прочее, имеет больше шансов трансформироваться в некое подобие конституанты, объявить себя Учредительным собранием и вообще реализовать многочисленные фантомные страхи европейских монархий после Великой французской революции.

На наш взгляд, более важно то обстоятельство, что практически проекты выбирают формирование представительных органов по куриальной и многостепенной системе. Данный принцип вполне применим в рамках весьма либеральных идей, предполагавших необходимость двухпалатной системы организации представительной власти. Поэтому одной из исследовательских задач выступает поиск общего понимания и консерваторами и либералами особенностей российского социума, что диктовало им, хотя и выглядит это, порою парадоксально, сходные технические решения в сфере регуляции институтов избирательного права.

О.Л. Протасова[1]

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОВЕДЕНИЕ РОССИЙСКИХ ЛИБЕРАЛОВ НАЧАЛА XX в. В ОЦЕНКЕ ДЕЯТЕЛЕЙ УМЕРЕННОГО НЕОНАРОДНИЧЕСТВА

В отечественной исторической литературе, особенно последних советских десятилетий, нередко можно встретить выражение «либеральное неонародничество». Не все исследователи считают приемлемой данную формулировку, утверждая, что народничество и либерализм – идеологии, принципиально различные по базовым ценностям: «Либерализм отстаивает индивидуалистические начала, народничество – коллективистские, и говорить о близости их доктринальных подходов можно с большой долей преувеличения»[2]. Аттестацию «либеральные неонародники» получили представители

---

[1] *Протасова Ольга Львовна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Связи с общественностью» Тамбовского государственного технического университета.*

[2] Зверев В.В. Русское народничество. М., 2009. С. 9.

правого, умеренного обновленного народничества, с 1890-х гг. представлявшие «школу» Н.К. Михайловского, первоначально действовавшую в рамках редакции журнала «Русское богатство», а затем, в годы Первой русской революции, организовавшие народно-социалистическую партию, которая, несмотря на относительно небольшую численность, имела весьма оригинальную и самостоятельную позицию в ряду политических организаций России и – после Гражданской войны – Русского Зарубежья. Партия народных социалистов (в обиходе – энесы), по довольно распространенному мнению, образовалась из правого крыла эсеров. На наш взгляд, основанный на заявлениях самих лидеров энесов, это утверждение не соответствует действительности[1]. Партия занимала пограничную позицию в российском партийном спектре между эсерами и кадетами и, к слову, в программе партии и человеческих убеждениях ее представителей явственно звучат мотивы либерализма. Поэтому в данном смысле формула «либеральное неонародничество» применительно к энесам не так уж и неприемлема. С другой стороны, если слово «либерализм» трактовать как относительную лояльность по отношению к существовавшему строю (а вполне возможно и даже, скорее всего, в советской историографии имелось в виду именно это), данная характеристика как раз неправомерна. Да, в большинстве случаев правые неонародники осуждали крайние средства политической борьбы, однако главная цель их программы, т.е. построение социалистического общества, была столь же «крамольной» в глазах тогдашнего режима, как и цели других, более радикальных соседей энесов по социалистическому лагерю. Учитывая вышесказанное, корректнее всего характеризовать их как «легальных неонародников» – они признавали лишь открытую политическую арену, легальные формы деятельности. Слово «умеренные» также, по нашему мнению, емко определяет место энесов рядом с эсерами. Данная характеристика эмоционально нейтральна и уже поэтому может быть универсальной в научном смысле.

Партия народных социалистов «воплощала позитивный, но, увы, не развившийся в пореформенной России тип политической

[1] См.: Пешехонов А.В. Почему мы тогда ушли // Русское богатство. 1917. № 11-12. С. 329.

культуры»[1], основанный, подобно отечественному дореволюционному либерализму, на строгих нравственно-этических принципах. Поэтому неудивительно, что в годы, предшествовавшие Первой русской революции, среди интеллигенции было немало старавшихся содействовать сближению народников с либералами и считавших, что между первыми и вторыми нет принципиальной противоположности, так как и те и другие движутся в одном направлении «и только доходят до разных точек»[2]. И вполне естественно, что политическая карьера целого ряда российских либералов и социалистов демократического толка, стоявших на неонароднических позициях, началась с одной организации – «Союза освобождения», платформа которого, выработанная в сентябре 1904 г., включала требования замены самодержавного строя свободным демократическим режимом на основе всеобщей подачи голосов, права национального самоопределения, свободы развития для всех народностей и т.д.[3] Опыт этого универсального общественно-политического объединения, вначале весьма успешный, оказался недолгим: уже вскоре его участники рассредоточились по политическим партиям с, выражаясь современным политологическим языком, четко агрегированными и артикулированными интересами и требованиями.

Программные и тактические расхождения, которые неотвратимо вели к организационному разрыву между народниками и «освобожденцами», державшимися более правых, либеральных взглядов, оформились и углубились в 1905 г. К этому времени журнал «Русское богатство», альма-матер народно-социалистической партии, широко стал пропагандировать лозунг национализации земли, ставший одним из столпов политической программы правых народников. Либералы, имевшие в своем арсенале иные проекты решения аграрной проблемы, не пригласили представителей редакции на свой аграрный съезд. Этот поступок окончательно убедил народников покинуть ряды «освобожденцев». Для народников, хотя и не разделявших «трудовой народ» (триединство рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции) на классы, интересы крестьянства

---

[1] Протасова О.Л. Демократический социализм и большевизм начала XX века: морально-этические принципы и взаимные оценки // Бюллетень науки и практики. 2016. № 9. С. 173.

[2] Цит. по: Ерофеев Н.Д. Народные социалисты в первой русской революции. М., 1979. С. 49.

[3] См.: Непролетарские партии России. М., 1984. С. 37-38.

– самого многочисленного из российских сословий – были особенно актуальны, близки и важны. Поэтому нежелание либералов сотрудничать по выработке совместного решения аграрного вопроса разочаровало правых народников: они не могли не усмотреть в этом некоего классового высокомерия. Другое разногласие умеренных народников с правыми «освобожденцами» касалось отношения к Булыгинской думе – совещательному учреждению, сама система выборов в которое народникам казалась не просто сомнительной, а порочной: при многостепенной системе выборов избираются не программы, не мысли, а лица. Вот что А.В. Пешехонов писал В.Г. Короленко: «Освобожденчество кончило свой век ... Мы... должны занять свою позицию. Особенно это важно теперь, когда социальный вопрос все больше и больше начинает выдвигаться на первый план»[1]. Решение «освобожденцев» объединиться с земцами-конституционалистами ускорило процесс их размежевания с народниками из «Русского богатства».

Однако совместная освобожденческая деятельность была не напрасной. Между многими «чистыми» либералами и их более социалистически настроенными коллегами установились конструктивные деловые и теплые человеческие отношения. Это впоследствии проявлялось в уважении на межличностном уровне и, несмотря на несогласия в разгар политических страстей, неизменно цивилизованные межпартийные диалоги. Человеческие контакты, как показало время и драматические страницы судеб ряда российских деятелей-демократов, явились гораздо более важным и долговечным феноменом, чем все политические нюансы.

Необходимо заметить, что в политическом самоопределении некоторых будущих либералов некую роль сыграл фактор случайности, а точнее, незнания о скором появлении партии, чья программа будет отвечать их идеологическим запросам наилучшим образом. Например, знаменитый историк Н.И. Кареев, входивший в состав кадетского ЦК, позже признавался: «Если бы эта партия образовалась раньше кадетской, ... очень может быть, я и примкнул бы к ней»[2]. Появление партии народных социалистов создало гравитационное поле для той части народолюбивой интеллигенции, которая колебалась между кадетами и эсерами. Так, С.П. Мельгунов вышел из ка-

---

[1] НИОР РГБ. Ф. 135. Раздел 2. Картон 31. Д. 52. Л. 2562.
[2] Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Л., 1990. С. 235.

детской партии и перешел к народным социалистам. В Пензе, Симбирске, других провинциальных городах к ним потянулись элементы, прежде тяготевшие к либералам. Слева же к энесам шли те, кто, подобно экс-революционеру Н.А. Чарушину, отрицал эсеровщину с ее террором и противозаконными экспроприациями[1].

Первую Государственную думу народно-социалистическая партия приняла решение бойкотировать. Однако во второй она приняла самое деятельное участие. К этому моменту относится и взлет публицистической активности ее лидеров, многие из которых обладали весьма острым пером и публиковали многочисленные политические статьи, обзоры и комментарии в «Русском богатстве» и ряде других неонароднических изданий.

Ведущий теоретик правых народников, активный публицист, обозреватель внутренней жизни России в журнале «Русское богатство» Пешехонов в годы I русской революции и послереволюционного затишья посвятил критике политических процессов много печатных листов. «Доставалось», в первую очередь, тем, кто открыто выступал на политической арене – «средним», т.е. центристским партиям, якобы готовым, по словам памфлетиста, добиваться усовершенствования политического режима в сотрудничестве с ним. Относя себя к людям «крайних мнений», Пешехонов заявлял, что о сотрудничестве с властями не может быть и речи и, идя на компромисс, средние партии «торгуют за чужой счет». Его «Хроника внутренней жизни» периода революционных событий гласила, что народу не нужны ни выборы, ни представители, а «нужна свобода, которая может войти, только распахнув двери»[2]. В подобных заявлениях имелись значительные противоречия с программой партии, одним из авторов которой был Пешехонов. Программа народных социалистов допускала и даже предполагала уступки и постепенность. Справедливости ради отметим, что окончательная редакция их программы сложилась позже, чем процитированные выше слова, но факт есть факт: между программным документом и политическими эмоциями, определяющими характер «живых» пропаганды и агитации, абсолютного тождества быть не может.

---

[1] Протасов Л.Г., Протасова О.Л. Народные социалисты // Родина. 1994. № 10. С. 78.
[2] См.: А.В.П. (Пешехонов А.В.) Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 5. С. 154.

Центристские партии, чуть левее которых были энесы, Пешехонов критиковал за нехватку решительности и определенности в своих действиях: «Из числа действующих сил она (кадетская партия) уже выброшена... Единственная роль, какая осталась для конституционалистов-демократов, это подавать реплики налево и направо: и революционерами-де мы недовольны, и правительство не одобряем. Но эти реплики мало кто слушает»[1]. Пешехонов винил кадетскую партию в приспособленчестве, т.к. ей удалось избежать полицейских репрессий после декабрьского восстания. По его мнению, кадеты «вырядились в костюм легальности» к правительству – январский кадетский съезд прошел с разрешения властей, и партия отказалась от тактики «явочного порядка», практиковавшейся в то время более левыми партиями. «Даже октябристы оказались выше кадетов, когда отвергли предложенное им самим Витте право устраивать собрания. Таким образом, октябристы добивались права собраний вообще, а кадеты – только для себя»[2].

Пешехонов не возражал, что данный период (1905-1907) «освободительного движения» вправе называться кадетским. Партия народной свободы объективно была на тот момент крупнейшей оппозиционной правительству силой, с крепкой, цельной организацией и определившимися программными взглядами. Она играла ведущую роль на думской арене и притягивала к себе большую часть передовой интеллигенции – в ее рядах были сосредоточены культура, мысль, влияние, перспективы. Однако, категорически заявлял Пешехонов, «в течение к.-д. периода русской истории вперед мы не двинулись, ибо для сближения с народом, необходимого для успеха революционного движения, кадеты не сделали ничего»[3]. Это тем более непростительно, что кадетская фракция в Думе имела огромное преимущество перед другими: она была согласованной, имела за собой сильную партийную организацию, в то время как «оперировала в слабо организованной, почти аморфной среде» других парламентских представителей. Кадетская партия принимала на себя часть работы и ответственности думской фракции. «Вполне естественно, ... что к.-д. фракция, независимо даже от ее

---

[1] Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1905. № 11-12. С. 183.
[2] См.: Он же. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1906. № 7. С. 167.
[3] Там же. С. 174.

личного состава, оказывалась сильнее и умнее всех других групп, так как она пользовалась умом и силами не только своих членов, но и всего партийного состава»[1], – резюмировал Пешехонов. Обратим внимание на созвучие этих оценок с ленинскими суждениями о «кадетском периоде» революции.

Ко времени созыва II Государственной думы расклад политических сил в стране несколько изменился. Набирали силу и влияние эсеры, социал-демократы, отказавшиеся от тактики бойкота. Эту Думу Пешехонов саркастически называл идеальной для компромисса с правительством: «левой» (по составу) и в то же время «запуганной», и народ ей верил, и перед правительством она трепетала»[2]. Однако правительство не пошло на компромисс даже с такой Думой и распустило ее, почувствовав необходимость жесткой руки в стране.

Кадетский лозунг «сбережения Думы» народнические публицисты подвергли осмеянию. По их мнению, «сбережение» – это позиция русского обывателя, которая еще ни разу не приносила положительного результата. Как пример приводилось земство, где преобладало дворянское сословие, менее других, по убеждению народников-разночинцев, склонное к творчеству и активной работе на пользу всего населения. Напуганное революционным порывом, охватившим страну в 1905-1907 гг., дворянство, чтобы отстоять свое сословное существование, постаралось укрепить свои позиции в земстве. В результате, земство в целом получило характер «господской» организации. Интеллигенция же так и осталась в положении «третьего элемента», не получив самостоятельности и свободы творчества. Впрочем, отечественную интеллигенцию в первые полтора десятилетия XX в. не критиковал разве что ленивый, и наибольший вклад в дело разбора ее недостатков и слабостей, а также определения миссии в России внесли именно либеральные философы и публицисты.

«Русское богатство» писало, что российская государственная власть четко и твердо ведет одну линию: кампанию против интеллигенции с целью помешать ее сближению с народом и поддерживать в народных массах монархические иллюзии. Этим она, сама того не желая, играла на руку борцам с самодержавием: в дело

---

[1] См.: Он же. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 2. С. 149.
[2] Он же. Хроника внутренней жизни // Русское богатство. 1907. № 7. С. 173.

вступал принцип «чем хуже, тем лучше», ведь интеллигенция была органической частью народа, и разрыв власти с интеллигенцией превратился в разрыв власти с широкими слоями народа[1]. В результате реформаторское движение, бывшее вначале интеллигентским, в конце концов стало массовым. Государственная же внутренняя политика была названа «Русским богатством» народоборчеством в том смысле, что она была нацелена на распространение в обществе центробежных взглядов, вкусов, консервацию невежества и настороженности к новым веяниям, которые могла бы принести наиболее развитая часть общества. Время общественного затишья представлялось народникам опасным тем, что при отсутствии разнообразия мыслей и мнений официальная политика получает монопольное право воздействовать на умы и души непросвещенного российского народа.

По мнению умеренных народников, Дума в ее имевшихся форме и составе была полезна правительству гораздо больше, чем народу, т.к. отвлекала основную массу населения от реальных проблем, старательно имитируя своим шумом деятельность. В 1910 г. Пешехонов прямо заявлял, что самодержавие окончательно ожило и оправилось, оно может легко устранить конституцию, и если этого пока не произошло, то лишь потому, что последняя нужна режиму как средство «прежде всего для наружного ... употребления – в качестве декорации перед Европой»[2], у которой придется занимать деньги. То, что правительство до сих пор терпело парламент, Пешехонов объяснял «намерением дать определенные гарантии европейским капиталистам в кредитоспособности России, где государственные расходы якобы контролируются народными представителями»[3].

Хотя в левых политических кругах народных социалистов нередко отождествляли с кадетами, из-под пера Пешехонова, Петрищева, Редько и других правонароднических авторов в революционные и межреволюционные годы выходила практически исключительно критика в адрес кадетов. Однако очевидно, что на страницах своих печатных изданий в тот момент, когда литература и жур-

---

[1] См.: Пешехонов А.В. Хроника внутренней жизни. Средство для наружного и внутреннего употребления // Русское богатство. 1910. № 4. С. 130.
[2] Там же. С. 117.
[3] См.: Протасова О.Л. А.В. Пешехонов. Человек и эпоха. М., 2004. С. 73-74.

налистика были главной политической трибуной, правонародническое публицисты, полемизируя с либералами, были заметно резче по отношению к ним, чем в очной парламентской борьбе. Как показала практика, они отнюдь не чуждались сотрудничества с либералами, если видели в этом общественно-политический резон. Политическое поведение либералов они называли недостаточно решительным, не по-настоящему оппозиционным, реформаторские проекты – половинчатыми, однако вспомним, что самих народных социалистов их «коллеги» по социалистическому лагерю упрекали ровно в том же. Представляется, что истинные отношения энесовских и кадетских лидеров были гораздо теплее и терпимее, чем те, что демонстрировало их печатное слово. И, во всяком случае, серьезных претензий правых народников к либералам было меньше, чем к их несостоявшимся однопартийцам – эсерам. Возможно, здесь сыграл роль психологический фактор чисто человеческой симпатии интеллигентов энесов к образованным, воспитанным, респектабельным и взвешенным в решениях людям, каковыми были в основной своей массе либералы и их лидеры. Эсеры с их социокультурной разномастностью такого невольного пиетета, понятно, вызывать не могли. С ними дискуссии и межличностные трения (преимущественно на политической почве, конечно) у правых народников были намного чаще и острее, чем с кадетами. А уж по вопросам прав и свобод личности, развития человеческого и гражданского самосознания простого человека народные социалисты и кадеты выступали практически в унисон.

Февральскую революцию 1917 г. либералы, энесы и прочие демократические силы России приветствовали дружно и воодушевленно. В новых условиях важнейшей задачей Трудовая народно-социалистическая партия (так стала называться НСП после объединения летом 1917 г. с трудовиками) считала сохранение российской государственности, защиту ее от внешнего врага и внутреннего экстремизма. Ради национального единства народные социалисты готовы были сотрудничать с любой партией, стоявшей на принципах общегосударственной пользы, – за исключением интернационалистов и пораженцев, стремившихся развязать гражданскую войну в стране. Временное правительство в данной политической ситуации они считали непартийной силой, миссия которой – консолидировать страну. Будучи сами «советской» партией, энесы при-

лагали немало усилий, чтобы предотвратить столкновения Временного правительства с Советами.

Либералы, в свою очередь, тоже были достаточно объективны и разделяли партийное, личное и государственно-необходимое. Когда в мае 1917 г. Пешехонов занял пост министра продовольствия Временного революционного правительства, Милюков, тогда уже отставной министр, комментировал это назначение следующим образом: «А.В. Пешехонов, интеллигент, мой старый друг, человек с талантом, знаниями и темпераментом... мог только украсить место своим сотрудничеством»[1].

Как и русские либералы, Октябрьский переворот правые народники, согласно словам советских официозов, «встретили враждебно». Вместе с эсерами и кадетами они организовали «Союз Возрождения России», главными задачами которого провозглашались воссоздание русской государственности, воссоединение с Россией насильственно отторгнутых от нее областей и защита от внешних врагов[2]. Народные социалисты резко критиковали кадетов за неявку на открытие Учредительного собрания, упрекая их в недостатке гражданского мужества: «Если они взялись действовать именем народа, то о… самосохранении они могли бы и не думать. Если от граждан можно требовать мужества, – то именно в такие моменты и на таких постах»[3]. Справедливости ради следует сказать, что и явившиеся на ассамблею, по оценкам народных социалистов, показали себя далеко не лучшим образом, и «первая попытка создать верховный орган народной воли … потерпела неудачу»[4].

Перипетии взаимоотношений умеренных социалистов с радикальными, неожиданно для всех оказавшимися у руля огромного государства – особая тема. Скажем лишь, что в начале 1920-х гг. верхушка народных социалистов, добровольно либо вынужденно, оказалась в эмиграции. Там значительно укрепились человеческие связи между деятелями разных демократических партий, т.к., утратив возможность конкурировать на государственно-политическом поприще, эти люди стали гораздо толерантнее в отношении товарищей по демократическому лагерю. В сентябре 1922 г. открылось

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания государственного деятеля. М., 1991. С. 375.
[2] Протасова О.Л. Указ. соч. С. 149.
[3] Пешехонов А.В. Провалилось ли народовластие? // Русское богатство. 1918. № 1-3. С. 315-316.
[4] Там же. С. 322.

Совещание левых и правых социалистов, на котором было создано «Российское демократическое объединение» по главе с Милюковым[1]. Энес Мельгунов, известный историк и непримиримый антибольшевик, многократно призывал к консолидации всех эмигрантских сил – и социалистических, и несоциалистических, отмечая, что «в настоящее время граница внутри эмигрантских сил проходит не по партийным направлениям, а по отношению к «активизму», и миссия эмиграции – свободным словом будить русских эмигрантов и призывать их к сплочению»[2].

Если со временем границы между демократами социалистического и либерального толка стали постепенно размываться, то внутрипартийные разногласия стали проявляться резче. Так, в середине 1920-х гг. в самой народно-социалистической среде произошел раскол. Он возник после заявления Пешехонова о необходимости возвращения в Россию даже при большевиках, т.к., по мнению энесовского идеолога, пребывание вдали от родины ведет к утрате органической связи с ней, а усилия эмиграции «сохранить Россию» вне России тщетны и смехотворны. Вся эмиграция (за малым исключением) единогласно осудила позицию Пешехонова, называя ее «капитулянтской», и едва ли не резче всех против народника выступали его бывшие соратники по партии (Пешехонов покинул ЦК ТНСП в конце 1925 г.). Верные принципам демократического социализма, умеренные неонародники не могли простить большевикам главного «греха» – попрания идеалов свободы и демократии, разделяли Россию и Советскую власть и были в данном вопросе солидарны с русскими либералами.

---

[1] Сыпченко А.В. Трудовая народно-социалистическая партия в эмиграции (1920 - 1940 гг.) // Народники в истории России: Межвуз. сб. науч. тр. Вып. 1. Воронеж, 2013. С. 205.

[2] Цит. по: Сыпченко А.В. Указ. соч. С. 212.

П.А. Калугин,[1] Е.К. Золотухина[2]

ВОПРОСЫ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ПРОЕКТЕ КОНСТИТУЦИИ А.И. ГУЧКОВА[3]

Парламентский этап истории российского либерализма может быть разделен на несколько периодов по целому ряду критериев, но одним из наиболее принятых в современной российской и зарубежной историографии является ориентация на политическую партию, играющую ведущую роль в Государственной думе и которую с той или иной степенью обоснованности можно отнести к либеральному лагерю. При использовании этого критерия значительную часть истории Государственной думы справедливо можно связать с деятельностью «Союза 17 октября», выступающего в качестве своего рода российского прототипа партии власти, будучи, как и многие политические партии России того времени, по сути, кокусами[4].

Однако это никоим образом не принижает деятельности тех же партийных фракций в Думах, которые, в той или иной степени были связаны как партийной программатикой, так и решениями руководящих органов партии, а также необходимостью поддерживать имидж партии[5], особенно в предвыборный период парламентской деятельности. Анализ политико-правовой деятельности думских партий показывает, что каждая из них обращалась к такому приему политической борьбы, как выбор определенной законотворческой проблематики в качестве некоего политико-парламентского тренда,

---

[1] *Калугин Павел Александрович – кандидат исторических наук, начальник управления региональной политики и развития местного самоуправления Администрации Орловской области.*

[2] *Золотухина Екатерина Керимовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории правовых учений Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

[3] Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГА РФ. Ф. 555 (Гучков Александр Иванович, член Государственного Совета, председатель III Государственной Думы (1910-1911 гг.), председатель центрального военно-промышленного комитета (1915-1917 гг.), основатель газеты «Голос Москвы», министр Временного правительства, уполномоченный общества «Красный крест», лидер партии «Союз 17 октября»). Оп. 1. Д. 5.

[4] В контексте политической ситуации в России начала XX в. под кокусом понимается узкое партийно-фракционное образование, по сути подменяющее собой партию в период между избирательными кампаниями или иными событиями, требующими массового участия сторонников политического объединения.

[5] В политическом лексиконе той эпохи применялся термин «физиономия партии».

обеспечивающего агитационно-пропагандистскую составляющую думской деятельности партии[1].

Для октябристов подобной проблематикой во многом были вопросы организации народного образования. В этой сфере они много и продуктивно работали в Государственной думе третьего и четвертого созыва. Данный период истории, как Думы, так и партии октябристов стал предметом целого ряда исследований как по политической и парламентской истории России[2], так и по проблемам развития системы образования дореволюционной России.

Однако, как показывает опыт изучения такого вида источников по истории либерального движения в России и его интеллектуальной традиции, как проекты либерального Основного закона, многие сущностные элементы будущей политико-политической, в т.ч. и думской практики, нашли свое отражение именно в них. Собственно данный подход лежит в рамках общероссийского либерального дискурса, в ходе которого произошел перевод теоретических постулатов либеральной теории в ее российском варианте на язык партийной программатики и думского законотворчества. Неотъемлемым этапом в развитии либеральной законотворческой деятельности стала разработка целого ряда конституционных проектов[3]. Среди них свое место занимает и т.н. проект конституции А.И. Гуч-

---

[1] См. например: Аронов Д.В. Парламентская трибуна в агитационно-пропагандистской и законотворческой деятельности отечественного либерализма в начале XX в. // Управление общественными и экономическими системами. 2014. № 1 [Электронный ресурс] // URL: http://umc.gu-unpk.ru/umc (дата обращения: 31.08.2018); Аронов Д.В. Методологические аспекты изучения нравственной составляющей либеральной политико-правовой практики начала XX в. (на примере дискуссии в конституционно-демократической партии о месте и роли думской трибуны в партийной работе) // VIII Муромцевские чтения. Нравственные аспекты политической деятельности в теории, программатике, партийной практике и законотворчестве российского либерализма. Сб. материалов научной конференции. 8-9 октября 2016 г. Орел, 2016. С. 212-227 и др.

[2] См., например: Шандулин Е.В. Партия «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения. Дисс. … к.и.н. Ростов-на-Дону, 2004; Рохас П.М.У. Социальная программа партии «Союз 17 октября" и ее реализация в Государственной Думе России, 1906-1914 гг.». Дисс. … к.и.н. Воронеж, 2003. В общей сложности насчитывается несколько десятков диссертационных исследований, в названии которых присутствует название «Союза 17 октября» [Электронный ресурс] // URL: http://www.dissercat.com/search?page=2&keys=октябрист (дата обращения: 31.08.2018).

[3] См.: Аронов Д.В., Садков В.Г. Либеральные проекты Основного закона России (историческая эволюция, опыт и перспективы построения модели). Орел, М., 2005; Аронов Д.В. «Проект конституции Российской империи с разделами: государств[енное] устройство, права граждан, народное просвещение» – из политико-правового наследия Александра Ивановича Гучкова // История государства и права. 2014. № 24. С. 49-53 и др.

кова. Мы не случайно предпослали устоявшемуся в отечественной историографии названию этого документа приставку «т.н.». Анализ текста этого документа, хранящегося в Государственном архиве Российской Федерации, показывает, что он представляет собой механическое объединение нескольких разделов, не приведенных в единую систему. Собственно, и то, что в деле находятся три машинописные (одна неполная) копии документа без каких либо пометок, показывает, что работа над ним прервалась на достаточно ранней стадии. Этим же, как мы полагаем, объясняется и неравномерность объемов разделов «гучковской конституции», где раздел, посвященный народному образованию, вполне сравним с объемом раздела о государственном устройстве России[1].

Вместе с тем, указанные обстоятельства, как нам представляется, не исключают данный документ из перечня источников, позволяющих охарактеризовать позицию октябристов в допарламентский период истории партии по проблематике, которая станет одной из ведущих в ее законотворческой и агитационно-пропагандистской деятельности.

Основные положения, носящие конституционный характер, хотя стилистически раздел «народное просвещение» менее всего во всем проекте отвечает жанру конституционного проекта, вполне могут быть сформулированы в виде, вполне приемлемом для сравнительного анализа с иными либеральными проектами Основного закона.

Прежде всего, к ним относится введение всеобщего и бесплатного начального обучения с перспективой сделать его обязательным.

Принцип доступности образования для всех социальных групп населения предполагалось реализовать на основании демонополизации роли государства в организации системы школьного образования. Вместо государственной монополии предполагалось реализовать принцип свободы «частной и общественной инициативы в деле открытия и содержания учебных заведений всех ступеней (начиная с низших школ, кончая высшими)»[2]. Предполагалось введение «единства или преемственной связи школ всех трех ступеней низшей, средней и высшей», что, по сути, предполагало доступ широких слоев населения к высшему образованию.

Данный принцип развивался в третьем пункте этого раздела, где отмечалось, что «в средних школах должны быть установлены совершенно определенные типы преподавания с программами, до-

---

[1] См.: Проект Конституции Российской Империи с разделами: Государств. устройство, Права граждан, Народное просвещение // ГА РФ. Ф. 555. Оп. 1. Д. 5. Л. 1-1об, 3-3об.

[2] Там же. Л. 3.

статочно подготовляющими к прохождению курса в высших школах и университетах». Вместе с тем, учитывая, что далеко не все население стремится в высшую школу, предполагалось необходимым, чтобы «средняя школа давала достаточно широкий круг знаний для лиц, коим не требуется высшего образования или последнее, почему либо недоступно»[1].

Реализовывался в проекте принцип гармоничного развития личности обучаемого. Постулировалось построение высшей школы «на началах широкой свободы и независимости в преподавании и управлении».

Принцип доступности и всеобщности образования гарантировался в п. 5 проекта отменой ограничений в получении образования, «связанных с происхождением и верой». Особо, что диктовалось сложившейся в России ситуацией, подчеркивались равные права женщин на получение образования (п. 6-1)[2]. «Образование женщин должно быть построено на одинаковых началах с образованием мужчин, – подчеркивалось в проекте, – женщинам должен быть открыт свободный доступ к высшему образованию, общему и специальному»[3].

Принцип деполитизации школьного образования так же был включен в проект отдельным пунктом (п. 6-2). Согласно ему «ближайшей и важнейшей задачей школы, какие бы специальные цели она не преследовала, является проведение в жизнь чисто просветительных начал». Исключалось «всякое государственное вмешательство в жизнь школы, имеющее целью пользоваться народным образованием, как средством для упрочения или господства предвзятых политических принципов». Причем, по замыслу авторов раздела, государство не было единственным субъектом, чье вмешательство в образование в политических целях признавалось вредным. Вполне резонно предполагалось, что «всякое внесение политики в школу, откуда бы оно ни исходило, особенно же среднюю, должно быть безусловно осуждаемо, к устранению его следует стремиться всякими разумными педагогическими мерами»[4].

Иные либеральные проекты по части образования были гораздо более лаконичны. Так, проект Московской городской Думы («Герценштейновский»), содержал лишь один пункт (п. 2 раздел IV)

---

[1] Там же.

[2] При печати документа была допущена ошибка, и он содержит два пункта под номером 6. Пункт о равных правах женщин на образование мы обозначаем как п. 6-1, а следующий, посвященный деполитизации школы, как 6-2.

[3] Там же.

[4] Там же. 3об.

«Муниципальная программа», что будет осуществлена: «Полная самостоятельность городских общих самоуправлений в области городского благоустройства и благочиния, школьного и внешкольного образования…»[1]

Не многим отличаются от проекта МГД и иные либеральные опыты. Так, «освобожденческий»[2], а, соответственно, и «харьковский»[3] и «екатеринославский»[4] проекты, вообще не содержат материала, посвященного данной проблематике. «Муромцевский» проект, с полным правом считающийся наиболее разработанным среди всей совокупности либеральных проектов Основного закона, также не содержит упоминаний о регламентации права на образование. Отчасти, как нам представляется, это может быть объяснено тем, что «Муромцевский» проект создавался с расчетом на его возможную инкорпорацию в Основные законы Российской империи, что объясняет его некоторое отличие от классических образцов структуры конституции, сложившихся на тот момент в мировой науке конституционного (государственного права)[5].

Таким образом, можно говорить о том, что при всей своей специфике «Гучковский» проект Основного закона органично дополняет иные проекты этого рода в области народного просвещения, реализации права второго поколения – права на образование. Данное обстоятельство подвигает нас к тому, чтобы использовать материалы данного проекта в части регламентации права на образование в процессе моделирования нормативно-правовых актов в сфере либерального законотворчества, выступающих в качестве инструментария историко-правового исследования, предлагаемого сегодня рядом исследователей[6].

---

[1] Московские ведомости. 1905. 12-13 мая.

[2] См.: Проект Основного закона Российской империи (проект конституции, опубликованный П.Б. Струве – «Освобожденческий проект» // «Право» еженедельная юридическая газета. СПб., 1905. 29 мая. (№ 21). Стб. 1735-1746.

[3] Протокол заседания юридического общества при Императорском Харьковском Университете. 19 марта 1905 г. Харьков, 1906. С. 136-153.

[4] См.: Проект Государственной думы, составленный Екатеринославским земством // Право. 1905. 29 мая. (№ 21). Стб. 1746-1750.

[5] Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М., 1911. С. 384-406.

[6] См.: Аронов Д.В. Российский либеральный конституционный проект начала XX в. - опыт модельной реконструкции // Таврические чтения 2016. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, СПб., Таврический дворец, 8-9 декабря 2016 г. Сб. научных статей / Под ред. А.Б. Николаева. СПб., 2017. Ч. I. С. 69-76 и др.

Д.В. Щукин[1]

ФРАКЦИЯ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ И КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ЦЕНТР ПАРТИИ КАДЕТОВ В ПЕРИОД «ТРЕТЬЕИЮНЬСКОЙ МОНАРХИИ»

Политические трансформации, происшедшие в России после событий революции 1905 – 1907 гг. и последовавших друг за другом роспусков I и II Государственных дум с итоговым изменением «правил игры» на избирательном поле (закон о выборах от 3 июня 1907 г.), потребовали соответствующей адаптации от политических партий начала XX в. Партия Народной Свободы (кадетов) не стала исключением из правил. При этом текущей задачей в реалиях третьеиюньской политической системы, чинившей препятствия деятельности в стране «не желаемых верховной власти» партий, стала выработка ею модели собственного «выживания». Данная специфика приводит к изменению в рассматриваемый период роли, статуса и значения парламентского представительства (фракции) данной партии как для жизненного существования этой политической силы в указанное время, так и для ее внутренней организационной структуры.

Отметим, что сложившаяся в России в период третьеиюньской монархии «новая политическая модель» принесла свои эволюционные изменения законотворческих механизмов. Основным фоном для них становится переход от конфронтационных отношений с исполнительной ветвью власти (I и II Думы) к проправительственному большинству в III Думе, а также активизация законодательной инициативы со стороны самого правительства. В свете этого, Государственная дума при сохранении данной ей от рождения «природной специфики» властных полномочий, конфигурируется в предметную арену политических баталий пространства публичного законотворчества. Логичным выступает и определение основных игроков в данной модели – фракций представленных в Думе политических партий. Становится ясно, что при данной конструкции рычаг законо-

[1] *Щукин Денис Васильевич – кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по научной работе института истории и культуры ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет имени И.А. Бунина».*

творческого давления политической силы на «колесо власти» в свете отстаивания собственных программных и идеологических постулатов будет лишен в глазах избирателей своей практической применимости без представительства партии в парламенте (Думе).

Таким образом, данные «сюжеты» третьеиюньских событий 1907 г. переводят рассмотрение роли фракций и их значения в истории политических партий России начала XX в. в совершенно иное – институционально-консолидирующее и даже партийно-образующее пространство.

Интерес исследователей к истории фракций представленных в Государственной думе Российской империи политических партий имеет под собой вполне закономерное обоснование. Главными здесь выступают следующие аргументы:

1. быстро меняющееся политическое пространство России начала XX в. уже само создает для думских фракций особое отличительное положение в свете избирательных баталий и попыток давления на механизм власти;

2. фракции, в отличие от других политических групп, напрямую влияли, в силу своего положения и статуса, на принятие государственных решений и выступали инициаторами некоторых из них;

3. деятельность фракций в Государственной думе широко освещалась периодической печатью того времени в русле освещения уже самой работы данного органа власти, формируемого из среды народного представительства. Это прямо притягивало интересы отдельных общественных кругов и создавало новые практики информационно-политического влияния со стороны политических сил на круги масс.

В результате, сумма данного приводит к тому, что думские фракции стали одним из ключевых институтов публичной политики в России эпохи «последнего императора», что напрямую притягивает внимание профессионального исторического сообщества и пытливый взор любителей отечественной истории.

В наших ранних работах мы не раз подчеркивали факт укрепления и усиления на протяжении всей политической истории России и отечественного парламентаризма начала XX в. ролевых функций думских партийных фракций, занимавшихся не только законодательным «творчеством», но и важными коммуникативными и агитационно-пропагандистскими функциями. При этом ни в одной

другой политической партии России начала XX в. парламентское представительство – фракция – не занимала столь «особого места» в общей партийной иерархии как в конституционно-демократической партии. Причина данного проста. Кадеты видели главный смысл своей политической деятельности в парламентской работе. «Наша партия есть по преимуществу партия парламентарная…»[1], – говорил лидер кадетов П.Н. Милюков. «Партия Народной Свободы всегда была убеждена в том, что введение у нас народного представительства является необходимым средством обращения страны в правовое государство, проведения серьезных социальных реформ. Именно поэтому партия считала безусловно необходимым использовать это средство, как бы неблагоприятны и затруднительны не были условия пользования им, как бы оно не было заранее притуплено»[2].

Справедливым остается и то, что кадетская партия в лице своей фракции сыграла фундаментальную роль созидателя не только практики отечественного парламентского законотворчества, но и самого института Государственной думы начала XX в. При этом, в зависимости от созывов Думы, кадеты - главный или определяющий механизм в работе «парламентской машины» Российской империи.

Время Государственной думы третьего созыва (1907 - 1912 гг.) – особый период для партии Народной Свободы в ее внутриорганизационной и парламентской деятельности. При этом, на наш взгляд, это время даже не партии, а время ее фракции. Период, когда фракция – это и есть «партия». Данный тезис требует своей аргументации.

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. для партии кадетов («который они не хотели называть законом, а называли положением»[3]) был неприемлем в силу своего содержания и характера принятия, как в идеологическом, так и в стратегическом плане. Далеко не случайно, известный политик правого толка В.М. Пуришкевич накануне открытия III Государственной думы метко охарактеризовал этот закон как «похороны кадетской партии по первому разря-

---

[1] Милюков П.Н. Год борьбы: Публицистические хроники. 1905-1906. СПб., 1907. С. 63.
[2] Каминка А.И. Набоков В.Д. Вторая Государственная Дума. СПб., 1907. С. 2.
[3] Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991. С. 287.

ду»[1]. Положение кадетов усугубляло и общее кризисное положение их партийных дел в данное время. Это подтверждает последовательный анализ различных структурно-составляющих компонентов организационного положения конституционно-демократической партии (КДП, партии кадетов) в период третьеиюньской монархии[2]. «Огромная разница в положении партии два года назад и сейчас…, положение партии ужасно, следует признать, что партия кадетов как организация не существует в большинстве не только уездных, но и губернских городов. В данное время кадеты не в силах восстановить свои организации в прежнем виде»[3], – констатирует в своем отчете на заседании парламентской фракции с представителями с мест в 1908 г. председатель Организационной комиссии при Московском отделе ЦК партии кадетов Н.М. Кишкин. Ему вторит и член ЦК Н.А. Гредескул: «Провинция задыхается от произвола административных властей. Вполне общественные начинания пресекаются в корне, запрещаются лекции кадетов, ни о каких публичных собраниях прогрессивного характера нет и речи. Пресса задушена штрафами и арестами редакторов. Партийная деятельность почти повсеместно замерла»[4]. Выступая в 1909 г. на майской партийной конференции, Милюков заявит следующее: «То положение партии, которое констатировано московским комитетом, представляет собой минимальный уровень, в котором может находиться партия»[5]. Финальную точку в данном вопросе ставят слова видного члена кадетской партии И.И. Петрункевича, который в мае 1910 г. в своем докладе отметил, что, если в момент выборов в III Думу у «партии

---

[1] Пуришкевич В. М. Накануне. (Политические партии России перед 3-й Думой). Харьков, 1907. С. 5.

[2] Подробнее об этом см.: Государственная дума Российской империи: 1906-1917 гг.: Энциклопедия. М., 2008. 735 с.; Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004. 608 с.; Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: Энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. 1087 с.; Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917). Н. Новгород, 2001. 314 с.; Он же. Конституционные демократы и буржуазия (1905-1917). Н. Новгород, 2006. 227 с.; Смирнов А.Ф. Государственная Дума Российской империи 1906-1917 гг. Историко-правовой очерк. М., 1998. 624 с.; Соловьев К.А. Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906-1914). М., 2011. 511 с.; Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М, 1996. 296 с.

[3] Протоколы ЦК кадетской партии.1905-1911. Т. 1. М., 1994. С. 62.

[4] Там же. С. 63.

[5] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2: (1908-1915). М., 2000. С. 121.

еще имелись какие-то остатки местных организаций, то теперь остались одни обломки».

Таким образом, в условиях третьеиюньской политической системы, фракция партии Народной Свободы в III Государственной думе, защищенная парламентским иммунитетом и имеющая «неприкосновенных» членов…»[1], выступает для кадетов «главным хранителем» очага их партийной жизни, некоей моделью выживания данной политической силы России начала XX в.

Особое место в тезисе об институциональном характере фракции как партийно-образующего центра кадетов в период третьеиюньской монархии занимает состояние Центрального комитета данной партии. В 1907-1912 гг. его заседания проходят крайне нерегулярно. Так, если с июня по ноябрь 1907 г. состоялось 4 пленарных заседания ЦК партии кадетов, то с середины ноября 1909 г. по октябрь 1911 г. (время III и IV сессии Государственной думы третьего созыва) они вообще не проводились. Протоколы ЦК КДП подтверждают данное, указывая, что, вплоть до 1912 г., интенсивность работы ЦК была низкой, интервалы между заседаниями Петербургского и Московского отделов, включая и пленарные заседания, увеличились, что, несомненно, сказывалось на оперативности принимаемых политических решений[2].

Все это напрямую указывает на то, что в период III Государственной думы (1907 - 1912 гг.) центр принятия решений в кадетской партии переместился из ее Центрального Комитета в ее думскую фракцию.

В контексте заявленной темы, примечателен и V партийный съезд кадетов 24-27 октября 1907 г. в Гельсингфорсе, на котором была определена «новая думская тактика» кадетской партии в III Думе, нашедшая свое выражение в известной формуле – «во имя частичных побед». Однако для нас он интересен тем, что на нем Милюков прямо предложил предоставить парламентской фракции партии свободу действий, т.е., фактически, право самостоятельно определять политическую линию партии. «На практике это выразилось в том, что ЦК де-факто передавал функции оперативного руководящего центра партии комитету ее думкой фракции.

---

[1] Милюков П.Н. Указ. соч. С. 289.

[2] Подробнее см.: Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп конституционно-демократической партии: в 6 т. Т. 1. 1905-1911 гг. М., 1994. 528 с.

При этом отдельные члены ЦК кооптировались в комитет фракции, но последний сам составлял список подлежащих кооптации цекистов, становясь, таким образом, над ЦК»[1].

В 1908 г. фракция партии Народной Свободы официально взяла на себя выполнение еще и такой основополагающей функции ЦК данной партии, как обеспечение связи с провинциальными организациями, установив с ними постоянные сношения[2]. Под ее эгидой стали проходить регулярные совещания партийного руководства с представителями местных групп, созывавшиеся обычно 2 раза в год.

Это только усиливает вышеобозначенный нами тезис о партийно-образующей природе фракции партии Народной Свободы в рассматриваемый период. Ее роль от представительства партии в парламенте изменилась. Теперь это, скорее, «партия», представляющая собой парламентское представительство. Подтвердим данное словами Милюкова, который в марте 1912 г. заявил о том, что в течение минувших 5 лет работала в основном одна парламентская фракция партии кадетов, а «сама партия составляла более или менее фикцию»[3].

Отметим, что размышления над данным выводят нас на просторы еще одной интересной и пока мало затронутой темы – роль самой Государственной думы России начала XX в. в партийном строительстве. В конечном итоге, надеемся, что площадка X Муромцевских чтений 2018 г. позволит более обстоятельно обсудить вынесенные тезисы в среде профессионального научного сообщества, найдя точки соприкосновения в пространстве исторической дискуссии.

---

[1] Селезнев Ф.А. Выборы и выбор провинции: партия кадетов в Нижегородском крае (1905-1917 гг.). С. 72

[2] ГА РФ. Ф. 523. Оп.1. Д. 6. Л. 89.

[3] Там же. Д. 246. Л. 25; Д. 10. ЛЛ. 38-39; Д. 30. Л. 116.

В.К. Кантор[1]

ТУРГЕНЕВ: ПУТЬ К САМОСТОЯНЬЮ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Наверно, стоит начать с общеизвестного факта, но о котором мало задумываются, хотя он говорит о движении и взаимосвязи культур. Г. Гегель построил свою философию истории на идее мирового разума, который, переходя из одной области земли в другую, двигает человеческую цивилизацию. Сначала была Азия, потом древняя Греция и Рим, а потом, полагал Гегель, мировой дух снизошел на германские племена. Дальнейшее же его движение, по мысли философа, гипотетично, а потому он не желает рассматривать гипотезы. Но движение это было. И вот интересное наблюдение: учившиеся у немецких мыслителей и писателей в конце XVIII – начале XIX вв. к концу XIX и началу XX в. русские интеллектуалы – писатели и философы – стали оказывать невероятно мощное влияние на Западную Европу, а том числе и на Германию. Вспомним имена Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого, А.П. Чехова, Вл. Соловьева, Л.И. Шестова и т.д. Не говорю уж о влиянии русской музыки и живописи начала XX в. И это несмотря на катастрофы Октябрьской революции.

А теперь еще факт: не А.С. Пушкин, не Н.В. Гоголь, не М.Ю. Лермонтов, признанные родоначальники российской словесности, а только лишь И.С. Тургенев был первым *открытым Европою* великим русским писателем. С этого момента (не без помощи Тургенева) русская литература становится событием и явлением европейской и мировой культуры. К удивлению Запада, Россия – место, представлявшееся духовной пустыней, – вдруг произвела нечто, что стало оказывать несомненное влияние на духовную жизнь цивилизованного мира. Тургенев еще при жизни был признан классиком всеми выдающимися деятелями Европы: от Жорж Санд до Т. Карлейля. Его называли единственным представителем эпического творчества в Европе (по сути, он подготовил зарубежных читателей к восприятию Толстого, Достоевского и Чехова),

---

[1] *Кантор Владимир Карлович – доктор философских наук, ординарный профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ-ВШЭ), заведующий Международной лабораторией русско-европейского интеллектуального диалога НИУ-ВШЭ, член Союза российских писателей, член Общественного совета Фонда Достоевского.*

влияние Тургенева к концу жизни было так велико, что, скажем, аугсбургская “Альгемайне Цайтунг”, по свидетельству П.В. Анненкова, «ядовито и насмешливо говорила о поклонении немцев "московской" эстетике»[1].

Констатировав эти факты, обратимся к тем явлениям, которые определили такое движение мирового духа. Забегая вперед, могу сказать, что это был процесс, похожий на усвоение Западной Европой Римского наследства. Русские оказались тоже хорошими учениками, как раньше западноевропейцы.

* * *

Художественных пересечений с европейскими творцами в русской литературе было немало: можно назвать испанские, французские, английские имена. Но с Германией отношения были много теснее, чем с другими странами. И пересечения эти были не только литературно-философские, они во многом определяли русскую жизнь. Нельзя забывать о раннем периоде германо-норманнского влияния, о том, что в голодные годы (мор, землетрясения) в XII столетии ганзейские купцы посылали в Великий Новгород корабли с зерном. Как показал известный русский историк Н.П. Павлов-Сильванский, «по части уголовного права мы находим в Русской Правде *(Ярослава Мудрого – В.К.)* <…> всю систему наказаний известную германским варварским ”правдам”»[2]. Далее – перерыв в несколько столетий – монгольское иго. Но уже в России послепетровской немцы, начиная с правящей династии, немцы-чиновники, немцы-ученые, немцы-управляющие, немцы-сапожники и булочники, – определяли многое.

Ответы на духовные вопросы русские люди в постпетровский период ищут в Германии. Немецкая философия объясняла русским их проблемы, учила их даже идее самобытности. Не случайно генезис славянофилов многие ученые ведут от немецких романтиков, ибо немецкий романтизм, по словам Т. Манна, – «это тоска по былому и в то же время реалистическое признание права на своеобразие за всем, что когда-либо действительно существовало со своим местным колоритом и своей атмосферой»[3]. Здесь стоит отметить, что первая славянская мифология была написана русским

---

[1] Анненков П.В. Литературные воспоминания. М., 1989. С. 354.
[2] Павлов-Сильванский Н.П. Феодализм в России. М., 1988. С. 43.
[3] Манн Т. Германия и немцы // Манн Т. Собр. соч. в 10-ти т. Т. 10. М., 1961. С. 322.

дворянином Андреем Кайсаровым на немецком языке после двухлетнего обучения в Геттингене (вспомним пушкинскую характеристику романтика Ленского: «С душою прямо геттингенской...») и издана поначалу в Германии («Versuch eine slavischen Mythologie». Gottingen, 1804). И лишь спустя три года, переведенная на русский язык немцем Андреем Аллером, была опубликована в России под слегка измененным заглавием («Славянская и российская мифология». М., 1807).

Россия не прошла школы античности. Но, не пройдя этой школы, не просто европейской, подлинно христианской страной невозможно было стать, ибо христианство выросло на скрещении Ветхого завета и Античной мысли. Саксонец Иоганн Иоахим Винкельман (1717-1768) из города Стендаль написал «Историю античного искусства» (1764), заново открыв Европе античность. Жуковский перевел «Одиссею» с немецкого после чего, по словам Гоголя, «вся Россия приняла <…> Гомера, как родного»[1]. Не говорю уж о том, что В.А. Жуковский, по соображению В.Г. Белинского, перевел на русский язык европейский романтизм. Но тоже с немецкого.

Но до Жуковского был Н.М. Карамзин, первый русский европеец, инициировавший зарождение этого типа людей в России. Становление Карамзина началось с «Писем русского путешественника». Едва ли не впервые не западный путешественник поехал в африканскую Россию, а русский, причем весьма образованный дворянин, поехал в Европу – не учиться, как при Петре или Екатерине, а смотреть, наблюдать, делать выводы. То есть поехал как равный. Не по слухам, не по байкам, даже не по легендам, а самому все увидеть. Что за создание такое – Европа и так ли уж Россия существует вне этого пространства. Его первая встреча – с двумя немецкими обывателями, высокомерными в своем невежестве. «Между тем вышли на берег два Немца, которые в особливой кибитке едут с нами до Кенигсберга; легли подле меня на траве, закурили трубки и от скуки начали бранить Русской народ. Я, перестав писать, хладнокровно спросил у них, были ли они в России далее Риги? "Нет", – отвечали они. "А когда так, государи мои, – сказал я, – то вы не можете судить о Русских; побывав только в пограничном городе". Они не рассудили за благо спорить, но долго не хотели

[1] Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями. Духовная проза. М., 1993. С. 45.

признать меня Русским, воображая, что мы не умеем говорить иностранными языками. <…> "Хорош гусь!" – думал я – и пожелал им доброго вечера»[1].

Хорошо, что Карамзин был начитанный русский и знал, к кому и зачем он ехал. Что была другая Германия, были Гердер, Виланд, Кант, которых он посетил. Первым Канта, удивительно трогательно описана эта встреча. Приведу его визит к величайшему мыслителю XVIII в., мыслителя, к идеям которого вернулись неокантианцы в начале XX в., одного из самых сложных и европейских мыслителей, давшего код европейской культуры. Начну с визита. «Вчерась же (июня 19, 1789 г.) после обеда был я у славного Канта, глубокомысленного и тонкого Метафизика, который опровергает и Малебранша и Лейбница, и Юма и Боннета – Канта, которого Иудейский Сократ, покойный Мендельзон, иначе не называл, как der alles zermalmende Kant, т.е. *все разрушающий Кант*. Я не имел к нему писем; но смелость города берет – и мне отворились двери и кабинет его. Меня встретил маленькой, худенькой старичок, отменно белый и нежный. Первые слова мои были: "Я Русской Дворянин, люблю великих мужей и желаю изъявить мое почтение Канту". Он тотчас попросил меня сесть, говоря: "Я писал такое, что не может нравиться всем; не многие любят метафизические тонкости". С полчаса говорили мы о разных вещах. <…> Кант говорит скоро, весьма тихо и не вразумительно; и потому надлежало мне слушать его с напряжением всех нерв слуха»[2]. Замечу, что мы видим разговор равных, никакого подобострастия перед западным гением. Дело не в количестве знаний, а в самоуважении. Не говорю уж о том, что с великим философом говорил великий историк, хоть еще и не написавший ни одного тома своей Истории.

В своей работе «Что такое Просвещение?» Кант связывал совершеннолетие человека и его способность пользоваться собственным разумом с развитием свободы. Карамзин умел и смел пользоваться собственным разумом. Поэтому, пытаясь усвоить западноевропейские идеи, он никогда не был рабом великого имени. Приняв от Руссо принцип сентиментализма, введя его в русскую литературу, Карамзин написал знаменитую «Бедную Лизу», создавшую так называемый «лизин текст» в русской литературе.

---

[1] Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л., 1984. С. 12.
[2] Там же. С. 20-21.

Но якобинцы увидели своего предшественника в великом Руссо отвергшим науку и культуру, и Карамзин сумел разделить Руссо-художника и Руссо-мыслителя: «Добрый Руссо! Ты, который всегда хвалишь мудрость природы, называешь себя другом ее и сыном и хочешь обратить людей к ее простым, спасительным законам! Скажи, не сама ли природа вложила в нас сию живую склонность ко знаниям? Не она ли приводит ее в движение своими великолепными чудесами, столь изобильно вокруг нас рассеянными? Не она ли призывает нас к наукам?»[1]. Трагедия Франции убеждала его, что перевороты чаще всего оказываются катастрофой для страны.

Мы помним, что Пушкин посвятил Карамзину своего «Бориса Годунова», не всегда, правда, отдавая себе отчет, что нужна была особая точка отсчета в описаниях российской дикости, чтобы она могла стать и точкой отсчета для написания первой русской исторической трагедии (по шекспировским канонам, но нужен был материал для этих канонов). Поэтому Пушкин и посвятил ее Карамзину, без которого, этого размаха в понимании русской судьбы не было бы. «Драгоценной для россиян памяти НИКОЛАЯ МИХАЙЛОВЧА КАРАМЗИНА сей труд, гением его вдохновенный, с благодарностию посвящает Александр Пушкин». Он осознал, что Карамзин заложил основы русского миропонимания. Миропонимания, где Россия выглядела как часть Европы, причем важная часть. Еще до Тютчева, сказавшего, что навстречу Европе Карла Великого встала Европа Петра Великого, Карамзин, не употребляя подобной высокой формулы, показал Россию как часть европейского материка, способную к самопознанию, а стало быть, и к тому, чтобы выразить европейскую ментальность.

Говорят, что Гете послал Пушкину свое перо, услышав его стихи во французском переводе. Но у Пушкина немец – эпизодический гость, о немце в «Евгении Онегине»:

И хлебник, немец аккуратный,
В бумажном колпаке, не раз
Уж отворял свой васисдас.

Напомню, что генерал в «Капитанской дочке», к которому приехал юный Петр Гринев, тоже немец. Все они люди без полета. За исключением разве что Германна из «Пиковой дамы», первого рус-

[1] Карамзин Н.М. Нечто о науках, искусствах и просвещении // Карамзин Н.М. Избранные статьи и письма. М., 1982. С. 41.

ского наполеоноподобного героя, человека цели, противостоящего российской расхлябанности. Хотя русские персонажи этого не видят. «Германн немец: он расчетлив, вот и все! – заметил Томский». Но в пушкинском немце была угадка будущих трагических русских героев типа Раскольникова. Германн – первый в русской литературе человек воли, одержимый страстью.

Гоголь, как мы знаем, начал свое творчество с немецкой поэмы – идиллии «Ганц Кюхельгартен», это была его школа. С Гоголя приходит осознание, что германская культура строительная, это ощущение ясно даже из его шуток: «Немец хитер, обезьяну выдумал», или в «Записках сумасшедшего»: «Луна ведь обыкновенно делается в Гамбурге; и прескверно делается. Делает ее хромой бочар, и видно, что дурак никакого понятия не имеет о луне». Но немцы вносят в русскую жизнь понятия, малоизвестные еще в русском обществе, в сущности, структурируя цивилизационные основы культуры

С другой стороны, надо сказать о любви немцев к России. Создателем «Толкового словаря живого великорусского языка» стал, как говорят в России, немец Владимир Даль. И, в сущности, эта общая точка зрения недалека от истины. Но датчанин по отцу, немец и француз по матери, Владимир Иванович Даль и в душе, и по духу, и в сознании чувствовал себя исконно русским человеком. Без этого словаря нельзя сегодня представить себе русскую культуру. Трудно, почти невозможно вообразить сейчас, что было бы, не пригласи Екатерина II гражданина далекой Дании Иоганна Христиана Даля (Johan Christian von Dahl), гамбургского библиотекаря, на должность библиотекаря императорской библиотеки. В России часто говорят, что немец взял себе как псевдоним русское слово. Но дело в том, что фамилия von Dahl в русской огласовке совпала с красивым русским словом ДАЛЬ. Но продолжу. Немец Август фон Гаскстгаузен открыл русскую общину, Александр Христофорович Востоков (Остенек) заложил основы сравнительного славянского языкознания в России, Александр Федорович Гильфердинг – собиратель и исследователь русских былин. Это структурирование русской культуры можно проследить вплоть до XX в., до немецкого еврея Дитмара Розенталя, автора многих советских учебников по грамматике и стилистике русского языка, кодифицировавшего рус-

ский язык. Вообще русофильство было очень характерно для немцев, живших в России.

Это замечательно изображено в романе Достоевского «Подросток», где немец Крафт, влюбленный в Россию, трагически переживающий ее тогдашний разлад, кончает с собой: «Все точно на постоялом дворе и завтра собираются вон из России; все живут только б с них достало…». Крафт кончает с собой, отдав всего себя идее русскости и вдруг почувствовав вторичность России. Вообще тема немецкой русофилии, тема немцев, желающих видеть в России идеальную и высшую общественную структуру, любопытна. Передача Достоевским этой (скорее всего своей) любви немцу говорит об интеллектуальной и художественной зоркости писателя. Характерно, что образ немца-русофила Крафта появляется в романе как контраст с идеей русского европеизма, выраженной в Версилове. Но было и немецкое русофильство дурного пошиба как на бытовом уровне (я имею в виду повесть Тургенева «Несчастная», показывающую начало русско-немецкого антисемитизма), так и на уровне царского дома, приблизившего к себе Григория Распутина, как истинного выразителя русского народа. А.И. Герцен писал: «Славянизм – мода, которая скоро надоест; перенесенный из Европы и переложенный на наши нравы, он не имеет в себе ничего национального; это явление отвлеченное, книжное, литературное – оно так же иссякнет, как отвлеченные школы националистов в Германии, разбудившие славянизм»[1]. Сегодня, опираясь на исторический опыт, можно оспорить герценовское пророчество о быстром падении национализма, но, очевидно, сам факт влияния немецкой философии на русскую мысль указан точно. Надо было пережить сакрализацию русскими европейско-немецкого пространства. Тут, прежде всего, нужно назвать Тургенева, сумевшего не обоготворить, но *понять* немецкие уроки.

И Германия, и Россия считались пограничными странами по отношению к Западу, Германия училась у Запада (у Франции и Италии, прежде всего), Россия суммировала немецкий интеллектуальный опыт. Шеллинг и Гегель, Фейербах, Маркс, Ницше – все это этапы русского усвоения европейской культуры. Но и в литературе

[1] Герцен А.И. «Москвитянин» и вселенная // Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. II. М., 1958. С. 138.

шел аналогичный процесс. Влияние Гете, Шиллера, Гофмана на русскую литературу трудно переоценить.

Тургенев полагал, что отъезд на Запад укрепил и выстроил его душу. Короткоумную мысль изумляло, почему именно западник Тургенев оказался наиболее тонким и точным угадчиком русской жизни и ее типов. Он «был "западник"... – писал удивленно Николай Михайловский, – но это не мешало ему быть гордостью русской литературы»[1]. Сам Тургенев, напротив, считал, что он сумел нечто создать не вопреки, а благодаря тому, что он усвоил европейские уроки. Этот интерес к Западной Европе он видел и у русского народа. Потому что из Европы пришла идея свободы, без которой не состоялось бы и русское искусство. В конце 60-х гг. Тургенев писал об этом так: «Отсутствием подобной свободы объясняется, между прочим, и то, почему ни один из славянофилов, несмотря на их несомненные дарования, не создал никогда ничего живого... Нет! без правдивости, без образования, без свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории, – немыслим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя»[2].

В рассказе «Хорь и Калиныч» (своего рода увертюре тургеневского творчества) он пишет, что из своих бесед с русским мужиком вынес одно убежденье – «убежденье, что Петр Великий был по преимуществу русский человек, русский именно в своих преобразованиях. Русский человек так уверен в своей силе и крепости, что он не прочь и поломать себя: он мало занимается своим прошедшим и смело глядит вперед. Что хорошо – то ему и нравится, что разумно – того ему и подавай, а откуда оно идет, – ему все равно. Его здравый смысл охотно подтрунит над сухопарым немецким рассудком; но немцы, по словам Хоря, любопытный народец, и поучиться у них он готов». **Именно этой способностью к усвоению чужих смыслов русский народ относится к европейской культуре, выросшей на усвоении греко-римского наследства.** Но *для художника этот культурный билингвизм, состояние, я бы сказал, находимости-вненаходимости в своей культуре,* то есть способность чув-

---

[1] Михайловский Н. Литературная критика. Статьи о русской литературе XIX – начала XX века. Л., 1989. С. 239.

[2] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30-ти т. Соч. в 12-ти т. Т. 11. М., 1983. С. 95. В дальнейшем ссылки на это издание – в тексте.

ствовать себя представителем своей культуры и одновременно способность взглянуть на нее со стороны, с высшей или, по крайней мере, равной точки зрения, и *создает художественное, бинокулярное зрение, позволяющее увидеть и понять свое родное.* Не могу здесь не согласиться с весьма точным наблюдением Николая Вильмонта: «Вторжение инородного начала (расового или культурно-сословного) обычно только и делает большого человека полновластным хозяином национальной культуры. Тому первый пример – Пушкин, потомок "арапа Петра Великого" и правнук Христины фон Шеберх»[1]. Но именно Пушкина Гоголь называл единственным явлением русского духа. Все вышесказанное объясняет и поразительную русскость «европейца» Тургенева.

Однако почему писатель окунулся именно в «немецкое море»? Более того, почему Тургенев, уже пожилым человеком, написал: «Я слишком многим обязан Германии, чтобы не любить и не чтить ее как мое второе отечество» (Соч. Т. 10. С. 351)? Действие многих его повестей и рассказов, как мы знаем, происходит в Германии. У Тургенева практически нет художественного текста, где в том или ином контексте не возникла бы немецкая тема: в виде ли персонажа-немца, разговора о немецкой философии, чтения немецких стихов, сообщения героев о поездке в какой-либо германский город (даже простонародный персонаж из «Постоялого двора» ходил в «Липецк», то есть в Лейпциг), впервые в русской литературе употребленного того или иного немецкого слова, которое впоследствии становилось фактом русского языка...

Два года в Берлине, изучение философии Гегеля в те годы дорогого стоили. Именно в Берлине Тургенев заводит дружеские связи с российскими интеллектуалами, которые в дальнейшем приобретут мировую и историческую известность, а многие станут персонажами его романов, – с Михаилом Бакуниным, Тимофеем Грановским, Николаем Станкевичем. Затем он входит в круг Белинского, Герцена, Аксаковых, пропуском в эти слои духовной элиты России служит молодому человеку немецкая философия. Тургенев был принят за своего в этих философских кружках «Молодой России» несмотря на свою молодость. Вообще Германия и, прежде всего, Берлин были Меккой молодых русских дворян, пытавшихся расширить кругозор и понять мир. Таким образом, благодаря Германии,

[1]Вильмонт Н. О Борисе Пастернаке. Воспоминания и мысли. М., 1989. С. 49.

Тургенев очутился в эпицентре духовно-идейной борьбы своего времени. Факт биографический, но много дающий для понимания духовной атмосферы в России второй четверти XIX в. Пушкин первым нарисовал такого, непохожего на своих соотечественников, русского дворянина, который из Германии «туманной привез учености плоды», при этом был «поклонник Канта и поэт». Если мы заменим Канта Гегелем, то перед нами вместо Владимира Ленского возникнет реальный молодой человек – Иван Тургенев: один из многих. Приехавшие из Германии, эти молодые люди меняли духовную атмосферу России, из их среды вышли славянофилы и западники, «зачинатели нашей интеллигенции, патетики и энтузиасты не хуже, а яростнее немецких студентов»[1].

Как видим, частная жизнь писателя напрямую связана, как бы перетекает в его творчество, которое уже неотъемлемая часть культуры. А дальше были у Тургенева годы жизни в Баден-Бадене, письма любимой женщине Полине Виардо, писанные по-французски, но все самые интимные и ласковые слова – по-немецки; видимо, для него именно на этом языке звучал непосредственный голос страсти. Он обмолвился при этом в «Дворянском гнезде», что на французском говорят все светские люди, но по-немецки только люди образованные. Впрочем, чем выше духовность, тем глубже может быть падение в низменность и пошлость. От общеевропейского духа Гете к дикому национализму лавочников и военных. Об этом облике любимой страны он тоже написал.

Когда-то Немецкая слобода была изолированным островком в море русской жизни. Начиная с Петра I, немецкая культура, немецкая технология, немецкое военное искусство, немецкая наука, немецкий стиль правления, да и просто сами немцы, оказавшиеся на всех ступенях общественной пирамиды, – от царской семьи и царского двора до пекарей, булочников, сапожников, управляющих имениями, – стали постоянным элементом русской жизни. К середине XIX в. «немецкая тема» поляризовала позиции русских мыслителей. Так, друзья Тургенева Герцен и Бакунин видели в этом обстоятельстве бедствие для России, искажение ее внутренней сущности; тургеневский друг и соперник писатель Гончаров, напротив, полагал наличие немцев благом для воспитания русского характера, введения его в цивилизованное русло. Именно немцы, а

[1]Зайцев Б. Жизнь Тургенева // Зайцев Б. Далекое. М., 1991. С. 157.

не, скажем, французы стали проблемой русской культуры, хотя галломания российских дворян хорошо известна. Однако, по справедливому наблюдению Герцена, и галломанией русское образованное общество было обязано немцам, немецкой галломании, а именно Екатерине Второй: эта «немка... была офранцужена, выдавала себя за русскую и стремилась заменить немецкое иго – общеевропейским»[1]. Но вслушаемся в это словечко – «общеевропейским». Немцы искали именно *общеевропейского* смысла, будучи сами окраиной Европы и европейскими маргиналами, чтобы ухватить ведущую тенденцию западной цивилизации. Немецкая философия, писал Н. Берковский, «обдумывала, приводила в логический порядок немецкие дела в связи с делами всей Европы»[2].

Для России, много дальше Германии отстоявшей от Европы, оторванной от нее исторически (татарским нашествием) и конфессионально, уровнем цивилизации, но вместе с тем искавшей путей возвращения в европейскую семью народов – при этом в качестве самостоятельной культурной единицы, – немецкий опыт приобретал особый смысл и значение. Германия и в географическом, и в практическом, и в духовном отношении была тем соседом, который способствовал проникновению в Россию европейской системы ценностей. На этом пути возникали и германофилия и германофобия – в зависимости от принятия или неприятия европейских идеалов и образа жизни. Для Тургенева Россия – законная часть Европы: «...мы, русские, принадлежим и по языку и по породе к европейской семье, "genus Europaeum" – и, следовательно, по самым неизменным законам физиологии, должны идти по той же дороге» (Письма. Т. 5. С. 126). И в немецкой философии, ухватив ее общеевропейский смысл, русские интеллектуалы искали своего рода отмычку, открывающую для России дверь в Европу.

* * *

Закончу свой текст рассказом об одной повести Тургенева, который первый увидел этот переход мирового духа в Россию.

Всю жизнь Тургенев преклонялся перед Гете, но в данном случае речь идет о соперничестве не поэтическом, а, так сказать, историко-культурном. Повесть Тургенева, названная по имени велико-

---

[1]Герцен А.И. Собр. соч. В 30-ти т. Т. XIV. М., 1958. С. 156.

[2]Берковский Н.Я. Эстетические позиции немецкого романтизма // Литературная теория немецкого романтизма. Л., 1934. С. 6.

го произведения великого немца «Фауст» (1856), позволяет достаточно ясно представить не только тип, но и причину сопоставления немецкой и русской культуры в творчестве Тургенева.

Основное действие повести происходит в срединной, далекой от столиц российской провинции, в одном из «дворянских гнезд», где герой еще молодым человеком влюбляется в прелестную девушку, хочет на ней жениться, отказавшись от своей поездки в Берлин для продолжения образования. Но мать Веры Николаевны требует его отъезда в Германию, чтобы он там возмужал, понял себя. «Приехав в Берлин, я очень скоро забыл Веру Николаевну...», – исповедуется герой приятелю. И вот, по-прежнему одинокий, он возвращается в свою деревню, замечает, что уже стареет, ему под сорок – по тем временам почтенный возраст. В своем имении находит он немецкое издание «Фауста» и вспоминает Берлин, студенческое время, актера, игравшего Мефистофеля, и – молодеет, как Фауст. «Моя молодость пришла и стала передо мною... огнем, отравой побежала она по жилам, сердце расширилось и не хотело сжаться, что-то рвануло по его струнам, и закипели желания...» И вот в этом состоянии омоложенного Фауста он встречает когда-то любимую девушку, ей уже двадцать восемь лет, она замужем, у нее дети, но волнение снова просыпается в крови героя. Он начинает к ним ездить, уговаривает послушать «Фауста», спрашивает ее:

« – Ведь вы по-немецки не забыли?

– Нет, не забыла.

– Она говорит, как немка», – поясняет ее простодушный и недалекий муж. Русская женщина в некоем идеальном смысле отождествляется с немкой. Зачем – станет понятно дальше. И вот эта внучка русского «чернокнижника» Ладанова под чтение гениальной трагедии (где сосуществуют и всевозможная кабалистика, чертовщина, магия, превращения и бессмертная любовь Гретхен и Фауста) влюбляется в нашего героя, причем, надо понимать, вся чертовщина ее уму, привыкшему к мистическим рассуждениям деда и матери, кажется вполне реальной. Но любовь чревата нарушением нравственного долга, к ней является умершая мать, грозит, и героиня – в отличие от немецкой Гретхен, – не смея преступить свой долг и честь, заболевает и умирает.

Все бы это воспринималось как российская вариация на тему Гете, если бы в повести не присутствовал еще один персонаж: «ка-

кой-то старый немец, в коротеньком коричневом фраке, чистый, выбритый, потертый, с самым смирным и честным лицом, с беззубой улыбкой, с запахом цикорного кофе... все старые немцы так пахнут. Меня с ним познакомили: это был некто Шиммель, учитель немецкого языка». Прибыл он на чтение трагедии по приглашению Веры Николаевны, которая к нему благоволила. Немец тоже слушает чтение трагедии, время от времени выражая восхищение («в продолжение чтения он один нарушал тишину... "Удивительно! возвышенно! – твердил он, изредка прибавляя: – А вот это глубоко"»). Шиммель знает, что трагедией Гете надо восхищаться, но она не затрагивает его душу, поэтому он может нарушить тишину и глубину восприятия. Как мы знаем, молчавшая во время чтения Вера Николаевна заплатила жизнью за свое знакомство с «Фаустом», он коснулся самых глубинных ее структур.

Немец, неглупый, отягощенный философской культурой, в изображении Тургенева оказывается способен только на глубокомысленные банальности. Вот еще один весьма важный эпизод:

«Я вышел на террасу вместе с Шиммелем. Старик поднял глаза к небу.

– Сколько звезд! – медленно проговорил он, понюхав табаку, – и это все миры, – прибавил он и понюхал в другой раз».

Шиммель произносит слова, не раз звучавшие в немецкой философии (у Канта – «звездное небо надо мною»), но нюханье табака превращает их в пошлость и плоскость. И не потому, что звезды не имеют философского смысла, – имеют, только к ним надо относиться сущностно. Немец как бы изжил эту способность. Но ее получил русский, прошедший немецкую школу.

«Я не почел за нужное отвечать ему и только молча посмотрел наверх. Тайное недоумение тяготило мою душу... Звезды, мне казалось, серьезно глядели на нас». Иными словами, русский чувствует мистическую связь со звездным миром, а немец только говорит об этом. Но отсюда следует и другое, более важное.

Немец – старик, он все только вспоминает, у него все в прошлом. Русские молоды. В них просыпается духовность, которую как эстафету передают отжившие свой век немцы, делая русских историческим народом, пробуждая в них самосознание.

Вера Николаевна читает и перечитывает «Фауста», за этим занятием застает ее герой. И вдруг она произносит:

«– Что вы со мной сделали! – проговорила она медленным голосом...

– Вы хотите сказать, – начал я, – зачем я убедил вас читать такие книги?..

– Я вас люблю, – сказала она, – вот что вы со мной сделали».

Книга немецкого поэта превратила обычную степную помещицу, обреченную на заурядную жизнь матери семейства, в самосознающее и страдающее существо, в личность, способную на самостоятельные движения души. Именно утверждение индивидуализма, писал Тургенев в своей ранней статье о трагедии великого немца, выразил Гете в своем произведении: «“Фауст” <...> является нам самым полным выражением эпохи, которая в Европе не повторится, – той эпохи, когда <...> всякий гражданин превратился в человека, когда началась <...> борьба между старым и новым временем и люди, кроме человеческого разума и природы, не признавали ничего непоколебимого». Гете выступил в своей трагедии «за права отдельного, страстного, ограниченного человека» (Соч. Т. 1, С. 215, 216). **Как некогда греко-римская цивилизация передала германским варварам духовное начало, считал писатель, так сейчас через немцев мировой дух переходит в Россию.**

Ну и добавлю в заключение: обретение этого духа рождало, говоря словом Пушкина, «самостоянье» и независимость культуры при всей ее открытости.

О.А. Жукова[1]

РОССИЯ В ЛИБЕРАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (К ЮБИЛЕЮ И.С. ТУРГЕНЕВА)

1. ***Русский европеизм Тургенева: борьба идеологических дискурсов***

Двухсотлетний юбилей Ивана Сергеевича Тургенева (1818 – 1883) – понятный и очевидный мотив для подведения итогов изучения наследия великого писателя. Он дает обоснованный повод не

---

[1] *Жукова Ольга Анатольевна – доктор философских наук, профессор, профессор Школы философии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики».*

только для обобщения достигнутых тургенееведением результатов, но и для ревизии существующих концепций творчества писателя. При анализе корпуса исследований творчества Тургенева обращает на себя внимание тот факт, что трактовки художественных и политических взглядов писателя, идейного содержания его главных романов, по-прежнему несут на себе печать идеологической борьбы. Она была развернута еще при жизни Тургенева. В противостоянии разночинной интеллигенции, которой постепенно овладевало революционное беспокойство, и умеренной либеральной общественности, склонной к культурному консерватизму, общественной и эстетической позиции Тургенева, его способности чувствовать дух времени и изображать историческую реальность давались принципиально разные оценки.

Выдающийся современник писателя, блестящий публицист, выступавший за свободу слова и совести в русской печати, И.С. Аксаков практически отказал Тургеневу в ценности его гражданско-политических и философско-исторических взглядов. Аксаков признает, что Тургенев – это «тонкий и умный наблюдатель». Но последовательное западничество Тургенева не позволяет Аксакову оценить значимость и актуальность социально-исторической позиции Тургенева. Критика западничества Тургенева для либерального славянофила Ивана Аксакова, подхватившего знамя славянофильства от старшего брата Константина Аксакова и Алексея Хомякова, кажется вполне логичной. Он обвиняет Тургенева в «вере» в западноевропейскую цивилизацию и «прогресс». По мнению Аксакова, эта «вера» не позволила Тургеневу встать на высоту философского видения и понимания сердцевины русской жизни, хотя он и сослужил добрую службу народу своими антикрепостническими произведениями и «со свойственной ему чуткостью он угадал и возвел в типы многие болезненные явления нашего развития»[1].

Согласно Аксакову, в драматическом процессе оздоровления русской жизни Тургенев-художник оказался выше, чем Тургенев – философ культуры и исторический аналитик. «При этом правда художника, вопреки его собственному желанию, брала верх над не-

[1] Аксаков И.С. О кончине И.С. Тургенева // Аксаков И.С. У России одна-единственная столица. М., 2006. С. 316. Мемориальная заметка впервые была напечатана: Русь. 1883. 1 сентября.

правдой мыслителя», – настаивает Аксаков[1]. А, значит, и чтим мы его, заключает Аксаков, именно как «великого русского художника» и непревзойденного мастера слова[2]. По оценке Аксакова, Тургенев важен, прежде всего, тем, что показал историческую бесперспективность и моральный кризис западнической идеологии: «Что касается до героев, то никто, конечно, лучше его не воспроизвел, в ярких образах, всю духовную бескостность и дряблость или озлобленную несостоятельность российского культурного беспочвенного человека»[3]. Заметим, отказывая Тургеневу в правильности взглядов на русский исторический процесс, Аксаков, все же признает социальное чутье у великого художника, которому удалось вывести тип «беспочвенного человека», иными словами, литературными средствами описать социально-культурный симптом времени.

Соратник, а затем и впоследствии оппонент Аксакова, Вл. Соловьев, прежде негативно высказывавшийся о Тургеневе как аналитике русской жизни[4], в более поздней статье «Идолы и идеалы»[5] все же отдает должное заслугам Тургенева перед русской историей. Он отмечает вклад писателя в прогрессивное общественное движение, в социальный прогресс и политическую модернизацию России. Соловьев не без пафоса восклицает, что многие представители русского дворянства преодолели психологию *крепостников* и избежали морального соблазна *народопоклонства.* Они с большим достоинством и талантом выполнили задачу образованного класса: «Величайший акт справедливости в нашей истории, конечно, не мог бы совершиться, если бы Радищев, Тургенев, Самарин, Милютин, Черкасский прониклись стремлением к “опрощению” и вместо своей литературной, общественной и политической деятельности предались паханию земли. Их собственные кресть-

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Там же. С. 318.
[4] В.С. Соловьев в первой речи в память Достоевского (1881) не обнаружил у Тургенева исторического чутья. Проводя сравнение между творчеством Достоевского и Тургенева, Соловьев указал на метафизическую прозорливость Достоевского в изображении глубин русской жизни и оценке общественных процессов, в противовес исторической «глухоте» Тургенева. См.: Соловьев В.С. Литературная критика. М., 1990. С. 39.
[5] Статья вошла в книгу «Национальный вопрос в России» (1883 - 1888).

яне при этом и были бы, может быть, отпущены на волю, но крепостное право вообще осталось бы в своей силе»[1].

Реформы Царя-освободителя, которые либеральный мыслитель Соловьев называет величайшим актом справедливости, ускорили идейное размежевание и социальную поляризацию русского общества. Полевение молодежи выражало глубинный поворот русской социальной и культурной истории в сторону революционаризма и политического радикализма[2]. Показательно, что деятели русского революционного движения 1860-70-х гг. готовы были видеть в Тургеневе своего духовного лидера и нравственный авторитет. Это обобщенное мнение выразил П.Л. Лавров в мемориальной работе «И.С. Тургенев и развитие русского общества»[3]. Кульминацией подобных настроений стало чествование Тургенева в марте 1879 г.

Многим тогда показалось, что неоднородные по своим убеждениям группы русской интеллигенции могли сплотиться вокруг фигуры русского писателя, включая и более революционно настроенную молодежь: «Не только либералы более взрослого поколения видели в нем наиболее честное и чистое воплощение своих стремлений, но и радикальная молодежь разглядела в Иване Сергеевиче подготовителя ее борьбы, воспитателя русского общества в тех гуманных идеях, которые надлежащим образом понятые, должны были фатально привести к революционной оппозиции русскому императорскому самодурству»[4].

Однако сам Тургенев, ни при каких условиях не был готов становиться знаменем революционной борьбы. Он постоянно подчеркивал свой умеренный либеральный настрой, называя себя постепеновцем, и тем самым, проводя границу между собой и радикальной молодежью: «В глазах нашей молодежи я всегда был и до сих пор остался постепеновцем, либералом старого покроя в англий-

---

[1] Соловьев В.С. Указ. соч. С. 351.

[2] См. полемику между радикальным и умеренным крылом русского революционного народничества. Ткачев П.Н. Задачи революционной пропаганды в России. (Лондон), 1874; (Лавров П.Л.). Русской социально-революционной молодежи. По поводу брошюры: Задачи революционной пропаганды в России. Лондон, 1874.

[3] Первая публикация: Вестник народной воли. 1884. № 2. См. также: Клеман М.К. И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников / собр. и коммент. М. К. Клеман; Ред. и введ. Н.К. Пиксанова. М.; Л., 1930. С. 19-79; Об отношениях Тургенева и Лаврова см.: Итенберг Б. Иван Тургенев и Петр Лавров // Вопросы литературы. 2006. № 6. С. 198-225.

[4] И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 49.

ском, династическом смысле, человеком, ожидающим реформ только свыше, принципиальным противником революций, не говоря уже о безобразиях последнего времени»[1]. Но писатель был искренне рад осознать свою причастность к возрастанию молодых сил, способных привести к обновлению русской жизни и социального порядка. Именно такую позицию он выразил в письме к петербургским студентам от 19 (31) марта 1879 г. Тургенев не смог присутствовать на чествовании по болезни и приветствовал новое поколение письмом, отметив, что русская молодежь находится на «хорошей дороге, на дороге, которая одна может привести к желаемой всеми нами цели: к преуспеянию и упрочению нашего дорогого отечества, русской мысли и русской жизни»[2].

Вернувшийся на время в Россию Тургенев сполна ощутил на себе любовь и уважение молодого поколения. Примечателен документ – благодарное признание 600 харьковских студентов, где было выражено отношение к прогрессивным историческим взглядам, идеалам свободы и ценностям просвещения, которые Тургенев привнес в русскую интеллектуальную культуру и общественную жизнь. Студенты написали Тургеневу, что его сочинения имели «благотворное влияние на образование и развитие наших стремлений и идеалов»[3].

Многие представители студенчества, чтившие в Тургеневе воспитателя «стремлений и идеалов», встали на путь революционной борьбы, и они не желали «отдавать» Тургенева старому либеральному лагерю. После смерти художника борьба между либеральной и революционной интеллигенцией за право называть себя наследниками Тургенева разгорелась с новой силой. По этому поводу писатель и революционер-народоволец П.Ф. Якубович произнес: «Мы можем громко сказать, кто был Тургенев для нас и для нашего дела. Барин по рождению, аристократ по воспитанию и характеру, “постепеновец” по убеждениям, Тургенев, быть может, бессознательно для самого себя своим чутким и любящим сердцем сочувствовал и даже служил русской революции»[4].

---

[1] И.С. Тургенев. Ответ «Иногороднему обывателю» // Молва. 1879. 29 декабря.
[2] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Сочинения. Т. 12. М., 1983. С. 674. Впервые: Петербургский листок. 1879. 27 марта / 8 апреля.
[3] ИРЛИ. Ф. 7. № 131. Л. 1.
[4] И.С. Тургенев в воспоминаниях революционеров-семидесятников. С. 4.

Вряд ли Тургенев согласился с такой революционной «верификацией» его жизненного и творческого опыта. Революционером он не был. Свою задачу в русской истории Тургенев понимал иначе. Как он мыслил историко-культурный процесс? Ответ на этот вопрос содержится в его памятной речи на обеде в «Эрмитаже» 6/18 марта в дни чествований 1879 г. Обращаясь к молодежи, Тургенев произнес ключевую фразу, которая может служить своеобразной формулой, определяющей его либерально-просветительский взгляд на русскую историю, его подход к анализу социальных фактов и духовно-умственных явлений русского мира. Тургенев призывал молодежь учиться у старшего поколения, равняться на поставленные им исторические и культурные задачи. Он хотел бы, чтобы «она так же честно и серьезно, так же избегая напрасных увлечений вдаль и по сторонам, но и не отступая также ни шагу назад, относилась к своим задачам, как то делали иные из моих сверстников, имена которых проложили славный след в истории русского просвещения»[1].

Справедливо утверждать, что Тургенев видел свое место в истории, соотнося себя с деятелями русского просвещения, к которому относились Карамзин, Пушкин, Вяземский, Гоголь и глубоко почитаемый Тургеневым Станкевич. Тургенев принял эстафету русского просвещения, вменив себе сложную задачу культурного и социального преобразования русского общества, предъявив своим творчеством русскому и европейскому читателю лицо национальной культуры во всем богатстве и многосложности ее нравственных и умственных черт. По определению П.В. Анненкова, «очень скоро Тургенев сделался на целый литературный период излюбленным человеком этого многосложного русского мира, который признал в нем свое доверенное лицо и поручил ему ходатайство по всем своим делам»[2].

Отмечая особый строй этих дел, Анненков говорит о том, что Тургенев был представителем образованного класса России, который отыскивал права «на сочувствие к нравственным и умственным представлениям русского мира»[3]. Писатель оказался на высоте этой культурно-просветительской задачи. Тургенев первым приот-

---

[1] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Т. 12. С. 337.
[2] Анненков П.В. Литературные воспоминания / вступит. ст. Кулешова В.М., 1983. С. 314.
[3] Там же.

крыл завесу в понимании русского крестьянства, чаяний и представлений этого молчаливого большинства русского народа. Анненков точно подмечает, что Тургенев стал летописцем русской культурной истории в многообразии ее социальных и духовных явлений: «Перенося ту же пытливость анализа на другие классы общества, Тургенев сделался в России летописцем и историком умственных и душевных томлений всего своего времени по разрешению настоятельных запросов пробужденной мысли, очнувшегося ума и сердца, которые не знали покамест, как найти для себя выход и что с собой делать»[1].

В чем можно видеть основное открытие Тургенева как историка и либерального мыслителя? Согласно Анненкову, Тургенев открыл «особенное творчество на Руси, творчество в области идеалов»: «В сущности, вся литературная деятельность Тургенева может быть определена как длинный, подробный и поэтически объясненный реестр идеалов, какие ходили по русской земле между разнородными слоями ее образованного и полуобразованного населения в течение 30 лет и посреди обычной обстановки жизни и суровых условий существования, в которых она вращалась»[2]. Приоткрывая неизвестные для самих русских тайные стороны их бытия, Тургенев создавал стереоскопическую картину русской жизни, и именно как летописец и художественный *исследователь-аналитик* русского мира стал интересен в Европе. По меткому выражению Д.С. Мережковского, Тургенев дал «всему русскому европейскую меру»[3]. Собственно, в этом уникальном русско-европейском культурном синтезе и заключался эстетический, моральный и культурно-политический *идеал* Тургенева, который не смог или не захотел увидеть философ Соловьев.

По сути, своими художественными произведениями Тургенев писал в либеральном ключе интеллектуальную историю России как *историю русского Просвещения.* Придерживаясь ценностей европейского модерна с их акцентом на личные и политические свободы, Тургенев считал основанием исторического прогресса знание, образованность, творческое развитие человека и общества. Турге-

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Мережковский Д.С. Из речи на Тургеневском вечере 19 февраля 1909 г. // О Тургеневе русская и иностранная критика. 1818-1918. М., 1918. С. 183.

нев подчеркивал, что без образованности и знания не может быть настоящего литературного труда. «Нет! Без правдивости, без образования, без свободы в обширнейшем смысле – в отношении к самому себе, к своим предвзятым идеям и системам, даже к своему народу, к своей истории, – немыслим истинный художник; без этого воздуха дышать нельзя», – писал он в критической заметке по поводу «Отцов и детей»[1].

Тургенев остался верен своим либеральным убеждениям, возлагая надежду на молодежь, на исправление многих неправильностей русской жизни, которую она должна совершить. Он ожидал, что в поколении «детей» явятся «новые Грановские и новые Белинские», будут дарованы «новые Пушкины и Гоголи»[2]. Именно с огромной работой на ниве просвещения и постепенных преобразований русского социального порядка Тургенев связывал историческое развитие России.

Высокие просветительские устремления Тургенева, высказанные на праздновании 1879 г., можно считать главным основанием, которое позволяло Тургеневу оправдывать собственное творчество, видеть смысл в писательском труде. В этом свете последний роман «Новь» (1876)[3], написанный о молодых и адресованный молодому поколению, продолжает линию рассуждений Тургенева об исторических перспективах России, ее культурных и политических сценариях развития, представляя собой важнейший опыт изучения и анализа новой генерации людей, которым, по мысли Тургенева, предстояло строить настоящую и будущую Россию.

2. Социально-политический прогноз романа «Новь»

Я полагаю, что романы Тургенева, события которых охватывают ключевое для российской политической истории двадцатилетие, связанное с эпохой Великих реформ, можно рассматривать не только как явления русской литературы, но и как литературные хроники русской интеллектуальной и социальной истории. Их аналитической составляющей является *социальная типология рус-*

---

[1] Тургенев И.С. «По поводу “Отцов и детей”» // Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 11. С. 95.

[2] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Т. 12. С. 337.

[3] Был закончен Тургеневым в июле 1876 г. в орловском имении Спасское-Лутовиново. Впервые опубликован в «Вестнике Европы». 1877. № 1. С. 5-136; № 2. С. 465-580.

ской культуры и общества в многообразии социальных групп, классов, институтов, социальных интеракций, идеалов, ценностей, представлений. Тургенев в своих романах зафиксировал событийную логику русской социальной истории в пореформенной России, изображая существующие или только зарождающиеся идейные движения, духовные процессы и идеалы.

Писатель продемонстрировал силу предвидения – особую аналитику и интуицию в области прогнозирования моделей поведения человека и общества в перспективе истории. В этом плане эвристическая и прогностическая ценность литературного высказывания Тургенева оказывается даже выше, чем у ученых и политиков. Таким романом-предвидением о русской истории является роман «Новь», где Тургенев дает характеристику умственному и политическому состоянию русского общества, уделяя особое внимание борьбе идейных течений в дворянской и разночинной среде, а также возникновению такого русского социального и духовного феномена, как революционная интеллигенция. Факт, говорящий в пользу потрясающей способности Тургенева давать обобщение, поднимающееся до исторического предвидения и политического прогноза. Когда роман «Новь» был опубликован, Тургенева, по его собственному признанию, обвинили сначала в досужих вымыслах, а после процесса над революционерами в сговоре с ними. С оттенком горькой самоиронии Тургенев писал: «После известного процесса, оправдавшего большую часть того, что называли моими выдумками, судьи мои принялись толковать другое: будто я сам чуть ли не участвовал в тех неблагонамеренных замыслах и, уж конечно, знал о них, ибо в противном случае – как бы мог я предвидеть и предсказать заранее?»[1]

Слушание по «Делу 50 пропагандистов»[2], во время которого прозвучали революционные речи, практически совпало с выходом первой журнальной публикации «Нови». Тогда в «Правительственном вестнике» печатался стенографический отчет по делу, получившему название «процесса пятидесяти». Ведущие газеты его тиражировали. В этом процессе, по словам М.И. Писарева, «герои тургеневского романа в живых образах, воочию, без всяких художественных прикрас и измышлений, предстали перед глазами той же

---

[1] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Т. 9. С. 394-395.

[2] Процесс слушался с 21 февраля по 14 марта ст. ст. 1877 г. С программными заявлениями выступили рабочий П.А. Алексеев, С.И. Бардина, Г.Ф. Зданович.

почтеннейшей публики»[1]. П.В. Анненков, удивляясь достоверности изображения революционной молодежи в романе «Новь», писал М.М. Стасюлевичу: «Читаем мы здесь процесс наших пропагандистов и не можем не изумляться тому, что Тургенев угадал заранее их ходы и приемы. Вот уж подлинно *vates,* так, кажется, звали пророков по-латыни»[2].

Тургенев прозорливо предугадал и обозначил социально значимый тип «романтиков реализма». По Тургеневу, это люди, «которые тоскуют о реальном и стремятся к нему, как прежние романтики к идеалу»[3]. Поскольку они несчастные и исковерканные, то смысл их жизни, полагал Тургенев, состоит в том, чтобы быть пророками и проповедниками *нового* в России, начавшей путь больших преобразований в экономике и социальной жизни. В той России, где *новое* еще только разворачивается в настоящем. Если бы изображенный Тургеневым феномен *нового* в русской жизни был сырой художественной идеей, то он не мог бы стать историческим фактом. Идея революционного народничества, вступая во взаимодействие с другими умонастроениями и духовными явлениями национальной жизни, вышла за пределы литературной реальности. «Процесс пятидесяти» подтверждал исторический факт появления нового типа социальных радикалов, как подтверждали его и другие образы романов Тургенева, – Рудин, Инсаров, нигилист Базаров. Но если тургеневский Базаров был индивидуалистом, то *новые люди* Чернышевского от теории переходили к практике – они объединялись для дела. «Нигилизм с его декларацией прав личности и отрицанием лицемерия был только переходным моментом к появлению “новых людей”, не менее ценивших индивидуальную свободу, но живших вместе с тем для великого дела. В нигилистах Чернышевского, выведенных в несравненно менее художественном романе “Что делать”, мы уже видели лучшие портреты самих себя», – признавался П.А. Кропоткин, теоретик анархо-коммунизма, возникшего в лоне революционного народничества[4].

---

[1] См.: Орлов А.И. Из литературной жизни 70 – 80 годов XIX века (По материалам архива Ф.Д. Нефедова) // Ученые записки Шуйского госуд. пед. института. 1958. Вып. VII. С. 159.

[2] М.М. Стасюлевич и его современники в их переписке: в 5 т. / Под ред. М.К. Лемке. СПб., 1911–1913. Т. 3. С. 340.

[3] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Т. 9. С. 399.

[4] Кропоткин П.А. Этика: Избранные труды. М., 1991. С. 407.

«Новь» была своеобразным ответом Тургенева на подхваченную Чернышевским тему тургеневских *детей,* которую он в своем романе «Что делать?» спроецировал в будущее, показав *новых людей.* В новых людях Чернышевского был уже дан призыв к действию. Молодежь ожидала его. Она восприняла героев Чернышевского как готовую социальную модель, как моральную и поведенческую альтернативу старому политическому режиму и порядку жизни, о чем и свидетельствовал Кропоткин. В «Нови» Тургенев наблюдал болезнь зарождения новой, чреватой внутренним конфликтом России, предсказав явление «безымянной Руси» – той Руси, которая еще не обрела голос, не вышла на авансцену истории, но обязательно себя проявит каким-то радикальным образом. «Романтик реализма» Нежданов погиб, покончив с собой, а влюбленная в него революционерка Машурина растворилась в пространстве и времени «безымянной Руси» под удивленно-горестное восклицание Паклина, повисающее тревожной нотой в конце романа[1].

«Безымянная Русь» полыхнула революцией. Немое большинство русского мира – крестьяне и рабочие – при активном посредничестве революционной интеллигенции обрели в ней свой голос. Деятели разночинной интеллигенции и революционного народничества, выведенные в романе «Новь» как больной симптом времени, пройдя через горнило политической борьбы, отказались от культурной сложности либеральных отцов, исключив духовную рефлексию, еще свойственную «романтикам реализма» типа Нежданова, из своего нравственного горизонта. Произошла культурно-психологическая и моральная редукция идеи свободы, сформулированной как культурный и политический императив европейского просвещения.

Тургенев в «Нови» оппонировал Чернышевскому. Радикалам и социальным мечтателям Чернышевского в своем последнем романе он противопоставляет образ постепеновца Соломина, вслед за Паклиным почти убеждаясь в том, что сейчас нужны «Соломины, серые, простые, хитрые Соломины!»[2]. Тургенев показывает Соломина как новый тип практического деятеля, умного, осторожного человека из народа, обладающего большим здравомыслием. Однако главной линией романа все же остается судьба «романтиков реализма».

---

[1] Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем: В 30-ти т. Т. 9. С. 389.
[2] Там же. С. 388.

«Новь» – это наблюдение болезни в развитии – той болезни обостряющихся противоречий между старым и новым порядком жизни, которая была диагностирована Тургеневым в «Отцах и детях».

В «Нови» Тургенев обнаруживает в современной действительности странную болезненность и неестественность в отношениях и жизненных целях представителей старого дворянства и чиновничества – мира Сипягиных, и агентов-вестников нового мира – Неждановых, Маркеловых, Машуриных, Марианны, чьи устремления кажутся утопическими, а потому бесплодными и безответственными. Тургенев диагностирует поколенческий разрыв в моральных представлениях и идеалах. После «Отцов и детей» он стал реальностью русской жизни. Видя опасность в подобном разрыве, Тургенев дал свой прогноз на будущее, подобно Соломину, смотря на русскую историю объективно – «не издали, а сбоку».

Метод художественно-философского анализа русской действительности, на основании которого строится роман «Новь», характеризует русскую социальную историю сквозь призму нарождающихся идейных течений и социальных движений. С точностью исторического и политического прогнозиста Тургенев записывает факт появления *новой России,* стоящей на развилке между радикальным и либерально-прогрессистским направлением в развитии общественной жизни. На наш взгляд, философско-историческая позиция Тургенева в романе оказывается на стороне «постепеновцев». Понятый в таком ключе последний роман Тургенева «Новь» позволяет иначе посмотреть на социально-психологический реализм писателя и увидеть в его творческой технике определяющую ее философскую стратегию просветителя и культурного либерала.

***Н.И. Астрахан*[1]**

ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ КАК ПРОСТРАНСТВО СВОБОДЫ (на материале творчества И.С. Тургенева)

Идея свободы, получившая своеобразную интерпретацию в осмыслении представителей русской культуры I половины XIX в., была особенно значима в рамках западноевропейской буржуазной идеологии рубежа XVIII–XIX вв., проявившей все свои грани в процессе перехода от Просвещения к романтизму. Прагматическая рациональность, убеждающая в правоте просветительских принципов свободы, равенства и братства, правомерности их утверждения в общественной практике, сменилась философской и эстетической устремленностью к идеалу, умозрительным порывом к свободе познания и творчества.

Эту интенцию, возможно, наиболее ярко выразил Г.В.Ф. Гегель в эстетической теории, несущей в себе программу синтеза художественного, религиозного и философского модусов постижения мира и человека, к которому стремится современная гуманитарная мысль. Определяя природу и назначение эстетического, Гегель отмечает: «Всеобщая потребность в искусстве проистекает из разумного стремления человека духовно осознать внутренний и внешний мир, представив его как предмет, в котором он узнает свое собственное “я”. Эту потребность в духовной свободе он удовлетворяет, с одной стороны, тем, что он внутренне осознает для себя то, что существует, а с другой стороны, тем, что он внешне воплощает это для-себя-бытие и, удваивая себя, делает наглядным и познаваемым для себя и для других то, что существует внутри него. В этом состоит свободная разумность человека, из которой проистекает как искусство, так и всякое действие и знание»[2]. По Гегелю, «свобода есть высшее определение духа», «высшее содержание, которое субъективное в состоянии объять в себе»[3]. Произведение искусства, воплощая идею в адекватную ей чувственно воспринимае-

---

[1]*Астрахан Наталия Ивановна – доктор филологических наук, доцент кафедры германской филологии зарубежной литературы Житомирского государственного университета имени И. Франко (Украина).*

[2]Гегель Г.В.Ф. Эстетика: в 4-х т. Т. 1. М., 1968. С. 38.

[3]Там же. С. 105.

мую форму, находит возможность примирить зависимость человека от реальности и его стремление к высотам абсолютного духа, снять противоречие между ними, открывая путь к внутренней свободе, свободе как истинному содержанию субъективного бытия.

Еще до того, как идеи Гегеля и других представителей немецкой классической идеалистической философии начали осваиваться в философских кружках, ставших приметной чертой русской культурной жизни второй четверти XIX в., их предвестие вошло в художественную практику вместе с европейским просветительским, предромантическим и романтическим влиянием – философствующим Гете, бунтующим Байроном. Уже в творчестве А.С. Пушкина свобода становится ведущим мотивом, который характерным образом эволюционирует от разработки темы политической вольности к утверждению внутренней свободы практически в гегелевском смысле. Одна из наиболее зрелых деклараций такого рода представлена в стихотворении «Поэту»:

Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум,
Усовершенствуя плоды любимых дум,
Не требуя наград за подвиг благородный.

У Пушкина, в глубинном соответствии с мыслями Гегеля, искусство, религия и философия (познающий себя дух) оказываются взаимосвязаны. Поэзия – это и познание, и стремление к эстетическому совершенству, и жертвенное служение, предполагающее воссоединение со всеми людьми через принятие-прощение ребяческого невежества толпы, ругающей труд художника:

…пускай толпа его бранит,
И плюет на алтарь, где твой огонь горит,
И в детской резвости колеблет твой треножник.

Для И. С. Тургенева, вступавшего в литературу в начале 40-х гг. XIX в., и свободолюбивое творчество Пушкина, и философские идеи европейских мыслителей, были чрезвычайно значимы, стали своеобразными определителями творческой судьбы, факторами личностной эволюции. Изначальным является его стремление «в просвещении стать с веком наравне», общее для нескольких поколений дворянской интеллигенции, переход из Московского университета в Санкт-Петербургский, со словесного фаультета на историко-филологический, поездка за границу в поисках возможности

продолжить образование. Западническая открытость Тургенева – следствие реализации программы свободного развития ума, предпосылкой которого должно быть полноценное современное образование. С другой стороны, пространством формирования свободы мышления, познания, понимания становилось для него художественное творчество, неразрывно связанное с отечественной литературной традицией, отмеченное на раннем этапе продуктивным для русской литературы этого периода движением от лирики к эпосу, от малых эпических форм – к крупным.

«Записки охотника» (1847–1852), явившие мастерство и самобытность Тургенева-художника и ставшие важным этапом развития реализма в русской литературе, обозначили особую позицию повествователя, находящегося одновременно в гуще действительности и вне узких рамок конкретной социальной роли. Эта свободная позиция, позволявшая перемещаться не только в пространстве, но и через границу, разделяющую социальное и природное, общественное и эстетическое, эпическое и лирическое обеспечивала широту осмысления жизни, новую точку зрения на нее. М.М. Бахтин называл позицию автора художественного произведения «позицией вненаходимости», связывал с нею возможность подняться над реальной действительностью, преодолеть зависимость от жестких социальных обстоятельств[1]. Роль охотника предполагала свободную волю и необязательность деятельности, коррелирующие с ролью автора, самостоятельно ставящего перед собой задачи, подотчетного только своей творческой интуиции.

Но романтический культ внутренней свободы, даже произвола автора, гениальность которого признавалась выше каких бы то ни было правил и законов, в контексте реалистической литературы приобретает новые черты, связанные с интересом к действительности в ее социальном измерении, к другому человеку. На фоне свободы писателя-охотника, любующегося красотами природы, ужасающе обнаруживается социальная несвобода крепостных крестьян, наделенных такой же естественной человеческой потребностью полного и свободного личностного самораскрытия, таким же творческим потенциалом, но лишенных возможности эту потребность удовлетворить, этот потенциал реализовать. Так творческая свобода художника обнаруживает тяготение к политическому либе-

[1]Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 9-191.

рализму, начинает срастаться с ним. Художественная картина действительности, казалось бы, лишенная тенденциозности, связи с политическими программами и идеологемами, несет в себе совершенно очевидный для всех призыв к освобождению крестьян. Как может быть не освобожден Хорь, напоминающий Сократа умный и деятельный человек, или Калиныч с его тонкой, поэтической душой? Как можно не освободить человека, которого мы уже полюбили как необходимого автору и читателю другого, наконец-то открытого свежим реалистическим видением жизни, преодолевшим безнадежный романтический эгоцентризм?

Конечно, это дворянский либерализм, и его сращенность с художественной практикой – характерная черта русского общественного сознания этого периода. Появление талантливой и продуктивной демократической критики, развернутой одновременно и к литературе, и к общественной жизни, подчеркивала эту сращенность и свидетельствовала о ее кратковременном характере. Критики-демократы – от В.Г. Белинского, успевшего высказаться о раннем творчестве Тургенева, до Д.И. Писарева, объявившего о необходимости в духе новомодного позитивизма заменить искусство наукой, – закономерно двигались к нарушению равновесия, его смещению в сторону интересов общественной борьбы.

Даже разработка темы любви и в тургеневской прозе, и в демократической критике осуществлялась в связи с интересами общественного прогресса, в плане осмысления специфики исторического момента, раскрытия сущности исторической динамики. Для Тургенева, как и многих его предшественников и современников, художественное исследование феномена времени и его давления на человека было ориентировано на шекспировскую традицию, кардинально переосмыслявшуюся в новых условиях. Любовь для становящегося реалистического видения мира – не изолированная от реальности и устремленная к идеалу субъективная сфера, получающая возможность проявиться в своей полноте только в искусстве. Герои тургеневских романов «Рудин», «Дворянское гнездо», «Накануне» являются носителями определенной жизненной программы, которую они предлагают любимым женщинам, а тургеневские героини ждут от любви возможности преображения жизни, наполнения ее смыслом и значительностью. В повести «Вешние воды» любовь сравнивается с революцией, сокрушающей прежнюю жизнь челове-

ка, открывающей перед ним новые горизонты, сложный, негарантированный путь в будущее, которое требует от любящих жизненного подвига. Готовность тургеневских героинь к такому подвигу и зависимость героев от социальных и идеологических стереотипов, преодоление которых часто оказывается сопряжено для них со смертельным риском, выходом за пределы жизни, была сразу отмечена демократической критикой. Само стремление осмыслить особенности поведения русского человека «на rendez-vous» говорило о вызревании принципиально новой концепции любви, предполагающей большую свободу и мужчины, и женщины в проявлении и реализации чувства, изменении жизни под его влиянием. И то, что намеченные героями жизненные программы не могли быть осуществлены в силу сложного взаимодействия объективных и субъективных причин, не снижало значения этой новизны.

Таким образом, открытие нового направления развития общественной и частной жизни не вело сразу и необратимо к назревшим переменам, натыкалось на инерцию внешнего и внутреннего существования. Так, неприятие крепостного права, требование изменения статуса крестьян, воспринимавшегося как реальная необходимость, не предполагало катастрофических изменений для дворян-помещиков, достаточно комфортно себя ощущавших. И для самого Тургенева обретение художественного творчества как поля свободной деятельности, выезд за границу как своеобразное выпадение из социальной иерархии не предполагали отказа от привилегий аристократического статуса. Поэтому либеральные и патриотические взгляды писателя воспринимались некоторыми современниками как поза, застывшая и удобная маска на фоне стремительно и катастрофически меняющейся действительности.

Именно так сатирически показывает Тургенева Ф.М. Достоевский в «Бесах» в образе писателя Кармазинова, высмеивая оторванность от России, извращение искренних отношений с читательской аудиторией и собратьями по цеху, инерционное выхолащивание творческого процесса, тяготение к европейскому обывательско-буржуазному способу существования. Ссора Тургенева и Достоевского, оставившая следы в творчестве последнего, сама по себе знаменательна, поскольку касается отношения к России и Европе, опосредованного художественным произведением, романом Тургенева «Дым». Высказывания героя этого романа По-

тугина возмутили Достоевского, вынужденного во время пребывания в Бадене вследствие несчастливых игровых перипетий обращаться к Тургеневу с денежной просьбой[1]. Вместе с тем критики отмечают как несомненное огромное влияние творчества и самой личности Тургенева на Достоевского, важность спора с ним для внутренней эволюции писателя. Герой-идеолог Достоевского идет дальше героя-идеолога Тургенева в своих нравственно-философских поисках. Но сам факт, что Тургенев на страницах романа «Бесы» и прямо упоминается, и становится объектом карикатуры в процессе создания образа Кармазинова, что его творчество и переосмысляется в связи с изображением молодых революционно настроенных современников, и пародируется (имеются в виду прежде всего произведения «Призраки» и «Довольно»), знаменателен сам по себе.

Чутко следивший за эволюцией общественного сознания, молниеносно реагирующий на появление новых идеологических веяний в своих романах, фиксирующий оформление новых общественных типов[2], Тургенев в какой-то момент и сам почувствовал отставание от времени как проблему своего поколения. Между романами «Накануне» (1860) и «Отцы и дети» (1862) – смена эпох и поколений, делающая неизбежной «победу демократизма над аристократизмом». Позднее творчество писателя отражает растерянность отставшего поколения перед «новью», потерянность в «дыму» стремительно летящей в будущее современности. Мотив опоздания в понимании и действии проходит через многие произведения писателя, например, разрабатывается в повести «Ася», где отставание всего на несколько часов героя (дворянского интеллигента) от героини (выпавшей из конкретной социальной роли дочери помещика и крестьянки) разрушает возможность счастья и наносит сокрушительный удар по личности любящей девушки. И в этом художественном исследовании феномена отставания проявилась честность художника, объективно выразившего исчерпанность дворянского либерализма.

Знаком опоздания отмечены и либеральные реформы в России 60-х гг. XIX в. Сам факт тяготения Александра II к дворянскому ли-

---

[1]Ребель Г. Тургенев: карикатура и оригинал [Электронный ресурс] // URL: http://magazines.russ.ru/neva/2008/10/re13.html (дата обращения: 01.06.2018).
[2]История русской литературы: в 4 т. Т. 3: Расцвет реализма. Л., 1982. С. 120-159.

берализму, влияние на него В.А. Жуковского, основателя русского романтизма, друга Пушкина, знаменателен. Это интереснейший пример взаимного сближения двух линий развития общественного сознания – идеологической и художественной. Пример, который привел к положительным результатам – отмене крепостного права, попытке реформировать государственную систему. Если бы эти реформы были начаты в конце 10-х – начале 20-х гг. XIX в., когда передовая часть общества уже осознала их необходимость, возможно, многих катастроф удалось бы избежать – и тех, что произошли в XIX в., и тех, что разразились в XX.

Оставание от времени вследствие инерции комфортного существования – характерная черта и буржуазного либерализма, тоже в своем раннем и современном российском варианте тяготеющего к сближению с художественной практикой. Современная подспудная идеологизация и социализация искусства словно повторяет на новом витке процессы, происходившие на заре становления буржуазного общества в России. Правда, не для всех очевидное подчинение свободного развития искусства идеологемам псевдокарнавала и несущий прибыль перевод его на коммерческие рельсы в силу стремительного распространения массовой культуры часто не воспринимаются как подмена сущности художественного творчества, уничтожение той внутренней свободы, движения к духовному абсолюту, без которых оно невозможно. Такая идеологизация и социализация немногим лучше той, что обретала очевидные и уродливые формы в советское время, когда пропагандистко-идеологическая машина тоталитарного государства подмяла искусство и литературу, стремясь полностью подчинить их своим политическим целям.

Личностное отставание от времени, ведущее в итоге к полной остановке, – результат неизбежного старения, с которым не мог примириться Тургенев в своем позднем творчестве. Бессилие личности перед разрушительным ходом времени, утрата веры в вечность любви и искусства, замирание индивидуального творчества перед неизбежностью смерти отразились в вызвавшем неприятие Достоевского произведении «Довольно»: «Красоте не нужно бесконечно жить, чтобы быть вечной, – ей довольно одного мгновенья. Так; это, пожалуй, справедливо – но только там, где нет личности, нет человека, нет свободы: поблекшее крыло бабочки возникает

вновь и через тысячу лет тем же самым крылом той же самой бабочки; тут строго и правильно, и безлично совершает свой круг необходимость... Но человек не повторяется, как бабочка, и дело его рук, его искусства, его свободное творение, однажды разрушенное, – погибает навсегда... Ему одному дано “творить”... но странно и страшно вымолвить: мы творцы... на час, – как был, говорят, калиф на час»[1]. Конечно, пытавшийся нащупать регистры переключения временного в вечное, страстно искавший веры, несущей возможность преодоления смерти Достоевский не мог спокойно реагировать на «Отрывок из записок умершего художника». Внимание и чуткость ко времени не должны превращаться в зависимость от него, признание своего ничтожества перед ним. Если художник позволил себе умереть раньше смерти, он погрешил перед сущностью искусства, отказался от дарованной им свободы.

Одиночество художника, о котором писал Пушкин в стихотворении «Поэту», связано с его обращенностью к непреходящему, в котором нуждаются все люди, с позиции которого только и можно ощутить необходимость как свободу, в художественном познании постигая смысл мучительных противоречий существования. Сближение художественной практики с общественной всегда условно, одиночество художника – это требование дистанции, не отменяющей необходимость держать в поле зрения всех, сохранять диалогическую обращенность ко всем людям. В стихотворении Пушкина, которое горько цитирует Тургенев в «Довольно», не желая слышать мнение «старых глупцов» и «молодых глупцов», уже намечен тот путь, по которому пойдет Достоевский, умеющий в полифонии общечеловеческого диалога слышать отголосок божественного слова.

Продуктивное же влияние художественной практики на общественное развитие сегодня воспринимается как возможное только при внесении творческого начала, имеющего своим предполагающим субстанциальный максимум ориентиром искусство, во все сферы общественной жизни, в том числе в политику. Для этого искусство должно сохранить себя, свою самодостаточность, ту уравновешенность аксиологического и эстетического, идеального и материаль-

---

[1] Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в 30 т. Сочинения в 12 т. Т. 7. Сочинения (1861-1867). Отцы и дети. Повести и рассказы. Дым. М., 1981 [Электронный ресурс] // URL: http://az.lib.ru/t/turgenew_i_s/text_1270.shtml (дата обращения: 02.06.2018).

ного, которая проявляет себя в феномене художественной целостности. При симулякризации произведения искусства этот ориентир будет постепенно размыт и утерян, что сделает невозможной гармонизацию общественного со-бытия людей с опорой на «опыт искусства»[1], поставит под угрозу утопию художественного преобразования мира, получившую мощный стимул к развитию в связи со становлением литературы классического русского реализма.

В.А. Ливцов[2]

ФОРМИРОВАНИЕ ЛИБЕРАЛЬНОГО ВЗГЛЯДА НА ВОССТАНОВЛЕНИЕ ХРИСТИАНСКОГО ЕДИНСТВА В ТРУДАХ П.Я. ЧААДАЕВА И ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЕМИКА ВОКРУГ ЕГО КОНЦЕПЦИЙ

Уже в начале XIX в. отечественными либеральными мыслителями развивались теории достижения единства христиан путем присоединения православия к католичеству и создания на этой основе Вселенской церкви. П.Я. Чаадаев (1794–1856) выразил свои мысли, в первую очередь, в «Философических письмах»[3].

Он происходил из дворян Нижегородской губернии. В 1811 г. Петр Яковлевич окончил словесное отделение философского факультета Московского университета. Он отлично владел французским, считая, что «ни на каком ином языке современные предметы так складно не выговариваются». Кроме этого, мыслитель принимал участие в Отечественной войне 1812 г.

В его духовной эволюции выделяют три периода. В молодости Чаадаев прошел через франкмасонство и являлся членом ложи Соединенных братьев (Соединенных друзей). В октябре 1820 г. в Троппау (немецкое название г. Опава в Чехии) Чаадаев искал аудиенции у Александра I, возможно, чтобы понять «насколько

---

[1]Гадамер Г.-Г. Философские основания XX века // Г.-Г. Гадамер. Актуальность прекрасного. М., 1991. С. 16-26.

[2] *Ливцов Виктор Анатольевич – доктор исторических наук, профессор, заместитель директора Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ.*

[3]Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 38–146.

сильны и каковы по содержанию христианские убеждения царя»[1]. Чаадаев сохранил уважение к нему: еще в 1831 г. у Петра Яковлевича в кабинете висел портрет императора. В 1820–1823 г. у Чаадаева проходил первый психологический кризис, способствовавший его выходу в отставку в 1821 г., игнорируя повышение по службе и объясняя это «истинным честолюбием». В том же 1821 г. Петр Яковлевич стал членом Северного общества декабристов. Чаадаев оценивает свое будущее в предощущении духовной миссии. В 1823–1826 гг. философ путешествует по Европе. В 1826 г. в его бумагах было обнаружено рекомендательное письмо англичанина Кука к другу в Лондон, в котором сообщалось, что Петр Яковлевич едет в Англию «для исследования нравственных причин благоденствия того края, дабы ввести оные, буде возможно, в Россию». В ходе следствия в 1826 г. Чаадаев объяснял цель своей поездки религиозными мотивами, а спустя 10 лет он назвал 20-е гг. временем, когда он «искал религии». Протоиерей Г. Флоровский писал: «Образ Чаадаева до сих пор остается неясным. И самое неясное в нем, это – его религиозность»[2]. Сам же Чаадаев подчеркивал свою внеконфессиональность. «Моя религия не совсем совпадает с религией богословов, и вы можете мне сказать, пожалуй, что это и не религия народов. Но я вам скажу, что это та религия, которая скрыта в умах, а не та, которая у всех на языке, что это религия вещей, а не религия форм … Если бы в те времена, когда я искал религии, я встретил бы в окружающей меня среде готовую, я наверное принял бы ее; но не найдя таковой, я принужден был принять исповедание Фенелонов, Паскалей, Лейбницов и Бэконов. Вы, между прочим, были неправы, когда определили меня как истинного католика»[3], – писал Чаадаев А. Тургеневу в 1835 г. Там, где у христианина отцы церкви, у Петра Яковлевича – философы: опальный французский квиетист архиепископ Франсуа Фенелон (1651–1715), высказавший в философско-утопическом романе «Приключения Телемака» (1699) идею просвещенной монархии, а также Паскаль, Лейбниц и даже материалист Ф. Бэкон. За границей Чаадаев познакомился с Шеллингом, с которым позже вел переписку.

В августе 1826 г., несмотря на грозящую опасность, мыслитель

---

[1]Лазарев В.В. Чаадаев. М., 1986. С. 13.
[2]Флоровский Г. Пути русского богословия. Вильнюс. 1991. С. 247.
[3]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 2. М., 1991. С. 100.

вернулся в Россию и 20 лет жил в Москве. Тридцатилетний Петр Яковлевич обрекает себя на самоизоляцию вплоть до 1831 г. По свидетельству П.И. Бартенева, Чаадаев сжег письма А. Пушкина 20-х гг. вместе с прочими своими бумагами после того, как принял решение начать новую жизнь. Он продает библиотеку и меняет почерк. После 1831 г. Чаадаев напишет на книге Ж. де Сталь, что «живя с бандитами и дураками»[1], он притворился честолюбивым, чтобы спрятать «гримасу горя». В период затворничества он и создает «Философические письма» для будущего века: «Как случилось, что мысль, обращенная не к моему веку, которую я, не желая иметь дела с людьми нашего времени, в глубине моего сознания завещал грядущим поколениям, лучше осведомленным … разбила свои оковы?»[2]. С 1829 г. фрагменты писем становятся известны друзьям и воспринимаются как философские эссе на французском языке, созданные под воздействием идей Ж. де Местра, клерикального традиционалиста Луи Боннальда и мыслителя эпохи раннего романтизма П. Балланша, а также основоположника социального христианства – аббата Ламенне. По воспоминаниям Н. Сазонова, Ламенне питал к Чаадаеву почтение и называл русским де Местром. Сазонов полагал, что убеждения Петра Яковлевича сформировались под влиянием де Местра, Шатобриана и немецких романтиков.

Когда Петр Яковлевич появился в обществе и начал свою «проповедь с подвижной кафедры», многие современники отметили ярко выраженные пафос и религиозную аффектацию. В октябре 1836 г. в журнале «Телескоп» было опубликовано первое «Философическое письмо», вызвавшее репрессии против Чаадаева, инициатором которых выступило духовенство в лице митрополита Серафима, не замедлившего связаться с Бенкендорфом. Петра Яковлевича допрашивали, затем изолировали и установили врачебный контроль (который был снят через полгода).

В конце 30-х – начале 40-х гг. XIX в. Чаадаев переживает последний кризис, который трансформировал характер его религиозности. Петр Яковлевич начинает вещать идеи русского мессианизма, выражая «глубокое убеждение», что «мы призваны решить большую часть проблем социального порядка, завершить большую

---

[1]Каталог библиотеки П.Я. Чаадаева. М., 1980. С. 134.
[2]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1991. С. 524.

часть идей, возникших в старых обществах…». Чаадаев размышляет о социально эффективном католицизме и духовно ориентированном православии, обозначая пути христианского экуменизма. Биограф Чаадаева Б.Н. Тарасов находит у философа отступления от католических взглядов после 1836 г.[1] В то же время, Е.Н. Цимбаева считает, что после окончания цикла «Философических писем» и скандала с публикацией первого из них убеждения Петра Чаадаева не претерпели значительных изменений[2].

Для Чаадаева социальность, история и Бог получают в личности воплощенную связь. Поэтому философ религиозно оправдывал творческую активность личности[3], однако он считал, что путь к личному спасению не верен. Основная реальность – не индивидуальный разум и «не простой коллектив», а «мировое сознание» – «океан идей», к которому мы «постоянно приобщаемся»[4].

Чаадаев рассуждал о Царстве Божьем на Земле, в обществе и в человеческом роде и считал основной проблему церковного единства, полагая, что «назначение человека – уничтожение личного бытия и замена его бытием вполне социальным или безличным», поскольку «слияние нашего существа с существом всемирным... обещает полное обновление нашей природе, последнюю грань усилий разумного существа, конечное предназначение духа в мире»[5]. На это способна личность, имеющая опыт свободы и готовая духовно объединиться с человечеством.

Потребность в единстве церкви подтверждается и историей, принципы которой изложены Чаадаевым в шестом и седьмом «Философических письмах». В 1831–1832 гг. он рассчитывал издать их брошюрой под названием «Два письма об истории, адресованные даме». После знакомства с рукописью, Пушкин 6 июля 1831 г. писал Чаадаеву: «Ваше понимание истории для меня совершенно ново». Однако Петр Яковлевич полагал, что он лишь одушевляет традиционный взгляд. Для него история также едина, в силу целостности первоначальной духовной традиции.

Судить о месте народов в историческом пространстве следует

---

[1]Тарасов Б.Н. Чаадаев. М., 1986.
[2]Цимбаева Е.Н. Русский католицизм. Забытое прошлое российского либерализма. М., 1999. С. 109–110.
[3]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 496.
[4]Зеньковский В.В. История русской философии. Т. 1. Ч. 1. Л., 1991. С. 172.
[5]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 363.

по степени «подчинения первоначальным традициям». Другими данностями выступают личность и свобода. Чаадаев не указывает время и место возникновения традиции, начала истории[1]. Следовательно, принцип истории – ее всемирное единство. Другой принцип заключается в том, что историей управляет нравственный закон. Поэтому задачей науки является максимальное приближение «к той высшей нравственной оценке, которая вытекала бы из отчетливого понимания всеобщего закона, управляющего нравственным движением веков».

Политеизм язычества чужд идее религиозного единства Чаадаева, вследствие чего достижением человечества Петр Яковлевич считает монотеизм. «Например, Моисей и Сократ. Раз и навсегда узнают, что первый открыл людям истинного Бога, а последний завещал им малодушное и беспокойное сомнение»[2], – утверждал Чаадаев. В противопоставлении иудейской и греческой культур он объединяет нравственный принцип с монотеизмом.

Однако он считает, что мы живем в мире после «великой катастрофы», и «вместилищем вечной истины» является христианство. Петра Яковлевича интересует, каким образом изначальная единая религиозная традиция реализуется в нем. Осью христианской истории является момент нового импульса божественной мысли, от которого ведется летоисчисление. По Чаадаеву, прогресс связан с христианством: «Одно только христианское общество действительно руководимо интересами мысли и души»[3].

В шестом и седьмом «Философических письмах» Петр Яковлевич дает высокую оценку периоду Средневековья, «в котором столь необычайные нравственные силы сохранились и питались среди видимой неподвижности умов»[4]. Он писал: «Не всякая история развивалась так строго и логически, как история этой удивительной эпохи, когда под властью верховного начала созидалось христианское общество»[5]. «История средних веков – в буквальном смысле слова – есть история одного народа, народа христианского». Европейцы-христиане первыми постигли единство мира. Однако для Чаадаева актуально и внешнее воплощение католического един-

[1]Там же. С. 392.
[2]Там же. С. 396.
[3]Там же. С. 29 (Письмо 1).
[4]Там же. 1. С. 396.
[5]Там же. С. 528.

ства в церкви. Он подчеркивал кафоличность и консолидирующую роль католицизма.

Чаадаев в своем первом философическом письме пишет, что «учение, основанное на верховном принципе единства и прямой передачи истины в непрерывном ряду его служителей, конечно, всего более отвечает истинному духу религии»[1].

Поэтому традиция, исходящая от первых читателей «Философического письма» вплоть до современной западной историографии, сделала из Петра Яковлевича проводника католицизма в России[2]. Известно, что Д. Давыдов назвал Чаадаева «маленький аббатик».

Негативную оценку Чаадаева получает эпоха Ренессанса. «И, я надеюсь, – пишет Чаадаев, – придет время, когда всякий возврат к язычеству, и особенно тот, который совершился в пятнадцатом веке, и носит, если не ошибаюсь, имя "возрождение искусств", со всеми своими продолжениями и последствиями будет оцениваться как преступное опьянение»[3]. Пришла цивилизация материи – антитезы единства.

Говоря о католичестве, Чаадаев не утаивает восторга и преклонения: «Оно в совершенстве выполняет свое назначение: оно централизует христианские идеи, сближает их между собою»[4].

В христианском разделении (многообразии существующих церквей) Чаадаев винит протестантизм, недооценивавший воздействие христианства на развитие человеческого ума и современную цивилизацию[5]. Петр Яковлевич упрекает и реформацию в шестом «Философическом письме»: «Реформация снова повергла мир в языческую разъединенность»[6]. Это письмо развивает мысль о том, что «в продолжение ряда веков Европа составляла настоящую федеральную систему и что эта система была разорвана лишь Реформацией»[7]. В числе многих возражений протестантизму главным ным является развоплощенность его духовности.

Принцип единства Чаадаев акцентирует и в иных авраамиче-

---

[1]Чаадаев П.Я. Статьи и письма. М., 1989. С. 39.
[2]Quûnet Ch. Tchaadaevet les Lettresphilosophiques. Paris, 1931; Tempest R. Madman or Criminal: Governement Attitudes to PetrChaadaev in 1836 // Slavic Review. 1984. Vol. 42. № 2.
[3]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 406.
[4]Чаадаев П.Я. Статьи и письма. С. 123.
[5]Там же. С. 119.
[6]Там же. С.121-122.
[7]Чаадаев П.Я. Сочинения. М., 1989. С. 99 (Письмо 6).

ских религиях: об иудаизме и исламе он пишет с уважением, редко встречавшемся в современной ему христианской мысли. Внимание философа к иудаизму и к Ветхому Завету вызвано ощущением того, что христианство было оторвано от израильской колыбели. Но Чаадаев ищет взаимосвязь индивидуального и всеобщего даже в индийской традиции: «Настоящим счастьем нашего времени является новая область, не загрязненная гомеризмом, которая недавно открылась для исторического размышления. Влияние идей Индии уже проявляется с большой пользой в развитии философии. Дал бы Бог, чтобы мы пришли как можно скорее этим окружным путем к той точке, куда нас не смогла до сих пор привести более прямая дорога»[1].

Мыслитель ставил православие в один ряд с протестантством. М.И. Жихарев в своей «Докладной записке потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве» писал, что Чаадаев в качестве основной причины «животного прозябания» России называл «неправду и растление греческого православия, по милости которого считал Россию страною, находящеюся вне европейского христианского единения, а русских – народом почти нехристианским и таковым гораздо меньше, например, нежели народы протестантские»[2]. Православие Петр Яковлевич описывает как оторванную от христианского единства церковь: «Мы восприняли, следовательно, идею, искаженную человеческой страстью. В Европе все одушевлял тогда животворный принцип единства»[3]. Он считает раскаяние в отпадении от истинной церкви-матери, в которой видит католицизм, путем объединения церквей.

Чаадаев считал, что христиане должны пожертвовать Родиной ради истины, и критически констатировал русское заимствование чужих идей. Он с горечью писал: «Мы растем, но не созреваем». Поэтому феномен свободной личности не является в России завоеванием духовного развития.

В эпоху Чаадаева существовало ощущение «неисторичности» России, и философ связывал это с отсутствием некоего этапа в развитии: «Нации, лишенные подобного прошлого, должны смирен-

---

[1]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 433.
[2]Жихарев М.И. Докладная записка потомству о Петре Яковлевиче Чаадаеве // Русское общество 30-х гг. XIX в. Мемуары современников. М., 1989. С. 98.
[3]Чаадаев П.Я. Статьи и письма. С. 48.

но искать элементы своего дальнейшего прогресса не в своей истории, не в своей памяти, а в чем-нибудь другом»[1]. Историю России Чаадаев делил на периоды мрака и света, с привязкой к эпохальным событиям. «Апология сумасшедшего», написанная в 1837 г. и впервые опубликованная перешедшим в католицизм эмигрантом, князем И. Гагариным, уже после смерти Петра Яковлевича в 1862 г. (русский перевод вышел в 1906 г.), возможно, является самым прозападническим произведением Чаадаева и начинает изложение с констатации того, что Россия уже 300 лет ориентируется на Запад, и что наиболее активное западничество с просвещением, науками и прогрессом начинается в России благодаря присоединению к Европе, совершенному гением Петра Великого. По убеждению Чаадаева, Россия не была против преобразований Петра, и «она только о том и мечтала, чтобы войти в великую семью христианских народов»[2].

Но в фокусе рассуждений Петра Яковлевича находилась не только проблема отношения России к Европе. Чаадаев одним из первых в русской философии выявляет проблему географического фактора[3]. Он приходит к трехчленной формуле «Запад – Россия – Восток»…»[4]. Согласно его убеждению, человеческий ум интенсивно развивался на Востоке и экстенсивно на Западе. Соответственно формировалось и общество. Самоуглубленная мысль Востока дала власти возможность распоряжаться «всеми благами земли», в то время как на Западе власть была основана на правовом принципе. В истории разума «первым выступил» созерцательный Восток, «затем пришел» деятельный Запад. Но если на Востоке умы погрузились в сон, «замкнутые в своем неподвижном синтезе», то на Западе они идут вперед, «останавливаясь только перед неизвестным, непрестанно вглядываясь в безграничное будущее». «Мы живем на востоке Европы, – констатирует Чаадаев, – и, тем не менее, мы никогда не принадлежали к Востоку». «У нас не было ничего подобно-

---

[1]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 528.
[2]Там же. Т. 2. С. 159.
[3]Муравьев В.А. Пространство, время, история человека и общества: историческая география в системе исторических наук // Вестник гуманитарной науки. 1997. № 2 (34). С. 103.
[4]Рашковский Е.Б., Хорос В.Г. Проблема «Запад – Россия – Восток» в философском наследии П.Я. Чаадаева // Восток – Запад. Исследования. Переводы. Публикации. М., 1988. С. 114.

го. Духовное начало неизменно подчиненное светскому, никогда не утвердилось на вершине общества; исторический закон, традиция, никогда не получал у нас исключительного господства; жизнь никогда не устраивалась у нас неизменным образом»[1]. Чаадаев заключает рассуждение: «Мы просто северный народ».

Анализируя историю в качестве драмы идей и чувствуя движение к духовному единству мира, Чаадаев желал осмыслить предназначение Родины и расшифровать замысел Творца о русском народе. Он не мог поверить, что у великого народа не было бы своей идеи: «Настоящая история этого народа начнется лишь с того дня, когда он проникнется идеей, которая ему доверена и которую он призван осуществить»[2].

Жизненный цикл наций («отечеств») как цивилизаций Петр Яковлевич рассматривает по аналогии с живым организмом, выделяя следующие этапы: рождение, взросление, выполнение миссии, дряхление и гибель. Кульминационный момент истории отнесен к будущему. Центром истории является не столько Западная Европа, сколько единая духовная традиция, распространяющаяся с севера Европы на мир. Он пишет: «Полагаем, что идея нашего Отечества состоит в таком превращении скандинавской цивилизации, какое необходимо для мира азиатского…. Россия и Испания не отстали от Европы, а идут своим собственным путем… Испания и Россия назначены, кажется, быть в свое время такими же центрами цивилизации для двух частей света, каким центром цивилизации служит теперь Англия для Европы… Рассматриваемая … история Русского народа должна представить четыре периода: в первом … азиятские стихии составят основание народа; во втором, откроется широкий вход стихиям европейским; в третьем, стихии азиятские и европейские переработаются в оригинальную Русскую цивилизацию; в четвертом, наконец, цивилизация Русская сообщится приготовленной для этого Азии. Четвертый период будет уже для России, как нынешнее состояние для Англии, временем ея устарения»[3].

Европейские народы не видят в русских христиан. Чаадаев отмечает, что «они оттесняют нас на Восток, чтобы не встречать нас больше на Западе». «Поэтому нам незачем бежать за другими», –

---

[1]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 531.
[2]Там же. С. 529.
[3]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 541–542.

добавляет мыслитель. Петр Яковлевич отмечает, что Россия – не молодая страна, она – своеобразная («у нас другое начало цивилизации, чем у других европейских народов»). Необходимо это своеобразие осознать. Чаадаев подчеркивает: «Мы угадываем, а не познаем». Другая русская черта – «дух покорности и пристрастие к самоотвержению и самоотречению». В письме М.Ф. Орлову в 1835 г. мыслитель отмечает: «России выпала величественная задача осуществить раньше всех других стран все обетования христианства, ибо христианство осталось в ней незатронутым людскими страстями … здесь дарована будет милость последних и чудеснейших вдохновений»[1]. В рассуждениях Петра Яковлевича в 1830-е гг. о России «ее психическая необремененность выставляется как главная отличительная черта и преимущество[2]. Здесь историческая зрелость – недостаток, а традиции – цепи привязанностей. Чаадаев это подчеркивает в письмах к разным людям. В частности, 1 мая 1835 г. он писал А.И. Тургеневу: «Мы пойдем вперед, и пойдем скорее других, потому что пришли позднее их, потому что мы имеем весь их опыт и весь труд веков, предшествовавших нам»[3], «для того, чтобы делать лучше их, чтобы не впадать в их ошибки». Схожую надежду выражал и Ж. де Местр.

И здесь же сформулировано убеждение, позже ставшее одним из принципов славянофильства: «Россия призвана к необъятному умственному делу: ее задача дать в свое время разрешение всем вопросам, возбуждающим споры в Европе»[4]. «Мы призваны, – продолжает Чаадаев, – обучить Европу бесконечному множеству вещей, которых ей не понять без этого». «Придет день, когда мы станем умственным средоточием Европы», – пишет он в октябре 1835 г. Тургеневу[5].

В сочинениях Петра Яковлевича намечается и программа воплощения в жизнь предназначения его Родины в виде создания Вселенской церкви для формирования в России свободного общества. Для этого достаточно, как пишет Чаадаев, «одного только внутреннего сознания нашей действительной связи с человече-

---

[1]Там же. С. 126.
[2] Гершензон М. П.Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПб., 1908. С. 152.
[3]Чаадаев П.Я. Полн собр. соч. Т. 2. С. 99.
[4]Там же. С. 92.
[5]Там же. С. 99.

ством»[1]. Присоединение России к Западу осуществимо только на религиозной основе в форме объединения православия и католичества: «Когда соединятся все христианские вероисповедания… отколовшиеся церкви должны будут признать в покаянии и в уничижении … что, отделившись от церкви-матери, они далеко отбросили от себя действие возвышенной молитвы Спасителя…. А папство …возникло по существу из истинного духа христианства, это – видимый знак единства, и …знак воссоединения. Почему бы …не признать за ним первенства над всеми христианскими обществами?»[2]. Во имя независимости церкви Чаадаев предлагал признать и «filioque», и главенство римского папы.

При этом философ провозглашает идею Вселенской церкви: «…христианская религия … божественная вечная сила, …так что ее видимое проявление должно служить нам постоянным поучением»[3]. Вселенская церковь должна вобрать лучшие установления человечества.

Тем не менее, особенно в поздний период, эта идея внезапно трансформируется в желание незамедлительных и конкретных действий. Так, первым шагом к реализации предназначения России может стать общеславянское единство. В 1830 г. Пушкин, радуясь победам русского оружия, пишет стихотворения «Клеветникам России» и «Бородинскую годовщину», которые высоко оценивает Чаадаев: «Вы угадали, наконец, свое призвание»[4]. Вскоре Петр Яковлевич в статье «Несколько слов о польском вопросе» (1831–1832) показал близость своих геополитических взглядов к сформировавшейся спустя 10 лет позиции славянофилов. Основной пафос статьи – славянское единство, трактуемое как «политический союз, объединяющий две трети всего славянского племени»[5]. Чаадаев формулирует основные черты модели славянской цивилизации: во-первых, пространственную границу («по равнинам, тянущимся вдоль левого берега Немана... по течению реки Санн до подножия Карпатских гор»)[6]; во-вторых, конфессиональную («население к востоку от этой линии говорит на русском наречии и принадлежит к греческой церк-

---

[1]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 1. С. 364.
[2]Он же. Сочинения. С. 112 (Письмо 6).
[3]Там же. С. 27 (Письмо 1).
[4]Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 73.
[5]Там же. Т. 1. С. 515.
[6]Там же. С. 512.

ви, население на запад от нее говорит по-польски и принадлежит к римскому исповеданию»)[1]; в-третьих, упоминает такие явления как «национальное чувство» и «национальный дух» и, наконец, считает основной опасностью для поляков то, что «они неизбежно подпадут под влияние немцев, чье поглощающее воздействие испытала на себе значительная часть западных славян»[2]. При этом, немецкое воздействие ведет к растворению «в толще германского племени», а русское, наоборот, позволяет «пользоваться многими преимуществами, которыми естественно пользуются все члены могущественного государства», даже после присоединения к «союзу славянских народов» силой оружия. Здесь Петр Яковлевич единственный раз говорит о «нетерпимости римского духовенства». Для того, чтобы Россия смогла реализовать свое предназначение, она, по замыслу Чаадаева, должна оставаться большой империей – духовным союзом, который преступно разрушать.

Эти мысли демонстрируют формирование в идеологии зрелого и позднего Чаадаева национально-консервативных мотивов. Но его историософию от последующей славянофильской отличает рационализация. Петру Яковлевичу важнее единство истории. Он не считал Россию уникальной, но видел ее частью христианской цивилизации. В 1837 г. в оценке возникавшего славянофильства, которое оформится к 1839 г., мыслитель отмечает славянофильство как «первый акт эмансипированного народного разума»[3]. Чаадаев говорит о времени «после истории», в отличие от русского традиционализма, который повествовал о мифологическом времени «до истории». Одиночество Чаадаева в спорах об антитезе «западничество – славянофильство» определено религиозными разногласиями с современниками, поскольку Петр Яковлевич предлагал «новое религиозное сознание», утверждая ценность свободного интерконфессионального христианства.

В «Философических письмах» Чаадаев развивает взгляды, близкие к экуменическим. Так, уже в первом письме можно прочесть следующее: «Подлинный дух религии заключается всецело в идее слияния всех, сколько их ни есть в мире, нравственных сил – в одну мысль, в одно чувство и в постепенном установлении соци-

---

[1]Там же.
[2]Там же. С. 515.
[3]Там же. С. 530.

альной системы или церкви, которая должна водворить царство истины среди людей»[1]. Продолжая осмысление, Петр Яковлевич уточняет принцип единства: это больше, чем религиозное единство – это социальное единство мира, исключающее групповой эгоизм, прежде всего, национальный. В то же время национализм он называл «наследием язычества». В последнем письме Чаадаев отбрасывает и саму Библию: «…В религиозной жизни все теперь основано на букве… может ли это древнее слово всегда вещать миру с той же силой, как в то время, когда оно было подлинной речью …Не должен ли раздаться в мире новый голос…»[2], ведь «истина едина: … осуществление соединения всех мыслей человечества в единой мысли; и эта единая мысль есть мысль самого Бога…. цель всего, последняя фаза человеческой природы, …великий апокалиптический синтез»[3].

И вот появляются мистические пророчества: «Смутное сознание говорит мне, что скоро придет человек, имеющий принести нам истину времени». Возможно, Петр Яковлевич полагал, что это будет религиозное направление, сходное с сен-симонизмом, либо модернизированный католицизм в духе «христианского социализма» Ламенне и Лакордера. Чаадаев предвещает катастрофу всему христианскому миру. В конце своей жизни он напишет: «Социализм восторжествует, но не потому, что прав, а потому что борющиеся с ним не правы».

Однако при всех изменениях своей позиции, Чаадаев остается предан идее присоединения к католицизму. В 1850 г. он поясняет: «Необходимо, чтобы церковь была свободна … Знаете ли вы для этого какое-нибудь другое средство…, кроме видимого главы, независимого от всякой человеческой власти…»[4] Петр Яковлевич исходил из необходимости для России освобождения церкви, ставшей частью государственной машины, а через нее – общества. Признание Чаадаевым главенства папы не означает перехода на позиции католицизма – он являлся противником всех институтов христианской церкви. Он и не принял католицизм, так как все ветви христианства считал далекими от идеала. На первый план Чаадаев вы-

---

[1]Там же. С. 321.
[2]Чаадаев П.Я. Сочинения. С. 136 (Письмо 8).
[3]Там же. С. 138 (Письмо 8).
[4]Письмо Чаадаева кн. Е.А. Долгорукой // Символ. 1988. № 20.

двигал культурные различия.

Многие аспекты философии Петра Яковлевича Чаадаева не воспринимались современниками. После публикации первого «Философического письма» последующие произведения не были знакомы общественности. Некоторые воспринимали его идеи в духе ультрамонтанства, считая их заимствованными у Ж. де Местра. В.А. Жуковский отмечал, что «Россия, изначала католическая, была бы совсем не та, какова теперь; допустим, пожалуй, что католическая была бы она и лучше, но она не была бы Россиею»[1]. Пушкин также не был согласен со многими утверждениями Чаадаева. Русская критика, представляя Петра Яковлевича как либерала, не обошла, однако, его негативного отношения к освобождению крестьян и позже отвергла, уже как реакционера.

О.О. Завьялова[2]

«ЗАДУШЕВНЫЕ ДУМЫ» С.И. БАРАНОВСКОГО В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ ИДЕОЛОГИИ РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА В СЕРЕДИНЕ XIX в.[3]

Личность талантливого русского изобретателя и писателя середины XIX в. Степана Ивановича Барановского в настоящее время оказалась практически позабытой. Являясь человеком «редкого разнообразия способностей», настоящим энциклопедистом, одаренным во многих областях научного знания, будь то языковедение или механика, Барановский известен своими работами по лингвистике, картографии, педагогике, проектами строительства железной дороги в Среднюю Азию. Ему принадлежат многие изобретения в области техники и кораблестроения, среди которых наиболее известными являются удачный макет самолета, прототип подводной

---

[1]Чаадаев П.Я. Статьи и письма. С. 506

[2] *Завьялова Оксана Олеговна – аспирант Института истории и международных отношений ЮФУ; младший научный сотрудник Института истории и международных отношений Южного федерального университета*.

[3] *Статья написана в рамках исследования «Модернизация России: исследовательский опыт и образовательные практики» при финансовой поддержке гранта Южного федерального университета (ЮФУ) (проект № ВнГр-07/2017-16).*

лодки и знаменитый «Духоход Барановского» – локомотив, работавший на сжатом воздухе и недолгое время в 1862 г. возивший поезда по Николаевской железной дороге. Барановский занимался и публицистической деятельностью, оставив несколько очерков об истории, экономике и природе Финляндии, с которой был тесно связан по долгу службы, занимая с 1842 по 1863 гг. должность профессора русского языка в Гельсингфорском университете, а с 1855 г. исполняя обязанности цензора[1].

В январе 1857 г. Барановский составил записку на имя императора под названием «Задушевные думы». Находясь в Финляндии, ученый не мог не откликнуться на бурные общественно-политические процессы, протекавшие в России, после вступления на престол Александра II.

После поражения империи в Крымской войне 1853 – 1856 гг. правящей элитой и широкими общественными кругами была осознана настоятельная необходимость проведения масштабных преобразований. По мнению современников, первые годы царствования нового императора были проникнуты либеральной атмосферой. Вторая половина 1850-х гг. стала временем формирования в русском образованном обществе так называемой «либеральной партии», объединивший всех, кто выступал за эволюционный путь постепенного реформирования «сверху» и был готов содействовать в этом правительству. В 1855 г. Б.Н. Чичерин в статье «Современные задачи русской жизни» отмечал: «Либерализм! Это лозунг всякого образованного и здравомыслящего человека в России. Это знамя, которое может соединить около себя людей всех сфер, всех сословий, всех направлений»[2]. В 1856 г. сенатор К.Н. Лебедев, размышляя о мотивах, побудивших императора назначить гр. П.Д. Киселева послом в Париж, записал: «…в современной атмосфере искренне или притворно – все либералы»[3]. Гораздо позже консервативный мыслитель Л.А. Тихомиров, подводя итоги правления Александра II, либерализм в период с 1856 по 1881 гг. назвал «господствующим умственным направлением»[4]. Появление таких схожих оценок, при-

---

[1] Барановский Степан Иванович // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона: в 86-ти т. Т. 3. СПб., 1891. С. 33.

[2] [Чичерин Б.Н.] Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон,1857. Кн. 4. С. 52-53

[3] Из записок сенатора К.П. Лебедева // Русский архив. 1893. Кн. 1, вып. 4. С. 353.

[4] Тихомиров Л.А. Конституционалисты в эпоху 1881 года. М., 1895. С. 20.

надлежащих разным лицам, было, прежде всего, связано с запущенным в стране во второй половине 1850-х – начале 1860-х гг. модернизационным процессом, обозначившим, по замечанию наблюдательного современника, переход «от идеи крепостного и служилого государства к идее государства свободного»[1]. Господствовавшие в этот период либеральные идеи объединяли прогрессивных государственных и общественных деятелей, занимавшихся выработкой стратегии реформирования государственной и общественной жизни, которая бы позволила направить развитие страны в соответствии с передовыми западноевропейскими образцами.

Проблема распространения либеральных идей в России, генезиса и специфики русского либерализма, хотя и является достаточно разработанной в отечественной историографии, не утрачивает своей значимости для исследователей, среди которых так и не сложилась единая точка зрения по данному вопросу. Зарождение либеральной идеологии в России, первоначально происходившее в правительственных кругах, некоторые авторы относят к концу XVIII в. и связывают этот процесс с политикой «просвещенного абсолютизма» Екатерины II, в общественной среде – с творчеством А.Н. Радищева и Н.И. Новикова[2]. Другая группа исследователей период генезиса либерального течения русской общественной мысли, в течение которого, по их мнению, происходило оформление его теоретических основ, относят к середине – второй половине XIX в., когда внимание русского передового общества было прикована к подготовке реформ[3]. Например, современный исследователь С.А. Репинецкий период с 1856 по 1860 гг., совпавший с пиком журнальных дискуссий по проблеме отмены крепостного права, рассматривает как время становления русского либерализма в виде идеологии, которую стали разделять не отдельные государ-

---

[1] Шелгунов Н.В. Из прошлого и настоящего // Штурманы будущей бури: Воспоминания участников революционного движения 1860-х годов в Петербурге / Сост. А.Н. Цамутали. Л., 1983. С. 55.

[2] Либерализм в России / под ред. В.Ф. Пустарнакова, И.Ф. Худушина. М., 1996. С. 78; Гоголевский А.В. Очерки истории русского либерализма XIX – начала XX века. СПб., 1996. С. 151.

[3] Секиринский С.С., Филиппова Т.А. Родословная российской свободы. М., 1993. 256 с.; Приленский В.И. Опыт исследования мировоззрения ранних русских либералов. М., 1995. С. 11; Предтеченский А.В. Из творческого наследия. СПб., 1999. С. 127; Леонтьева О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв.: учеб. пособие. Самара, 2012. С. 112–114.

ственные и общественные деятели, а определенная общественная группа[1]. По мнению другого современного исследователя К.И. Шнейдера, вторая половина 1850-х гг. стала наиболее плодотворным этапом в формировании русской либеральной мысли, временем ее «обновления и концептуализации»[2].

Безусловно, вторая половина 1850-х – начало 1860-х гг. является уникальным периодом в истории развития русской общественной жизни. В условиях общей либерализации политического режима и нараставшего общественно-политического подъема происходило не только становление фундаментальных черт русского либерализма, но и продолжался, начавшийся еще в 1830 – 1840-е гг., процесс размежевания охранительного и освободительного течений отечественной общественной мысли. В период подготовки отмены крепостного права определяющим вектором общественной деятельности и творческих поисков русской общественности стало стремление ее представителей предложить власти «концепцию либеральных преобразований, адаптированную к условиям России»[3]. В первые годы царствования Александра II, ставших также началом нового «витка» модернизационных преобразований в стране[4], основное содержание этой концепции, сводившееся к требованию «свободы умственной и гражданской», к формуле «действие – право государево, мнение – право страны», к неприятию крепостничества, объединяло представителей русского образованного общества разных идейных взглядов и политических убеждений.

Стремление достичь консенсуса с властью и постараться «удержать» ее в реформаторском направлении было особенно характерно для представителей либеральной общественности, среди которой ведущую роль играли такие общепризнанные идеологи русского либерализма как Б.Н. Чичерин и К.Д. Кавелин. Их совместное «Письмо к издателю», опубликованное в 1856 г. в первом сборнике «Голосов из России» и адресованное А.И. Герцену, по

---

[1] Репинецкий С.А. Формирование идеологии российского либерализма в ходе обсуждения крестьянского вопроса публицистикой 1856–1860 годов. М.-Самара, 2010. С. 5, 11.

[2] Шнейдер К.И. Генезис русского либерализма: постановка проблемы // Власть. 2009. № 6. С. 126.

[3] Нарежный А.И. Истоки российского либерализма // Проблемы модернизации России: Вестник РМИОН. Вып. 2. Ростов н/Д, 2008. С. 205.

[4] Опыт российских модернизаций. XVIII-XX века. М., 2000. С. 54.

мнению советских исследователей, имело программный характер и содержало основные положения либерального реформаторского проекта середины XIX в.[1] Его суть состояла в необходимости освобождения крестьян «без потрясения всего общественного организма», «введения свободы совести в государстве», в отмене или, как компромиссный вариант, ослаблении цензуры[2]. Данные меры, по мнению авторов письма, способствовали бы утверждению гражданских прав и свобод в России и проведению реорганизации аппарата государственного управления. В этом пункте речь, прежде всего, шла о восстановлении прямых отношений между царем и «истинно образованным людьми», минуя бюрократию, превратившуюся во врага царя и России. Было отмечено, что под гнетом чиновничьей аристократии задыхается русская мысль, которая могла бы принести много пользы для императора в делах управления государством[3]. По сути, эти положения были повторением плана либеральных преобразований, который Чичерин изложил еще в 1855 г. в своей статье «Современные задачи русской жизни».

Идеи С.И. Барановского, изложенные в его «Задушевных Думах», соответствовали общему настрою на преобразовательную деятельность и во многом перекликались с содержанием программных документов русских либералов. Сама записка, сохранившаяся в Секретном архиве Третьего отделения, ранее не была введена в научный оборот и оказалась вне изучения истории развития русской либеральной идеологии в середине XIX в. Анализ взглядов Барановского позволит дополнить знания о специфике формирования русского либерализма в контексте уникальной общественно-политической ситуации середины XIX в. и развития взаимоотношений власти и либеральной общественности в этот период.

Профессор Барановский, разносторонняя одаренность которого была сродни гениальности, живо интересовавшийся многими сферами, в силу своей активной жизненной позиции не остался в стороне от процесса «всеобщего пробуждения», начавшегося после вступления на престол Александра II. Следует отметить, что обще-

---

[1] Революционная ситуация в России в середине XIX века / Под ред. акад. М.В. Нечкиной. М.,1978. С. 87; Сладкевич Н.Г. Борьба общественных течений в русской публицистике конца 50-х – начала 60-х годов XIX века. Л.,1979. С. 8.

[2] Русский либерал [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.]. Письмо к издателю // Голоса из России. Лондон, 1856. Кн. 1. С. 21.

[3] Там же. С. 17.

ственные настроения в 1850-е гг. переживали определенную трансформацию и перешли от критики николаевской системы управления к поддержке и стремлению содействовать власти в лице нового императора Александра II. Многие представители русской общественности стремились донести до власти свое видение перспектив развития страны на новом этапе ее истории и тем самым попытаться повлиять на формирующийся внутриполитический курс нового правительства. «Задушевные думы» Барановского, созданные в период общественно-политического подъема 1850-х гг., являются ярким примером роста инициативности в образованном обществе и распространенности в нем стремления выйти на связь с высшей властью в стране.

В записке профессор систематизировал свои социально-экономические и политические взгляды, соответствующие общему контексту развивающейся идеологии либерализма, а представить их лично императору решился, «считая осуществление этих дум непременным условием для прочного благосостояния России»[1]. Как и многие либерально мыслящие представители русского образованного общества ученый был уверен в том, что его предложения позволят самодержавной власти увидеть объективное положение дел в стране и скорее выработать курс необходимых преобразований. При этом, если русские либералы в этот период единственный способ «откровенного выражения русской мысли» видели в заграничной публикации своих злободневных статей, то Барановский решил использовать другой, не оппозиционный канал коммуникации с властью, напрямую обратившись к императору.

Записка состоит из семи небольших «легких» очерков, каждый из которых затрагивает отдельную внутриполитическую проблему и содержит конкретные предложения автора по ее разрешению. В предисловии к «Думам» Барановский просит императора прочесть его рукопись самому, без предварительного разбора ее «официальными специалистами». Объясняя свою «дерзкую» просьбу, он писал: «Ни перед кем другим я не был бы так откровенен как перед моим Государем»[2].

Ученый начинает записку с рассмотрения основных «бедствий» в государственном управлении России, особо подчеркивая, при

[1] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 1об.
[2] Там же.

этом, что в настоящих условиях для блага страны необходимо только самодержавное управление[1]. Как и остальные русские либералы середины XIX в., политическую программу которых отличал этатизм, выражающийся, прежде всего, в поддержке сильной монархической власти[2], Барановский саму возможность воплощения в жизнь реформаторских проектов признавал за верховной властью. Именно сильная самодержавная власть, по мнению либеральных мыслителей, могла в условиях политического оживления середины XIX в. и сопутствующему ему формированию различных группировок, отстаивающих противоположные взгляды на характер и глубину преобразований, подняться над узкими сословными интересами и, учитывая общегосударственный интерес, провести необходимые реформы.

Однако, в то же время, «самодержавие невозможно без благоустроенного порядка», который, по мнению Барановского, в стране отсутствует. Власть самодержавного монарха в России, формально неограниченная, фактически была весьма ограниченной «самоволием и корыстной хитростью особ, которые злоупотребляют доверием к ним государя»[3]. Речь здесь идет о том самом чиновничьем средостении, которое, по мнению авторов «Письма к издателю», стало «непослушным органом воли государя», нарушающим прямую связь между императором и народом[4].

Барановский разделял данное мнение и в своей записке отметил, что император в силу своей большой занятости «поставлен в необходимость смотреть на государство глазами приближенных», среди которых так много недобросовестных и злоупотребляющих властью, и совершенно не имеет времени, которое бы мог употребить на сближение со своим народом[5]. Более того, по мнению ученого, укоренившееся в российской политической системе от самых низших до самых высших ее звеньев представление о том, что государь может и должен лично следить за всеми распоряжениями, привело к «гибельным последствиям», а именно, к росту «громадной массы дел», на которые вынужден отвлекаться самодержец.

---

[1] Там же. Л. 2.
[2] Шнейдер К.И. Ранний русский либерализм в политическом измерении // Власть. 2011. № 8. С. 92.
[3] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 2.
[4] Русский либерал [Кавелин К.Д., Чичерин Б.Н.]. Письмо к издателю. С. 11.
[5] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 3.

Занятому текущими мелкими государственными заботами императору не хватает ни времени, «ни свежих душевных сил» для тщательного рассмотрения действительно важных государственных вопросов. Естественно, что один справиться с нарастающим объемом государственных дел он не может и вынужден полагаться на своих докладчиков, которые зачастую поступают недобросовестно, и нередко «самая неудачная мера приводится в исполнение ко вреду многих»[1]. В результате такой некачественной работы государственного аппарата среди чиновников «от министра до писца» и во всем обществе утвердилось «небезосновательное неуважение к закону», которое выступает одним из главных препятствий на пути государственного благоустройства. По мнению Барановского, стремление чиновников сложить с себя ответственность за принимаемые решения и довести дело до императора, который должен поставить свою подпись, привело к «страшной медленности делопроизводства» и вызвало «чудовищное накопление дел по всем ведомствам»[2].

Барановский, характеризуя сложившееся состояние политической системы, явно указывал самодержцу на необходимость укрепления пошатнувшейся законности и авторитета права. Вслед за Чичериным и другими либеральными мыслителями ученый в произволе чиновников видел главную причину всех государственных неустройств[3]. При этом антибюрократизм Барановского, как и у многих представителей либеральной мысли в России середины XIX в., переходит в конституционализм[4]. По его мнению, для того, чтобы ввести в стране «надлежащий порядок управления», необходимо «строгое разграничение трех родов власти – законодательной, исполнительной и судебной и надлежащее взаимное отношение их между собою, а также к Государю и народу»[5]. Эта положение не только роднит идеи автора с представлением о «правильной монархии» М.М. Сперанского, но и подтверждает его привержен-

---

[1] Там же. Л. 2 об.
[2] Там же.
[3] Чичерин Б.Н. Современные задачи русской жизни // Голоса из России. Лондон,1857. Кн. 4. С. 81-82.
[4] См.: Реформа сверху или реформа снизу // Колокол. 1858. № 28. Вып. I. С. 226; Долгоруков П.В. Правда о России, высказанная князем Петром Долгоруковым: В 2 т. Париж. Т. 1. 1861. С. 96-97; Серно-Соловьевич Н.А. Проект действительного освобождения крестьян // Серно-Соловьевич Н.А. Публицистика. Письма. М., 1963. С. 52.
[5] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 3.

ность идеалу конституционной монархии[1], реализация которого откладывалась ученым на далекое будущее.

Разделение властей, по мнению Барановского, должно произойти между тремя учреждениями, непосредственно зависимыми от императора. Ими являются Законодательный Совет, Государственная Управа и Верховный Суд, каждому из которых подчинялись бы остальные правительственные учреждения[2].

Наряду с этим Барановский предлагал усилить роль и влияние на политический процесс общественного мнения, которое, по мнению либералов середины XIX в., было способно помочь власти найти верный путь выхода из кризисного положения. В частности, каждый законодательный проект должен был проходить процедуру публичного обсуждения: «Каждый проект, одобренный Советом, должен, за шесть месяцев до учреждения его Государем, быть обнародован и может, как всякое литературное произведение быть предметом суждений публики и рецензий журналов»[3]. К необходимости проверять внушения приближенных императора и доклады министров при помощи разоблачительной силы общественного мнения и обеспечения доступа к монарху «всех взглядов, мнений, жалоб и желаний, какие только есть в стране» в этот период призывал и Кавелин, видевший возможность достичь этой цели посредством «разумного, справедливого закона о печати и хорошо устроенных государственных учреждений»[4].

Барановский, подобно всем русским либералам середины XIX в., развивает мысль о благоустроенном и правомерном государстве, в котором «должны быть с точностью определены и строго соблюдаемы права всех и каждого»[5]. В соответствии с этим представлением, автором записки предусматривалось «право изъятия от телесного наказания» для всех сословий. Также предполагалось равенство всех перед судом и равные возможности в «просвещении своего ума»[6]. Возможность введения основных гражданских

---

[1] Нарежный А.И. История конституционализма в России (проблемы политической модернизации): учебное пособие. Ростов н/Д, 2009. С. 78.
[2] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 3.
[3] Там же. Л. 3 об.
[4] Кавелин К.Д. Бюрократия и общество // Кавелин К.Д. Собр. Соч.: в 4 т. Т. 2. СПб., 1898. С. 1069.
[5] ГА РФ. Ф. 109. Оп. 3а. Ед. 78. Л. 8 об.
[6] Там же. Л. 9.

прав и свобод ученый связывал, прежде всего, с проведением политических преобразований.

Таким образом, основные идеи Барановского, изложенные им в «Задушевных Думах», находятся в системе ценностных координат русских либеральных мыслителей середины XIX в. Во взглядах ученого нашли отражение многие базисные теоретические принципы классического либерализма, к которым относятся теория естественного права, вытекающие из нее основные индивидуальные права и свободы, верховенство права, принцип разделения властей. В политической сфере он придерживался идеи самоограничения самодержавной власти посредством разделения властей, которое позволило бы разросшемуся государственному аппарату управления империей стать более действенным. Барановский шел на определенный риск, открыто, не скрывая своей личности, высказывая подобные идеи в записке, адресованной лично императору, но им двигало истинно патриотическое стремление послужить на благо своей родине, свойственное многим передовым людям эпохи отмены крепостного права.

Н.В. Черникова[1]

ЛИБЕРАЛ ВО ВЛАСТИ: А.А. САБУРОВ

Говоря об истоках русского либерализма, исследователи обычно выделяют бюрократический, дворянский либерализм и либерализм внесословной интеллигенции[2]. Часто говорят о профессорском либерализме. Несправедливо забытой остается еще одна профессиональная группа, а именно – юристы. Общеизвестно, что судебная реформа была наиболее радикальной среди преобразований Александра II, а среди тех, кто был призван проводить ее в жизнь немало было молодых людей, относительно недавно закончивших Училище правоведения, Александровский лицей, юридиче-

---

[1] *Черникова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва).*

[2] См., напр.: Секиринский С.С. Введение // Секиринский С.С., Шелохаев В.В. Либерализм в России: Очерки истории (середина XIX – начало XX в.). М, 1995. С. 6-8.

ские факультеты университетов и воодушевленных теми огромными возможностями, которые открылись перед ними, – возможностями правового воспитания целого общества. Можно даже сказать, что это были «профессиональные» либералы − в 1860-е гг. в России быть юристом значило почти то же, что быть либералом.

С течением времени свойственная юристам приверженность принципам судебной реформы входила во все большее противоречие с правительственной политикой. Но их деятельность ограничивалась сугубо профессиональной сферой, и специфика подходов к решению общегосударственных проблем оставалась малозаметна. Тем интереснее пример Андрея Александровича Сабурова (1837−1916), прослужившего почти 20 лет в Министерстве юстиции и Сенате и затем на короткое время (24 апреля 1880 − 24 марта 1881) возглавившего Министерство народного просвещения.

Как государственный деятель Сабуров малоизвестен. Не существует посвященных ему исследований, словарные статьи, как правило, очень коротки, а некоторые энциклопедии (Большая советская, Новая российская энциклопедии) вообще обходят его фигуру молчанием. Виной этому, на наш взгляд, был не столько краткий срок министерства, сколько устоявшееся еще среди современников и затем перешедшее в историографию мнение, что Сабуров − «личность бесцветная», не имевшая своего мнения и целиком находившаяся в сфере влияния М.Т. Лорис-Меликова и его единомышленников[1]. Эту характеристику сложно назвать справедливой.

Андрей Александрович окончил Александровский лицей в 1857 г., начал службу в канцелярии Комитета Министров, но там почти не работал. Спустя полгода, он ушел в продолжительный отпуск, а вскоре по возвращении, уже в 1859 г., по собственному желанию перешел в министерство юстиции. Его дальнейшая карьера связана с юридическим ведомством – министерством юстиции и Сенатом. Он увлеченно занимался делами, по свидетельству жены, был просто «влюблен в новый судебный устав, всей душой уходил в глубь» юридических задач[2]. Министр юстиции К.И. Пален даже прочил Сабурова себе в преемники[3]. Но в 1875 г. его карьера сде-

[1] Зайончковский П.А. Кризис самодержавия на рубеже 1870–1880-х годов. М., 1964. С. 231−232.
[2] Сабурова Е.В. Воспоминания // НИОР РГБ. Фонд 667. Карт. 3. Ед. хр. 1. Л. 113 об.
[3] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой. Весна 1878 г. // НИОР РГБ. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л. 12.

лала резкий поворот – 31 мая он был назначен попечителем Дерптского учебного округа. Этот округ мало походил на другие учебные округа империи, и назначение сюда человека, мало знакомого с учебным делом, имело свои резоны. Кроме того, надо учитывать, что жена Сабурова выросла в Дерпте, любила Остзейский край и даже считала его своим вторым отечеством[1], имела здесь обширные знакомства, и ее рассказы могли помочь мужу на первых порах.

Дело, которое предстояло Сабурову в Дерпте, было для него совершенно новым, но он быстро им увлекся. В то же время, отдавая себе отчет в собственной неопытности, он «воцарился смирением», первый поехал к своему помощнику А.И. Зесселю и попросил помочь ему своими знаниями и опытностью. С долей иронии относился он к попыткам местных педагогов обращаться с ним «как со светилом науки, богатым опытом». «Все это показалось мне настолько комичным, что я чуть не расхохотался им всем в лицо», − писал он жене[2].

Полученный в Дерпте опыт и стал той базой, опираясь на которую Сабуров в 1880−1881 гг. действовал уже как министр. Его назначение управляющим ведомством народного просвещения произошло на фоне подъема революционного движения, когда все привычные средства борьбы с ним были уже исчерпаны, и казалось, что новые люди и неординарные решения смогут переломить ситуацию. Сабуров и сам относился к своему назначению как к своего рода эксперименту и даже не считал себя вправе испрашивать дополнительные суммы на обустройство в ведомственной квартире[3].

В исследовательской литературе программа Сабурова традиционно сводилась к изменению положения студенчества[4], тем более что непрекращающиеся волнения в университетах выдвигали этот вопрос на первый план. На самом деле намерения Сабурова были гораздо шире и предполагали кардинальные перемены в ведомственной политике. Но Андрей Александрович занимал министерский пост на протяжении всего 11 месяцев – слишком короткий срок, чтобы совершить тот переворот, который был им задуман.

---

[1] Сабурова Е.В. Воспоминания. Л. 73.

[2] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой от 19 августа 1875 // НИОР РГБ. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л. 11.

[3] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой. Май 1880 г. // Там же. Л. 14.

[4] Зайончковский П.А. Кризис самодержавия. С. 269−273, 276−283; Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 92−94.

Уже для решения студенческого вопроса Сабуров избрал принципиально иной путь, нежели его предшественник Д.А. Толстой. На протяжении 5 лет наблюдая за дерптским студенчеством и его корпоративной жизнью, Сабуров не видел причин запрещать объединения русским студентам. Огульное подозрительное отношение к студенчеству в целом казалось ему в корне неправильным. Поддержку своим взглядам он нашел в военном министре Д.А. Милютине, и 21 октября 1880 г. в Ливадии ими была подана совместная всеподданнейшая записка о положении студентов в университетах в связи со студенческими волнениями[1]. Ее основная идея была довольно проста. «Стекаясь со всех концов России, среди чуждого им населения» студенты ищут поддержки в товарищеском кружке. Существующий запрет студенческих объединений ведет к тому, что кассы взаимопомощи, столовые и организованная помощь (в приискании заработка и проч.), действительно необходимые необеспеченным студентам, существуют, но в тайне от правительства. Кроме того, в силу своей разобщенности, благонамеренные студенты, хоть и составляют большинство, оказываются не в состоянии противостоять небольшой, но тесно сплоченной «дурной части студенчества». А университетское начальство и инспекция, имея перед собой «неустроенную массу» не могут опереться в ее среде «на отдельных выдающихся личностей». Предложение сводилось к легализации сходок в стенах университета, разрешении студенческих организаций и выбора студентами своих представителей[2] − и полностью противоречило взгляду на студентов как разобщенных слушателей, который установился в правительственных кругах. Тем не менее, записка была одобрена императором и спустя два месяца почти в неизменном виде вошла в доклад Сабурова о созыве совещания из министров, имеющих в своем ведении высшие учебные заведения. На это предложение также последовало согласие Александра II. Одновременно им был расширен круг поставленных на обсуждение проблем: высочайшая резолюция предписывала мини-

[1] Записка А.А. Сабурова – Д.А. Милютина. 21 октября 1880 г. // Милютин Д.А. Дневник. 1879−1881. М., 2010. С. 536−540.
[2] Там же. С. 539.

страм дополнительно обсудить вопрос об изменении лишь недавно, в 1879 г., принятых правил об инспекции над студентами[1].

Уложиться в один день членам совещания не удалось. Доклад Сабурова обсуждался 5 января, при этом, несмотря предварительное одобрение императором, Сабуров остался в меньшинстве – его поддержали только Лорис-Меликов и Милютин. Рассмотрение вопроса об инспекции состоялось 9 января, и на этот раз большинство оказалось на стороне Сабурова: все, кроме И.Д. Делянова, хотя и с оговорками, высказались за подчинение инспекции ректору и допущение студенческих касс, столовых и проч., уже существующих de facto[2].

Но еще до этих заседаний, сразу после возвращения из Ливадии Сабуров начал процесс реформирования университетов, − в полном соответствии с одним из пунктов одобренной императором записки, согласно которому намеченные преобразования планировалось проводить без издания соответствующего постановления, дозволением каждому попечителю разрешать те меры, которые он считал необходимыми «в тех размерах и с теми гарантиями, какие в каждом отдельном случае окажутся нужными»[3].

Эта форма также была одним из привнесенных Сабуровым новшеств. Андрей Александрович был сторонником децентрализации управления и считал полезным расширить полномочия не только попечителей, но и педагогических советов – «так чтобы от них все исходило и чтобы попечители только "вентилировали" между ними… ту или другую идею, а вместе с тем по возможности расшевеливали их, отучали ждать начальнических приказаний или ссылаться на них». Он даже разрешил по всем ученым округам проводить учительские съезды, и требовал от попечителей, чтобы они предложили те или иные вопросы на обсуждение съездов[4].

Собственно, нечто подобное было опробовано им еще в Дерпте, когда он, нарушая устоявшуюся традицию, предоставил мест-

---

[1] Всеподданнейший доклад о созыве совещания о положении в высших учебных заведениях в связи со студенческими волнениями, утвержденный Александром II 29 декабря 1880 г. // НИОР РГБ. Ф. 169. П. 43. Ед. хр. 26. Л. 2.

[2] Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 января 1881 г. // Там же. Ф. 120. К. 20. Л. 33 об.; Милютин Д.А. Дневник. 1879−1881. Записи 5 и 10 января 1881 г. С. 252−256.

[3] Записка А.А. Сабурова – Д.А. Милютина. 21 октября 1880 г. С. 539.

[4] Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 января 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 20. Л. 35.

ным педагогам максимальную свободу – «давал делать, что хотят»[1]. Теперь, осенью 1880 г., децентрализация позволила Сабурову начать широкие преобразования, не дожидаясь их законодательного оформления. Поводом стало обращение студентов Петербургского университета к ректору, чтобы им, по примеру московского университета, разрешили подать министру коллективную петицию о своих нуждах[2]. Петицию Сабуров посчитал недопустимой, но разрешил ректору своею властью дозволить студентам собираться после занятий по курсам и факультетам для обсуждения и письменного изложения «их желаний относительно изменений в существующих университетских порядках»[3]. Сходки проходили в специально отведенных для этого аудиториях, а отсутствие при этом беспорядков доказывало, казалось, правоту Сабурова. Дело, однако, закончилось скандалом. Готовый список пожеланий студентов был передан в университетский Совет, где был встречен сочувственно, и затем вместе с соображениями Совета по этому же вопросу был передан министру. Этот отзыв, вместе с предложениями Советов других университетов, рассматривался в министерстве в начале февраля 1881 г. в рамках подготовки программы преобразований высшей и средней школы[4]. Но к этому времени радикально настроенные студенты уже не верили обещаниям Сабурова. 8 февраля, во время ежегодного университетского акта, после выступления профессора А.Д. Градовского студент Л.М. Коган-Бернштейн выкрикнул с хор несколько слов о лживой политике правительства, которое выслушало студентов только для того, чтобы посмеяться над ними[5] («осыпал меня площадною бранью», − писал позже Сабуров[6]), в то время как другой студент − П.П. Подбельский, подошел к министру и дал ему пощечину.

Это событие глубоко потрясло Сабурова, но не изменило его убеждений. Уже после отставки, наблюдая за продолжавшимися

---

[1] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 20 сент. 1880 // Там же. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 53.
[2] О Московской петиции см.: Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. С. 90-91.
[3] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 11 окт. 1880 // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 61 об.
[4] Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 4 февраля 1881 г. // Там же. К. 20. С. 24 об.
[5] Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 95-96.
[6] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой от 11 ноября 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л.. 15 об.

студенческими волнениями, он спрашивал себя, нет ли в этом и частицы его вины: «Я не умел воспользоваться той краткой минутой, когда был у власти, чтобы провести ту систему, которая бы помогла спасти эту бедную молодежь от таких пагубных для них увлечений», − писал он[1].

Изменение правил о студентах было далеко не единственным, что Сабуров не успел провести в свое краткое министерство. При нем был начат пересмотр подготовленного Д.А. Толстым университетского устава, устава реальных училищ, был поднят вопрос о женском образовании (в недрах министерства была даже создана комиссия о женских профессиональных школах)[2]. Не мог он не обратить внимание и на многолетнюю критику классической системы в средней школе. В министерстве началась разработка реформы гимназий и прогимназий. Значительную роль в этом, как и при обсуждении университетского устава, Сабуров отводил мнениям педагогических советов, в которых обсуждение преобразований проходило с осени 1880 г. В первую очередь, намеревались уменьшить число часов на древние языки при сокращении или полной отмене домашних заданий по этим предметам. Кроме того, для «облегчения» учащихся предполагалось не выводить годовую оценку из четвертичных, а ставить ее произвольно; допускать к устному экзамену даже при неудовлетворительной оценке за письменный и проч.[3] Все эти предложения встретили неоднозначную оценку как в среде старых сотрудников министерства, так и среди преподавателей, стали причиной многочисленных сокрушений и жалоб[4] и скрытого и явного противодействия. Собственно, отсутствие поддержки своим начинаниям и было главной проблемой, с которой столкнулся Андрей Александрович на посту министра. Голоса одобрения раздавались только со стороны либеральных органов печати. В консервативных кругах его называли Хлестаковым из судейских, Сумбуровым[5] и даже ослом и дураком[1].

---

[1] Там же.

[2] Письма А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 21 августа и 10 сентября 1880 г. // Там же. Ф. 120. К. 20. Л. 27-27 об., 29.

[3] Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 апреля 1881 г. // Там же. Л. 37 об.

[4] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 20 сент. 1880 г. // Там же. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 53; Письма А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 января и 4 февраля 1881 г. // Там же. К. 20. Л. 32 об.-33, 35.

[5] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 3 дек. 1880 г. // Там же. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 72, 72 об.

Среди ведущих сотрудников министерства оказалось много его идейных противников, так что кадровый вопрос встал перед Сабуровым в полный рост. В первую очередь, преобразований требовал Ученый комитет, во главе которого стоял А.И. Георгиевский. Ученый комитет играл особую роль в министерстве, фактически определяя направление его деятельности. Он разрешал все педагогические вопросы, предварительно обсуждал дела, касающиеся устройства и управления учебных заведений, определял их потребности, в т.ч. и в учебной литературе; рассматривал учебные пособия, книги для народного и детского чтения, от него зависел состав библиотек, от ученических до фундаментальных. Разработка проектов уставов учебных заведений – от начальных до университетов, уставов ученых обществ, проекты учреждения премий, организаций конкурсов и проч. также находились в его ведении. Комитет собирался на постоянные заседания, а его председатель имел доклад у министра, был в курсе всех министерских дел, т.к. ежедневно ему присылались бумаги по министерству.

С приходом Сабурова все изменилось. С Георгиевским, бывшим одним из основных помощников Толстого, он был очень холоден, перевел Комитет в помещение значительно меньших размеров, так что возникла даже проблема с проведением заседаний. Ежедневная присылка бумаг в Комитет была отменена, а доклады его председателя из устных были переведены в разряд письменных. Новые назначения в состав Комитета, указания о рассмотрении дел, об отпусках и наградах – все это проходило мимо Георгиевского[2], что, конечно, было вопиющим нарушением субординации. Но для Сабурова это была единственная возможность нейтрализовать вредного, с его точки зрения, человека.

Второй кадровой задачей стало изменение состава попечителей учебных округов, от которых вводимая Сабуровым система требовала совсем нового стиля работы. Так, министр быстро понял, что не сможет работать с попечителем Петербургского учебного округа кн. С.М. Волконским, которого считал «большим камнем пре-

---

[1] Письма К.П. Победоносцева Е.Ф. Тютчевой от 14 и 26 января 1881 г. // Там же. Ф. 230. П. 4410. Ед. хр. 1. Л. 8, 14.

[2] Письма А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 7 и 10 мая, 21 августа 1880 г. // Там же. Ф. 120. К. 20. Л. 23 об.-24, 25, 29.

ткновения» для задуманных преобразований[1]. Впрочем, Волконский и сам не намерен был оставаться, так что его даже пришлось уговаривать подождать, пока ему найдут преемника[2]. А найти его оказалось непросто, тем более, что необходимо было отыскать попечителей еще для двух округов – Московского и Дерптского. У Сабурова было немало единомышленников в среде либеральной профессуры, но вскоре выяснилось, что автономию они понимали иначе, нежели Сабуров – как расширение прав профессоров, но не студентов. Первым, о ком подумал новый министр, был Б.Н. Чичерин, который, однако, последовательно отказался от назначения Московским и Дерптским попечителем, а затем и председателем Ученого комитета министерства[3]. В таких условиях – объяснял он свое решение, – «деятельность попечителя невозможна», ибо «это уже не автономия, а Бог знает что такое. Сабуров мечтает о каком-то студенческом парламенте»[4]. Место Петербургского попечителя было предложено М.Ф. Дмитриеву, который сначала осуждал непримиримость позиции Чичерина, но после двухчасового разговора с Сабуровым и сам заколебался[5].

Предложение поста попечителя кн. А.И. Васильчикову, общественному деятелю, все знакомство которого с работой министерства сводилось к критике классической системы образования в опубликованной за границей брошюре «Письмо министру народного просвещения графу Толстому от кн. Васильчикова» (Берлин, 1875), на этом фоне можно рассматривать как акт отчаяния (правда, Васильчиков тоже ответил отказом[6]). В результате, при Сабурове в министерстве появилось немало юристов, с которыми ему было проще найти общий язык.

Пост его товарища занял П.А. Марков, перешедший в ведомство народного просвещения из министерства юстиции и вскоре с

---

[1] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой. Май 1880 г. // Там же. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л. 14.

[2] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 3 дек. 1880 г. // Там же. Ф. 120. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 72.

[3] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 25 сент. 1880 // Там же. Л. 54.

[4] Письмо Е.А. Феоктистова Н.А. Любимову // ИРЛИ. Коллекция автографов и портретов государственных и общественных деятелей, собранная Д.Н. Любимовым. Т. 2. 1895. Л. 9.

[5] Письмо К.П. Победоносцева М.Н. Каткову от 9 января 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 120. К. 19. Л. 55 об.

[6] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 3 дек. 1880 г. // Там же. К. 8. Ед. хр. 8. Л. 72 об.

удивлением открывший для себя, что казавшееся ему нетрудным дело заключает в себе «бездну премудрости»[1]. А попечителем Московского учебного округа стал еще один профессиональный юрист – П.А. Капнист. «Yuristen-Walzer» (юридический вальс) называл происходящее в министерстве народного просвещения Т.И. Филиппов[2], а император, подписывая указ о назначении Капниста, не удержался от сарказма. «Посмотрим, как твои юристы будут просвещать Россию», − заметил он Сабурову[3].

Положение руководителя ведомства, приступающего к широким преобразованиям почти в одиночку, без поддержки общества, и при противодействии части собственных чиновников можно назвать трагичным. И, тем не менее, Сабуров был полон решимости продолжать начатое. В отличие от большинства руководителей ведомств, предпочитавших обходиться без резких изменений, Сабуров нашел в себе мужество пойти против сложившейся системы и пытался реализовать программу столько же радикальную, какими в условиях России были судебные уставы 1864 г., программу, воплощающую собой квинтэссенцию либерализма в сфере образования. Он считал в корне неверной пословицу «один в поле не воин». «Если ты настоящий воин, − утверждал он, − то не долго останешься один»[4].

Судьба рассудила иначе. Сабурову так и не удалось добиться понимания коллег-министров, а отношение к нему в высших сферах граничило с пренебрежением[5]. По убеждению Милютина, при всех своих прекрасных качествах, Сабуров оказался слишком «простодушен» для министерского поста[6]. Его отставка казалась неизбежной – как только пошатнется влияние поддерживавшего его Лорис-Меликова. Но она произошла даже быстрее. Сабуров покинул министерский пост спустя три недели после воцарения нового императора. Его отставка не сопровождалась назначением в Государственный совет – исключительный случай, свидетельствующий да-

---

[1] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 20 сент. 1880 г. // Там же. Л. 53 об.
[2] Там же. Л. 53.
[3] Письмо Б.М. Маркевича М.Н. Каткову от 3 дек. 1880 г. // Там же. Л. 72.
[4] Отрывок из воспоминаний Е.А. Давыдовой (урожд. Сабуровой) // Там же. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л. 21.
[5] Письмо А.И. Георгиевского М.Н. Каткову от 19 января 1881 г. // Там же. Ф. 120. К. 20. Л. 34.
[6] Милютин Д.А. Дневник. 1879−1881. Запись 10 января 1881. С. 256.

же не столько о недовольстве императора проводимой министром политикой, сколько об убеждении, что мнение данного государственного деятеля не принесет пользы России.

Вместо Государственного совета Сабуров был назначен в Сенат и был этим очень доволен. Именно здесь он чувствовал себя на своем месте. «Как приятно при работе иметь дело с принципами, а не с людьми», − писал он жене. «Какое счастие, что существует учреждение, для которого святость закона на первом месте»; «в сущности мы настоящая опора Государя, ограждая его же закон от вторжения в него министров и не допуская их произвола»[1].

Девизом Сабурова, как и многих юристов, было латинское выражение «Pereat mundus et fiat justitia», что применительно к русским реалиям лучше перевести как: «Пусть гибнет мир, но да царствует закон». Короткий срок министерства позволил Сабурову в полной мере ощутить разрыв, существовавший между миром людей и миром законов, миром принципов, − и он отдал безусловное предпочтение второму, где, не стесненный миром существующей реальности со всеми ее «вопиющими нуждами и заботами»[2], он мог приносить реальную пользу, путь и рассчитанную на более длительную перспективу.

Д.М. Усманова[3]

ПОЛИТИЧЕСКАЯ БИОГРАФИЯ САИД-ГИРЕЯ АЛКИНА: АДВОКАТ, ТАТАРИН-МУСУЛЬМАНИН, ЛИБЕРАЛ

Статья посвящена Саид-Гирею Алкину, чье имя в литературе часто упоминается со словом «первый»: первый адвокат-мусульманин в Казани, издатель-редактор первой в Казани газеты на татарском языке «Казан мөхбире» («Казанский вестник»), один из организаторов и активных членов мусульманской либеральной партии «Иттифак ал-мөслимин» («Мусульманский союз»), член Гос-

---

[1] Письмо А.А. Сабурова Е.В. Сабуровой. от 11 ноября 1881 г. // НИОР РГБ. Ф. 677. П. 7. Ед. хр. 19. Л. 15.

[2] Там же.

[3] *Усманова Диляра Миркасымовна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории России Института международных отношений, истории и востоковедения Казанского федерального университета.*

ударственной думы 1-го созыва, депутат-перводумец и «выборжец», пострадавший за свои либеральные взгляды. Примечательно, что Саид-Гирей был единственным представителем большого клана Алкиных, кто занимал ярко-выраженную либеральную позицию.

Его отец был государственным служащим, чиновником, стоящим вне политики, а сын занимал более радикальную позицию и примыкал к социалистам: отец Саид-Гирея – Шагиахмет – был первым казанским мусульманином, достигшим значительных высот на карьерной лестнице и сделавшим в первой половине XIX в. впечатляющую карьеру на государственной службе. Сын Саид-Гирея Алкина[1] – Ильяс – сыграл значительную роль в революционных событиях, занимал лидирующие позиции в социалистическом крыле татарского национального движения в 1917-1919 гг. Позднее, отойдя от политики, он стал одним из первых татарских профессиональных ученых-экономистов. Можно сказать, что представители трех поколений казанской ветви рода Алкиных находились в рамках доминирующих для своего времени общественно-политических настроений. Для нас Саид-Гирей Алкин интересен именно как довольно яркий, но, в то же время, и типичный представитель мусульманского либерализма в позднеимперской России. Вероятно, прежде чем знакомить читателей с основными моментами его биографии следует несколько слов сказать о других представителях этого славного рода.

Казанская ветвь рода Алкиных

Если обратиться к истокам, то одно из наиболее ранних упоминаний о представителях династии Алкиных датируется концом XVIII в.[2] Речь идет о подпоручике (позднее поручике) Мухамете Алкине,

---

[1] Известно, что в октябре 1893 г. Саид-Гирей женился на дочери коллежского асессора Гульямал Гизетулловне Сафиуллиной. От этого брака у них было четверо сыновей: Ильяс (1895-1937), Дауд, Сари-Оскар и Джангир. Подробнее об Ильясе Алкине см.: Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Казань, 2002. 352 с.

[2] Одна из первых публикаций о представителях трех поколений рода Алкиных – Шагиахмете, Саид-Гирее и Ильясе, была осуществлена автором этих строк. См.: Усманова Д.М. Из рода Алкиных // Татарстан. 1993. № 12. С. 35-42; Она же. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. 496 с.; Она же. Алкин С.-Г. // Российский либерализм середины XVIII-начала XX века: энциклопедия / Отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010. С. 21-22. Архивные документы, касающиеся указанных представителей рода Алкиных, опубликованы в сб.: Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Ка-

получившем в 1795 г. за службу землю в Свияжском уезде Казанской губернии. Фактически он стал основателем казанской ветви рода Алкины, поскольку имеется еще и уфимская ветвь[1]. Однако большую известность получил его сын Шагиахмет Мухаммедович (1812-1877/78)[2]. Проучившись несколько лет в 1-й мужской Казанской гимназии, Шагиахмет был вынужден по семейным обстоятельствам прервать учебу, так и не окончив полного гимназического курса. В 1825 г. он поступил на службу в канцелярию казанского губернатора, дослужившись до должности пристава сначала второй (1833), а чуть позднее первой части г. Казани. При его непосредственном участии было успешно расследовано несколько запутанных дел, а в центральной части Казани был наведен образцовый порядок. Поощряя его служебные заслуги, руководство городской администрации характеризовало Алкина следующими словами: "*Чиновник сей, находясь при Казанской полиции частным приставом с 1833 года, всегда обращал на себя особенное внимание начальства как по отличным его нравственным качествам, так и по неутомимой деятельности полицейской службы. Управляя главнейшею частью города по народонаселению и торговле, он соблюдает всегда строгую справедливость в разборах жалоб и сохранении общественного порядка*" (1841)[3].

В 1846 г. Алкин был назначен помощником полицмейстера г. Казани, замещая последнего во время частых отъездов. На этой должности он находился вплоть до выхода в отставку по болезни в 1859 г. Авторитет и влияние Шагиахмета Алкина определялись не только высоким служебным положением, но и подкреплялись тем фактом, что подобного положения смог достичь иноверец, не поменявший свою веру на господствующее в стране православие. Говоря о его необычайно высоком авторитете среди мусульманского

зань, 2002. 352 с. См. также: Казанское дворянство 1785–1917 гг. Генеалогический словарь. Казань, 2001. С. 51–52.

[1] Представителей уфимской ветви рода Алкиных я в этой статье касаться не буду.

[2] Его имя иногда пишется как Шах-Ахмет Мухамедов, иногда по весьма распространенной традиции того времени дается в русифицированном варианте как Алексей Михайлович. Биографические сведения Ш. Алкина имеются в формулярном списке о службе, копия которого сохранилась в личном деле студента С.-Г. Алкина. Кроме того, формулярный список о службе Ш. Алкина за 1841 г. сохранился в ходатайстве Казанского дворянского собрания о причислении его к дворянскому сословию (НАРТ. Ф. 350. Оп. 2. Д. 10. Л. 57-58 об.). См.: Илиас Алкин – общественный деятель, военачальник, ученый. Документы и материалы. Казань, 2002. С. 19-22.

[3] Валиди Дж. Очерки истории литературы и образованности татар. Пг.-М., 1921.

населения Казани, Джамалетдин Валиди писал следующее: “*В это время Казанским полицмейстером был Шаги Ахмет-Мирза Алкин. Казанское духовенство всячески старалось угодить этому сановнику и в оба мусульманских великих праздника делало первый визит Алкину, а потом обязательно Юнусову*”. Более того, все представители клана Алкиных, несмотря на характер профессиональной деятельности его главы и преимущественно светское русское образование его детей, не порывали тесной связи с мусульманской общиной г. Казани и татарским сообществом в целом. Возможно, это срединное положение между довольно изолированными в то время официальной-русской частью казанского общества и ее мусульманской частью было заложено Шагиахметом Алкиным, а затем своего рода продолжено в деятельности и Саид-Гирея, и Ильяса Алкиных.

В 1841 г. Шагиахмет Алкин подал прошение об утверждении его в благородном звании и на основании правительственных наград (орден Св. Анны 3-й степени) был причислен к дворянскому сословию. В 1847 г. данное решение Дворянского собрания было подтверждено Департаментом герольдии Сената. В итоге, род Алкиных был включен в третью часть дворянской родословной книги Казанской губернии. Сам Шагиахмет и его потомки принадлежали к весьма крупным и состоятельным собственникам: в 1877 г., незадолго до смерти, он владел землей в Мамадышском уезде (1281 десятина) и каменным домом в первой части г. Казани (по улице Воскресенская). Последний был оценен в 1916 г. в 80680 руб. и находился в совместном владении его шестерых детей (четверых братьев и двух сестер) – Саид-Гирея, Сари-Оскара, Бахрам-Гирея, Ибниямина, Биби-Марьям и Зулейхи. В целом, семья Шагиахмета и его второй жены, дочери купца первой гильдии Курбангалея Арсаева, Хусни Курбангалеевны Алкиной была традиционно многодетной. Старший сын Ибниямин (23.07.1864–?) окончил юридический факультет Казанского университета и до выхода в 1908 г. по болезни в отставку служил судебным следователем. Младшие сыновья Шагиахмета Бахрам-Гирей (14.09.1871–?) и Сари-Оскар (01.02.1875–?) имели среднее гимназическое образование и жили преимущественно в родовом имении, расположенном в Мамадышском уезде Казанской губернии. Впрочем, в политическом отношении они были довольно пассивны.

Жизненный путь и профессиональная карьера Саид-Гирея Алкина

Из всех четырех братьев именно Саид-Гирей Алкин оставил наиболее значительный след на профессиональном, политическом и общественном поприще. В официальных документах указано, что Саид-Гирей Шагиахметович Алкин (13(16).07.1867–1919) родился в селе Белый ключ Мамадышского уезда Казанской губернии[1]. Однако его можно назвать коренным казанцем, поскольку с Казанью была связана не только его персональная биография, но и судьба почти всех членов этого рода.

Окончив 1-ю Казанскую мужскую гимназию (1887) и юридический факультет Казанского университета (1893) с дипломом первой степени, Саид-Гирей начал службу по ведомству Министерства юстиции: первоначально кандидатом на должность судебного следователя (1893–1896), позднее перешел в адвокатуру[2]. Стажировался у таких известных казанских адвокатов, как Иван Терентьевич Орлов и Федор Августович Брокмиллер. В сентябре 1898 г., по истечении пятилетнего срока службы по судебному ведомству, Саид-Гирей Алкин подал прошение о зачислении его в сословие присяжных поверенных. В соответствии с законом, “принятие в число присяжных и частных поверенных лиц нехристианских вероисповеданий допускалось не иначе, как с разрешения министра юстиции” (примечания к ст. 380 учреждение судебных установлений, Свод законов, т. XVI, ч. 1, изд. 1892 г.). Следует сказать, что либеральные судебные реформы 1860-х гг. не знали никаких ограничений для занятия юридической практикой по вероисповедному признаку. Подобные ограничения в отношении частных и присяжных поверенных (адвокатов) впервые появились в 1889 г. и касались поначалу лишь евреев. Позднее эти ограничения стали применяться и в отношении мусульман. Однако в 1890-е гг. мусульмане еще не представляли с точки зрения чиновников судебного ведомства никакой опасности, поскольку число адвокатов-мусульман было очень незначительным. Поэтому в случае с С.-Г. Алкиным ходатайство общего собрания казанского Совета присяжных поверенных не вызвало возражений министра юстиции[3]. Более того, Саид-Гирей Ал-

---

[1] НАРТ. Ф. 977. Оп. Л./д. Д. 31305. 33 л.
[2] НАРТ. Ф. 41. Оп. 8. Д. 344. 63 л.
[3] Там же. Л. 20.

кин стал первым присяжным поверенным из числа казанских татар. Длительное время он оставался единственным адвокатом-мусульманином в г. Казани.

Не случайно, что в ноябре 1901 г. С.-Г. Алкин был избран действительным членом Казанского юридического общества при университете. В январе 1904 г. он был также делегирован в качестве одного из представителей городской думы в юбилейную комиссию по празднованию столетия Казанского университета. Наконец, в 1905–1906 учебном году С.-Г. Алкин преподавал в медресе “Мухаммадия” курс по предмету “Право”. Всю свою жизнь С.-Г. Алкин посвятил избранной профессии, всегда оставаясь, по отзывам коллег, “корректным, добросовестным и честным присяжным поверенным”. Лишь советская власть положила конец его адвокатской деятельности, заменив буржуазный суд и адвокатуру пролетарским революционным трибуналом.

Несмотря на занятость, Саид-Гирей не ограничивался лишь служебными адвокатскими обязанностями, но и принимал активное участие в общественной жизни г. Казани: был назначен почетным попечителем Казанской татарской учительской школы (с 1902), избран гласным Казанской городской думы (с 1903), состоял членом ряда комиссий городской управы.

Наконец, нельзя не отметить, что С.-Г. Алкин стал первым из казанских татар, кто сумел добиться права издавать газету на татарском языке. Его газета “Казан мөхбире” (“Казанский вестник”, 1905–1911) являлась первой татароязычной газетой в Казани и второй – в пределах империи. “Казанский вестник” пользовался уважением и популярностью среди читающих татар не только как “первенец” татарской прессы. Газета воспринималась современниками как мусульманско-кадетское издание, орган “Мусульманского союза”. В качестве рупора либеральных идей она получала значительную материальную и моральную поддержку от прогрессивномыслящих слоев татарского общества.

В 1905–1906 гг. Саид-Гирей Алкин принимал активнейшее участие в создании и деятельности “Союза мусульман” («Иттифак алмөслимин»), являясь членом ЦК этой партии и делегатом всех дореволюционных мусульманских съездов. Придерживаясь, как и многие правоведы того времени, либеральных взглядов, Саид-Гирей Алкин одновременно был тесно связан с мусульманским

движением, выступал приверженцем идеи просвещения народа, его культурного и политического развития. Он был среди тех, кого в официальной терминологии называли не иначе, как “прогрессивным националистом”. Может быть, подобной позицией объясняется его активное участие в составлении петиций и обращений к властям, участие в поездках в составе татарских депутаций в Петербург и других акциях мусульманского населения края.

По словам Фуада Туктарова, человека весьма критичного и близко знавшего Алкина, “*Саид-Гирей эфенди среди казанских татар, занимавшихся общественной деятельностью, первый и единственный просвещенный татарин. Когда возникает необходимость избрать и послать куда-либо своего представителя, сознательные и мыслящие татары всегда выбирают и посылают Саид-Гирея эфенди*”. Знатное происхождение, связи, хорошее образование, знание законов и блестящее владение русским языком – все это способствовало тому, что Саид-Гирей Алкин стал своеобразным связующим звеном между мусульманской общественностью Казани, с одной стороны, и русским обществом, а также местной администрацией, с другой.

Политическая деятельность и парламентский опыт Саид-Гирея Алкина

В первую Государственную думу С.-Г. Ш. Алкин был делегирован мусульманским населением Казанской губернии, которое на своих предвыборных собраниях вынесло решение о том, что в Думу должны быть избраны представители трех основных групп мусульманского населения губернии – по одному депутату от духовенства, крестьян и интеллигенции (“*зыялылар*”). С.-Г. Алкин представлял именно нарождающуюся татарскую светскую интеллигенцию[1].

В Думе С.-Г. Ш. Алкин вошел во фракцию кадетов и с первых же дней попытался объединить депутатов-мусульман в отдельную фракцию. Однако кратковременность работы первой Думы не позволила завершить это начинание. В первой Думе отдельная мусульманская фракция, хотя и была образована, но не была официально зарегистрирована. Кроме того, он был избран членом двух

---

[1] О думской деятельности мусульманских депутатов в целом см.: Усманова Д.М. Мусульманские представители в российском парламенте. 1906–1916. Казань, 2005. 584 с.; Она же. Депутаты от Казанской губернии в Государственной думе России: 1906–1917. Казань, 2006. 496 с.

комиссий: аграрной и гражданского равноправия. С думской трибуны казанский депутат выступил только один раз. В своих позднейших воспоминаниях, посвященных светлой памяти первого думского председателя С. А. Муромцева, С.-Г. Алкин писал о том, как для него было непривычно и волнительно выступать с трибуны перед такой большой и представительной аудиторией[1]. Впрочем, современники отмечали такой его «недостаток», как слабый тихий голос. В условиях плохой акустики и иных проблем парламентского здания это обстоятельство резко снижало ораторские возможности мусульманского депутата.

Подобно многим либерально-настроенным коллегам, Саид-Гирей Алкин подписал “Выборгское воззвание” и, соответственно, был привлечен к суду. На суде он не отрицал факта подписания воззвания, но отказывался от участия в распространении этого документа в стране. Наряду с другими обвиняемыми, был признан виновным (декабрь 1907 г.) и подлежащим отбывать трехмесячное тюремное наказание.

Еще раньше в Совете присяжных поверенных Казанской судебной палаты был поднят вопрос о возможности оставления его в сословии присяжных поверенных. Поскольку факт виновности С.-Г. Ш. Алкина не был признан судом, коллеги по цеху отказались не только исключать его из своего сословия, но не стали даже возбуждать вопроса о дисциплинарном наказании. По протесту прокурора это решение Совета присяжных поверенных было пересмотрено. Определением общего собрания департаментов Казанской судебной палаты от 29 декабря 1906 г. С.-Г. Ш. Алкин был отстранен от адвокатской практики на время судебного разбирательства. После отбытия им всего трехмесячного срока и выхода из казанской тюрьмы, в сентябре 1908 г. С.-Г. Алкин подал заявление о разрешении вернуться к адвокатской практике. Но это ходатайство было оставлено без внимания. Более того, в октябре 1908 г. прокурор Казанского судебного округа обратился в Совет присяжных поверенных с предложением рассмотреть вопрос о “возможности оставления С.-Г. Ш. Алкина в сословии присяжных поверенных” как обвиненного в антигосударственном преступном деянии. Разбирательство тянулось достаточно длительное время, т.к. в ноябре 1909 г. казанский Совет присяжных поверенных вновь рассматривал “дело

[1] Камско-Волжская речь. 1910. 17 октября (№ 589).

Алкина”. К чести казанской адвокатской коллегии, члены Совета постановили, что “будучи отстраненным от практики на время свыше 14 месяцев”, Алкин уже был дисциплинарно наказан, а потому не подлежит новому наказанию. Более того, по словам его коллег, “*приговор суда ... ни в коей мере не препятствует присяжному поверенному Алкину оставаться таким же корректным, добросовестным и честным присяжным поверенным, каким он был и остается до настоящего времени*”. Однако общее собрание Казанской судебной палаты, в отличие от более либерально настроенных адвокатов, в январе 1910 г. постановило воспретить бывшему депутату адвокатскую практику еще на 6 месяцев[1]. Только с осени 1910 г. Саид-Гирей Алкин смог вернуться к полноценному исполнению своих служебных обязанностей.

Некоторое время после разгона первой Думы С.-Г. Алкин стоял в стороне от общественной и политической деятельности. Отчасти это было связано с “Выборгским воззванием”. Например, по указанию Казанского губернатора Саид-Гирей Алкин не допускался на заседания городской управы, членом которой состоял. И, хотя, как выборжец он был лишен политических прав (прежде всего, избирательных), это не мешало ему занимать активную общественную позицию. В эти годы “политического безвременья” (1909–1914) статьи за подписью С.-Г. Алкина достаточно часто появлялись в органе казанских либералов – газете “Камско-Волжская речь”. К сожалению, нередко поводом для них становились печальные события – преждевременная кончина коллег по Думе первого созыва Г.Ф. Шершеневича и С.А. Муромцева. В очередную годовщину открытия первой в истории России Государственной думы (1914) С.-Г. Алкин послал перводумцам, собравшимся на традиционный обед в столице, следующее приветствие: “*Почтительно приветствую незабвенных товарищей по незабвенной общественной работе, низко кланяюсь редеющей, но не слабеющей группе единомышленников, объединяемых историческим днем 27 апреля. Еще раз мой товарищеский поклон и сердечный привет всем, кто соберется в тесном кругу для поминания недавнего, как бы давно прошедшего*”[2].

По-видимому, Саид-Гирей Алкин не мог долго находиться вне активного участия в общественной жизни. Уже с началом Первой

---

[1] НАРТ. Ф. 51. Оп. 3. Д. 587. Л. 7.

[2] Цит. по: Камско-Волжская речь. 1914. 29 апреля (№ 94).

мировой войны имя казанского адвоката встречается среди организаторов и руководителей комитета по оказанию помощи беженцам-мусульманам, членов комитета по организации и заведению мусульманского госпиталя[1]. В одном из августовских номеров газеты “Камско-Волжской Речи” появилась статья С.-Г. Алкина “Братья мусульмане!” с призывом к мусульманскому населению города Казани более активно заниматься благотворительной деятельностью в пользу пострадавших от войны, к совместной с русским населением города работе во имя скорейшей победы[2]. Саид-Гирей Алкин оказался среди тех казанских мусульман, которые считали необходимым продемонстрировать свои патриотические чувства и стремление к единению с русским народом в столь сложное для страны время. Но подобные настроения были присущи отнюдь не всем казанским мусульманам. Другой бывший депутат Калимулла Хасанов (член Государственной думы 2-го созыва от Уфимской губернии) охарактеризовал поступок своего коллеги следующими словами: *“Только кадеты могут перейти от «Выборгского воззвания» к воззваниям такого сорта”*. В данном конфликте двух бывших депутатов некоторые казанские газеты, например, “Кояш” («Солнце»), встали на сторону Калимуллы Хасанова. Последовавшая вскоре высылка последнего из Казани в административном порядке еще более обострила симпатии и сочувствие к опальному Хасанову. Понадобилось время, чтобы сгладить это негативное впечатление и вернуть себе расположение окружающих.

Февральская революция и крушение монархии открыли новую эпоху в истории народов Российской империи. Национальное движение, получившее мощный импульс, как бы обретает новое дыхание: появляются новые лидеры, свежие идеи. Но и прежние деятели не сходят со сцены. Это относится и к Саид-Гирею Алкину. Приветствуя революцию и новую власть, он посылает в Государственную думу телеграмму: “*5/III. Казань. Инородцы при старом режиме, теперь чувствуем себя гражданами, равными со всеми национальностями великого государства, доказывающего свою политическую зрелость, в глубокой уверенности, что дело раскрепо-*

---

[1] Об общественно-политической деятельности и позиции российских мусульман в годы войны см.: Усманова Д.М. Мусульманское население Российской империи в условиях Первой мировой войны / Первая мировая война и конец Российской империи. В 3-х тт. Т. 1. Политическая история. СПб., 2014. С. 575-630.

[2] Камско-Волжская речь. 1914. 28 августа (№ 191), 16 сентября (№ 205).

щения страны и освобождения угнетенной России от векового деспотизма доведется до счастливого конца. Мусульманское население г. Казани приветствует Временное правительство как оплот будущего счастья нашей Родины. По поручению своих единоверцев, бывший член Государственной думы первого созыва Саид-Гирей Алкин”[1].

Первые послефевральские месяцы С.-Г. Алкин принимал активное участие в общественных делах. В частности, 1 марта 1917 г. в его доме на улице Воскресенская собрались единомышленники и друзья: Ф. Туктаров, В. Таначев, Г. Шараф и другие, которые приняли решение о создании “Мусульманского комитета”. Позднее С.-Г. Алкин принял участие в работе первого Всероссийского мусульманского съезда, проходившего в Москве с 1 по 11 мая 1917 г., выступал с докладом об основах культурно-национальной автономии.

С осени 1917 г. он несколько отходит от активных действий, тем более что по новому адвокатскому уставу участие членов адвокатского сословия в политических структурах не поощрялось. Среди активных политических деятелей этого времени все чаще встречаются имена его подросших сыновей – Ильяса и Джангира Алкиных. После Октябрьской революции Саид-Гирей Алкин был ненадолго арестован, но после протеста коллег выпущен из тюрьмы. В последний период своей жизни он принимал участие в преобразовании судебной системы. Некоторое время служил народным судьей в пятой части г. Казани. В апреле 1919 г. он был уволен из числа служащих общего подотдела Казанского губернского Отдела юстиции. Саид-Гирей Алкин умер в 1919 г. Более точные обстоятельства и время смерти, также, как и место погребения, неизвестны.

---

[1] РГИА. Ф. 1278. Оп. 5. Д. 1338. Л. 27, 29.

А.Д. Гронский[1]

АКАДЕМИК Е.Ф. КАРСКИЙ КАК ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТ БЕЛОРУССКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ МИФОЛОГИИ

Евфимий Федорович Карский (1861 – 1931) является в современной Белоруссии фигурой культуртрегерской. Автор трехтомного (в 7 книгах) труда «Белорусы», один из создателей белорусоведения как науки, ректор Императорского Варшавского университета (1905 – 1910), академик Петербургской (1916) и Чешской (1926) академий наук, директор Музея антропологии и этнографии… Родился будущий академик в д. Лаша Гродненской губернии. Его отцом был дьячок, а мать происходила из причетнической семьи. Биография Карского оказалась удобной для иллюстрации того, чего может добиться обычный человек из глухой белорусской провинции. В период советской власти в союзных республиках формировались свои собственные национальные мифологии, использовавшие в качестве иллюстраций подобных персонажей. Но их расцвет произошел после распада СССР.

Фигура академика Карского оказалась востребованной в новых условиях. Тем более, что представления о Карском частично опирались на уже созданный в советское время образ академика как сторонника идеи белорусской языковой и этнической самостоятельности. В послевоенное время сложился классический белорусский взгляд на Карского, который перекочевал и в современность. Академик воспринимается как «выдающийся исследователь культуры белорусского народа, языка, литературы других славянских народов. Основоположник белорусского научного языкознания и литературоведения»[2].

Однако, помимо признания реальных заслуг, фигура академика становится идеологической конструкцией. Также формируется совершенно противоположное мнение о содержании его творчества. Не с точки зрения его значимости и научности, а с точки зрения

---

[1] *Гронский Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований Института мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН.*

[2] Е.Ф. Карский: основные события жизни и деятельности (биографическая справка) // Архивы Беларуси [Электронный ресурс] // URL: http://archives.gov.by/index.php?id=419537 (дата обращения: 30.07.2018).

идеологического наполнения. Основной набор интерпретаций мировоззрения Карского вращается вокруг его самой серьезной работы «Белорусы». Суть содержания этого исследования и его выводы кратко пересказываются, пожалуй, в любом упоминании о научной деятельности академика.

О «Белорусах» упоминается и в текстах по лингвистическому краеведению: «Самым значительным итогом научной деятельности Е.Ф. Карского стало его трехтомное издание в семи выпусках “Белорусы”, в котором ученый всесторонне и основательно показал миру самобытность, национальную особенность белорусского народа, богатство его культуры и языка»[1].

И на сайтах, собирающих информацию о белорусской этнографии: «Фундаментальный семитомный труд Карского “Белорусы” считается “энциклопедией белорусского языкознания, уникальной по охвату и глубине материала” (Н.С. Державин) “несравнимой в отношении исчерпанности с любым другим исследованием славянских народов” (А. Ляпунов[2]). Этот труд впервые научно опроверг концепцию языковой идентичности русского и старобелорусского языка, впервые научно подтвердил существование и отличие собственно белорусской нации, показал миру богатство белорусской традиционной культуры. Этот труд “открыл глаза белорусам, позволил им увидеть себя настоящей нацией”, поставил белорусов в нач. 20 в. “внезапно во главе всех славянских народов в научных знаниях про свой язык” (историк В. Тумаш)»[3].

И в церковной публицистике: «На основе серьезного, комплексного обобщения огромного фактического материала, Евфимий Федорович впервые научно обосновал национальную самобытность белорусского народа […]»[4].

---

[1] Карскі Яфім Фёдаравіч **//** Даніловіч М.А. Лінгвістычнае краязнаўства Гродзеншчыны. Навучальны дапаможнік [Электронный ресурс] // URL: http://ebooks.grsu.by/ling_grodno/karski-yafim-fjodaravich.htm (дата обращения: 30.07.2018).

[2] Видимо, речь об академике Борисе Михайловиче Ляпунове.

[3] Белоруссы (Карский Е. Ф.), кніжная сэрыя // ЭТНАЎСЁ. Анлайн-база публікацый па этнаграфіі Беларусі [Электронный ресурс] // URL: https://ethno.by/seryi/702232477 (дата обращения: 30.07.2018).

[4] Щеглов Г.Э. Белорусские особенности // Минская духовная семинария [Электронный ресурс] // URL: http://minds.by/zhurnal-stupeni/arhiv-nomerov-za-2004-god/stupeni-4-16-tajna-pervoj-vstrechi/belorusskie-osobennosti (дата обращения: 30.07.2018).

И на сайтах, пропагандирующих белорусский язык: «Евфимий Карский. Филолог-славист, основатель белорусского научного языкознания и литературоведения, этнограф и фольклорист. Человек, который открыл миру белорусов как самостоятельную нацию»[1].

И даже на сайтах краеведческо-экологических организаций: «В 1903 г. Карским был напечатан его главный трехтомный труд “Белорусы”, в котором он впервые доказал право на самостоятельное существование белорусского языка среди других языков мира. Согласно Карскому – наш язык не является диалектом какого-нибудь соседнего языка, а наоборот самостоятельной языковой единицей, требующей всестороннего изучения и постижения»[2].

Общим местом всех этих цитат является то, что Карский, якобы, доказал то, что белорусский язык не является диалектом, и открыл миру белорусов как нацию. А доказательства содержатся в трехтомнике «Белорусы».

Однако, если познакомиться с трехтомником Карского, создается совершенно противоположное впечатление. Например, давая антропологическое описание белорусов, Карский указывает: «[…] длинноголовость у славян наблюдается редко: чаще всего у русских, а из последних наиболее у белорусов […]». «Русские, особенно белорусы, отвечают и другой черте древнего славянского типа […] – светлые волосы и голубые глаза»[3]. Говоря о своей диссертации «Обзор звуков и форм белорусской речи», Карский пишет, что в ней была представлена «полная грамматика белорусского языка» и «определено […] его место в русской семье»[4]. Используя словосочетание «белорусский язык», Карский, тем не менее, видит его место в «русской семье». Критически разбирая предисловие к книге «Дудка белорусская», в котором белорусы объявляются отдельным народом, наряду с болгарами или чехами, Карский пишет: «На людей мало знакомых с историей белорусской территории, особенностями тех славянских языков, о которых говорится в предисловии, а

---

[1] Яўхім Карскі // Мова нанова [Электронный ресурс] // URL: http://www.movananova.by/medyateka/yauxim-karski.html (дата обращения: 30.07.2018).

[2] Яўхім Фёдаравіч Карскі. 1861-1931 гг. [Презентация]. С. 15. // Республиканский центр экологии и краеведения. Отделение краеведения [Электронный ресурс] // URL: http://rctkum.by/data_!/Kraev/Seminar_kir_muz_2013/Parad_muz/Karski_J.F..pdf (дата обращения: 30.07.2018).

[3] Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 1. Минск, 2006. С. 55.

[4] Там же. Т. 3. Кн. 2. Минск, 2007. С. 373.

также русской диалектологией, могло произвести большое впечатление сопоставление белорусов с болгарами, хорватами, чехами и т.д., как это многими делается до сих пор, отчасти по незнакомству с предметом речи»[1]. А упоминая дореволюционную газету «Наша нива», академик замечает: «Она без стеснения указывает белорусам-католикам, что они не поляки: но в то же время недостаточно ясно подчеркивается, что белорусы такая же ветвь русского народа, как и великорусы и малорусы: ведь если распространять в народе свет науки, то уж полностью, а не односторонне»[2]. При более внимательном прочтении «Белорусов» можно найти еще множество подтверждений того, что Карский не разделял концепцию самостоятельности белорусского народа.

Пожалуй, самый оригинальный взгляд на фигуру академика Карского предложил В. Герасимчик. По его мнению, «Евфимий Карский – один из “отцов” белорусского национализма»[3]. Повторяя расхожие утверждения о том, что Карский доказал «самостоятельный и своеобразный характер белорусского языка, отличного от “великорусского” и “малорусского”», Герасимчик уже запутывает читателя. Карский был уверен, что он изучает белорусское наречие, которое бытует наряду с великорусским и малорусским наречиями, а литературная форма, объединяющая все эти наречия, и есть русский язык. Поэтому Карский не доказывал, что белорусский язык отличается от великорусского, он говорил о диалектах. Для него отдельным языком не является ни белорусское наречие, ни великорусское.

Работы Карского, в самом деле, как пишет Герасимчик, стали «одним из источников вдохновения для деятелей белорусского Возрождения». Если говорить более корректно, не сами работы, а их интерпретация националистами с точки зрения идеологической целесообразности.

Авторитет Карского среди белорусских националистов, по мнению Герасимчика, иллюстрируется тем, что он был выбран почетным председателем президиума Первого Всебелорусского съезда, проводившегося в декабре 1917 г. и разогнанного большевиками. Однако нужно заметить, что на съезде присутствовали представи-

---

[1] Там же. С. 374.
[2] Там же. С. 382.
[3] Герасімчык В. Яўхім Карскі – адзін з «айцоў» беларускага нацыяналізму // Аматары Беларускай гісторыі [Электронный ресурс] // URL: http://amatary.by/ya%D1%9Eim-karski-adzin-z-ajco%D1%9E-belaruskaga-nacyyanalizmu/ (дата обращения: 30.07.2018).

тели разных политических течений, но практически все они видели Белоруссию в составе России. Карский, как замечает Герасимчик, был «областником», т.е. разделял именно эту точку зрения. Если Карский, который был уверен, что Белоруссия должна оставаться частью России, является «одним из “отцов” белорусского национализма», то, что можно сказать о наркоме по делам национальностей И.В. Сталине, который в переговорах со съездом заявлял: «По вопросу о Белоруссии могу сказать то же самое, [что] и обо всех прочих народах России, т.е. полное самоопределение вплоть до отделения»[1]? Карский, в отличие от Сталина, про полное самоопределение белорусов не заявлял.

Герасимчик убежден, что западнорусизм, которого придерживался Карский, играл положительную роль в деле развития идеи о существовании отдельного белорусского народа. Но это не значит, что националисты оперировали именно теми выводами, которые были получены Карским или его коллегами. Эти выводы интерпретировались в угоду идеологии. Сам Герасимчик также указывает на то, что «труды Карского никак не противоречили основным идеологическим [дореволюционным – А.Г.] взглядам на белорусский народ и его язык», а в то время на официальном уровне белорусы признавались частью русского народа, а их речь – наречием русского языка. Более того, Герасимчик приводит цитату редактора газеты «Окраины России» (Герасимчик почему-то называет ее журналом) П.А. Кулаковского: «Достаточно только заглянуть в капитальный труд нашего авторитетного ученого Е. Карского, чтобы стало ясным, что существует только белорусское наречие, а не белорусский язык». Т.е. «один из “отцов” белорусского национализма» ясно указывал на существование лишь белорусского наречия, а не языка.

«После падения царизма Карский активно сотрудничает с белорусским национальным движением», – пишет Герасимчик, указывая на подготовку академиком новой версии «Этнографической карты белорусского племени» и выступление на Первом Всебелорусском съезде[2]. Выступление на съезде, конечно, можно назвать

---

[1] Первый национальный… // Экспресс новости. Архив газеты за 2004-2010 гг. [Электронный ресурс] // URL: http://www.expressnews.by/2932.html (дата обращения: 30.07.2018).

[2] Об этом периоде жизни Карского см.: Гронский А.Д. Академик Е.Ф. Карский и белорусский вопрос после падения монархии в России // Этноконфессиональные и национальные проблемы развития отечественной государственности в теории, програм-

сотрудничеством, но, если прочитать его, создается впечатление, что академик остался верен своим научным выводам и не подстраивался под ожидания националистов. Доклад Карского был издан в 1918 г. под названием «Белорусская речь»[1]. В этом докладе он утверждал, что русский народ состоит из трех ветвей, одна из которых – белорусы[2]; восточнославянское население Великого Княжества Литовского было названо западнорусами[3], а в другом случае русскими[4]; говорили в Литовско-Русском государстве на русском языке[5], литературный язык, как минимум, до конца XVI в. был общим для Западной и Восточной Руси[6]; западнорусский литературный язык, выработавшийся в конце XVI в., был насыщен полонизмами, в отличие от «довольно чистого русского языка» простого народа[7]; белорусский язык назван наречием[8]. Досталось от академика и современным ему белорусскоязычным писателям, употребляющим полонизмы и «провинциализмы […], сильно режущие ухо лиц, привыкших к чистой народной речи»[9]. Белорусские националисты отнеслись к изданию доклада критически. В частности, И. Лесик, также участник съезда, обвинил Карского в том, что тот считает белорусский язык диалектом и является сторонником «московского централизма»[10].

Также к лету 1917 г., т.е. ко времени «сотрудничества» с «белорусским национальным движением», относится и рецензия Карского на программу Союза белорусской демократии, в которой «один из “отцов” белорусского национализма» пишет: «Введение же в школу, особенно в среднюю и высшую, в качестве языка преподавания белорусского наречия только затормозило бы развитие бе-

---

матике и политико-правовой практике российского либерализма: Сб. материалов Всероссийской научной конференции. Орел, 2015. С. 219-231.

[1] Карский Е.Ф. Белорусская речь. Очерк народного языка с историческим освещением. П., 1918. 60 с.

[2] Там же. С. 5.

[3] Там же. С. 9.

[4] Там же.

[5] Там же.

[6] Там же. С. 9-10.

[7] Там же. С. 10.

[8] Там же. С. 32, 35.

[9] Там же. С. 59.

[10] Лёсік Я. Е.Ф. Карскі. Белорусская Речь (Рэцэнзія) // Лёсік Я. Творы: Апавяданні. Казкі. Артыкулы. Мінск, 1994. С. 307-308.

лорусской народности. Другое дело знакомство с этим языком – оно необходимо в средней школе и высшей для каждого белоруса»[1].

В 1933 г. создатель белорусской грамматики Б. Тарашкевич в своей автобиографии писал о времени работы Карского в 1919 г. в Минском педагогическом институте: «Постоянно приходилось грызться с такими черносотенцами, как Карский, Никольский и Ко»[2]. и Ко»[2]. У издателей биографии эта характеристика, данная Карскому, вызвала удивление. Они не поняли, на каких основаниях Тарашкевич дал Карскому такое определение[3]. Как предполагает белорусский исследователь О.И. Малюгин, Тарашкевич просто следовал за риторикой советских партийных органов, которые наделяли неугодных лиц подобными эпитетами: «Можно предположить, что определение Б. Тарашкевичем Е.Ф. Карского как “черносотенца” прямо вытекает из господствовавших в среде белорусских партийных и государственных деятелей взглядов на деятельность академика»[4]. Но, если обратиться к белорусской дореволюционной националистической прессе, то станет ясно, что навешивание ярлыков, в том числе и «черносотенец», не является изобретением советских партийных органов. Например, газета «Ниша нива» еще до Первой мировой войны активно именовала всех, кто выступал против белорусского национализма, черносотенцами. Причем, отношение критикуемых лиц к русским крайне правым в данном обозначении роли не играло. Так, «Наша нива» писала и о «польских черносотенцах». Поэтому не Тарашкевич перенял риторику советских партийных органов, а партийные органы воспользовались риторикой белорусских дореволюционных националистов. Тарашкевич, будучи сторонником белорусского национализма, мог пользоваться подобной терминологией в отношении всех противников белорусской идеи и без влияния советской пропаганды.

К сентябрю 1919 г. относится единственный более-менее задокументированный факт того, что Карский признал белорусскую речь

---

[1] Отзыв Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза // Коронкевич П.В. Белоруссы (Исторический очерк с обзором деятельности «Союза Белорусской Демократии», этнографической картой белорусского племени и отзывом Академика и Профессора Е.Ф. Карского о программе Союза). Гомель, 1917. С. 11-12.

[2] Цит. по: Малюгин О.И. «Черносотенцы» Е.Ф. Карский и Никольский (над страницами биографии Бронислава Тарашкевича) // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2017. № 4. С. 24.

[3] Там же.

[4] Там же. С. 25.

языком. Как писала газета «Крыница», Карский, читая лекции перед учителями в белорусской гимназии в Вильно, заявил, что белорусский язык «не говор какой-то, но язык, такой, как и все другие, и поэтому он имеет одинаково равное право среди соседних и далеких языков»[1]. В это же время Карский сотрудничал с белорусскоязычными газетами, публикуя статьи по истории белорусской литературы. Вряд ли стоит говорить о том, что академик поменял свои взгляды. Скорее, страдая от безденежья, он подстраивался к ситуации и писал так, чтобы за это можно было получить гонорар.

В 1921 г. решался вопрос о назначении ректора Белорусского государственного университета. Карский являлся одним из основных претендентов на эту должность. Но должность ему не досталась. «Национальные круги» якобы хотели видеть на должности ректора именно Карского, но против этого выступила белорусская партийная верхушка, которую не устраивали русские правые взгляды академика. Е. Кипель вообще утверждает, что против нахождения Карского в Белоруссии выступили российские коммунисты и вообще российская интеллигенция, которые были уверены, что «труды о белорусах возбудили белорусов и сделали их опасными для России»[2], т.е. академик представлен белорусским националистом. Хотя сам Карский был уверен, что должность он не получил именно по причине противодействия «национальных кругов», считавших его западнорусом[3]. Герасимчик также разделяет мнение, что Карский не получил должность из-за «большевистской власти», которая видела в нем «царского прислужника»[4], но почему «свою обиду Карский вылил на представителей белорусского Возрождения», а не на большевиков, Герасимчик не объясняет. Единственным логичным объяснением этому является то, что именно «представители белорусского Возрождения» были главными виновниками ситуации.

В 1926 г. против Карского началась кампания в советской прессе. Поводом к этому послужил отчет о командировке в славянские страны. Впечатления Карского о входящей в то время в состав Польши Западной Белоруссии не совпали с эталонными советски-

---

[1] Герасімчык В. Указ. соч.
[2] Малюгин О.И. Указ. соч. С. 24.
[3] Там же.
[4] Герасімчык В. Указ. соч.

ми. Более того, Львов был им назван «старым русским городом», а в Белграде он посещал собрания русских эмигрантов, т.е. «белогвардейцев» и «черносотенцев». Именно по причине общерусских, а никак не белорусских, взглядов Карского началась его травля. Кстати, Герасимчик скромно умалчивает, что белорусская пресса также подключилась к этому.

Совсем нелогичным представляется объяснение Герасимчиком причин увольнения академика. Так, Герасимчик пишет, что после свертывания политики коренизации «началась постепенная чистка элит советских республик от “нацдемов”. Одной из ее жертв и стал Е. Карский […]»[1]. Во-первых, Карский не входил в состав элиты ни одной советской республики. Во-вторых, он не был «нацдемом», он был западнорусистом либерального толка. Можно предположить, что именно его либеральные взгляды допускали возможность время от времени сотрудничать с белорусскими националистами. Сам Герасимчик упоминает, что даже в 1928 г., т.е. уже после начала травли академика, тот называл белорусский язык наречием[2]. Так что Карский пострадал как раз по причине своих западнорусских взглядов, противоречащих идеологии белорусского национализма.

Если рассматривать Карского как «одного из “отцов” белорусского национализма», представляется странным его реакция на объявление независимости Белорусской Народной Республики. Об этом событии академик отозвался однозначно: «От кучки белорусских местных самозваных “деятелей” захватчиков, недалеких умом, но часто богатых злой волей, которые еще во время немецкой оккупации стали играть в парламент, сочинив “Беларускую Раду” и назначив из себя министров без министерств, благо для этого можно было получать разными путями министерские оклады, – от таких “деятелей” можно было ожидать всяких выходок, направленных к ниспровержению России»[3].

Таким образом, научное наследие либерального западнорусиста академика Карского в последующем было интерпретировано так, чтобы представить его как сторонника белорусского языка и обособленности белорусов как этноса. Фигура самого же академика иногда представляет собой идеологический конструкт, наполнен-

---

[1] Там же.
[2] Там же.
[3] Карский Е.Ф. Белорусы. В 3 т. Т. 3. Кн. 2. С. 647.

ный совершенно не свойственными реальному прототипу убеждениями, а порой даже противоречащими им.

Б. Гаджински[1]

СТАНИСЛАВ СВЯНЕВИЧ (1899-1997). ИССЛЕДОВАНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ

Непростая жизнь. Биографический очерк

Жизнь Станислава Свяневича охватывает почти весь XX в.: две мировые войны, возрождение Польши после ее раздела, продолжавшегося 123 года, эру могущественных тоталитарных режимов в Европе. Таким образом, он был одновременно свидетелем бурных исторических событий и выдающимся ученым централизованно планируемой экономики.

Родился Станислав Свяневич в Динабурге (современный Даугавпилс, Латвия) в семье железнодорожника и воспитывался в многокультурной среде. В доме, в котором он рос, говорили на трех языках: польском, немецком, русском, а иногда еще и на французском. Его мать училась в первом университете Санкт-Петербурга, открытом для женщин (т.н. «Бестужевские курсы»), и находилась под влиянием либеральных взглядов, распространенных в университете. Она сочувствовала русскому революционному социалистическому движению, партии «эсеров».

Во время Первой мировой войны его семья переехала в Орел, где он закончил Первую мужскую гимназию и среди прочих книг прочитал русский перевод трудов Карла Каутского, посвященный учению К. Маркса. С этого началось его знакомство с теорией марксизма, с которой, как оказалось позже, была связана его научная судьба. В сентябре 1917 г. он поступил на юридический факультет Московского университета (сегодня МГУ имени М.В. Ломоносова). В начале века юриспруденция охватывала целую группу общественных наук, в т.ч. и экономику, ставшую основной научной специальностью Свяневича. Однако его обучение в МГУ прервала Октябрьская революция. В 1918 г. его семья вернулась в Динабург. В годы

---

[1] *Гаджински Бенон – доктор экономических наук, профессор, декан факультета социальных наук, Варминьско-Мазурский университет, г. Ольштын (Польша).*

немецкой оккупации города он входил в подпольную Польскую военную организацию (ПОВ). После захвата города большевиками, оказавшись под угрозой ареста, он бежал и вступил в польскую армию[1].

Будучи солдатом, он, тем не менее, продолжил учебу на факультете права и социальных наук Вильнюсского университета, который окончил в 1924 г., и там же он начал и свою научную карьеру. В 1928 г. ему была предоставлена стипендия для проведения научного исследования, посвященного экономической теории Ленина. Получив отказ в российской визе, он поехал в институт Восточной Европы в Бреслау (*ныне Вроцлав – прим ред.*). Его исследования привели к изданию монографии «Ленин как экономист». Другая работа, выполненная благодаря стипендии, полученной в Институте иностранных дел университета в Киле, увидела свет в его книге «Экономическая политика гитлеровской Германии».

Одним из важнейших направлений профессиональной деятельности Свяневича было его сотрудничество с созданным в 1930 г. в Вильнюсе центром исследований Восточной Европы. В течение многих лет, в качестве публициста, он сотрудничал с местными журналами, в частности, с «Kurier Wileński» (Виленский курьер). Многие из его журналистских статей были посвящены вопросам национальных меньшинств[2]. Он часто выступал в защиту их прав, не всегда в полной мере соблюдаемых. Также он содействовал в делах, связанных с белорусами. Венцом его научной карьеры в университете Стефана Батория стало назначение на должность профессора, подписанное президентом Республики Польши Игнацием Мосцицким 19 апреля 1938 г.

Получив повестку о призыве в армию, он покинул Вильнюс в конце августа 1939 г. и больше уже не возвращался в этот город. 28 сентября его служба в польской армии закончилась. Он попал в плен и первоначально содержался в бывшем православном монастыре в Козельске, переоборудованном в лагерь для военнопленных, а в апреле 1940 г. по железной дороге его перевезли на станцию Гнездово под Смоленском. Он был единственным заключенным, избежавшим смерти в Катыни. Его арестовали сотрудники

---

[1] В 1990 г. во время своего единственного визита в послевоенную Польшу, он был награжден «Крестом Независимости» за боевые действия во время войны 1919-1920 гг.

[2] Они составляли около 1/3 всего довоенного населения Польши, но часто являлись большинством в восточных пограничных районах.

НКВД, и из-под Катынского леса он сначала попал в тюрьму в Смоленске, а затем во внутреннюю тюрьму НКВД на Лубянке и, наконец, в Бутырскую тюрьму в Москве. После этого Свяневич был переведен в исправительно-трудовой лагерь в Республике Коми. Освобожденный в 1942 г. по Сикорско-Майскому соглашению, он стал главой Бюро ближневосточных исследований под эгидой польского правительства в изгнании в Лондоне.

После войны Свяневич работал в различных университетах, в т.ч. в Великобритании (Лондон) и Индонезии, с 1963 г. в университете Святой Марии в Галифаксе (Новая Шотландия, Канада). В последние годы жизни он нашел приют в польском доме престарелых «Antokol House» недалеко от Лондона[1].

К философско-экономической мысли Ленина

Непосредственная близость Советского Союза дала исследователю более глубокое видение и понимание социально-экономической сущности доктрины коммунизма, нежели его коллегам, проживающим за тысячи километров от СССР и в принципиально иных культурно-исторических условиях. Классическим примером стиля анализа Свяневичем социальных, экономических и политических явлений можно считать его диссертацию на ученую степень хабилитированного доктора «Ленин как экономист» в Институте восточноевропейских исследований Вильнюса [Swianiewicz 1930].

Ленинский подход к идеям Маркса отличался от подхода западных марксистов того времени. Размышления о «вечных загадках мироздания» привлекали Свяневича не столь сильно, более интересными для него были практические аспекты ленинских теорий. «Ленинские взгляды стали отправной точкой прагматической политики Советского Союза, – отмечает Свяневич, – экономические проблемы не исчерпывают сути ленинизма ... Ленинизм – это не просто экономическая система, это своеобразная философская система»[2] [Swianiewicz, 1930, 387]. Эта философия обременена спецификой русской души, ее стремлениями и метафизическими дилеммами. Таким образом, марксистская философия, пересаженная

---

[1] В основе этого биографического очерка публикации: Свяневич-Нагич М., Газински Б. [2017] и Свяневич М.Ж., Свяневич Е. [2016]. Также были использованы устные рассказы дочери Станислава Свяневича Марии Свяневич-Нагич.

[2] Все цитаты из произведений Свяневича, опубликованных на польском языке, приводятся в переводе автора (в тексте статьи, опубликованной в данном сборнике на английском языке – прим. ред.).

на русскую почву, приобрела там во многом религиозный характер. «Она стала откровением, раскрывающим скрытые тайны для простых смертных. ... Ленин … – скорее священник, охраняющий неприкосновенность своей религии» [Swianiewicz, 1930, 388]. Таким образом, диалектический материализм был для Ленина квазирелигией, так как все отклонения от него считались ересью[1]. Кроме того, «Октябрьская революция, – утверждает Свяневич, – имела явный религиозный характер. Стремлением ее создателей являлось распространение новой общей религии, применяя свою власть» [Swianiewicz, 1930, 390].

Ленин разделял основополагающие гипотезы Маркса, касающиеся экономического конфликта интересов между буржуазией и пролетариатом. Развивающийся капитализм мог применить силы, способные уничтожить его в будущем. «Этот Марксистский анализ, – пишет Свяневич [1930, 396], – стал отправным пунктом экономической теории ленинизма ... огромная часть трудов Ленина посвящена обоснованию и защите точки зрения Маркса».

Одним из элементов ленинской доктрины была критика народников, считавших, что Россия может войти в социалистическую систему, минуя стадию капитализма. В российском обществе существовали элементы коллективизма, развитие которых, по их мнению, могло привести к социалистической реконструкции. Поэтому Ленин разделял взгляды Маркса о враждебной, но созидательной силе капитализма как предвестника социализма. Следовательно, на начальном этапе внедрения новой социально-экономической системы лобовое противостояние с системой капитализма было бы ошибкой. Нападки должны были быть только на такие «оплоты капитализма», как банки, предлагая некоторым слоям капиталистов тактический компромисс, чтобы «способствовать их полезному и созидательному труду под контролем самих рабочих» [Swianiewicz, 1930, 407].

---

[1] Точность этого высказывания может быть продемонстрирована выставкой в Музее истории религии и атеизма в середине 1980-х гг., установленной в интерьере монументального Казанского собора (прочное сооружение по образцу Римской базилики Святого Петра). Памятник Ленину был поставлен на том месте, где находились Царские врата. Он занимал центральное место среди множества божеств и богов различных эпох и цивилизаций, иронично создавая, возможно непреднамеренно, впечатление, что он является центральным Богом новой религии.

Чтобы получить власть, Ленин стал мастером разрушения, но, удерживая ее, он не всегда был способен ее контролировать. «Народные массы вовсе не хотели следовать Ленинским рекомендациям о дисциплинированном сотрудничестве с капиталистами» [Swianiewicz, 1930, 505]. Недавно закончившаяся Первая мировая война, годы Гражданской войны и непродуманные решения политики «военного коммунизма» привели к росту хаоса и бедности масс.

Объявление НЭПа было своего рода манифестом о признании неудач на начальном этапе строительства новой системы – лозунг «учиться у капиталистов» вновь стал актуальным, хотя бы для временных целей, и механизмы рыночной экономики стали применять для сокращения разросшейся во время плановой экономики карточной системы.

Движущей идеей НЭПа было укрепление социалистической экономики путем сотрудничества и конкуренции с капиталистическим сектором. Более того, скрытыми врагами революции считались мелкие капиталистические фирмы. По мнению Ленина, более крупные капиталистические предприятия могли быть полезны в борьбе с этим мелким элементом. Устранив с рынка мелкого торговца и производителя, они также очистят поле для будущей победы социализма. Результаты политики НЭПа не оправдали надежд Ленина. Они оказались неполными, не было принято во внимание, что в условиях постоянной угрозы со стороны советской системы, а также неуважения к праву собственности, не удалось проявить присущий капитализму динамизм в развитии частной инициативы [Swianiewicz, 1969, 71].

Очевидно влияние австрийского экономиста Рудольфа Гильфердинга на понимание Лениным закономерности изменений капиталистической экономики[1]. Он полагал, что на начальной стадии в ней доминировал разрозненный купеческий (торговый) капитал и, в ограниченной степени, ростовщичество. Со временем концентрация капитала привела к образованию огромных состояний. «Опытные купцы, таким образом, превращаются в промышленников», – отмечает Свяневич [1965, 431]. Так устанавливаются тесные связи между крупными предприятиями и банками. Концентрация капитала приобретает все большее значение в экономике, сокращается кон-

[1] Фундаментальный труд этого автора: «Kapitał finansowy. Studium» (Финансовый капитал. Исследование / перевод на польский язык, Warszawa, 1958).

курентоспособное соперничество с целью создания возможности для более эффективного контроля над рынком. Поэтому банки поддерживают монополии, которые «растут наряду с банками» [Swianiewicz, 1930, 438]. Обозначенные тенденции влияют на политику капиталистической системы. Государство перестает играть роль «блюстителя рынка» и разрабатывает различные формы государственного вмешательства в экономику. Это сопровождается феноменом разделения капиталистического мира на «центры» и «периферии», поскольку экспорт капитала в экономически отсталые страны обычно связан со стремлением к их политическому подчинению[1]. Таким образом, конкуренция на мировых рынках становится одновременно борьбой за разделение мира на сферы влияния, она принимает острые формы, что приводит к вооруженным конфликтам. Отсюда одна из гипотез Ленина – на первых этапах революции следует приобрести контроль над финансовыми рынками. Следует также отметить, что после Первой мировой войны Гильфердинг стал весьма скептически относиться к предстоящей социалистической революции. Для Ленина вступление капитализма в стадию империализма было синонимом начала его распада. Это понимание «укрепило его веру в неизбежную победу пролетарской революции» [Gaziński, 2011, 53].

Об экономическом значении принудительного труда

Идея написать книгу об экономическом значении исправительно-трудовых лагерей возникла во время пребывания Свяневича в тюрьме на Лубянке, когда у него была возможность вести длительные беседы с находившимися в лагерях заключенными из разных слоев советского общества, включая ранее высокопоставленных партийных и государственных деятелей. Это был совершенно особенный, как писал он позднее, «постоянный семинар по вопросам революционных преобразований в национальной экономике» [Swianiewicz, 1965, p. V].

Работа над этой книгой заняла у него в общей сложности около 10 лет. С некоторой долей иронии можно признать, что этому способствовала сама советская власть, предоставив автору, не спра-

[1] Этот вопрос был подробно изучен много лет спустя бразильским экономистом, сторонником левых, Селсу Фуртадой в его небольшом, но важном трактате: «Mit rozwoju gospodarczego» (Миф об экономическом развитии, польский перевод Warszawa, 1982).

шивая на то его согласия, возможность провести своеобразное практическое исследование, в виде двух лет заключения в тюрьмах и лагерях Республики Коми. Уже в первой части монографии, изучая систему факторов, определяющих появление и функционирование системы принудительного труда, автор отмечает, что это было радикальное решение проблемы перенаселения села, а также обеспечение соответствующего предложения на рынке труда в развивающейся промышленности и в реализуемых крупных инвестиционных программах стратегического характера.

Принуждение (применение силы) как инструмент осуществления власти является общепризнанным базисным аспектом идеологии Ленина. Применению насилия со стороны властей, поскольку такова природа принудительного труда, способствовал развал социальных связей, прогрессировавший в Советском обществе после революции и Гражданской войны. Еще в 1920-е гг., когда труд заключенных не играл заметной роли в советской экономике, расхождение между экономической мыслью в Советском Союзе и на Западе, с учетом несхожести политических систем, было сравнительно небольшим. Подтверждением тому служит создание Конъюнктурного института при Наркомате финансов Союза ССР, чьим авторитетным представителем в мире был Николай Кондратьев.

НЭП потерпела фиаско, он не смог обеспечить достаточный приток иностранного капитала, в результате, Советская Россия могла рассчитывать только на собственные ресурсы. После смерти Ленина (1924), в условиях растущих экономических трудностей, его преемники столкнулись с необходимостью выбора новой экономической стратегии.

Были сформулированы два противоречащих друг другу положения. Концепция динамического экономического равновесия была предложена Николаем Бухариным, ее также поддержали В.Г. Гроссман и Н.В. Кондратьев. Они высказались за то, чтобы крупные инвестиционные проекты сопровождались решительными мерами по борьбе с инфляцией, с тем, чтобы не допустить разрушения баланса на рынке потребительских товаров и обеспечить автоматическое распределение товаров посредством рыночного механизма. Суть этой концепции заключалась в гармоничном сочетании промышленного и сельскохозяйственного развития. Инвестиции должны также учитывать потребности легкой промышленности

и тех, кто работает в сельском хозяйстве. Поэтому Бухарин выступал против наложения чрезмерного бремени на крестьян. Рост сельскохозяйственного производства и обусловленный этим рост высокопроизводительных крестьянских хозяйств автоматически приведет к тому, что произведенные ими излишки будут направляться на рынок. Используя современную терминологию, можно предположить, что Бухарин выступал бы за идею устойчивого развития села.

Сталин, в чьих руках в то время была власть, сделал выбор в пользу альтернативы, предложенной Е.А. Преображенским, главным теоретическим противником Бухарина. Отправной точкой этой концепции был тезис о том, что на начальной стадии капитализма одной из форм накопления капитала была эксплуатация заморских колоний. Революционная советская экономика также нуждалась в подобного рода «первичном накоплении». Однако колоний, как источника капитала, не было – их заменой должна была стать «внутренняя колония» – эксплуатация сельского экономического потенциала. Таким образом, бремя индустриализации должны были нести крестьяне, вынужденные предоставлять продовольствие и лишенные возможности получать соответствующий доступ к промышленным товарам.

Деревня также должна была стать источником дешевой рабочей силы. Идеология заключала в себе вывод, что само существование хозяйствующих субъектов, полностью независимых от власти, являлось вызовом логике централизованной экономической системы. Национализированные крестьянские хозяйства находились в прямой зависимости от верховной власти. Таким образом, коллективизация создавала иллюзию планового удовлетворения потребностей в продовольствии. Свяневич образно описывает этот механизм как «колхозный насос» [Gaziński, 2010, 69-73].

Разрешение в 1928-1929 гг. описанного здесь спора можно считать одним из переломных моментов в советской экономической истории. Для того, чтобы навязать стратегию индустриализации с одновременной коллективизацией, была задействована машина террора, которая подавляла любое сопротивление, впоследствии Бухарин и сам стал жертвой этого террора. Команды молодых коммунистов отправились в сельскую местность, где, используя насильственные методы коллективизации, быстро добились пред-

полагаемых результатов. Если в 1927 г. (на 1 ноября) количество хозяйств, поглощенных колхозами, составляло 195 тыс., то в 1930 г. (на 1 марта) – 14 264 300. В конце второй пятилетки, в 1937 г., 93 % хозяйств вошли в состав колхозов и занимали более 99 % общей площади возделывания сельскохозяйственных культур [Swianiewicz, 1965, 91-95].

Таким образом, созданный механизм оказался эффективен в борьбе с сопротивлением сельского населения, позволял контролировать урожай и распределение произведенной продукции. Однако в итоге он потерпел неудачу с точки зрения производительности труда. Ситуация с поставками продуктов питания в Советском Союзе в то время уступала существовавшей до революции, и трудности с продовольственными ресурсами были ощутимее, чем во время Первой мировой войны. Таким образом, трудовые лагеря, динамично развивавшиеся в период коллективизации, являлись своего рода буфером для смягчения трудностей на продовольственном рынке. Спасаясь от голода и репрессий или в ответ на призывную кампанию, большое количество крестьян «добровольно» покинули село. Чистая миграция в 1927-1937 гг. составила около 23 млн. человек. В то же время, еще около 10-11 млн. попали в трудовые лагеря. Эти цифры удивительным образом совпадают с тем, что сам Сталин признал в интервью Черчиллю, когда в беседе с ним сказал, что «за четыре года кампании коллективизации ему пришлось "разобраться" с десятью миллионами крестьян». Таким образом, трудовые лагеря, помимо очевидной функции орудия террора, также стали гигантским предприятием, подчиненным экономическому планированию [Swianiewicz, 1965, p. 113].

Постскриптум

Остановимся далее на текстах, написанных спустя много лет, когда Станислав Свяневич жил на Западе. В них он описывал ретроспективный взгляд на свои более ранние исследования, указывая на международное влияние теории и практики советского варианта социализма. По прошествии нескольких десятилетий, обращение к этим текстам интересно, прежде всего, в силу того, что позиции исследователей из бывших социалистических стран чаще выражают негативные оценки и точки зрения, не основанные на тщательном научном анализе.

Стоит обратить особое внимание на еще неопубликованную работу, написанную к 50-летию Октябрьской революции в 1967 г., [Swianiewicz, 1967], и вновь через полвека вернуться к ее содержанию. Основная идея Свяневича заключается в том, что, несмотря на то, что «первоначальная цель была чисто политической – зажечь пламя мировой пролетарской революции, ... Октябрьская революция 1917 г., безусловно, была вызовом капиталистическому миру». В то время основное внимание уделялось двум вопросам:

1. экономический рост и развитие могут быть обеспечены волей сильного центрального правительства;

2. было открыто заявлено, что только при социализме, а не в условиях разлагающейся капиталистической системы, возможен непрерывный рост.

Победа революции положила начало «эре вынужденного роста», вместо стихийного процесса с очень ограниченной возможностью его сдерживания центральной властью, в сравнении с тем, как это понималось ранее.

Одним из сходных примеров масштабного вмешательства государства в экономику является немецкая экономическая программа («Arbeitsbeschaffung» «Трудоустройство»), проводившаяся в 1933-1934 гг. по проекту доктора Х. Шахта, советника Гитлера по экономическим вопросам. Безработица в пределах 8 млн. человек была ликвидирована практически до уровня полной занятости.

Советский экономический эксперимент потребовал теоретического осмысления со стороны Запада. Его результатом, по мнению Свяневича, стала работа «Общая теория занятости, процента и денег» Дж.М. Кейнса, опубликованная в 1936 г.

Советский пример впоследствии «захватил воображение активных социальных сил колониальных и зависимых стран Азии и Африки и, тем самым, способствовал процессу деколонизации». Первые десятилетия после революции также ознаменовались экономическим соперничеством между двумя блоками. В контексте этой борьбы, как полагал Свяневич, в послевоенные годы и был объявлен план Маршалла, запущен план европейской интеграции Шумана.

Советский Союз, вероятно, непреднамеренно стал причиной того, что «экономическое развитие приобрело международное измерение и стало главной заботой Организации Объединенных Наций. Сегодня спонсирование экономического роста и сокращение

разрыва между промышленно развитыми и развивающимися странами часто рассматривается как этический принцип, официально одобренный заявлениями высших религиозных властей. В течение последних пяти лет три энциклики[1], ... были выданы папами римскими с этой целью», – заключает Свяневич.

В заключение статьи процитируем еще два размышления Свяневича о настоящем. Сегодня они тоже достойны рассмотрения: «Современное человечество начинает жаждать освобождения от этого главенства экономики над другими сферами жизни, спонтанно созданного в течение XX в. Экономическая динамика, стремление к более полному развитию производительных сил стали в этот период целями сами по себе, целями, которым должны были подчиняться другие сферы общественной жизни и государственной политики» [Swianiewicz, 1936, 172].

«Драматическое противоречие нашего времени состоит в том, что одновременно с колоссальными достижениями человеческого разума в технической сфере, методы политического управления и методы высших направлений национальной экономики смещаются в сторону иррациональности. Псевдонаучные доктрины, принятые как своего рода светская религия, ведут к политической и социальной трансформации, приводящей в итоге к тоталитарному обществу. Социальный миф, который становится своего рода светской религией, не предполагает тех нравственных и гуманитарных ограничений, которые пытается ввести любая духовная религия. ... Ослепленные суггестивной силой социального мифа правители могут стать угрозой для человечества» [Swianiewicz, 1965, 222].

B. Gaziński
Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie
Warmia and Mazury University in Olsztyn

STANISŁAW SWIANIEWICZ (1899-1997) STUDIES ON THE SOVIET ECONOMY

An uneasy life. A biographical outline

Stanisław Swianiewicz life covers almost all of 20th century: the two world wars, the rebirth of Poland after 123 years of the partition and an era of

[1] Это были: «Mater et Magistra» («Мать и наставница») and «Pacem in Terris» («Мир на земле») Папы Римского Иоанна XXIII и «Populorum Progressio» («Развитие человечества») папы Павла VI.

powerful totalitarian regimes in Europe. Therefore, he was both a witness to stormy historical events and an outstanding scholar of Centrally Planned Economies.

Born in Dyneburg (today's Daugavpils, Latvia) in a family of a railroad technician, he grew-up in a multicultural environment. In his home three languages were spoken: Polish, German, Russian and – occasionally – French. His mother attended the first St. Petersburg University opened for women (the "Bestużev courses") and was influenced by the liberal attitudes spread at the University – she sympathized with the Russian revolutionary socialist movements, the "essers".

During the 1st World War, his family moved to Orel where he completed the Tsar Gymnasium and read Russian translations of Karl Kautsky works on Marx's doctrine. In September 1917, he started his studies at the Faculty of Law and Social Sciences, Lomonosov University, Moscow (GMU), which were broken by the Bolshevik Revolution. In 1918, his family returned to Dyneburg. During the German occupation of the city he entered into a conspiratory Polish Military Organization (the POW). Then the city was captured by the Boshevik troops. Threatened by arrest, he escaped and joined the Polish army [note. 1].

As an active soldier, he continued his studies in the Faculty of Law and Social Sciences in the Vilnius University to belong to the first group of its graduates in 1924 and started his academic career there. In 1928, he was awarded a research scholarship to study the economic theories of Lenin. Refused a Russian visa, he went instead to the Osteuropa Institut in Breslau (today's Wrocław) – his research resulted in his publishing the monograph "Lenin as an economist". Another scholarship, at the Institute for Foreign Affairs in Kiel, was summarized in his book "Economic policy of Hitler's Germany".

One of the most important professional activities of Swianiewicz was his cooperation with, established in 1930, the Scientific and Research Institute for Eastern Europe in Vilnius. For many years – as a publicist – he co-worked with local journals, the "Kurier Wileński" in particular. Many of his journalistic articles were focused on the issues of national minorities [note. 2]. He often stood up for them in defense of their rights, not always fully respected – he interceded in matters related to Belarusians. The crowning of his academic career at the Stefan Batory University was the Professor nomination, signed by the President of the Republic of Poland, Ignacy Mościcki, in 19th April 1938.

Mobilized into the army, he left Vilnius in last days of August 1939 and never returned to this city. He ended his war campaign on the 28th September as a Prisoner of War. He was detained in a former Orthodox monastery in Kozielsk converted into a POW prison and, in April 1940, he was transported by rail to the Gniezdowo station near Smolensk – he was the only one pris-

oner who escaped death in Katyn; he was arrested by NKVD officers. After remaining in prisons in Smolensk, in Lubyanka, and in Butyrki in Moscow, he was transported to a labour camp in the Komi Republic. Released in 1942 under the Sikorski-Majski Agreement, he became the head of the Bureau of the Middle East Studies, under the auspices of the Polish Government in Exile in London.

After the war, he worked at various universities, among others in London and Indonesia. Since 1963, he was employed at Saint Mary University in Halifax, Nova Scotia, Canada. For the last years of his life he found a shelter in the Polish senior home "Antokol House" near London [note. 3].

On Lenin’s philosophical and economic thought

The immediate neighborhood of the Soviet Union gave researchers a deeper perspective in the socio-economic understanding of the doctrine of Communism than their "fellow professionals", living thousands of miles away from the USSR and in a different cultural heritage and historical conditions. The habilitation dissertation of Swianiewicz "Lenin as an economist" [Swianiewicz 1930] can be considered a classic example of the artistry of analyzing social, economic and political phenomena at the Vilnius Institute for Eastern European Studies.

Lenin's approach to Marx thought was different than that of Western Marxists of his times. Reflections on "eternal puzzles of universe” attracted him not so much – more interesting for him were practical aspects of Lenin’s theories. "Lenin's views became the starting point of the pragmatic policy of the Soviets – Swianiewicz notes – economic problems do not exhaust the essence of Leninism ... Leninism is not just an economic system, but a peculiar philosophical system, as well" [Swianiewicz, 1930, 387] [note. 4]. It also indicates that they are burdened with the specificity of the Russian soul, its longings and metaphysical dilemmas. Therefore, Marxist philosophy, transplanted onto Russian soil, acquired a religious character there – "it has become a revelation revealing hidden secrets for ordinary mortals. ... Lenin ... is rather a priest guarding the inviolability of his religion" [Swianiewicz, 1930, 388]. Thus, dialectical materialism was a quasi-religion for Lenin as all deviations from it were marked as heresies [note. 5]. Also, the October Revolution has – argues Swianiewicz – a clear "religious character. The aspirations of its creators are also spreading the new common religion by applying of their power” [Swianiewicz,1930, 390].

Lenin shared the basic assumption of Marx's economic theories of a fundamental conflict of interests between the bourgeoisie and the proletariat. Developing capitalism could apply forces capable of destroying it in the future. "This Marxist analysis – writes Swianiewicz [1930, 396] – became the

starting point of the economic theory of Leninism ... a huge part of Lenin's activity is devoted to the justification and defense of Marx's position”.

One of elements of Lenin’s doctrine was a critique of the narodniks [народники], who believed that Russia could enter the socialist system omitting the stage of capitalism. In Russian society, there were elements of collectivism, whose development could lead towards socialist reconstruction. Lenin, therefore, shared Marx’s views about the hostile but creative power of capitalism as a forerunner of socialism. Consequently, during the initial phase of the enforcement of a new social and economic system a frontal confrontation with the overall system of capitalism would be a mistake. The attack should be limited to such "strongholds of capitalism" as banks, offering some layers of capitalists a tactical compromise, to "make them for useful and creative work under the control of the workers themselves" [Swianiewicz, 1930, 407].

To get power, Lenin had become a master in destruction but – while holding it – he was not always capable of controlling it. “Masses were away of being pleased to follow Lenin’s recommendation of disciplined cooperation with capitalists” [Swianiewicz, 1930, 505]. Recently ended the 1st World War, the continuing years of domestic war and the ad hoc solutions of “war communism” led to increasing chaos and poverty of the masses.

The announcement of the NEP [New Economic Policy] was a kind of manifestation of failures during the first period of construction of the new system – the slogan of learning from capitalists again became vivid, at least for temporary purposes, and the market was applied to reduce the expanded planned rationing system.

The driving idea of the NEP was strengthening the socialist economy by cooperation and competition with the capitalist sector. Furthermore, hidden enemies of the Revolution were considered small-scale capitalist units – in Lenin's opinion, larger capitalist enterprises could be useful in combating this petty element. By eliminating a small trader and producer from the market, they would also clean up the foreground for the future socialism victory. The results of the NEP's policy did not meet Lenin's expectations. They turned out to be partial – it was not taken into account that under the conditions of a permanent threat from the Soviet system, including in particular lack of respect for the property rights, the dynamism proper to capitalism could not be revealed [Swianiewicz, 1969, 71].

For Lenin's understanding of the regularity of the changes in the capitalist economy the influence of the Austrian economist Rudolf Hilferding [note. 6] was evident; he believed that in the initial period it was dominated by scattered merchant capital and – to a limited extent – usury. Over time, the concentration of wealth led to the rise of great fortunes. "Old merchants thus turn into industrialists," notes Swianiewicz [1965, 431]. That's how close relations

between large enterprises and banks are established. Capital concentration was becoming of increasing importance in the economy – a scope for competitive rivalry is reduced to make a room for more and more efficient control over the markets. Therefore, monopolist practices are supported by banks which “grow together with banks” [Swianiewicz, 1930, 438]. The outlined tendencies influence policies of the capitalist state. Departure from the role of “a guardian of the market” takes place and different forms of state intervention policy are developed. This is accompanied by the phenomenon of the division of the capitalist world into "centers" and "peripheries", because the export of capital to economically backward countries is usually associated with the pursuit of their political subordination [note. 7]. Thus, competition on world markets becomes at the same time a fight for dividing the world into spheres of influence – it adopts sharp forms that favour armed conflicts. Hence one of the Leninist assumptions – one of the first stages of the revolution should be the overtaking of financial markets by it. After the 1st World War, Hilferding became very skeptical on the chances of the forthcoming socialist revolution. For Lenin, the entry of capitalism into the stage of imperialism was therefore synonymous with the beginning of its decaying. This perception "strengthened his faith in the imminent victory of the proletarian revolution" [Gaziński, 2011, 53].

On economic significance of forced labour

The idea to write a book about the economic significance of labour camps arose during the stay of Swianiewicz in the Moscow prison on Lubianka, when he had the opportunity of long discussions with fellow prisoners from a wide spectrum of Soviet society, also high rank party and state officials. It was quite a special "permanent Seminar on the issues of revolutionary transformation in the national economy" [Swianiewicz, 1965, p. V].

Work on the book took him a total of about 10 years. With some irony, one can admit that the Soviet authorities themselves contributed to it, providing the author – without asking for his consent – with a peculiar practical study, i.e. almost two years in prisons and camps in the Republic of Komi. Already in the first part of the monograph, studying the system of determinants of forced labor, the author points out that it was a radical solution to the overpopulation of the village and also to ensure adequate labour supply for the developing industry and the large investment programs undertaken.

Coercion as a tool for exercising power is a well-recognized fundamental aspect of Leninist ideology. The use of coercive measures by the authorities, because this is the nature of forced labour, was facilitated by the disintegration of social ties progressing in the Soviet society. Still in the 1920s, when the camps had not yet fulfilled important tasks in the sphere of the economy,

the discrepancy between economic thought in Soviet Union and in the West was – considering the dissimilarity of the political systems – quite small. Confirmation can be found in the establishment of the Institute of Economic Situations, whose highly regarded representative in the world was Nikolai Kondratiev.

The fiasco about the expectations combined with the NEP, which did not provide a sufficient flow of foreign capital, forced Soviet Russia to rely only on its own resources. After the death of Lenin (1924), in the conditions of growing economic difficulties, his successors were confronted by the need of a new choice in economic strategy.

Two contradictory concepts crystallized. The concept of dynamic economic balance was proposed by Nikolai Bukharin, supported, among others, by V. G. Grossman and N. Kondratiev. They advocated that the major investment ventures should be accompanied by strong anti-inflation measures, so that the balance on the market of consumer goods would not be deteriorated and the distribution of goods could take place automatically through a market mechanism. The essence of this concept was therefore a harmonious combination of industrial and agricultural development. Investments should therefore also take into account the needs of the light industries and those working for agriculture. Bukharin therefore opposed the imposition of excessive burdens on farmers, including compulsory deliveries. The increase in agricultural production and the resultant affluence of farmers would automatically lead farm surpluses to be directed into the market. Using contemporary terminology, it may be supposed that Bukharin would not be opposed to ideas of sustainable rural development.

Stalin, wielding power at that time, made a different choice in favour of an alternative suggested by E. A. Preobrazhensky, a major theoretical opponent of Bukkarin. The starting point of this concept was the observation that during the initial period of capitalism, one of the forms of capital accumulation was the exploitation of overseas colonies. The revolutionary Soviet economy also needed this kind of "primary accumulation". However, there was a shortage of colonies – their substitute was to be the "inner colony" – the exploitation of the rural economic potential. So, burdens of forceful industrialization were to be borne by peasants, forced to provide food without chances of obtaining adequate access to industrial goods. The village was also supposed to be a reservoir of cheap labour. The ideology came with a corollary – the freedom of managing peasants "on their own" – the very existence of economic entities quite independent from the authorities – was a challenge to the logic of a centralized economic system. The socialized farms were directly dependent on the supreme power. Therefore, collectivization created an illu-

sion of the planned covering of food needs. Swianiewicz describes this mechanism figuratively as the "kolhoz pump" [Gaziński, 2010, 69-73].

The resolution in 1928-1929 of the dispute described here can be considered one of the turning points in Soviet economic history. In order to impose a strategy of forceful industrialization with simultaneous collectivization, a machine of terror was harnessed, which throttled any resistance – Bukharin himself later fell victim to it. The teams of young communists were sent to the countryside, spreading terror which quickly brought the assumed results. While in 1927 (1 November) the number of farms absorbed by the collective farms was 195 thousand, then in 1930 (1 March) it was 14 264 300. At the end of the 2-nd Five-year Plan, in 1937, 93% of farms were overtaken by collective farms and they covered over 99% of the area of agricultural crops [Swianiewicz, 1965, 91-95].

The implemented machine was therefore effective in combating rural resistance, crop control and distribution of produced output, but failed in terms of productivity. The state of food and nutrition in Soviet society gave way to that existing before the Revolution, and the hardships of food supply were also greater than during the 1st World War. Hence, labour camps, dynamically developed during the collectivization period, constituted a kind of buffer to alleviate the difficulties in the food market. In an escape from hunger, threatening repression, or in response to the recruitment campaign, crowds of people "voluntarily" left the village. Net migration in the years 1927-1937 could amount to as much as 23 million people. At the same time, another 10-11 million people would go to the labour camps. These data are surprisingly coincident with what Stalin himself, disbelievingly admitted in the interview with Churchill that for four years of the collectivization campaign he had to "deal with" ten million peasants. Thus, the labour camps, apart from the obvious function as a tool of terror, had also become a gigantic enterprise, subjected even to a kind of economic planning [Swianiewicz, 1965, p. 113].

Postscriptum

Let us pause further over those texts, written after many years, when he lived in the West, in which he described his retrospective view to his earlier analyzes, pointing to the international impact of the theory and practice of Soviet socialism. After a few decades, reaching back to these texts is interesting because from the perspective of former socialist countries it is easy to express negative assessments and opinions instead of thorough analysis.

It is worth paying special attention to the never as yet published work, written on the 50-th anniversary of the October Revolution and to examine its content another 50 years later [Swianiewicz, 1967]. The central idea of Swianiewicz is that, despite the fact that the "original objective was purely po-

litical: to ignite the flame of the world proletarian revolution, ... the Revolution of October 1917 was certainly a challenge to the capitalist world". At that time, the focus was on two issues:

1. that economic growth and development might be imposed by the will of a strong central government;
2. that it was explicitly announced that only under socialism, and not in the conditions of a decaying capitalist system, was a continuous growth possible.

The victory of the Revolution initiated “the era of enforced growth”, instead of a spontaneous process with a very limited possibility to moderate it by a central authority, as was understood earlier. One such example is the German economic program (“Arbeitsbeschaffung”) undertaken in 1933-1934 as designed by Dr. H. Schacht, Hitler's economic adviser. The unemployment, of extreme range of 8 million people out of work, was converted to almost full employment. The Soviet economic experiment required theoretical reflection on the part of the West. This was, in the opinion of Swianiewicz, "General theory" by Keynes, published in 1936.

The Soviet example “captured the imagination of the leading strata of Asia and Africa and in this way contributed to the process of decolonization”. The first decades after the Revolution also marked the economic rivalry between the two blocks. In this context, as Swianiewicz believed, in the postwar years the Marshall Plan was announced, as well as the Schuman Plan of European integration was launched.

The Soviet Union, probably unintentionally, caused that "the economic development has acquired an international dimension and has become a constant preoccupation of the United Nations. Today, the sponsoring of economic growth and reduction of the gap between advanced and underdeveloped nations is often looked as an ethical principle sanctioned by the pronouncement of the highest religious authorities. During the last five years three encyclicals to this effect [note. 8] ... were issued by the Pope." – concludes Swianiewicz.

To conclude this article, let us quote two more reflections of Swianiewicz on the present – nowadays they are also worthy of being considered: "Contemporary mankind begins to long for liberation from this primacy of economics over other spheres of life, which has been spontaneously created during the twentieth century. Economic dynamics, the pursuit of a more complete development for productive forces have become, in this period, goals in themselves to which other areas of social life and state policy had to be subordinated" [Swianiewicz, 1936, 172].

“A dramatic contradiction of our time is that, simultaneously with colossal achievements of human mind in the technical sphere, the methods of political

government and the methods of supreme directions of the national economy are drifting towards irrationality. Pseudo-scientific doctrines, accepted as a kind of secular religion, lead to a political and social transformation bringing about a totalitarian society. A social myth which becomes a kind of secular religion does not involve those moral and humanitarian restraints which any spiritual religion tries to introduce. … . Rulers blinded by a suggestive power of social myth may become a danger to the human race" [Swianiewicz, 1965, . 222].

Notes

1 In 1990, during his only one visit to postwar Poland, he was awarded the Independence Cross for his fighting during the 1919-1920 war.

2 They constituted around 1/3 of the total Polish pre-war population but being often a majority in the Eastern Borderlands.

3 The basis for this biographical sketch are the publications: Swianiewicz-Nagięć M, Gaziński B. [2017] and Swianiewicz M. J., Swianiewicz E. [2016]. Oral relations of his daughter M. Swianiewicz-Nagięć were also used.

4 All quotations from works of Swianiewicz, published in Polish, are given in the author's own translation.

5 The accuracy of this observation may be demonstrated by the exhibition at the Museum of the History of Religion and Atheism in the mid-1980s, installed in the interior of the monumental Kazan Cathedral (a solid structure modelled on the Roman basilica of St. Peter). The monument of Lenin was exhibited in the place where the Tsarist Gate was located. It occupied a central place among the multitude of deities and gods of various eras and civilizations, ironically making – probably unintentionally – the impression that he is the central god of a new religion.

6 Fundamental work of that author: "Kapitał finansowy. Studium" (translation into Polish), Warszawa 1958.

7 That issue had been thoroughly considered, many years later by Celso Furtado, a Brazilian leftist economist in his small but influential treatise: "Mit rozwoju gospodarczego" (Polish translation), Warszawa, 1982.

8 These were: "Mater et Magistra" and "Pacem in Terris" by Pope John XXIII and "Populorum Progressio" by "Paul VI.

References

1. Gaziński B. „Lenin jako ekonomista" w ujęciu Stanisława Swianiewicza, [in:] Stanisław Swianiewicz – ekonomista, sowietolog, historyk idei (ed. Gaziński B.), UWM Olsztyn 2011, pp. 47-55.

2. Gaziński B., Znaczenie pracy przymusowej w rozwoju gospodarczym ZSRR w ujęciu Stanisława Swianiewicza, [in:] Stanisław Swianiewicz (1899-1997) ekonomista, sowietolog, historyk (ed. Gaziński B.), UWM Olsztyn 2010, pp. 67-81.

3. Swianiewicz S., Economic impact of the Russian revolution in historical perspective, June 1967, pp. 7 (unpublished manuscript, private archive of Maria Swianiewicz-Nagięć).

4. Swianiewicz S., Forced labour and economic development. An Enquiry into the experiences of Soviet industrialization, Oxford University Press, London 1965.

5. Swianiewicz S., Lenin jako ekonomista, „Instytut Badawczy Europy Wschodniej w Wilnie. Sekcja Gospodarcza", Nb. 1, Wilno 1930. . Post-war edition [in]: Polska szkoła sowietologiczna 1930-1939 (ed. Konrad M.), Arcana, Kraków 2003, pp. 387-513.

6. Swianiewicz S., Przyszłość gospodarcza Azji, „Kultura", Paryż, I-II 1959, pp. 151-166.

7. Swianiewicz S., Rzut oka na zasadnicze problemy sowieckiej polityki gospodarczej, „Rocznik Instytutu Naukowo-Badawczego Europy Wschodniej w Wilnie", 1934, vol. 2, 1-47. Post-war edition [in]: Polska szkoła sowietologiczna 1930-1939 (ed. Konrad M.), Arcana, Kraków 2003, pp. 309-350.

8. Swianiewicz S., Szablonowy oraz zracjonalizowany typ gospodarowania, „Rocznik Prawniczy Wileński", 1936, vol. 2, pp. 144-173.

9. Swianiewicz S., The impact of ideology on Soviet economic policy, "Canadian Slavonic Papers – Revue Canadienne des Slavistes", vol. XI, 1 1969, pp. 66-81.

10. Swianiewicz S., W cieniu Katynia, Instytut Literacki, Paryż, 1976.

11. Swianiewicz-Nagięć M., Bibliografia prac naukowych i publicystycznych Stanisława Swianiewicza. [in:] Stanisław Swianiewicz ekonomista, sowietolog, historyk idei. (ed. Gaziński B.), Instytut Nauk Politycznych UWM, Olsztyn 2011, pp. 189-195.

12. Swianiewicz-Nagięć M., Gaziński B., Stanisław Swianiewicz wobec mniejszości narodowych i wielokulturowości wschodnich Kresów Rzeczypospolitej, „Acta Polono-Ruthenica", 4, 2017, pp. 7-20.

13. Swianiewicz M. J., Swianiewicz E., „Ja bez Ciebie do Polski nie pojadę". Korespondencja rodzeństwa Swianiewiczów z lat 1945-1946 (Wilno – Workuta, Workuta – Wilno), Instytut Historii i Stosunków Międzynarodowych UWM, Olsztyn 2016, pp. 41-49.

Н.В. Дмитриева[1]

ЛИБЕРАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В НАЧАЛЕ XX в.: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ[2]

В своей работе «Власть и общественность на закате старой России (Воспоминания современника)» видный деятель отечественного либерального движения начала XX в. В.А. Маклаков писал: «Постановка национальной проблемы в *старой* России была

[1] *Дмитриева Наталья Валерьевна – старший преподаватель кафедры отечественной истории средних веков и нового времени Южного федерального университета, младший научный сотрудник Южного научного центра Российской академии наук.*

[2] *Публикация подготовлена в рамках реализации проекта Российского научного фонда 17-78-20117 «Национальные окраины в политике Российской империи и русской общественной мысли».*

одной из самых ее слабых сторон»[1]. Данное утверждение применимо не только к истории Российской империи. Оно актуально как для советской, так и для современной России. На протяжении большей части своего существования Российское государство представляло собой гетерогенное образование, на территории которого проживало разноплеменное население с отличающимся уровнем социально-экономического, политического и культурного развития. Сталкиваясь с вызовами межэтнической напряженности, центральные власти вынуждены определять вектор взаимодействия с иноплеменным населением, зачастую проживающим на территориях, выделенных в отдельные единицы административно-территориальной системы государства. И можно говорить о наличии не только единого «национального вопроса» как общей стратегии по поддержанию согласия в многонациональном государства, но и о существовании отдельных «окраинных вопросов». В Российской империи подобных окраинных вопросов было достаточно много: польский, финский, кавказский, сибирский, остзейский и т.д. Стремительное расширение государства в эпоху Нового времени приводило к выработке имперским правительством различных алгоритмов интеграции вновь присоединенных окраин в общее тело империи. Одновременно с этим шел процесс становления отечественной либеральной интеллектуальной традиции по осмыслению существовавшей в России формы государственного устройства. И если во второй половине XIX в. происходило оформление теоретической составляющей по национальному вопросу, то в начале XX в., в период активного оформления политических движений и партий, данный вопрос перешел в практическую плоскость либерального движения.

Несмотря на важность национальной проблематики для всестороннего изучения проблемы генезиса либерального движения в России, в отечественной историографии советского периода данная проблематика не подверглась систематическому изучению и упоминалась лишь эпизодически. В частности, в одном из обобщающих исследований по истории непролетарских партий упоминается конференция оппозиционных и революционных групп и партий в Париже в сентябре-октябре 1904 г., в которой приняли участие

[1] Маклаков В.А. Власть и общественной на закате старой России (Воспоминания современника). Отд. 2. Париж, 1936. С. 222.

представители освобожденческого движения. Авторы работы отметили, что решения данной конференции по национальному вопросу легли в основу будущей программы кадетской партии, оставив без анализа конкретные пункты программы[1]. Из работ советского периода решения либеральных съездов и упомянутого Парижского совещания были максимально подробно описаны в работах К.Ф. Шацилло, в противовес всей предшествовавшей историографии утверждавшего, что «парижская конференция – событие, не имеющее аналогов в истории общественного движения и общественной мысли России»[2]. Однако автора в большей степени интересовали решения данной конференции в контексте изучения попытки сближения представителей либерально ориентированной общественности с революционными партиями в ходе борьбы с самодержавной властью в России. Более детально в советской историографии анализировалась программа либералов уже на этапе функционирования партийной организации[3].

На рубеже 80-х – 90-х гг. XX в. под влиянием происходивших в стране политических преобразований изменилось отношение и к либерализму как научной проблеме. Происходит отход от марксистско-ленинских методологических установок. А.Н. Егоров в обобщающей работе по историографии российского либерализма начала XX в. отмечает, что процесс обновления исторической науки стал развиваться в двух направлениях: 1) освоение новой проблематики, прежде недоступной для исследования; 2) переосмысление сделанного ранее[4].

Изучение национальной составляющей как отдельной проблемы либеральной модели преобразования государства в начале

---

[1] Непролетарские партии России: Урок истории / Под общ. ред. И.И. Минца. М., 1984. С. 85-86.

[2] Шацилло К.Ф. Русский либерализм накануне революции 1905-1907 гг. М., 1985. С. 238-252.

[3] Бургомистрова Г.Ю., Гусакова В.С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий России. М., 1976. Шелохаев В.В. Либеральный лагерь накануне и в годы первой русской революции в освещении советской историографии // Актуальные проблемы советской историографии первой русской революции. Сб. ст. М., 1978. С. 236-255; Его же. Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905-1907 гг. М., 1983. Думова Н.Г. История российских буржуазных партий в новейшей англо-американской историографии // История СССР. 1977. № 9. С. 198-217.

[4] Егоров А.Н. Отечественная историография российского либерализма начала XX века. Автореф. дисс… д.и.н. М., 2010. С. 30.

XX в. можно смело отнести к обоим вышеупомянутым направлениям. Впервые в современной отечественной историографии к ней обратился ведущий специалист по истории либерализма в России В.В. Шелохаев. Исследователь вывел данную проблему на качественно новый уровень изучения. Изначально в своей статье «Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения»[1], а позднее в концептуальной монографии «Либеральная модель переустройства России»[2] автором были сформулированы ключевые теоретические положения видных представителей либерального движения начала XX в. по национальному вопросу. К таковым были отнесены П.Н. Милюков, П.Б. Струве, С.Н. Булгаков и др. Шелохаев рассматривает их позиции в хронологических рамках с конца XIX в. и до 1917 г. включительно. Особое внимание автора привлекает противостояние двух направлений в либеральном варианте решения национального вопроса в России: концепция гражданского государства национальностей Милюкова и национального государства во главе с «державной» русской нацией Струве[3]. Автор обращается к работам последнего, вышедшим уже после Первой русской революции и формирования кадетской партии, что оставляет за рамками исследования проблему эволюции взглядов Струве на более раннем, допартийном, этапе развития либерального движения. В обеих вышеназванных работах Шелохаев исследует, кроме теории национального вопроса, также и историю взаимоотношений общероссийских и региональных представителей либерального движения, анализирует деятельность партии кадетов в Государственных думах. Автор ввел в научный оборот значительный корпус архивных источников по проблеме. Научные труды Шелохаева дают целостное представление о предложениях решения национального вопроса в рамках либеральной модели общественного устройства с момента создания кадетской партии до октября 1917 г. Однако за рамками подробного исследования остается допартийный период разработки русскими либералами концепции национально-государственного устройства России.

---

[1] Шелохаев В.В. Национальный вопрос в России: либеральный вариант решения // Кентавр. 1993. № 2. С. 45-59.
[2] Он же. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. 280 с.
[3] Там же. С. 73-76.

Среди публикаций, которые охватывают протопартийную историю русского либерализма и момент его перехода в партийную эпоху, отметим статью А.Ю. Бахтуриной «П.Н. Милюков и польский вопрос». Автор показывает на примере вопроса о польской автономии расхождение взглядов Милюкова и А.И. Гучкова, что привело к последующему разрыву между кадетами и октябристами[1]. Схожей проблематике посвящен доклад А.В. Щербины на конференции «Либеральный консерватизм: история и современность». Автор отмечает, что национальная программа русских либералов включала решение комплекса задач по двум направлениям: (1) права национальностей и национальное равноправие и (2) национально-государственное устройство Российской империи[2]. Взаимосвязи либеральной политической программы, в частности, конституционных проектов с двухпалатным парламентом и широким местным самоуправлением, и программы национальной, посвящена статья В.В. Востриковой[3]. В статьях Н.Г. Карнишиной рассмотрены теоретические основания российского либерализма по национальному вопросу в конце XIX-начале XX вв.[4] Автор приходит к выводу, что предметом исследования авторов либерального направления являлось, в первую очередь, определение государственно-правового статуса присоединенных территорий и возможность его изменения. В работах В.Н. Кудряшева представлена реконструкция взглядов представителей либеральной общественной мысли второй половины XIX в. на национальный вопрос. Автор делает вывод об общем для всех либералов представлении о сохранении национальности

---

[1] Бахтурина А.Ю. П.Н. Милюков и польский вопрос // П.Н. Милюков: историк, политик, дипломат. Материалы международной научной конференции. М., 2000. С. 335.

[2] Щербина А.В. Имперское сознание и либеральное движение в России в начале XX века // Либеральный консерватизм: история и современность. Материалы всероссийской научно-практической конференции. М., 2001. С. 227-228.

[3] Вострикова В.В. Концепция представительной власти в трудах представителей нового российского либерализма (конце XIX-начало XX века) // Управление общественными и экономическими системами (Электронный межпредметный научный журнал). 2008. № 2. С. 12-13 [Электронный ресурс] // URL: http://www.bali.ostu.ru/umc/arhiv/2008/2/vostrikova.doc. (дата обращения: 01.06.2009).

[4] Карнишина Н.Г. Национальный вопрос в теории российского либерализма конца XIX - начала XX вв. // Сергей Андреевич Муромцев – председатель первой Государственной Думы: политик, ученый, педагог. Сб. науч. ст. Орел, 2010. С. 128-138; Она же. Национальные окраины Российской империи в модели монархического государства конца XIX – начала XX вв. // Имперская и монархическая составляющая либеральной идеологии: Сборник материалов Всероссийской научной конференции. 24-26 сентября 2014 г. Орел Госуниверситет – УНПК. Орел, 2014. С. 308-317.

как важнейшего личностного идентификатора и, одновременно, одного из видов солидарности[1].

Приведенные выше публикации вносят определенный вклад в развитие историографии либеральной концепции национально-государственного устройства. Исследователи сходятся во мнении о необходимости всестороннего изучения допартийного этапа данной проблемы для понимания ее дальнейшей эволюции в думский период.

Приведенный историографический анализ позволяет выявить перспективы дальнейшего изучения национальной составляющей как неотъемлемой части либеральной модели переустройства России в начале XX в. Постепенный отход от традиционно автономного рассмотрения теоретических и программных установок либерализма по национальному вопросу, а также их изучение в плотном историческом контексте. Представляется возможным выделить два ключевых направления в данном вопросе: с одной стороны, исследование теории и практики в непосредственной связи с проводившейся политикой центральных властей в отношении национальных окраин, с другой стороны, с устанавливающимися и развивающимися в этот период связями, как правило, на личном уровне, представителей общероссийского либерального движения с лидерами национальных движений на окраинах.

В качестве наиболее наглядного примера в данном контексте можно рассматривать финляндский вопрос. Конец XIX в. характеризуется изменением имперской политики в отношении Великого княжества Финляндского, что спровоцировало дискуссию в среде российского интеллектуального сообщества, а именно его консервативно и либерально настроенной части. С другой стороны, отечественная либеральная мысль в конце XIX – начале XX вв. столкнулась с необходимостью решения национального вопроса не только с точки зрения возможности обеспечения гражданского равноправия, но и определения собственного отношения к имперскому характеру Российского государства в целом в условиях перехода от абсолютной монархии к представительной системе правления. Идеологи «нового либерализма» справедливо посчитали необходимым, в первую очередь, определиться именно с «финляндским вопросом» как наиболее сложным для практического разрешения.

---

[1] Кудряшев В.Н. Национальный вопрос в общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Автореф. дисс. … д.и.н. Томск, 2013. С. 26.

Более того, ключевым составляющим либеральной теории, таким как конституционная форма правления, гражданское общество, сформированное правовое сознание народа, на территории Российской империи, с точки зрения либералов, внешне соответствовало именно Великое княжество Финляндское. Именно с этих позиций лидеры либерального движения вели защиту Финляндии от наступления российской власти.

В 80-е гг. XIX в. статьи, публикуемые в периодических изданиях либеральной направленности, в первую очередь «Вестнике Европы»[1], были ориентированы на опровержение данных консервативной печати (газеты «Московские ведомости» и «Новое время») о Финляндии как окраине, развивавшейся за счет метрополии и приносившей империи многочисленные убытки. В 90-е гг. XIX в. либеральные статьи о Финляндии стали приобретать аналитический характер. Под ранее обозначенные выводы приводились цифры и факты, доказывавшие, что причиной быстрого экономического развития Финляндии являлись, в первую очередь, установившиеся традиции управления. Изменение имперской политики в отношении Финляндии в конце правления Александра III привело к активизации в среде либеральных правоведов дискуссии о государственно-правовом статусе Финляндии, в которой можно достаточно четко определить защитников и противников «теории особого государства». Ярким представителем первого направления был известный российский юрист либерал Б.Н. Чичерин[2]. Представители второго направления рассматривали Финляндию как нераздельную часть Российской империи, инкорпорированную в состав империи провинцию. Подобного взгляда придерживался, например, известный либеральный правовед Н.М. Коркунов[3].

Переход от публикации «статей-реакций» на действия имперского правительства к детальной разработке вариантов практического решения национального вопроса и финляндского, в частности, происходит в начале XX в. с оформлением в отечественном либерализме качественно нового направления, которое получило в историографии наименование «новый либерализм» (термин был введен Шацилло). Базой для «нового либерализма» стали про-

---

[1] Из общественной хроники // Вестник Европы. 1885. Кн. 9. С. 420-428.
[2] Чичерин Б.Н. Курс Государственной науки. Т. 1. М., 1894. 482 с.
[3] Коркунов Н.М. Русское Государственное право. Т. 1. СПб., 1892. 623 с.

грамма и тактика протопартийной организации «Союз Освобождения», печатным органом которой выступал журнал «Освобождение». Именно с этого периода представляется возможным говорить об окончательном расхождении взглядов отечественных либералов и имперской власти на политику, проводимую в отношении национальных окраин, в особенности, Великого княжества Финляндского.

На страницах нелегального «Освобождения», издававшегося в Штутгарте, а затем в Париже, представители либерально ориентированной общественности имели возможность обсуждать вопросы имперской политики, в т.ч. и по национальному вопросу, без оглядки на царскую цензуру. В течение 1902-1903 гг. на страницах журнала систематически появляются статьи, касающиеся Финляндии, для этого была выделена специальная рубрика «От гельсингфоргского корреспондента» Их тематика в основном сводилась к критике правительственного курса в данном вопросе. Осуждался ее насильственный характер. Однако разработок, касающихся изменения данного положения в этих статьях найти нельзя[1].

Подобные положения были сформулированы в опубликованной только 1904 г. статье Петра Долгорукова «Национальный вопрос в России и конституция». Основой этой статьи стал его подробный доклад «Финляндия и русская конституция», представленный в 1903 г. в Шафгаузене на совместном совещании сторонников журнала. Ключевая идея доклада – сохранение автономного статуса за Великим княжеством Финляндским возможно только при трансформации российского государства в конституционное. Для достижения данной цели финнам необходимо объединить свои усилия с освободительным движением России. При подготовке данного доклада «освобожденцами» был создан специальный комитет, участники которого – В. фон Ден, И.В. Гессен и П.Д. Долгоруков, провели несколько встреч с представителями финских конституционалистов, осуществили несколько поездок в Княжество с целью подробного изучения «финляндского вопроса»[2].

Нелегальный печатный орган сыграл роль в сближении российских либералов с представителями финского национального движения не только как площадка для осуждения имперской политики.

---

[1] Освобождение. 1903. № 3 (27). С. 209; Освобождение. 1904. № 59. С. 295.

[2] Copeland, William R. The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, 1973. C. 178.

Именно через территорию Великого княжества Финляндского и при участии представителей финского национального движения, осуществлялась доставка нелегального журнала в центрально-европейскую часть Российской империи. Проблема доставки журнала подробно рассмотрена в диссертационном исследовании В.Ю. Канищева «Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии»[1], а также В.Р. Копеланда[2].

Национальная проблематика стала одной из ключевых на ранее упоминавшейся «Конференции оппозиционных и революционных организаций Российского государства», проходившей в Париже с 30 сентября по 9 октября 1904 г. Связано это было, в первую очередь, с тем, что организационную работу взяло на себя финское общественное движение, в частности К. Циллиакус, и количественно на конференции преобладали национальные партии империи. В итоговой «Декларации» первым пунктом политическое преобразование, как и было обещано финляндским представителям, прямо увязывалось с восстановлением автономии Великого Княжества[3]. От «Союза Освобождения» было опубликовано отдельное разъяснение, которое в части национального вопроса солидаризовалось с «Декларацией», но опускало критику действий русской власти на национальных окраинах: «В сфере национальных вопросов Союз признает право на самоопределение за различными народностями, входящими в состав Российского государства. По отношению к Финляндии Союз присоединяется к требованию о восстановлении государственно-правового положения, существовавшего в этой стране до противозаконных нарушений этого положения в настоящее царствование»[4].

Данное положение впоследствии было подтверждено как в программе протопартийной либеральной организации «Союз Освобождения», принятой на 3 съезде организации в марте 1905 г., так и в созданной на ее основе программе кадетской партии, утвержденной вторым съездом в январе 1906 г.

---

[1] Роль журнала «Освобождение» в формировании конституционно-демократической партии. Дисс. на соиск. … к.и.н. М., 2006.
[2] Copeland, William R. The uneasy alliance. Collaboration between the Finnish Opposition and the Russian Underground. 1899–1904. Helsinki, 1973. С. 93.
[3] Листок Освобождения. 1904. № 17. С. 1.
[4] Там же. С. 2.

Пример с Великим княжеством Финляндским позволяет проследить эволюцию российской либеральной интеллектуальной традиции в отношении национального вопроса. Если в 80-90-е гг. XIX в. национальная проблематика становилась предметом дискуссии в условиях меняющейся политики имперского руководства и была единственно возможной реакцией на данные изменения, то в начале XX в., в ходе эволюции российского либерализма, появления в нем нового течения, которое отличалось не только социальным составом (в «новом либерализме» преобладали представители интеллигенции), но политической программой, готовностью адаптировать к российским условиям и применить на практике идеи либерализма, была выработана в тесной связи с представителями окраинных политических групп и организаций национальная составляющая либеральной программы переустройства России. Как было отмечено ранее, постепенный отход от традиционно автономного рассмотрения теоретических и программных установок либерализма по национальному вопросу, а также изучение их в плотном историческом контексте представляется перспективным при дальнейшем изучении национальной проблематики.

Е.А. Татаренкова[1]

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ДЕМОКРАТЫ И «УКРАИНСКИЙ ВОПРОС» К 1917 г.: ПРОБЛЕМЫ ПРЕОДОЛЕНИЯ КОМПЛЕКСОВ

Третьего июля 1917 г. в Петрограде начались стихийные антиправительственные выступления солдат, рабочих и матросов, которые явились свидетельством июльского политического кризиса. Так закончился период «двоевластия», и правительство получило зеленый свет на самостоятельную, сопряженную теперь с определенной ответственностью, деятельность без Советов. Днем ранее, угрожая эсерам и социал-демократам развалом правительственной коалиции, из состава правительства вышли члены конституционно-

[1] *Татаренкова Евгения Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории и регионоведения Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева.*

демократической партии. Известно, что одной из причин июльского кризиса Временного правительства, вызвавшего мощные политические катаклизмы, оказалось резкое расхождение кадетов с большинством кабинета по национальному, а именно, по украинскому вопросу. Национальная окраина потребовала немедленной реализации на практике принципа так называемой «широкой автономии», к чему кадеты-министры оказались не готовы.

На первый взгляд, учитывая последовательность кадетов в решении национальных проблем, такое обстоятельство выглядит странно. Ведь, по их мнению, идея защиты индивидуальных прав граждан, основанная на уважении специфики каждой национальности, должна была воплотиться на деле в создание общества свободных и равноправных граждан единого государства.

Принцип широкой автономии, призванный реализовать данный теоретический постулат, стал фирменным знаком программы кадетов еще со времен основания партии. Причем он не только отражал их искренние либеральные убеждения, но и являлся фактором, обеспечивающим популярность партии у населения национальных окраин России, а стало быть, и стабилизирующим ее избирательную базу.

Кроме того, фракция в парламенте оказалась наиболее интернациональной по составу, так как представители различных национальностей выбрали партию кадетов адвокатом своих национальных интересов. Лидер польского Коло в Думе А.Р. Ледницкий, в частности, подчеркивал, что «лишь в партии» кадетов все нерусские народности могут найти действительную опору и поддержку[1].

Почему же украинский вопрос стал камнем преткновения в жарких политических баталиях лета 1917 г.? Можно ли считать главных либералов страны непоследовательными в решении национального вопроса, своего рода политическими конъюнктурщиками, осталась ли либеральная доктрина нереализованной, и не стоит ли в принципе усомниться в ее декларируемой универсальности?

Поиск ответов на эти вопросы побуждает обратиться к некоторым знаковым вехам взаимоотношений российских либералов и лидеров украинофильского движения за несколько лет до начала революции и падения монархии.

---

[1] Милюков П.Н. Воспоминания. Т. 1 [Электронный ресурс] // URL: http://rummuseum.ru/lib_m/milyukov53.php. (дата обращения: 13.08.2018).

Принцип культурной автономии «в целях популяризации своих идей», который исповедовали украинские депутаты, не выходил за рамки программы конституционно-демократической партии, которая уже в пункте 1 гласила: «Все российские граждане без различия пола, вероисповедания и национальности равны перед законом. Всякие сословные различия и всякие ограничения личных и имущественных прав поляков, евреев и всех без исключения других отдельных групп населения должны быть отменены». Платить по счетам за поддержку на выборах для кадетов было не сложно. В период с 1912 по 1914 гг. на заседаниях ЦК и на парламентской трибуне достаточно было торжественно констатировать рост чувства национального самосознания у украинцев, и плавно превращать этот тезис в главный лейтмотив реализации принципа культурного самоопределения, чем, собственно, и занимался П.Н. Милюков 5-го мая 1913 г. по возвращении из путешествия по национальным окраинам[1]. В этом ключе были озвучены кадетские инициативы о внесении на рассмотрение Думы вопросов обязательного использования украинского языка в начальной и средней школах, в правосудии, на кафедрах украинского языка в университете юга Украины[2]. Выступления против правительственного запрета празднования в Киеве столетия со дня рождения Т.Г. Шевченко из-за опасения сепаратисткой пропаганды эффектно оттеняли панораму украино-кадетских отношений, не выходя за пределы культурной автономии. Ф.И. Родичев на заседании 11 февраля сравнил табу МВД с запретом на публичную панихиду по Л.Н. Толстому в 1910 г., а Милюков поставил в один ряд украинского поэта Шевченко с Пушкиным и Лермонтовым, утверждая, что это мероприятие – свидетельство исключительно культурного самоопределения.

Следует, однако, отметить, что протоколы съездов и конференций Центрального Комитета кадетской партии с 1914 г. показывают нарастающую озабоченность кадетов украинским вопросом, причиной которой стало недовольство украинских политиков невнятной, по их мнению, позицией депутатов-кадетов в вопросе защиты прав украинского языка и украинской школы в Думе. Именно в этот момент ими формулируется требование об отмежевании партии от заявлений П.Б. Струве об опасности расслоения России на три

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 51.
[2] Там же. Л. 100 об.

национальные культуры[1]. По этому поводу Милюков выразил опасение, как бы национальные вопросы для кадетской партии не опередили и не вытеснили другие политические проблемы. Он призвал соблюдать принципы партийной дисциплины: «Входя в состав партии, они (национальности) должны считать то или иное трактование национальных вопросов внутренним делом своей партии, а не ставить себя как-то вовне и не предъявлять к партии извне свои требования и порицания»[2].

24 марта 1914 г. состоялось заседание кадетского ЦК, в котором принял участие лидер украинофильского движения М.С. Грушевский. Предполагалось согласование позиций обоих политических течений. Грушевский поставил вопрос о национальной автономии Украины с включением в ее состав части территорий Воронежской губернии и Донской области. Это предложение и спровоцировало масштабную дискуссию о федерализме.

Таким образом, украинское движение требовало усиления поддержки со стороны кадетов в виде защиты с думской трибуны его федеративных устремлений, и озабоченность Милюкова новым витком обострения украинского вопроса начала сменяться нескрываемым раздражением. Лидер кадетов одновременно с главным в ЦК экспертом по национальному вопросу Ф.Ф. Кокошкиным, отметившим неприемлемость этого принципа для России, заявил, что партия «не только отрицает возможность федерации в близком будущем, но и будет бороться против принципа федерации как утопического». На мартовской партийной конференции, «рупор кадетской партии» Родичев, расценивая позицию лидера левых кадетов Н.В. Некрасова, который призвал острее ставить национальный вопрос и тем завоевывать расположение меньшинств, как заигрывание с украинофилами, резко его осадил: «Мы в принципе отрицаем национализм и уже выступали против специфических поползновений польского национализма при определении прав евреев в городском самоуправлении. Может быть, придется выступать и против других подобных национализмов. Когда надо, мы не отступаем от боя за права угнетенных наций, но самостоятельно открывать для них новые политические горизонты теперь не время. Нам предлагают вести наступательную политику – польскую, украин-

[1] Там же. Л. 51 об.
[2] Там же. Л. 100.

скую, еврейскую, а вдруг польская столкнется с еврейской?!»[1] В итоге, конференция так и не приняла никакого решения по данному вопросу, отложив на будущее его внутрипартийное обсуждение.

Такие «нелиберальные» пассажи либеральных лидеров, а также ничем не объяснимое промедление, казалось бы, вполне проясненных вопросов, вызвали резко негативную реакцию профессора Грушевского, который счел подобную позицию ЦК «вероломной кастрацией» украинского движения: «Нас удивило, что Вы выступили так решительно принципиально против автономно-федеративного постулата. … Выступая так резко по этому вопросу, Вы словно хотите отрезать путь для дальнейших переговоров и соглашений на этой почве. Тем более что в Ваших думских речах Вы не сделали даже никакой разницы между постулатом автономии и федерализмом»[2].

Правда, вскоре после этого горячие дискуссии на некоторое время утихли, Грушевский дипломатично предложил «оставить вопрос в стороне». Было решено снова отложить принятие необходимых решений на туманное будущее[3].

Будущее, представшее в облике Первой мировой войны, вскоре внесло существенные коррективы в судьбы неприкаянной национальной окраины. Захват Россией в 1914 г. Галиции привел к масштабной русификации края и послужил поводом к реализации плана возвращения бывших русских территорий с полным обнулением принципа национального самоопределения. Под запрет попали все периодические издания, были запрещены украинские типографии и книжные магазины, украинский язык, закрыты украинские библиотеки и музеи, учебные заведения, приостановлена деятельность Научного общества имени Шевченко. Уничтожены «были украинские вывески, в то время как польские были сохранены, несмотря на то, что край был объявлен официально исконно русским. Запрещено было употребление украинского языка в почтовой переписке»[4].

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. Т. 2. С. 520

[2] Милюков П.Н. Тактика и действительность // Последние новости. 1939. 19 марта. С. 2.

[3]Протоколы ЦК и заграничных групп конституционно-демократической партии. В 6 т. М., 1994-1998. Т. 2. С. 297-319.

[4]Цит. по: Брейяр С. Партия кадетов и украинский вопрос (1905-1917) [Электронный ресурс] // URL: http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/brejar.htm. (дата обращения 12.08.2018).

Такая ситуация требовала от кадетов немедленной реакции и ответа на неудобный для них вопрос: насколько возможно и далее настаивать на исключительно положениях культурной автономии и можно ли ее гарантировать без первоначального создания автономии территориальной? В итоге, все закончилось двумя мероприятиями: теоретической дискуссией Милюкова и Струве по вопросу существования теперь, после захвата Галиции, «украинской опасности», и принятием на очередной конференции ЦК проекта резолюции, осуждающей политику русификации края как «противоречащей нормам международного права и … противной здравым началам свободы и национального самоопределения». По не вполне понятным причинам проект в очередной раз не превратился в резолюцию. Можно предположить, что в понимании Милюкова, заявления подобного рода могли спровоцировать на Украине мощное движение к федерализму, в преждевременном характере которого он был абсолютно убежден. Дело осложняли военные катастрофы (крупное австро-германское наступление в Галиции, когда российская армия была вынуждена сначала оставить Перемышль, затем потеряла Львов [9 июля 1915 г.], а 22-23 июля 1915 г. российские войска ушли из Варшавы).

Реакция украинцев не заставила себя ждать и была довольно предсказуема. 26 июля 1915 г., через три дня после того, как российские войска оставили Варшаву, С.М. Петлюра хлестко упрекнул Милюкова в предательстве украинских интересов: «…по каким-то соображениям Вы уклонились от лежавшей на Вас обязанности… и ни словом не обмолвились о том, что волнует и мучит нас.… Не выступив в защиту попранных прав целого народа, умолчав о вопиющем факте запрещения говорить на родном языке и общаться при помощи его сознательному в национальном отношении обществу, Вы как бы санкционировали создавшееся положение вещей… Видимо, сырые в национальном отношении русские, хотя бы они теоретически и отстаивали права угнетенных народностей, в трудную для этих народностей минуту не хотят им помочь и не хотят облегчить положение голодного, обобранного и униженного национально народа»[1].

В том же духе обозначил свою позицию Грушевский. 26 августа 1915 г. он писал: «Многоуважаемый Павел Николаевич, с искренней

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Л. 465.

скорбью прочел я сегодня ... о том, что Вам и Вашим товарищам не удалось включить в программу ближайших законодательных мероприятий каких-либо положительных мер к разрешению украинского вопроса», который, по его мнению, мог хоть как то быть оживлен проведением «по крайней мере наиболее насущной меры – введением преподавания на украинском языке в народной школе среди преобладающего украинского населения»[1].

Украинофилы искренне не понимали, почему на думской трибуне, партийных форумах и при разработке программы прогрессивного блока, где кадеты играли далеко не последнюю роль, украинский вопрос ставился практически во всей его полноте, а теперь не обсуждается даже в формате культурного самоопределения? Действительно, говоря в своей программе о законопроекте об автономии Польши, прогрессисты затрагивали украинские проблемы только с точки зрения свободы печати и отмены ограничивающих законов, которые ударяли по жителям Галиции с тех пор, как она была оккупирована Россией. А именно: «восстановление малорусской печати; немедленный пересмотр дел жителей Галиции, содержащихся под стражей и сосланных, и освобождение тех из них, которые подверглись преследованию невинно»[2]. По твердому убеждению Милюкова, этого в условиях войны было достаточно.

Падение царизма, нарастающий революционаризм, последовавшее за этим обострение национальных чувств и, конечно, завершающий для России сложный этап войны потребовали от кадетов корректировки своих стратегических положений.

В начале марта 1917 г. в Киеве представителями политических партий и общественных организаций, без широких выборов, была образована Центральная Рада, которую возглавил профессор Грушевский. Понимая, что орган не легитимен, Грушевский поспешил успокоить изумленное Временное правительство, и объявил Раду не более, чем «моральным лидером» украинской нации.

Казалось бы, для беспокойства не было причин: в Раде преобладали автономисты, к которым относили себя Грушевский и Петлюра. Так называемых самостийников, «свідомих українців», было немного. Украинский историк и политический деятель

---

[1] Милюков П.Н. Общественное мнение, парламенты и правительства союзников // Ежегодник газ. Речь на 1915 г. С. 277.
[2] Цит по: Брейяр С. Указ. соч.

Д. Дорошенко писал в своих воспоминаниях: «Нас, "свидомых украинцев", было так мало, мы все так хорошо знали друг друга, были так тесно связаны между собой разными связями по общественной работе, что у нас выработалась та "кружковщина", сектантская узость и замкнутость». Одним из лидеров этой группировки был одиозный деятель Н. Михновский, прямо причастный к попытке подрыва памятнику А.С. Пушкину в Харькове в 1904 г. Петлюра считал этого человека «ограниченным» и «узким», Грушевский обвинял в сильной склонности к авантюризму, интригам и демагогии. Тем не менее, Дорошенко обозначает этот период как отправную точку национальной кристаллизации: «Теперь понятие нации безмерно расширилось, и собственно сама нация украинская только теперь начала формироваться»[1].

Требование Украиной предоставления ей национально-территориальной автономии, появление Рады и пусть незрелого, но уже довольно уверенно заявившего о себе внутри нее движения сторонников сепаратизма, вызывали серьезную озабоченность кадетов. Становилось ясно, что в программе партии механизм урегулирования инцидентов подобного рода не был разработан, поэтому задачей текущего времени стал пересмотр ее устаревших положений.

Трансформация программных установок проходила в рамках практической работы Юридического Совещания Временного правительства над разрешением различных вопросов государственного и, в частности, национального строительства (с 22 марта 1917 г.). В ведении Совещания находились «вопросы публичного права, возникшие в связи с установлением нового государственного порядка»; оно должно было давать предварительные юридические заключения по мероприятиям Временного правительства, имеющим характер законодательных актов, а также иным, которые правительство вносило на его рассмотрение. По мнению исследователей, совещание «представляло собой высшую коллегию, где было сосредоточено решение всех юридических вопросов, возникавших при осуществлении Временным правительством законодательных функций»[2].

---

[1] Пархоменко В.А. Украинская революция 1917-1921 гг. в мемуарах Д. И. Дорошенко // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. IX Междунар. науч.-практ. конф. Новосибирск, 2012.

[2] Белошапка Н.В. Временное правительство в 1917 году: механизм формирования и функционирования. М., 1998.

Наиболее активную группу Юридического Совещания составляли кадеты, большинство из которых были членами ЦК со стажем, виднейшие специалисты в различных областях государственного права: М.С. Аджемов, Д.Д. Гримм, Н.И. Лазаревский, В.А. Маклаков, В.Д. Набоков, Б.Э. Нольде, А.Э. Нольде и др. Председателем Совещания был избран видный российский юрист Кокошкин – автор кадетской программы по национальному вопросу. Тот факт, что из семи его членов пять были кадетами, подтверждает, что главные либералы России в марте-апреле были на коне, и Временное правительство фактически выполняло их волю.

По-видимому, это и был тот самый оптимальный момент для разрешения важных вопросов общественной жизни. Однако Временное правительство откладывало их решение до созыва Учредительного собрания. Сам же созыв Учредительного собрания постоянно переносился по срокам. Первый срок был установлен на 30 сентября, затем выборы были перенесены на 12 ноября, а созыв – на 28 ноября 1917 г. Такая оттяжка в решении неотложных задач и сыграла впоследствии против самого правительства.

Объясняется ли это бесконечное откладывание в долгий ящик решения национального вопроса российскими либералами действительно весомыми юридическими резонами или все же возобладал «великодержавный» подход к проблеме? Прямого ответа на данный вопрос в источниках мы не находим. Но в любом случае, Милюков считал, что всякое другое поведение было бы произволом.

Реалии общественной жизни весеннего Петрограда побуждали кадетов ускорить поиск ответов даже на самые неудобные для них вопросы. Республиканская эйфория витала в воздухе. Батальоны и полки с красными знаменами, распевая «Марсельезу», двигались к Таврическому дворцу, очарованные речами В. Фигнер и А. Тырковой, женщины требовали равноправия, на Марсовом поле без привычного отпевания опускали в землю сотни гробов – жертв первой победившей революции в России, по городу двигались с винтовками на плечах стройные ряды рабочей милиции[1]. Выпускалась масса партийных и «внепартийных» газет, каждая из них излагала свою программу, идеи, методы и способы достижения целей. Ежедневно проходили партийные митинги и собрания, на которых выступали, опровергая друг друга, самые разные ораторы, столица

[1] Речь. 1917. 25 марта.

пестрела плакатами и объявлениями самого широкого диапазона от «Записывайтесь в партию народной свободы!» до «Товарищи полотеры, идите на собрание!», «Товарищи лакеи и кухарки, создавайте свои свободные организации!». Обществу в этот момент была необходима руководящая и направляющая государственная сила, способная предложить адекватные и универсальные способы его существования после падения монархии. И у Временного правительства образца весны-начала лета 1917 г., были все шансы взять ситуацию под контроль по всем направлениям общественного развития.

Красочные митинги и демонстрации прошли и в других крупных городах России. Например, 9 апреля огромная и разноликая манифестация состоялась в прифронтовом Минске по случаю первого съезда представителей Западного фронта. В ней участвовали главнокомандующий фронтом со своим штабом, бывшие члены Государственной думы М.В. Родзянко, Ф.И. Родичев, М.И. Масленников, делегаты съезда, различные политические партии и группы. Корреспондент одной из местных буржуазных газет писал: «Тут были "Бунд" с пятью знаменами с надписями на русском и еврейском языках; Минская группа РСДРП; Минская организация социалистов-революционеров со стягом "Земля и воля"; сионисты с бело-голубыми знаменами, распевающие "Гатикво"; стройный хор украинцев с красивыми желто-зелеными знаменами "Хай жiве вiльна Україна"; белорусы с белым стягом "Вольна Беларусь"; и обращала на себя внимание группа сартов во главе с офицером сартом, с двумя знаменами: красным и белым. Вся эта масса двигалась стройными рядами под звуки "Марсельез", национальных и революционных гимнов»[1].

Национальный вопрос в такой обстановке более других требовал новых импульсов. Уже на VII съезде партии, проходившем 25-28 марта 1917 г., депутаты-«националы» предложили немедленно провозгласить Россию федеративной республикой и придать статус автономии отдельным регионам. В случае непризнания кадетами их национальных требований они грозили разрывом. Однако нетерпеливым коллегам с мятежных окраин пришлось умерить свой пыл. Приветствовавший съезд от московских кадетов М.Л. Мандельштам

[1] Новое варшавское утро (Минск). 1917. 11 апреля.

под бурные аплодисменты провозгласил: «Никакое двоевластие в настоящий момент недопустимо. Всякое двоевластие чревато злыми последствиями как для народа, так и для его свободы, и для независимости и целостности государства»[1]. Кадеты объявили себя республиканцами, а Россию – «демократической парламентарной республикой» с разделением законодательной и исполнительной власти, оговорив, что окончательно этот вопрос, как и все остальные, решит Учредительное собрание.

В принципе на этом съезд можно было бы и закрыть, вписав эти слова в резолюцию и дополнив ее решениями о переименовании партии, государственном строе России, о тактике партии, ибо ничего существенно нового, по сравнению с этим, больше никто не сказал. Решение национального вопроса было отложено до следующего съезда.

В таких обстоятельствах неудивительно, что Центральная Рада возжелала конституироваться и утвердиться на Украине уже не только в роли «морального лидера», как ранее убеждал всех Грушевский. В апреле был собран Всеукраинский национальный съезд, который избрал новый состав Рады и наделил ее законодательными полномочиями.

После этого Рада стала все настойчивее требовать от российского Временного правительства хотя бы декларации о благожелательном отношении к автономии Украины. Грушевский, казалось бы, определил некую среднюю линию поведения, которая обеспечила ему большое пространство для маневра. Он требовал для Украины широкой национальной автономии в составе федеративной республики России. Эта автономия должна была быть построена на демократических принципах, гарантирующих национальным меньшинствам их права. Таким образом, Грушевский делал шаг вперед от простой «культурной автономии», которая устраивала кадетов, но дипломатично не выдвигал требования полной политической независимости. Однако вскоре в своем меморандуме Рада предложила «выделить украинцев в отдельные войсковые части», распространить украинизацию на школы и на комплектование административного аппарата.

С другой стороны линии фронта при содействии германского генерального штаба в Австрии, была создана армия из военно-

[1] Речь. 1917. 25 марта.

пленных. С началом революции, вместе с «Союзом освобождения Украины», она вошла на территорию Украины и там пополнилась новыми полками. Руководители Центральной Рады смогли завоевать симпатии уставшей от войны солдатской массы по той же самой причине, что и большевики в других частях Российской империи: они пообещали им мир и возможность «творить историю» в тылу вместо окопной жизни.

В этих условиях А.И. Гучкову и А.Ф. Керенскому пришлось легализовать существование украинской армии, что уже явно выходило за рамки автономии и больше напоминало формирование своей отдельной государственности. 9 мая 1917 г. в Петрограде открылся VIII съезд Партии народной свободы. Накануне «Речь» писала, что изменение обстановки, по сравнению с мартовским съездом, выразилось в том, что «великие и прекрасные зовы революционной зари затуманились тяжелыми призраками большевизма, наживы, усталости, анархии», и восклицала: «Как в этих условиях сохранить единое государство и национальную жизнь – вот главная задача момента!»[1]. Резолюция VIII съезда предусматривала при сохранении государственного единства России предоставление губернским (областным) земствам «провинциальной автономии» (издание местных законов) в определенных сферах «местной хозяйственной, культурной, культурно-национальной жизни под контролем за их деятельностью со стороны общегосударственной власти»[2]. Однако даже такие ограниченные полномочия, предоставляемые национальным областям, явились причиной серьезной полемики среди делегатов съезда. В частности, Кокошкин отвергал данные предложения, мотивируя свою позицию размытостью этнических границ и опасностью территориальных споров (например, между белорусами и литовцами, либо белорусами и украинцами)[3]. Докладчик выразил «огромное опасение» по поводу того, что Финляндия «ставит вопрос о полном отделении», что Литва «претендует на решение национального вопроса в таком же объеме, как и Польша», что Украина поговаривает «о государственной автономии». «Брошенные» в печати в то время лозунги «федерализма», «федеративной республики» приведут к полному распаду России как единого государства.

---

[1] Речь. 1917. 8 мая.
[2] Вестник партии народной свободы. 1917. 12 мая.
[3] Кокошкин Ф.Ф. Автономия и федерация. Пг., 1917. С. 17.

Кадеты, таким образом, считали, что территориальная система (предоставление автономии) в условиях многонациональной России, где территории расселения разных национальностей не везде были четко разграничены, не является универсальным способом решения национальных проблем. «Права национальностей должны уважаться, но есть много средств для их охраны, кроме раздела России на национальные лоскутки, которые у нас к тому же нельзя накроить, не отдавая одну народность побольше под власть другой народности поменьше»[1].

Однако полностью кадеты не исключали из практики «территориальный» способ решения национального вопроса. По их мнению, автономия должна была вводиться постепенно, по мере «выяснения потребности в ней местного населения и естественных границ автономной области», и утверждаться изданием особого указа со стороны государственной власти[2]. «Высшим территориальным самоуправляющим союзам (губернским и областным земствам) должны быть предоставлены права провинциальной автономии (издания местных законов) в определенных сферах местной хозяйственной, культурной и национально-культурной жизни…», – передавала слова Милюкова «Речь»[3].

Во время партийных заседаний произошло событие, существенно изменившее как ход политических событий лета 1917 г., так и методы решения украинского вопроса. 10 июня Центральная рада приняла свой Первый Универсал (некая «декларация о намерениях»), которым провозглашалась в одностороннем порядке национально-территориальная автономия Украины в составе России. В Универсале отмечалось стремление молодой украинской демократии к свободе, к созданию путем всеобщего равного, прямого и тайного голосования Украинского Учредительного собрания, к национально-территориальной автономии в составе России. В сжатой форме излагались соответствующие требования Центральной Рады к Временному правительству. Центральное значение имело положение Универсала, гласившее, что поскольку Временное прави-

---

[1] Нольде Б.Э. Учредительное собрание и его задачи. Пг., 1917. С. 25.
[2] Кокошкин Ф.Ф. Областная автономия и единство России. М., 1906.
[3] Речь. 1917. 13 мая.
[3] Первый Универсал Украинской Центральной Рады [Электронный ресурс] // URL: https://uk.wikisource.org/ (дата обращения: 30.08.2018).

тельство не удовлетворяет требований Центральной Рады, украинский народ будет «сам управлять своей жизнью»[1].

Видный специалист в области международного права, кадет Б.Э. Нольде отметил всю «юридическую бессмыслицу» этого договора, который не был ни ясным, ни полным и дал Раде почти «законные способы осуществления явочным порядком украинской автономии». В тот же день Временное Правительство пыталось упросить украинцев «не отрываться от общей родины, не идти гибельным путем раздробления освобожденной России, не раскалывать общей армии в минуты грозной опасности». Временное правительство направило 28 июня в Киев свою делегацию в составе А. Керенского, И. Церетели и М. Терещенко, которая фактически заверила украинцев в том, что все их требования будут удовлетворены, но на это у Временного правительства нет полномочий, а посему, чтобы все было законно, надо дождаться Всероссийского Учредительного собрания. 4 июля они, как писал Милюков, «заключили нечто вроде формального договора, которым узаконивалось существование «секретариата» (то есть украинского правительства)»[2]. Это был компромисс, результатом которого стало опубликование Второго Универсала. Согласно его положениям, Центральная Рада расширялась за счет представителей национальных меньшинств, обязывалась не провозглашать в одностороннем порядке автономию до созыва Учредительного собрания, а Временное правительство своей «Декларацией к Украинской Раде» признавало ее власть на территории Украины и подтверждало право на украинскую автономию в будущем.

Переговоры в Киеве переполнили чашу терпения кадетов. Трое министров — А.И. Шингарев, Д.И. Шаховской, А.А. Мануйлов, а также товарищ министра торговли и промышленности В.А. Степанов вышли из состава Временного Правительства. Они считали, что постановление по украинскому вопросу вносило хаос в отношения между правительством и краевым органом. Как истинные «государственники», они расценили тенденцию развития украинского автономизма как движение к отделению Украины, с чем они никак не могли согласиться. Возможно, что дело было не только в автономистских стремлениях Украины: кадеты обиделись, заявив,

---

[2] Милюков П.Н. История второй русской революции. Т. 1. С. 231.

что в последнее время с их мнением вообще не считаются и постановления правительства продавливаются голосами социалистов и примкнувшей к ним группы Керенского. Когда вопрос о ратификации заключенных в Киеве соглашений был поставлен на голосование, кадеты вновь оказались в меньшинстве.

Был ли выход из Правительства шагом эмоциональным и несвоевременным, признанием собственной беспомощности, «дезертирством, открывшим двери мятежу», как называл эту отставку Керенский, или «актом патриотизма», как оценивал ее патриарх российских либералов Петрункевич?[1] Во всяком случае, представляется, что этим судьбоносным жестом министры продемонстрировали неприемлемость неконтролируемого распада России. Петрункевич написал тогда: «От раздела России до ее разгрома один шаг»[2]. Так же в июле 1917 г. он резко осудил позицию Грушевского, который «года три тому назад довольствовался областной автономией и культурным самоопределением», а теперь выступает как «батько» украинского сепаратизма, которому «нужно собственное войско, хотя б из дезертиров, не желающих идти на фронт»[3]. Впрочем, анализируя ситуацию с Украиной, Петрункевич в письме от 14 июля 1917 г. В.И. Вернадскому выделяет ряд и других причин нарастания сепаратистской эйфории. В киевском национальном движении «немцы заранее готовились культивировать бациллу сепаратизма», но Петрункевич отказывался обвинять в этом только Германию: «Как ни поразительно совпадение появления киевской Рады на русском горизонте одновременно с появлением у нас анархизма, как ни поразительно совпадение программы Рады с планом Германии о выделении Украины в независимое государство, – я готов устранить свои подозрения и приписывать эти совпадения не исключительно работе немецких шпионов и не соблазну немецкого золота, а влиянию революционного психоза, широко распространившегося в пределах России»[4].

---

[1] Цит. по: Брейяр С. Указ. соч.

[2] Архив Академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1261. И.И. Петрункевич В.И. Вернадскому. Гаспра, 14 июля 1917 г. Л. 19.

[3] Милюков П.Н. Тактика и действительность // Последние новости. 1939. 19 марта. С. 2.

[4] Архив Академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1261. И.И. Петрункевич В.И. Вернадскому. Гаспра, 14 июля 1917 г. Л. 7.

IX съезду Конституционно-демократической партии (22–28 июля 1917 г.) партия кадетов уже признала принцип автономии Украины[1]. На съезде был представлен доклад Б.Э. Нольде по национальному вопросу, который имел большое значение для последующих изменений в кадетской программе, принятых на данном съезде[2]. Докладчик от имени ЦК предложил отвергнуть принцип национального самоопределения и поддержать идею так называемых национальных публично-правовых «союзов» – нетерриториальных объединений, осуществляющих указанные законом задачи культурного управления: просветительские, религиозные, экономические и др. В такой союз могли входить все члены какой-либо национальности, независимо от места их проживания.

Докладчиком были выделены необходимость обеспечения равномерной доли участия всех национальностей в делах общественного и местного государственного управления, и самоуправления, а также принцип свободы употребления национального языка при сношениях с местными органами управления и самоуправления, в местных учебных заведениях. Таким образом, предлагалось решать национальные проблемы на «личном», а не на «местном» начале, то есть на определенных стремлениях каждого гражданина без прикрепления национальности к определенной территории. Удовлетворение «положительных стремлений в области культурного национального строительства»: национальная школа и церковь представляли, по мысли докладчика, главные проявления этих стремлений[3].

Другим направлением решения национального вопроса с «личной» точки зрения должно было стать обеспечение равной доли всех национальностей в делах общего и местного государственного управления и самоуправления, что предполагало реформирование и расширение полномочий органов местного самоуправления. Предпосылкой к образованию автономий в этих регионах являлось «право употребления местных языков, соответственно национальному составу населения, с обеспечением... равных прав русского

---

[1] Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: в 6 т. / сост. Д. Б. Павлов. Т. 3: Протоколы Центрального Комитета конституционно-демократической партии. 1915–1920 гг. М., 1998. С. 380.

[2] Нольде Б.Э. Национальный вопрос в России: доклад, чит. на IX съезде кадетов. Пг., 1917.

[3] Нольде Б.Э. Указ.соч. С. 11.

языка как языка не только общегосударственного, но и международного, и языков национальных меньшинств» в любом местном государственном или общественном учреждении[1].

Съезд поддержал эти предложения и внес соответствующие уточнения в партийную программу. Это был тот максимум, который могли себе позволить либералы в решении национального вопроса, продолжая настаивать на унитарном принципе государственного устройства как системообразующем[2].

При рассмотрении украино-кадетских отношений явно бросается в глаза перманентное откладывание проблем водораздела «автономия – сепаратизм» и более чем неторопливая теоретическая эволюция самого принципа автономии. Это невольно наводит на мысль, что на пути решения данных вопросов украинский казус застал кадетов врасплох и раздражал их. У них не было ни желания, ни возможностей разрабатывать его так же детально, как, например, польский. Конечно, дело затрудняли и неуемные аппетиты украинских «сепаратистов», долгое время выдававших себя за невинных «автономистов».

Кроме того, Милюкову всегда нравилась старая мысль известного украинского публициста М.П. Драгоманова: «У малороссов с русскими одни исторические традиции, одна вера, во многом один склад понятий, языки близки ..., ни малейшего подобия естественных границ... Всякая речь о сепаратизме просто смешна»[3]. Размышляя об автономии, кадеты имели в виду тех, кого они считали, действительно, «инородцами», т.е. иноязычными и иноверцами. Но украинцев и белорусов они к таковым точно не относили. В 1927 г. Милюков говорил об общерусском (славянском!) национальном самосознании, рассматривая «русское племя» как состоящее из трех народов – великороссов, украинцев и белорусов[4], а украинский язык из-за его схожести с русским считал чем-то вроде одного из его диалектов.

Известный русский мыслитель и публицист Г.П. Федотов писал по этому поводу: «Пробуждение Украины, а особенно сепаратистский характер украинофильства изумил русскую интеллигенцию и

---

[1] Дополнения к программе партии Народной свободы, принятые на IX съезде партии. М., б.г.
[2] Шелохаев В.В. Либеральная модель переустройства России. М., 1996. С. 67.
[3] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 31. Л. 51.
[4] Милюков П.Н. Россия на переломе. Т. 1. Париж, 1927. С. 208.

до конца остался ей непонятным». Рассматривая Украину как неотъемлемую часть России, он продолжал: «Мы любили Украину, ее землю, ее народ, ее песни, считали все это своим, родным»[1].

Итак, Временному правительству пришлось существовать в условиях все более усиливающегося революционного движения. Созданное на основе компромисса, это правительство неизбежно вынуждено было учитывать интересы разных политических сил. Но для проведения своего политического курса оно должно было не только иметь реальную опору среди определенных слоев общества и представляющих их движений, партий, учреждений. Отсутствие не только реальной политической опоры, но и действенного механизма власти, неспособность создать его (даже в условиях коалиции) оставляли новую власть наедине с революционной стихией, не позволяли оформить новый государственный и политический строй.

Представляется, что либералам, наделенным в свое время реальной властью, все же не следовало недооценивать «революционный психоз», который Петрункевич обозначил как главную причину украинского сепаратизма, а опальный кадет Н.В. Некрасов, полемизируя с Милюковым, объявил на VIII съезде партии «стихией», которую никому не удастся обуздать. Кроме этого, в конце концов, принять непопулярные, а быть может и жесткие политические решения, не дожидаясь катастрофических последствий радикализации общества. Однако это означало бы для кадетов предательство незыблемых либеральных принципов, которые, впрочем, в практической жизни оказались не интересны большей части российского общества, по меньшей мере, в 1917 г.

17 июля Петрункевич заканчивает свое письмо Вернадскому тревожными и пророческими словами: «Что нас ожидает: судьба Польши, или мы одолеем все невзгоды? Бесконечно тяжелое время и непроницаемая темнота впереди»[2]. Растущее безвластие открывало дорогу для государственного строительства на принципиально иных основаниях. Оно попыталось вернуть украинцев с пути сепаратизма на путь осуществления автономии или федерации, но безуспешно, ибо было слишком поздно. Всех опередила революция. Национальный вопрос в редакции украинских политиков в ко-

---

[1] Федотов Г.П. Судьба империи // Новый град. 1952. С. 191.

[2] Архив Академии наук. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1261. И.И. Петрункевич В.И. Вернадскому. Гаспра, 14 июля 1917 г. Л.18.

нечном итоге не решило ни Временное правительство образца августа-сентября 1917 г., ни Германия, ни Ленин. Последствия такого положения вещей мы наблюдаем сегодня.

Д.С. Лавринович[1]

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ «СОЮЗА 17 ОКТЯБРЯ» В БЕЛОРУССКО-ЛИТОВСКИХ ГУБЕРНИЯХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В исторической литературе сравнительно хорошо исследована деятельность центральных органов «Союза 17 октября» и его думской фракции. История же октябристской периферии попала в поле зрения ученых сравнительно недавно. Целью данной статьи является изучение на примере западного региона Российской империи стратегии и тактики октябристов по польскому вопросу.

В многонациональных и поликонфессиональных губерниях, бывших когда-то в составе Речи Посполитой, некоторые из требований «Союза 17 октября» получили особое, отличное от общероссийского, звучание. Местные октябристы делали бóльший упор на сохранение сильной царской власти, причем порой их риторика была созвучна пропаганде Союза русского народа. В частности, в одной из листовок Витебского отдела прямо указывалось: «…нашему отчеству быть без Царя невозможно. Царь имеет глубокое для России и русского народа значение … Русский царь покровитель всякого благого начинания, душа и совесть народа, носитель идей высшей справедливости, славы и могущества Империи»[2]. Октябристы позиционировали себя как правительственную партию. Помещик С.И. Казанович, выступая перед собранием Могилевского отдела в феврале 1906 г., утверждал: «Задачи союза, как политической партии, заключаются не в предвзятой борьбе с правительством – нет, требование его сводится лишь к одному, чтобы правительство шло точ-

---

[1] *Лавринович Дмитрий Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, первый проректор УО «МГУ им. А.А. Кулешова» (Могилев, Республика Беларусь).*

[2] Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905 – 1906 гг.) // Государственный архив Российской Федерации (ГА РФ). Ф. 115. Оп. 1. Д. 59. Л. 34.

но по пути, намеченному Высочайшей волей, согласно с началами свобод, дарованных Манифестом Монарха». Октябристы выступали за сильное, «разумно строгое, знающее жизнь» правительство[1].

Более последовательно, чем в общей программе, октябристы белорусско-литовских губерний подчеркивали необходимость сохранения и усиления унитарного характера государства, сходу отвергая идею образования национальных автономий. Лидер Минского отдела Г.К. Шмидт, выступая на общем собрании в марте 1906 г., отметил, что, хотя программа «Союза 17 октября» широка и прогрессивна и вокруг нее могли бы объединиться представители всех национальностей, партия останется преимущественно русской, т.к. другие народы добиваются автономии, а одним из главных принципов октябристов является неделимость России. «Между нами и другими партиями стоит непреодолимым препятствием принцип автономии. Только поэтому никто, кроме русских, не присоединился и не присоединится к отделу…», – полагал Шмидт[2].

Октябристы настаивали на усилении «русского» (православного) присутствия на национальных окраинах. В одном из своих первых воззваний руководители Витебского отдела «Союза» утверждали: «…финны, поляки и прочие в коренной России занимают разные должности…, русские же вытесняются с окраин… Это противоречие нестерпимое для русского человека»[3]. В то же время приверженцы «Союза 17 октября» декларировали признание за отдельными национальностями «самого широкого права на удовлетворение и защиту их культурных нужд, в пределах, допустимых идеей государственности и интересами других национальностей». Минский октябрист Д.В. Родзевич полагал, что нужно избегать открытой конфронтации между национальностями. По его мнению, «русские должны сознавать, что им следует бороться не за подавление других национальностей, а лишь в защиту своей народности

---

[1] Доклад о всероссийском Московском съезде представителей Союза 17-го Октября уполномоченного Могилевского отдела союза С.И. Казановича // Могилевский отдел Союза 17-го Октября. М., 1906. С. 2.

[2] Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым // Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1072. Т. 5. Л. 72-72 об.

[3] Переписка ЦК «Союза 17 октября» с октябристами Витебской губернии (1905 – 1906 гг.). Л. 34 об.

и стремиться к определению своих прав и своих обязанностей к полякам и евреям»[1].

Наиболее четко позицию местных октябристов по национальному вопросу обозначил видный ученый-краевед витеблянин А.П. Сапунов. В окраинном вопросе, по его мнению, во главе всего должен был стоять принцип единой и неделимой России. «Русский человек везде, во всех углах, во всех окраинах нашего отечества должен чувствовать себя дома», – заявлял Сапунов, – «везде он должен пользоваться такими же правами и в том же объеме, как и туземцы; ни на йоту меньше»[2]. В январе 1906 г. на заседании бюро Витебского отдела «Союза 17 октября», в присутствии представителя ЦК Е.А. Гагемейстера, было решено, что уравнение всех национальностей в политических правах допускается лишь настолько, насколько это не противоречит интересам русского народа[3]. Таким образом, национальный сепаратизм, наравне с революционным движением, стал главным объектом борьбы октябристов.

Наиболее решительно местные отделы «Союза 17 октября» противостояли польской политической элите, осуждали притязания поляков на белорусские земли. Последовательно антипольскую линию проводил один из активнейших деятелей Минского отдела «Союза 17 октября» Д.В. Скрынченко (1874 – 1947). Уроженец Воронежской губернии, выпускник Казанской духовной академии, он с 1903 г. жил в Минске, преподавая историю и латинский язык в Минской духовной семинарии, одновременно редактируя «Минские епархиальные ведомости». С 1906 г. Скрынченко также являлся постоянным автором, а затем и редактором главного органа местных октябристов газеты «Минское слово». Со страниц печати он активно выступал за укрепление позиций православной церкви и государственной власти.

Скрынченко разработал проект мероприятий по ослаблению польского влияния на белорусские губернии, который предложил для реализации правительству. Проект предполагал, во-первых, обязательное преподавание в школах истории местного края для того, чтобы внушить детям, что белорусские земли были искони

---

[1] Материалы по истории выборов в первую Государственную Думу, собранные по поручению Председателя Совета министров Графа С.Ю. Витте Графом В.А. Дмитриевым-Мамоновым. Л. 72 об.

[2] По краю // Белая Русь. 1906. 15 марта. С. 4.

[3] Местная хроника // Витебская жизнь. 1906. 1 февраля. С. 4.

русскими и православными, что белорусы вовсе не поляки, что «изменниками родному народу и истории явились паны, раньше бывшие русскими и православными». В одной из своих работ Скрынченко писал: «В смысле измены родной вере и народу, дворяне здешнего края очень схожи с дворянами балканских славян: с наступлением турецкого владычества на Балканском полуострове, многие дворяне из болгар и сербов приняли ислам и отуречились. Мало этого: подобно тому, как эти отуреченные славяне стали более фанатичными турками, чем природные турки, так и наши ополяченные дворяне стали, в большинстве случаев, более заядлыми поляками, чем настоящие поляки»[1]. Минский октябрист призывал местных дворян-католиков вернуться в православие, «обратиться лицом» к простому народу. Во-вторых, по мнению Скрынченко, необходимо было наладить издание миллионов листков по краевой истории, обязав все церкви и школы края на них подписаться. В-третьих, надо было уволить с государственных должностей в крае всех католиков, чтобы «местная власть, чиновники и военные были все православными»[2]. Таким образом, проект, по сути, носил не только антипольский, но и антикатолический характер. Скрынченко и белорусов-католиков считал поляками.

Православных белорусов минский октябрист также не рассматривал как отдельный народ, полагая, что они являются частью русского суперэтноса. Ссылаясь на работы Е.Ф. Карского, Скрынченко доказывал, что белорусский язык не является самостоятельным, а представляет собой лишь «западнорусский говор», который ближе к «общерусскому языку», чем говор «малороссийский»[3]. Белорусы рассматривались как русские, но с «польской накипью», которую, однако, полагал Скрынченко, легко было отскоблить. Он призывал к борьбе с теми представителями белорусской интеллигенции, которые «возмечтали об особом от общерусского белорусском литературном языке», имея в виду, прежде всего, редакцию виленской белорусской газеты «Наша Ніва»[4].

---

[1] Скрынченко Д.В. Заслуги, оказанные старыми дворянскими родами Минской губернии, православной вере. Минск, 1907. С. 4.
[2] Он же. Трагедия белорусского народа. Минск, 1908. С. 10 -12.
[3] Он же. Белорусы, их разговорный и книжный язык, при свете истории // Минская старина. Минск, 1909-1913. Вып. 1 / Под ред. Д.В. Скрынченко. 1909. С. 67.
[4] Там же. С. 76.

Более либеральных взглядов по белорусскому вопросу придерживались витебские октябристы. Так, А.П. Сапунов в одной из своих краеведческих работ писал: «Говоря о Белоруссии, мы говорим: русский край, русская народность; говорим мы так потому, что белорусская народность – одна из основных народностей русского племени»[1]. В то же время, он поддерживал стремления белорусов к национальному самоопределению, полагая, что «упрочение национального среди белорусской массы, несомненно, поведет к теснейшему единению с остальной Русью»[2]. Но, считая белорусский язык диалектом русского, Сапунов подчеркивал древность первого, утверждая, что «главнейшие особенности современных белорусских говоров в большей или меньшей степени сложились не позже XIII в.»[3] Тем самым, историк опровергал мнения о неисторичности белорусов, подчеркивал самостоятельное развитие белорусского народа, наличие у него своей истории, особенностей в общественной и культурной жизни. «Было и у нас, белорусов, золотое время, славное прошлое», – писал Сапунов, имея в виду Великое княжество Литовское, – «каково же будет наше будущее – это уже, в значительной степени, в наших руках и зависит от нашего сознательного отношения к нашему долгу перед дорогой родиной»[4]. Идеолог витебских октябристов ратовал за объединение белорусов, как силы способной противостоять сепаратистским устремлениям поляков, литовцев, латышей и евреев[5].

Наиболее правая группа октябристов, в частности, Г.К. Шмидт и его сторонники, осуждали всех ученых и общественных деятелей, даже соратников по партии, употреблявших названия «белорусский язык» и «Беларусь». Критикуя белорусские национальные организации, минские октябристы заявляли: «Не надо нам ни белорусского, ни малорусского, ни великорусского языков, а довольно с нас одного общего языка русского, который мы любим и отлично понимаем, в десять раз лучше, чем тот белорусский язык, который преподносят нам невежды»[6].

---

[1] Сапунов А.П. Очерк исторических судеб православия и русской народности в Белоруссии вообще и в пределах Полоцкой епархии в частности. Витебск, 1910. С. 28.
[2] Он же. Белоруссия и белорусы. Витебск, 1910. С. 1.
[3] Там же. С. 16.
[4] Там же. С. 20.
[5] Там же.
[6] И.С. Русские или белорусы? // Минское слово. 1906. 8 ноября. С. 4.

Шмидт решительно выступал и против идеи краевой автономии, которую отстаивали местные польские организации. На съезде «Союза 17 октября» он от имени минских октябристов объявил: «…автономию окраин, под какой бы кличкой она нам ни преподносилась, каким бы, по кулинарному выражению, "гарниром" она ни сдабривалась, мы безусловно отвергаем по глубокому и неистребимому убеждению»[1]. На партийных собраниях Шмидт: «…звал русских людей стать на определенную позицию, не стыдиться своего имени, считать за почетное прозвание "черносотенец"»[2]. В «Минском слове» он не стеснялся делать выпады и в адрес местных властей, которые, по его мнению, были «подкуплены» поляками. Досталось даже минскому губернатору Я.Е. Эрдели, который после этого стал относиться к Шмидту довольно враждебно[3].

Своеобразно хотели октябристы решить аграрный вопрос, предложив воспользоваться прусским опытом: принудительно выкупить земли польских помещиков. «Пусть государство не пожалеет средств, чтобы выкупить польские земли, и если само оно будет не в силах, то пусть установит те цены, по которым помещики обязаны будут продать русским свои земли», – считал Скрынченко[4].

Совместно с другими монархическими организациями в западных губерниях октябристы осенью 1906 г. создали Русский окраинный союз (РОС), целью которого значилось стать «оплотом русской государственности и русской народности на окраинах»[5]. Его программа предусматривала «пробуждение и укрепление в белорусском населении национального самосознания», сохранение родного языка и перевода на него католического богослужения[6]. Для защиты русских (белорусов) от «инородцев» РОС добивался объединение «русского» населения края на национальной почве, возбуждал ходатайства перед правительством, Государственной думой, Государ-

---

[1] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК: В 2 т. М., 1996-2000. Т.1: Протоколы съездов и заседаний ЦК. 1905-1907 гг. 1996. С. 141.

[2] Памяти Михаила-Густава Карловича Шмидта (Статьи и заметки из «Минского Слова» от 29 ноября 1909 г. № 867). Мн., 1910. С. 2.

[3] Колмаков В. Дмитрий Васильевич Скрынченко: страницы жизни // Православное информационное агентство [Электронный ресурс] // URL: http://ros.borda.ru/?1-3-20-00000010-000-0-0 (дата обращения: 12.07.2018).

[4] Скрынченко Д.В. Трагедия белорусского народа. С. 14.

[5] Устав русского окраинного союза // Минское Слово. 1907. 3 января. С. 1

[6] От Комитета Виленского отдела Русского окраинного союза. Вильно, б.г. С. 6.

ственным советом и монархом, пытался распространять информацию о реальном положении окраин и их «русского» населения[1].

Деятельность Русского окраинного союза была направлена на защиту единства империи, обеспечение широких прав православному населению в сфере местного управления, борьбе с так называемым «польским влиянием», коррекцию условий выборов в законодательные органы власти. В конечном итоге кампания, начатая октябристам и их сторонниками, по защите интересов «русского» населения западных губерний принесла им политические дивиденды. После роспуска II Государственной думы 3 июня 1907 г. Николай II изменил правила выборов. По распоряжению МВД, съезды землевладельцев в Гродненской, Минской, Могилевской губерниях и 7 уездах Витебской губернии были разделены на 2 отдела по национальной принадлежности: к 1-му отделу были отнесены все неполяки (русские, православные белорусы, немцы, татары и другие), ко 2-му – поляки, к которым причислялись и белорусы-католики. В Виленской губернии была создана особая «русская» курия.

Продолжением антипольской и антикатолической деятельности местных октябристов и их региональных сторонников является организация съездов западнорусских православных братств. Первый съезд состоялся в Минске в помещении Свято-Духовского монастыря 29-31 августа 1908 г. На него прибыло около 150 делегатов из всех белорусско-литовских губерний. Активную роль в подготовке и проведении съезда играли минские октябристы Д.В. Скрынченко, А.Н. Беляев, С.А. Некрасов, а также Г.К. Шмидт[2]. Главной составляющей их выступлений были призывы к борьбе с католической пропагандой и ополячиванием белорусов. Именно на этом съезде Скрынченко предложил вышеупомянутую программу борьбы с «польским засильем» в крае, изданную впоследствии отдельной брошюрой под названием «Трагедия белорусского народа». Со 2 по 5 августа 1909 г. в Вильно прошел второй братский съезд[3]. В нем, наряду с правыми монархистами, снова приняли участие предста-

---

[1] Устав русского окраинного союза. С. 1.

[2] Труды первого съезда представителей западно-русских православных братств в г. Минске, 29-31 августа 1908 г. // Минские епархиальные ведомости. 1908. 1 октября. С. 594-713.

[3] О съезде представителей западно-русских православных братств в г. Вильно // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284. Оп. 187. 1909 г. Д. 118.

вители «Союза 17 октября». В виду разгоревшихся накануне в законодательных палатах дебатов о судьбе церковно-приходских школ (предполагалось передать их из-под контроля Синода в систему Министерства народного просвещения), делегаты постановили ходатайствовать перед Николаем II об изъятии из ведения Государственной думы и Государственного совета вероисповедальных вопросов. Скрынченко предложил создать Западно-Русское противокатолическое общество. Делегаты одобрили идею минчанина, но отложили детальное обсуждение данного проекта на будущее. Тогда, по инициативе Скрынченко, съезд постановил обратиться с ходатайством в Синод об установлении однодневного сбора по всей России на дело развития православной миссионерской деятельности в западных губерниях для противодействия костелу и ополячиванию белорусов[1].

В конце 1909 г. Скрынченко написал открытое письмо думской фракции «Союза 17 октября» по поводу обсуждения в нижней палате законопроекта о свободе перехода из православия в другие исповедания. Минский октябрист указывал на опасность данного законопроекта для белорусско-литовских губерний, т.к. крестьянство, находившееся, по его мнению, в зависимости от польских помещиков, легко могло поддаться католической пропаганде. Скрынченко четко обозначил позицию местных октябристов: «Пусть люди не терпят стеснений в исповедании своей веры, как это признано актами 17 апреля 1905 г., но пусть и не думают о свободе пропаганды»[2]. Развивая свои рассуждения по польскому вопросу, он вновь напоминал лидерам «Союза» о том, что Польша фактически объявила войну России за западные губернии, и поэтому любые уступки, пусть и нечаянные, полякам являются предательством русских национальных интересов. «Пора нам понять нашего врага, чтобы не погибнуть самим, и бросить мысль о славянской солидарности с поляками; ее не будет», – утверждал Скрынченко[3].

Руководство «Союза 17 октября» не прислушалось к мнению из провинции. Фракция октябристов проголосовала за списание с Цар-

---

[1] 2-й Братский съезд в Вильне, его значение и недостатки // Минские епархиальные ведомости. 1909. 15 августа. С. 217-371.
[2] Колмаков В. Указ. соч.
[3] Скрынченко Д.В. Чего они добиваются: автономии или же независимого государства? (По польским прокламациям) // Минская старина. Минск, 1909-1913. Вып. 2 / Под ред. Д.В. Скрынченко. 1911. С. 127.

ства Польского долгов в размере 2,5 млн. руб. Данный акт Скрынченко оценил, как очередное «преступление» против русского народа. В итоге, в феврале 1910 г. он покинул ряды партии, объясняя свой поступок тем, что российские октябристы встали на «космополитическую почву», превратившись в «кадетов 2-го сорта»[1].

Близкие взгляды на польский вопрос способствовали сближению представителей «Союза 17 октября» и Всероссийского национального союза (ВНС), образовавшегося в 1909 г. в западных губерниях.

В марте 1911 г. по просьбе П.А. Столыпина царь на время распустил Государственную думу, и председатель Совета министров, используя ст. 87 Основных законов, провел законопроект о введении выборного земства в некоторых губерниях Северо-Западного и Юго-Западного краев. В ответ на это лидер октябристов А.И. Гучков сложил с себя полномочия председателя Государственной думы. Действия лидера «Союза 17 октября» вызвали крайне негативную реакцию со стороны минских октябристов, решивших перейти в ВНС. В газете «Новое время» их новый лидер И.Д. Чигирев поместил следующее заявление: «По вопросу о введении западного земства от имени минского отдела октябристов, протестуя против думского октябристского выпада по адресу главы правительства, заявляю, что ни я, ни весь отдел дальше не останется в союзе с лицами, признающими незакономерной национальную правительственную политику. Из союза ухожу. Отдел закрывается. Сообщаю центральному комитету»[2]. В мае 1911 г. на базе Минского отдела «Союза 17 октября» открылся отдел Всероссийского национального союза, председателем которого стал Скрынченко[3]. Примеру минчан последовала организация «Союза 17 октября» в Вильно, также преобразованная в отдел ВНС.

Подводя итоги, можно отметить, что деятельность октябристов в белорусско-литовских губерниях была направлена на ограничение влияния польских помещиков и католического костела, против предоставления автономии Царству Польскому. В этом местные отделы существенно разошлись с руководством октябристской партии, заигрывавшим с польской элитой. Непоследовательность ЦК

---

[1] Колмаков В. Указ. соч.

[2] По краю. Минск // Белорусская жизнь. 1911. 4 мая. С. 4.

[3] Минский С. Открытие минского отдела «Всероссийского национального союза» // Белорусская жизнь. 1911. 24 мая. С. 2.

«Союза 17 октября» по польскому вопросу способствовала переходу многих октябристов во Всероссийский национальный союз. Приверженность октябристского руководства думской тактике и пренебрежительное отношение к местным отделам в конечном итоге привело к распаду периферии «Союза 17 октября».

О.А. Харусь[1]

ЛИБЕРАЛИЗМ В СИБИРИ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИЛИ ОСОБЫЙ РЕГИОНАЛЬНЫЙ ТИП?

Полифоничность, сложносоставной характер либерализма придает особую значимость типологическому методу в исследовании данного мировоззренческого, идейно-политического, социокультурного и институционального исторического явления[2]. Построение логических моделей (так называемых «идеальных типов») позволяет не только зафиксировать, но и осмыслить многообразие конкретно-исторической реальности, понять его причины и последствия. Тип как идеальная конструкция, порожденная мыслительной деятельностью исследователя, отражает наиболее существенные свойства изучаемого объекта. При этом вопросом исключительной важности становится выбор оснований типологии и определение ключевых параметров логической модели. В настоящее время в качестве критериев типологии форм либерализма довольно широко используются стадии и этапы его развития, технологии осуществления реформ, ключевые стратегии преобразований, партийно-политическая принадлежность и др.[3] Существует и страноведческая типологизация либерализма: англосаксонский, континентально-европейский, российский и т.д. В последнем случае исходной

---

[1] *Харусь Ольга Анатольевна – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и документоведения Национального исследовательского Томского государственного университета.*

[2] Шелохаев В.В. К вопросу о типологии русского либерализма // Сергей Андреевич Муромцев – председатель Первой Государственной думы: политик, ученый, педагог. Орел, 2010. С. 7–13.

[3] Медушевский А.Н. Либерализм // Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия. М., 2010. С. 529.

посылкой становится учет специфических конкретно-исторических обстоятельств политического, социального, экономического, культурного свойства, сопутствовавших генезису определенной модели либерализма и в значительной степени определивших ее типологические особенности. Поскольку в различных регионах обширной Российской империи начала XX в. также имело место определенное своеобразие процессов общественного развития, будет логичным предположить, что это своеобразие в той или иной степени накладывало отпечаток на формирование либерального направления общественной мысли и общественно-политического движения на разных территориях. Однако сила и глубина воздействия региональной специфики на мировоззрение, идеологию, программатику и практики либералов может быть определена только на основе конкретно-исторических исследований.

Целью данной статьи является постановка вопроса о возможности использования регионального параметра для внутренней типологии российского либерализма. В качестве эмпирической базы используются результаты предпринятого автором комплексного исследования истории либерализма в Сибири начала XX в. Выбор объекта анализа определяется двумя обстоятельствами: 1) Сибирь, являвшаяся крупнейшим регионом Российской империи, имела ярко выраженную специфику во всех сферах жизни: социальной, экономической, политической, культурной; 2) несмотря на наличие значительного числа конкретно-исторических исследований по отдельным проблемам либерального направления в общественно-политической жизни региона, вопрос об его сущностных особенностях с учетом всего комплекса составляющих (мировоззренческая парадигма, социальная философия, политическая доктрина, стратегия и тактика, программные установки, практика политической деятельности) не стал предметом научной рефлексии и экспертных обсуждений. Единственная попытка такого рода была предпринята Н.В. Макарьевой, поставившей перед собой цель «в цепи пространственно-временных модификаций либерального мировоззрения определить место сибирского варианта и политические, экономические и социальные факторы его формирования на территории Сибири»[1]. Однако обобщения и выводы, сделанные по результатам

[1] Макарьева Н.В. Либерализм в Сибири 1890–1907 гг.: проблема типологии. Автореф. дисс. … канд. ист. наук. Омск, 1999. С. 12.

этого исследования, представляются далеко не бесспорными. В этой связи возникает необходимость как в уточнении целого ряда отдельных характеристик, ставших основанием для позиционирования «сибирского либерализма как своеобразного и целостного явления»[1], так и в оценке степени обоснованности самого тезиса о либерализме Сибири как особом типе либеральной идеологии, ставшем порождением специфических условий региона.

Делая акцент на исследовании конкретного типа либерального мировоззрения, сложившегося в Сибири, Макарьева вычленяет его философскую, политическую, экономическую и социальную составляющие и приходит к выводу о ярко выраженном синтетическом характере сибирского либерализма как его главной особенности, проявившейся в инкорпорировании традиционалистских элементов и идеалов[2]. И если сам по себе этот тезис не вызывает принципиальных возражений, то его конкретизация применительно к основным составляющим «сибирского варианта» либерализма дает повод для сомнений в безупречности логики умозаключений, позволивших выйти на такую формулировку.

Наиболее ярко, по мнению Макарьевой, синтетический характер местного либерализма проявился на уровне «философских разработок»: «Религиозные или социалистические основания диктуют сибирским либеральным деятелям отказ от личного во имя общего, от развития во имя идеала, от рациональности во имя прозрения, так или иначе идеи эти восходят к долиберальному традиционно-корпоративному мировоззрению»[3]. Авторское утверждение о том, что для российского либерализма в целом характерен коллективистский идеал мышления, дополнено констатацией в качестве особенности сибирского либерализма «более явного отрицания индивидуализма, чем в европейских районах страны»[4].

Уместно заметить, что в Сибири круг либерально настроенных интеллектуалов, в той или иной степени занимавшихся изучением и разработкой собственно философских проблем, был весьма узок и ограничивался небольшим числом профессоров Томского университета (в их числе можно назвать членов «Союза 17 октября»

---

[1] Там же. С. 3.
[2] Там же. С. 17-21.
[3] Там же. С. 17-18.
[4] Там же. С. 20-21.

И.А. Базанова, Д.Н. Беликова и П.А. Прокошева, а также вступивших в местную кадетскую организацию И.В. Михайловского, М.И. Боголепова, И.А. Малиновского, С.П. Мокринского, Н.Я. Новомбергского). Внимательное прочтение научных и научно-публицистических трудов, а также опубликованных текстов учебных лекций и публичных выступлений этих правоведов, историков, экономистов обнаруживает широкую палитру философских воззрений и теоретико-методологических позиций авторов: от религиозного мистицизма и объективного идеализма до позитивизма и экономического материализма. Логика ортодоксального теизма в его православной вариации была присуща только рассуждениям доктора богословия и церковной иерархии, протоиерея Беликова, являвшегося активным членом октябристской организации (попутно заметим, что Макарьева считает октябристов «чистыми» консерваторами, не имеющими отношения к либерализму). Однако, апеллируя к богословской традиции в обосновании ценности человеческой личности, и этот профессор демонстрировал неприятие воззрений, подразумевающих под благом человека, прежде всего, благо рода и интересующихся личностью лишь постольку, поскольку она может содействовать совершенствованию рода[1]. Таким образом, и в данном случае нет достаточных оснований для фиксации «отказа от личного во имя общего», хотя иррациональное начало и признание ограниченности возможностей человеческого познания в суждениях богослова, безусловно, имели место. Для всех прочих коллег Беликова, являвшихся продолжателями традиций светского гуманизма, приверженцами различных философских учений (от гегельянства до экономического материализма) идеи прогресса и рационализма были столь же органичной составляющей их мировоззрения, как и представление о самоценности и приоритете человеческой личности. Наличие же «социалистических оснований» в философских построениях сибирских теоретиков либерализма не подтверждается при обращении к их трудам. Даже признавая некоторые ценные стороны социалистических теорий, связанные с идеями государственного регулирования экономики, правоведы Томского университета

[1] Беликов Д.Н. Речь, произнесенная в храме Императорского Томского университета 22 октября 1889 г. Б.м., б.г. С. 3; Он же. Чудо как принадлежность откровения. Публичная лекция. Томск, 1895. С. 14.

принципиально не могли согласиться с гетерономией личности как одним из ключевых принципов социалистического государства[1].

Последнее обстоятельство уже само по себе дает повод усомниться и в правомерности утверждения Макарьевой о популярности у местной либеральной общественности этатистских идей. Психологическая и политическая установка на крепкую власть действительно являлась одной из наиболее ярких специфических черт российского либерализма в целом. Однако акцент на особую роль государственного начала не рассматривался как антитеза либеральной идее индивидуальной свободы. Более того, сильное государство воспринималось как главный ее гарант.

И теоретические представления сибирских интеллектуалов, и программные требования местных отделов либеральных партий явно диссонировали с ключевыми принципами этатизма как идеологии, предполагающей подчинение личных интересов интересам государства и активное вмешательство государства во все сферы общественной и частной жизни. Либерально настроенные профессора Томского университета в своих трудах не только представили убедительное обоснование значимости конституционных гарантий гражданских прав, призванных создать максимально благоприятные условия для обеспечения неприкосновенности и свободы личности, но и предложили конкретные механизмы их практической реализации. Перечень основных гражданских прав и свобод содержался в программных документах местных октябристов. Программные документы сибирских кадетских организаций в полном соответствии с общепартийной программой предусматривали принятие конституции, гарантирующей неотъемлемые права человека и гражданина: равенство всех перед законом без различия пола, вероисповедания, национальности и сословия; неприкосновенность личности и жилища; свободу совести, вероисповедания, слова, печати, собраний, союзов, передвижения. Солидарность с общепартийным руководством проявили сибирские кадеты и в поддержке начал конституционной монархии с народным представительством, что является убедительным опровержением тезиса Макарьевой об

---

[1] См., напр.: Михайловский И.В. Воззрения Б.Н. Чичерина на право и государство // Образование. 1904. № 7. С. 31; Он же. Очерки философии права. Томск, 1914. Т. 1. С. 168; Новомбергский Н.Я. Рец. на: Михайловский И.В. Очерки философии права (Томск, 1914. Т. 1) // Журнал министерства юстиции. 1915. Март. С. 302-303.

одобрительном отношении к институту самодержавия, присущем как российскому либерализму в целом, так и сибирским либералам, в частности.

Безосновательными представляются и упоминания в качестве отличительных характеристик сибирского либерализма требований социальной защиты слабых и малоимущих и автономии края. Действительно, и в трудах профессоров Томского университета (Боголепова, Н.Н. Кравченко, Михайловского, Новомбергского), и в заявлениях политических лидеров местных кадетов (таких, например, как Н.В. Некрасов) неоднократно звучал и получил развернутое обоснование тезис о необходимости государственной поддержки слабейших членов и групп общества с целью смягчения фактического чрезмерного социального неравенства и создания для всех равных социальных условий. Этот тезис получил свое развитие и закрепление в социально-экономических разделах программ сибирских кадетских организаций. Однако в такой позиции не было ничего специфически «сибирского», она в полной мере соответствовала характерному для неолиберальной идеологии представлению о государстве как гаранте права каждого на минимальное материальное благополучие, на достойное человеческое существование[1].

Что же касается идеи областной автономии, то она была заложена в официальной программе партии народной свободы: «После установления прав гражданской свободы и правильного представительства с конституционными правами для всего Российского государства должен быть открыт правомерный путь в порядке общегосударственного законодательства для установления местной автономии и областных представительных собраний, обладающих правом участия в осуществлении законодательной власти по известным предметам, соответственно потребности населения»[2]. В программах сибирских отделов партии это положение было лишь уточнено за счет формулировки о предоставлении автономии с местными представительными учреждениями областям, «обособленным по языку, народности, географическому положению и истори-

---

[1] Новикова Л.И., Сиземская И.Н. Новый либерализм в России // Общественные науки и современность. 1993. № 5. С. 137-138.

[2] Программа конституционно-демократической партии (партии народной свободы) // Российские либералы: кадеты и октябристы. М., 1996. С. 54.

ческому прошлому»[1], к числу которых кадеты, безусловно, относили и Сибирь.

Особенности социально-экономической ситуации в регионе, имеющие глубокие исторические корни, повлияли на формирование позиции местных либералов по аграрному вопросу. Тезис Макарьевой о защите ими государственной и коллективной формы землевладения соответствует действительности. Вместе с тем, едва ли можно согласиться с объяснением причин такой позиции, которое выстроено в духе общей концепции автора о синтетическом характере сибирского либерализма, проявившемся в наличии «солидного пласта традиционного мировоззрения, разбавленного либеральными вкраплениями». В отличие от Европейской России, где частная собственность признается неприкосновенной и важной основой экономики, в Сибири, по мнению Макарьевой, «благо частной собственности многими ставится под сомнение, высказываются предположения о необязательности прохождения Сибирью капиталистической стадии развития при помощи государства и общины»[2]. Комплексное изучение программных документов местных кадетов, материалов либеральной периодической печати, текстов выступлений сибирских депутатов – членов фракции партии народной свободы в Государственной думе позволяет утверждать, что в своем стремлении предотвратить насаждение частной собственности в Сибири они руководствовались отнюдь не отрицательным отношением к самому принципу частной собственности, а неприятием принудительного характера преобразований. Рассматривая общинное землевладение как исконную и привычную форму земельных отношений, исторически сложившуюся в прочную хозяйственную организацию, местные либералы возражали против ее искусственного разрушения и установления принципа частной собственности росчерком пера. Такая логика в полной мере соответствовала идеям поступательности и эволюционности общественного развития, приверженность которым была присуща либеральному мировоззрению в целом.

---

[1] Программа томского отдела партии народной свободы // ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 400. Л. 31; Программа свободной народной партии. Красноярск // Там же. Д. 77. Л. 1.

[2] Макарьева Н.В. Указ. соч. С. 18-19.

Таким образом, те черты сибирского либерализма, которые послужили основанием для выделения его в качестве особого типа, не находят своего подтверждения в источниках. Не исключено, что отдельные представители либерально настроенной общественности действительно демонстрировали приверженность подобным идеям и принципам, но это не дает основания для признания последних «типичными» для позиции либералов в Сибири.

Вместе с тем, нельзя отрицать определенную специфику позиций местных либералов, порожденную особенностями социально-экономических, политических, культурных условий края. Проявлялась она, главным образом, в акцентированном внимании к решению проблем, являвшихся следствием неравноправного статуса Сибири в составе Российской империи. В частности, на страницах либеральной печати, в выступлениях лидеров кадетских организаций остро ставились вопросы о введении в регионе земства и суда присяжных, об упразднении института крестьянских начальников, об обеспечении возможности свободного товарообмена между Сибирью и Европейской Россией. Примечательно, что сама по себе постановка региональных вопросов была продиктована стремлением распространить на Сибирь те социальные, политические, культурные институты, которые стали реальностью в Европейской России в результате реформ 1860–1870-х гг. В целом общероссийская идентичность сибирских либералов явно доминировала над региональной, а потому и их позиции по принципиальным проблемам общественного развития Отечества не имели сколько-нибудь существенных отличий от позиций либералов других регионов.

Вместе с тем, присущий либерализму плюрализм мнений довольно отчетливо проявился в специфике позиций отдельных представителей либерального направления в Сибири по целому ряду частных вопросов. Так, в среде местных либералов отсутствовало единство мнений о процедуре и принципах формирования органа народного представительства, о его структуре, полномочиях и принципах взаимоотношений с исполнительной властью. Разные позиции занимали сибирские кадеты по вопросам о принципах выкупной операции и определения размеров крестьянского землепользования, о целесообразности национализации земли и социализации производства. Однако аналоги всех этих позиций обнаруживаются и в дискуссиях либералов других регионов страны. К тому

же специфические позиции отдельных лиц или групп по различным программным и тактическим вопросам не поддаются генерализации на уровне регионально-типичного.

Тем более нет оснований для вычленения особого «сибирского» типа либерального мировоззрения. Органично присущее представителям интеллектуальной элиты стремление к самостоятельности в осмыслении окружающей действительности находило отражение в индивидуализированной логике философских и теоретико-методологических построений, в нюансах представлений о мире и месте в нем человека, в оригинальных версиях интерпретации и обоснования ключевых положений либеральной доктрины. Однако это обстоятельство, весьма значимое для индивидуальной типологизации либералов России, едва ли может быть использовано для типологии по региональному параметру, поскольку в данном случае определяющими были обстоятельства личностного свойства (стиль мышления, характер, психологический склад, жизненный опыт и пр.).

Таким образом, по результатам комплексного исследования истории либерализма в Сибири начала XX в. не выявлено сколько-нибудь существенное влияние регионального фактора на дифференциацию позиций российских либералов. Тем не менее, вопрос о целесообразности использования регионального измерения в типологии либерализма, по-видимому, может стать предметом совместного обсуждения специалистов разных обществоведческих дисциплин – философов, политологов, социологов, историков. Для его конструктивного решения представляется необходимым ориентироваться на такие общие принципы исторической компаративистики, как: корректный выбор объектов и предметов для сопоставления; обязательность реконструкции инварианта сопоставляемых объектов при описании их несовпадений[1]. Типологизация либерализма вообще и российского, в частности, предполагает дополнительные сложности на уровне генерализации, поскольку его всегда отличала богатая палитра мнений и их оттенков, многообразие философских приверженностей и политических предпочтений. Поэтому при выявлении сущностных характеристик определенного «типа» либерализма возникает проблема разграничения черт, свой-

[1] Троицкий Ю.Л. Историческая компаративистика: эпистемология и дискурс // Диалог со временем. 2010. Вып. 30. С. 26-32.

ственных если не большинству, то многим представителям этой условной общности – с одной стороны, и феноменов индивидуального сознания и поведения, которые чрезвычайно важны для типологизации на уровне личностном, но не являются значимыми при фиксации социально типичного – с другой. Основополагающим же принципом при конструировании «идеального типа», позволяющего фиксировать общие и особенные черты социального явления и тем самым создавать целостную картину вариативности исторического процесса, является верифицируемость логических моделей на основе анализа источников и конкретно-исторического материала.

А.Н. Егоров[1]

ЛИБЕРАЛЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ НА ВЫБОРАХ В I И II ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ДУМЫ

В годы Первой российской революции в городах Европейского Севера России[2] стали возникать организации либеральных партий – кадетов и октябристов. Наибольшим авторитетом и влиянием в северных губерниях, как и по всей стране, пользовалась конституционно-демократическая партия (Партия народной свободы). На ее учредительном съезде в Москве в октябре 1905 г. присутствовали делегаты от северных губерний: от Архангельской – И.В. Галецкий, от Новгородской – А.М. Колюбакин и М. Большаков[3]. Организаторами кадетских групп на местах стали участники съездов земцев-конституционалистов или же члены «Союза освобождения», связанные с Организационным бюро партии. Архангельская городская организация ПНС возникла 2 ноября 1905 г. во главе с частным поверенным И.В. Галецким[4]. Вологодская городская кадетская группа конституировалась 21 ноября 1905 г. во главе с видным земским

---

[1] *Егоров Андрей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и философии Череповецкого государственного университета.*

[2] В данной статье под Европейским Севером России понимаются Архангельская, Вологодская, Олонецкая и Новгородская губернии.

[3] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 40. Л. 4.

[4] ГААО. Ф. 1323. Оп. 1. Д. 168. Л. 272.

деятелем В.А. Кудрявым[1]. Точную дату возникновения Новгородской и Петрозаводской групп установить не представляется возможным; Новгородский отдел упоминается в документах ЦК в декабре 1905 г.[2], Петрозаводская группа возникла в конце 1905 г.

Вслед за губернскими городами кадетские группы стали возникать и в уездных. По различным источникам нам удалось выявить 24 организации ПНС, из них 3 губернских, 1 городскую, 15 уездных, 1 волостную и 4 сельских. В Архангельской губернии кадетские организации существовали, помимо губернского города, в Онеге и Шенкурске; в Вологодской – в 6 уездных городах; в Новгородской – в 8 уездных городах; в Олонецкой – только в Петрозаводске. Сохранившиеся источники не позволяют точно выяснить численность всех кадетских организаций интересующих нас губерний в разное время их деятельности. Согласно разнообразным источникам, в основном кадетского и жандармского происхождения, общая численность кадетских организаций Севера России весной-летом 1906 г. не превышала 1,5 тыс. чел.[3] Наиболее крупные организации (свыше 100 человек) были в Вологде и Архангельске.

По различным источникам нам удалось установить примерный социальный состав кадетских организаций интересующих нас губерний. 43,4% составляют различные категории интеллигенции, 32,6% – чиновники и служащие, деятели местного самоуправления, 17,1% – торгово-промышленные круги. Участие крестьян в деятельности ПНС в целом было не характерным; сельские организации создавались местной интеллигенцией. Из всех групп ПНС Европейского Севера лишь одна была собственно крестьянской – в с. Дьяконово Авнегской волости Грязовецкого уезда Вологодской губернии во главе с волостным писарем А.А. Каменевым. Нет у нас и фактов активной деятельности рабочих в рядах кадетской партии. Лишь одна Архангельская группа сообщила в ЦК ПНС о наличии в ее рядах нескольких рабочих[4].

Чуть позже кадетских организаций в северных губерниях стали создаваться местные отделы «Союза 17 октября». Наиболее силь-

---

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 70. Л. 1.
[2] Там же. Оп. 2. Д. 32. Л. 1.
[3] См.: Егоров А.Н. Кадетская партия на Севере России в 1905 – 1907 гг.: организационная структура, состав, численность // Северо-Запад: Историко-культурный региональный вестник. Статьи и материалы. Вып. 2. Череповец, 1998. С. 54-65.
[4] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170. Л. 27.

ные позиции были у октябристов в Новгородской губернии. 1 декабря 1905 г. возникла Новгородская организация, достигшая в течение года численности в 1700 человек. В том же месяце сформировались партийные группы в Демянске, Никольске, Старой Руссе, Тихвине. Одним из крупнейших в губернии был Череповецкий отдел «Союза 17 октября», образованный 16 января 1906 г. Городскую организацию, в которой состояло более 100 человек, возглавляло бюро под руководством гласных городской думы А.В. Черняева и К.А. Петрова[1]. Затем возникли октябристские группы в Устюжне и Кириллове. По своей численности октябристы Новгородской губернии существенно опережали многие партии – их насчитывалось более 2300 человек[2].

Авторитет октябристов в Новгородской губернии во многом опирался на руководителей городского самоуправления, активно поддержавших партию. Так, в Череповце наиболее влиятельным октябристом был городской голова И.А. Милютин, более 40 лет возглавлявший городскую думу. Другим известным октябристом губернии был купец 1-й гильдии М.Я. Шульгин, возглавлявший городскую думу Боровичей с 1893 г. и до 1907 г., когда он был вынужден оставить свою должность в связи с избранием в III Государственную думу. Успеху октябристов в губернии способствовала и близость к Санкт-Петербургу. Местное чиновничество ориентировалось на настроения своих столичных коллег, а в годы премьерства П.А. Столыпина октябристы воспринимались как правительственная партия. Схожие явления наблюдались и в Олонецкой губернии. Недаром во II-IV Государственные думы от Новгородской губернии избиралось по 5 октябристов из 6 депутатов; от Олонецкой губернии в III Думу избрали депутатов, примкнувших к октябристам.

В декабре 1905 г. октябристские организации возникли в Вологде и Никольске. Председателем Вологодского отдела «Союза 17 октября» стал потомственный дворянин, надворный советник, Вологодский губернский предводитель дворянства Н.Н. Андреев. На Первом партийном съезде присутствовал делегат от Вологодского отдела Ю.Н. Зубов (статский советник, земский начальник Кадни-

---

[1] ГА РФ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 78. Л. 18.

[2] Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М., 1987. С. 144.

ковского уезда)[1]. В Вологодской губернии позиции октябристов были существенно слабее. Они сумели провести своего кандидата только в I Государственную думу. Больше ни в одну Думу ни один октябрист от Вологодской губернии не проходил. Эта ситуация нуждается в пояснении. Дело в том, что на Вологодчине были сильны позиции правых, в частности, Союза русского народа, а местный губернатор А.Н. Хвостов прямо поощрял чиновничество и деятелей местного самоуправления к вступлению в СРН. Тем самым правые, с подачи губернатора, заняли нишу «правительственной» партии, что показывают итоги выборов в Думы. А для новгородских чиновников и деятелей местного самоуправления Союз русского народа был слишком одиозной и радикальной организацией, не вписывающейся в респектабельные нравы столицы (в I – IV Государственные думы от Новгородской губернии был избран только один умеренно-правый депутат).

В Олонецкой губернии октябристские организации возникли в Петрозаводске и Повенце. Лидером правых либералов являлся старейший земский деятель, тайный советник, член ЦК «Союза 17 октября» В.В. Савельев. Он являлся крупным землевладельцем губернии, а с 1879 по 1905 гг. занимал должность председателя Олонецкой губернской земской управы. В эти годы он являлся полным хозяином земства, имеющим право говорить: «Земство – это я». Как писал известный историк земства Б.Б. Веселовский, Савельев был «ловким земским дельцом, державшим и земство, и членов управы в руках; при нем члены управы играли роль лиц, замещающих пустые стулья»[2]. Отличительной чертой губернского земства при Савельеве являлся сервилизм, земство было как бы отделением канцелярии губернатора. Поэтому в истории Олонецкого земства нет даже намека на какую-нибудь оппозиционность. Поэтому представителей Олонецкого земства не было на либеральных общеземских съездах 1904 – 1905 гг. После выхода в свет Манифеста 17 октября 1905 г., земство заявило о своей «беспредельной признательности» царю за его издание, а затем послало телеграмму в «Союз 17 октября» с «изъявлением солидарности» с его программой. В 1906 г. Савельева избрали в Государственный совет от

---

[1] Партия «Союз 17 октября». Протоколы съездов, конференций и заседаний ЦК. В 2-х т. Т. 1. М., 1996. С. 117.

[2] Веселовский Б.Б. История земства за сорок лет. Т. 4. СПб., 1911. С. 623.

Олонецкого земства. Октябристские настроения господствовали в губернии на выборах в III и IV Государственные думы, но какой-либо систематической партийной работы в губернии не было.

В Архангельской губернии октябристов в годы Первой российской революции не было – их нишу занимала Партия правового порядка, по всем параметрам (программатика, тактика, социальный состав) близкая к «Союзу 17 октября». На учредительном съезде ППП от Архангельской губернии присутствовали частнопрактикующий юрист Г.И. Тарасов и торговец Коржавин. 7 января 1906 г. они провели в Архангельске учредительное собрание местной организации ППП, на котором присутствовало около 100 человек. По сообщению «Северного листка», в Архангельске ППП имела в январе 1906 г. 239 зарегистрированных членов, принимая в свои ряды «всех без ознакомления с их прошлым»[1]. 19 января состоялись выборы комитета в составе 30 человек, который из своей среды выбрал председателя – Г.И. Тарасова. В партию вошли и участвовали в работе известные и влиятельные лица Архангельска: В.В. Гувелякен (потомственный почетный гражданин, мировой судья, впоследствии председатель Архангельского биржевого комитета), Я.И. Лейцингер (знаменитый фотограф, благотворитель, городской голова Архангельска), лесозаводчики и купцы Е.И. Шергольд, А.И. Вальнев и др. Было запланировано издание газеты под рабочим названием «Всполохи» или «Русский Север». По словам Архангельского губернатора, «Партия правового порядка в численном отношении в 2 раза превосходила кадетскую, сюда вошли все местные капиталисты, заводчики и вообще наиболее состоятельные элементы населения»[2]. Членов ППП объединяли деловые и личные отношения, а председатель комитета Тарасов являлся постоянным поверенным лицом многих из них. В январе-марте 1906 г. правопорядцы собирались в среднем раз в 10 дней в помещениях Благородного собрания и городской думы, уличных митингов не проводили. В марте 1906 г. правопорядцы успешно провели выборы в городскую думу – большинство гласных были членами ППП или сочувствующими. Городским головой избрали члена партии Я.И. Лейцингера, пользовавшегося в Архангельске большим авторитетом (четырежды избирался городским головой – 1903, 1906, 1909, 1912 гг.). На втором ме-

[1] Северный листок. Архангельск. 1906. 12 января.
[2] ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 3. Д. 1322. Л. 4-5.

сте в городской думе по степени влияния оказались кадеты – 4 члена партии и ряд сочувствующих[1].

Летом 1906 г. возникла Партия мирного обновления, занявшая промежуточную позицию между кадетами и октябристами. Она была небольшой и не имела своих организаций по всей стране. Но в отдельных регионах ее группы возникли. В Архангельске в эту партию вступили, с одной стороны, некоторые кадеты, опасавшиеся преследований властей после роспуска I Думы, а, с другой стороны, некоторые правопорядцы, недовольные полным провалом своей партии на парламентских выборах весной 1906 г. В итоге, в конце января 1907 г. было объявлено об открытии отделения ПМО в Архангельске[2].

Как известно, кадеты представляли собой левый фланг русского либерализма, а октябристы (включая близкие к ним партии типа ППП) – правый. Казалось бы, общность идеологии должна была сближать кадетов и октябристов, но реальность была иной. Кадеты Европейского Севера России никогда не шли ни на какие блоки и союзы с октябристами, считая их правыми. Мало того, если почитать кадетские листовки, обращения местных партийных организаций создается впечатление, что октябристы были одним из важнейших противников кадетов. Правда, и отношение октябристов к кадетам было аналогичным.

Совсем иное отношение было у кадетов к левым революционным партиям. Кадеты почти всегда шли на сотрудничество с ними в конкретных делах, хотя и спорили в сфере идеологии. Реальная жизнь показывает, что идеологические вопросы в провинции всегда отходили на второй план по сравнению с конкретными политическими действиями: выборы в различные органы, совместные мероприятия. Причина этого заключается в том, что провинциальные партии объединялись не на идейных позициях, а на отношении к властям и на решении конкретных дел. Отношение к местным властям, к политике государственной власти в целом было важнее идейных разногласий. Анализ политических взглядов и тактической линии кадетов Европейского Севера России показывает, что подавляющее большинство провинциальных либералов стояло на левых позициях в кадетской партии.

---

[1] Северный листок. Архангельск. 1906. 4 мая.
[2] Архангельск. Архангельск, 1907. 17 января.

Основной формой деятельности либеральных партий в годы Первой российской революции была пропаганда своих взглядов и участие в избирательных кампаниях в Государственные думы. Легальная политическая деятельность, ставшая возможной после манифеста 17 октября 1905 г., выборы в Государственную думу, были делом новым и непривычным для неискушенных в политике обывателей. Поэтому целый ряд кадетских обращений носил элементарный просветительский характер. Так, Вологодский комитет ПНС выпустил в начале января 1906 г. обращение, в котором разъяснял все детали избирательного закона 11 декабря 1906 г., указывал, кто имеет право голоса, где, когда и как нужно «озаботиться занесением себя в списки избирателей», какие документы нужно представить в подтверждение своих прав. Заканчивалось обращение призывом: «Граждане, не теряйте своих политических прав!… В настоящее время гражданский долг каждого принять участие в выборах»[1].

Предвыборные листовки кадетской партии были рассчитаны не на какую-либо определенную категорию избирателей, а на самого широкого и политически неразвитого читателя. Кадеты понимали, что лица, сочувствующие партии (интеллигенция, средние городские слои), вполне могут ознакомиться с идеями партии через прессу (как показывают жандармские донесения, «Речь», «Биржевые ведомости» и другие либеральные газеты имели широкое хождение в провинции). А для крестьянского выборщика кадетская листовка зачастую была первым документом, из которого он узнавал о ПНС. Поэтому кадетские листовки в максимально простой и доступной форме излагали основные общедемократические требования партии. Так, в предвыборном обращении Вологодского губкома ПНС сказано: «Присоединяйтесь к конституционно-демократической партии! Голосуйте за лиц, отстаивающих народную свободу, парламентскую монархию, самостоятельную, независимую от бюрократического произвола Государственную думу, обеспечение народа землею, защиту интересов всех трудящихся!»[2]. Обещания кадеты давали самые широкие: «Если Вы стремитесь ко благу народному, если Вы хотите дать народу землю и волю, рабочему человеку облегчение его страданий, уменьшение податного бремени для всех трудящихся, если Вы стремитесь к тому, чтобы произвол и угнетение сменились политической свободой,

[1] Северная земля. Вологда. 1906. 18 января.
[2] Там же.

а министры были ответственны перед народными представителями, избираемыми на основе всеобщего, прямого, равного и тайного голосования… подавайте Ваш голос за список кандидатов, выставляемый ПНС»[1].

В марте 1906 г. состоялись выборы в I Думу, вызвавшие у жителей северных губерний, несмотря на ограниченность избирательного законодательства и призывы левых партий к бойкоту, большой интерес. На предвыборных собраниях, проходивших в городах и крупных селах, открыто ставились и обсуждались многие злободневные вопросы развития страны и края, что способствовало вовлечению в орбиту политической жизни значительных слоев населения. Власти в ход первых выборов практически не вмешивались, а потому их результаты можно рассматривать как показатель степени влияния той или иной партии. При этом необходимо учитывать, что кроме «Союза 17 октября» и Союза русского народа все остальные партии были нелегализованы, а партии левее кадетов запрещены. В Архангельской губернии власти не зарегистрировали и монархическую группу «Громада верных сынов России», которая позднее вошла в состав СРН. Это означает, что кадеты и социалисты избирались в Думу не столько как представители своих партий, сколько как частные лица. В этом смысле личные качества кандидата в депутаты, его известность и авторитет играли гораздо большую роль, чем партийная принадлежность. Из 16 депутатов северных губерний лишь 7 на момент избрания входили в партии (5 кадетов, 2 октябриста), 5 определились со своими партийными пристрастиями в самой думе (1 трудовик, 3 члена Партии демократических реформ, 1 вошел в Прогрессивную группу), 4 крестьянских депутата так и не примкнули ни к одной из политических партий.

Для либералов парламентские выборы играли огромную роль. В январе 1906 г. вологодские кадеты обсуждали вопрос об участии в выборах в I Государственную думу, решив «идти в Думу, принять в ней участие для того, чтобы провести закон о всеобщем, прямом, равном и тайном голосовании и бороться за свободу народа». Возражая представителям левых партий, призывавшим бойкотировать выборы, кадет Львов говорил: «Так жить нельзя, флота нет, армия дезорганизована, народ голодает, финансы расстроены – а мы бу-

[1] ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 20. Л. 1.

дем отказываться от Думы?!»[1]. Архангельские кадеты решили участвовать в выборах для того, чтобы Дума созвала Учредительное собрание[2].

Надежды на Государственную думу были велики. Так, 24 апреля 1906 г. на митинге в Вологде кадетский оратор говорил, что «смотрит оптимистически на положение Думы, что удастся провести демократические свободы, дать амнистию всем политическим и разрешить аграрный вопрос, добиться всеобщего, равного избирательного права. Решать эти вопросы надо с наименьшим количеством жертв, а если Думе воспрепятствуют в этом, тогда за нее восстанет весь народ, и каким способом он добьется удовлетворения своих требований – это дело народа»[3]. Архангельские кадеты, обсуждая вопрос о работе будущей Думы, решили, что «партия должна заняться разработкой неотложных вопросов государственной жизни, относясь к Думе, как предварительному парламенту»[4].

Довольно острый характер избирательная кампания приобрела в Петрозаводске, где противостояли партийные группировки кадетов и октябристов. Победу одержали кадеты, привлекшие к себе симпатии не только средних слоев, но и рабочих Александровского завода. В числе 5 выборщиков от Петрозаводска оказались члены кадетской группы: инженер А.В. Африкантов, служащий губернского присутствия А.Ф. Кожевников, учитель гимназии М.М. Кузнецов и сочувствующие кадетам рабочие В. Лузгин и А. Федоров. 26-28 марта 1906 г. состоялось Олонецкое губернское избирательное собрание. В его работе приняли участие 47 выборщиков, в т.ч. 9 – от землевладельческой, 14 – от городской и 24 – от крестьянской курий. Депутатами Государственной думы по итогам голосования стали: горный инженер, начальник механического цеха Александровского завода, один из лидеров кадетской группы А.В. Африкантов (городская курия); управляющий пароходством И. Конецкого на Свири, по происхождению заонежский крестьянин Д.В. Белоусов (крестьянская курия) и отставной прапорщик дворянин Лодейнопольского уезда В.К. Якимовский (землевладельческая курия)[5].

---

[1] Северная земля. Вологда, 1906. 19 января.
[2] Северный листок. Архангельск, 1906. 3 января.
[3] ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 28. Л. 101.
[4] ГААО. Ф. 1323. Оп. 2. Д. 57. Л. 26.
[5] Олонецкие губернские ведомости. 1906. № 36. С. 3.

Шедшие на выборы в качестве беспартийных кандидатов Белоусов и Якимовский в Думе примкнули к фракции октябристов.

В Архангельской губернии из 32 выборщиков в I Думу к кадетской партии принадлежало всего 5 человек (все из Архангельска). Тем не менее, благодаря успешной агитации Партии Народной Свободы, оба выбранных депутата от губернии оказались кадетами – частный поверенный И.В. Галецкий (председатель Архангельского губкома ПНС) и городской староста Шенкурска А.Е. Исупов[1].

От Вологодской губернии ни одного кадета не избрали, но в Думу прошли крестьяне А.Л. Шемякин и С.И. Федотовский, примкнувшие к Партии демократических реформ, близкой к кадетам. Поскольку на провинциальном уровне различий между ПНС и ПДР практически не существовало, их избрание можно косвенно отнести к кадетскому спеху. Кроме того, от Вологодской губернии избрали Вологодского губернского предводителя дворянства, председателя Вологодского отдела октябристов Н.Н. Андреева; земского служащего П.Д. Щипина (примкнул к трудовикам) и беспартийного крестьянина Д.К. Мартьянова[2].

26 марта 1906 г. в Новгороде прошло губернское собрание по выборам депутатов в Государственную думу. Пятерых депутатов избирало общее собрание от всех четырех курий и одного избирали крестьяне. Собрание выбрало в Думу двух кадетов (присяжного поверенного И.А. Корсакова [член «Беседы», «Союза освобождения», «Союза земцев-конституционалистов»] и волостного судью, земского гласного Д.В. Васильева); двух либерально настроенных деятелей (череповецкого землевладельца Н.Ф. Румянцев, вошедшего в Прогрессивную группу, и крестьянина В.Т. Трифонова, примкнувшего в Думе к Партии демократических реформ); двух беспартийных крестьян С.С. Караванова и А.Е. Рябчикова[3].

Общий вывод очевиден: уверенную победу одержали левые либералы – кадеты. Правые либералы октябристского толка им существенно уступали, но имели определенный авторитет и своего избирателя. Показатели социалистов не могут считаться объективными из-за запрещенного положения левых партий и объявленного

---

[1] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 170. С. 23.

[2] Члены Государственной думы (портреты и биографии). Первый созыв / Сост. М.М. Боиович. М., 1906. С. 35-39.

[3] Вестник Новгородского земства. 1906. № 6. С. 4.

ими бойкота выборов. А вот провал правых бросается в глаза – ни одного депутата ни от одной губернии.

К роспуску I Государственной думы все кадетские организации Европейского Севера России отнеслись крайне отрицательно. На своих собраниях кадеты вынесли резолюции с осуждением властей и призывом к народу оказать поддержку Думе. Однако, отношение к Выборгскому воззванию, содержавшему призыв к пассивному сопротивлению властям, у местных кадетских групп было различным. Вологодские и архангельские кадеты его полностью поддержали, никольские кадеты высказались более нейтрально, считая его необходимым актом, «который должны были совершить члены Государственной думы в ответ на роспуск Думы»[1]. На белозерских кадетов воззвание «особенного впечатления не произвело: все ждали большего». Тихвинская группа ПНС признала Выборгское воззвание «с партийной точки зрения тактической ошибкой, и именно в части, призывающей к нелегальным активным действиям»[2]. Крестецкая группа ПНС осудила воззвание, усмотрев в нем «положения, не соответствующие принципам мирного перехода к конституционному строю»[3]. Воззвание, по их мнению, толкает население на революционный путь, что чревато кровавыми столкновениями. Все кадетские организации единодушно высказались против нелегальных методов борьбы. Несмотря на столь разные оценки Выборгского воззвания, многие организации сходились в одном – в невозможности и нежелательности его проведения в жизнь.

В январе-феврале 1907 г. состоялись выборы во II Государственную думу, в которых участвовали партии социал-демократов и эсеров, отказавшиеся от тактики бойкота. Власти, видя в кадетах едва ли не своего основного врага, делали все возможное, чтобы не допустить их участия в выборах. По законам того времени, человек не мог принимать участие в выборах, если против него возбуждалось уголовное дело. Этим и пользовались власти, возбуждая «липовые» уголовные дела для преследования политических противников. Так, сохранилось письмо Новгородского губернатора прокурору Череповецкого окружного суда, в котором прямо говориться: «Дворянин А.М. Тютрюмов (руководитель местного от-

---

[1] ГА РФ. Ф. 579. Оп. 1. Д. 1004. Л. 2.
[2] Там же. Д. 1055. Л. 1.
[3] Там же. Д. 1057. Л. 1.

дела кадетской партии – А.Е.) состоит в должности Депутата дворянства. Можно удалить… в случае возбуждения предварительного следствия, прошу Вас возбудить следствие»[1].

Важнейший вопрос для ПНС – с кем заключать блок в предвыборной борьбе. 10 декабря 1906 г. архангельские кадеты обсудили вопрос о предвыборных соглашениях. Они признали необходимым «сплочение оппозиционных элементов на выборах» и, следовательно, возможным соглашение с левыми партиями. Предложение Партии правового порядка о предвыборном соглашении кадеты решительно отвергли[2]. На выборах во II Думу архангельские кадеты предлагали социалистам сформировать общий список, но те, по инициативе членов РСДРП, отказались. В Архангельске был сформирован предвыборный блок эсеров, социал-демократов и трудовиков (официальное название «Беспартийная группа левых избирателей»). Выборы в целом прошли спокойно, большинство предвыборных собраний контролировались полицией. По данным губернатора Н.Н. Качалова, подавляющее большинство из 32-х членов губернского избирательного собрания были беспартийными неопределенного «умеренного» направления[3]. Но губернатор ошибся с политическими пристрастиями выборщиков, большинство из них придерживались левых взглядов. Депутатами Думы избрали И.А. Лебедева, примкнувшего к фракции ПСР, и Г.С. Михайлова, вошедшего в группу трудовиков[4]. В итоге Архангельская губерния оказалась единственной из всех северных регионов, от которой избрали только левых депутатов.

В Петрозаводске примечательным событием избирательной кампании стало избрание выборщиком в губернское избирательное собрание, в основном голосами рабочих, одного из лидеров группы РСДРП Н.Т. Григорьева. Двух представителей провела в выборщики от Петрозаводска кадетская группа. Олонецкое губернское избирательное собрание прошло 6-8 февраля 1907 г. при участии 46 выборщиков. Депутатами думы стали беспартийные кандидаты – купец и лесопромышленник, выходец из крестьян Петрозаводского уезда М.М. Кирьянов, крестьянин Пудожского уезда Ф.Д. Ланев, и

---

[1] ГАВО. Ф. 923. Оп. 1. Д. 103. Л. 4.
[2] Северный листок. Архангельск, 1906. 12 декабря.
[3] ГААО. Ф. 1. Оп. 7. Д. 223. Л. 24.
[4] Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Второй созыв.1907 год. СПб., 1907. С. 3.

крестьянин Каргопольского уезда Н.А. Поташев. В Государственной думе все они примкнули к фракции кадетов[1]. От Новгородской губернии в Государственную думу избрали учителя, социал-демократа П.Г. Измайлова, двух октябристов – присяжного поверенного Г.С. Константинова и землевладельца Н.К. Тимирева, и троих беспартийных (два крестьянина и лесопромышленник), примкнувших в Думе к «Союзу 17 октября»[2]. Вологодские кадеты в декабре 1906 г. решили выставить совместный список кандидатов с эсерами и социал-демократами, несмотря на серьезные теоретические расхождения с ними[3]. В итоге, от Вологодской губернии избрали кадета Н.М. Волоцкого и четырех крестьян, примкнувших в Думе к трудовикам.

Таким образом, во II Государственную думу от северных губерний избрали 7 социалистов, 4 кадетов и 5 октябристов, причем всех октябристов только от одной Новгородской губернии. По сравнению с Первой Думой, произошло резкое усиление социалистов (7 депутатов вместо 1), ослабление кадетов (4 депутата вместо 8) и укрепление позиций октябристов (5 депутатов вместо 3). Эти данные в принципе соответствуют общероссийским тенденциям и говорят о том, что в годы Первой российской революции на Европейском Севере России наибольшим влиянием пользовались либеральные партии. Это объяснялось тем, что в городах, где, прежде всего, и протекала политическая жизнь, имелась основная социальная опора либерализма: деятели местного самоуправления, провинциальная интеллигенция, мелкое чиновничество, предприниматели. Получившие возможность легально заниматься политикой после Манифеста 17 октября 1905 г. они на какое-то время стали главными выразителями общественных нужд и чаяний. Рабочий класс северных губерний был относительно немногочисленным, что препятствовало широкому развитию социал-демократического движения.

Однако тенденция к усилению роли либералов в общественной жизни провинции не получила развития во многом из-за политики властей – уже к весне 1907 г. подавляющее большинство наиболее активных кадетов было отстранено от своих должностей в государ-

---

[1] Члены Государственной думы (портреты и биографии). Второй созыв / Сост. М.М. Боиович. М., 1907. С. 208-210.
[2] РГИА. Ф. 1278. Оп. 9. Д. 791. Л. 2.
[3] ГАВО. Ф. 108. Оп. 5. Д. 20. Л. 11.

ственных учреждениях, органах местного самоуправления, исключено из дворянских собраний и общественных организаций. 16 февраля 1908 г. Сенат окончательно отказал кадетскому руководству в легализации партии, а затем было подтверждено запрещение принимать членов нелегализованных партий на государственную службу, а также в органы местного самоуправления. Выразительную картину положения дел на местах обрисовал вологодский кадет А.В. Васильев на конференции ПНС в октябре 1908 г.: «Теперь в провинции стало жить невозможно, даже в прежние времена дышать было легче. Все деятели изъяты, преданы суду. Земства задавлены. Газеты убивают штрафами за всякую мелочь. Обязательные постановления ввергают обывателей в тюрьму. Вологодский отдел партии, прежде довольно значительный, теперь насчитывает в своих рядах 5 – 6 человек: остальные частью изъяты, частью ушли сами. Такое положение вещей, естественно, вызывает полнейшее озлобление»[1]. Правые либералы октябристского толка отчасти сохранили свои позиции, но какой-либо активной партийной деятельностью после 1907 г. не занимались и не воспринимались широкими кругами населения как выразители народных нужд.

В целом, после роспуска II Государственной думы партийная жизнь в провинции замерла. Как писал секретарь Вологодского кадетского комитета А. Васильев в письме члену ЦК ПНС А.М. Колюбакину в марте 1908 г., «наша кадетская группа мертва, но мертва летаргически. Существует только комитет, но и он существует только по названию, так как деятельность его сокращена до минимума, никто ничего не вносит в кассу группы»[2]. Лишь Февральская революция пробудила провинциальных либералов от «летаргического сна» и резко изменила ситуацию – начался новый этап общественно-политического развития России.

---

[1] Съезды и конференции конституционно-демократической партии. В 3-х т. Т. 2. М., 2000. С. 64.
[2] ГА РФ. Ф. 523. Оп. 1. Д. 193. Л. 21.

Т.Н. Гелла[1]

ПРАВЫЕ ЛИБЕРАЛЫ И РАБОЧИЙ ВОПРОС В ВЕЛИКОБРИТАНИИ НА РУБЕЖЕ XIX-XX вв.

Британскую модель либерализма нельзя воспринимать как нечто данное и постоянное. На протяжении последней трети XIX в. партийная идеология и тактика подверглась заметной трансформации. К концу столетия наметилась четкая тенденция перехода от классического либерализма к социальному. Социальные вопросы, в том числе и рабочий вопрос, выходят на повестку дня внутриполитической жизни Великобритании на рубеже XIX-XX вв. Самое активное участие в их обсуждении приняли правые либералы или либерал-империалисты. Представители этого течения в либеральной партии, а к их числу принадлежали лорд Розбери, Г. Асквит, Э. Грей, а также Р. Холден, лорд Брассей, Г. Фоулер, были тесно связаны с финансово-промышленным миром, с королевским двором.

Основные положения либерал-империалистической идеологии начали складываться еще в конце 80-х гг. XIX в. и окончательно были разработаны к концу столетия (примерно с 1895 по 1899 гг.). Особенно широкое распространение либерал-империалистические идеи получили в годы англо-бурской войны (1899 – 1902 гг.). Основная сущность учения сводилась к тезису о необходимости придания либерализму «формы подвижного, адаптирующегося учения, приспосабливающегося к потребностям быстро меняющегося времени». Защищая интересы английской буржуазии, правые либералы выступали за то, чтобы либеральная партия выражала интересы всего английского общества, т.е., как они говорили, «представляла национальную жизнь и реальную силу в стране»[2]. Асквит отмечал, что либеральная партия должна стать «национальной партией», которой англичане могли бы спокойно «вверять судьбы империи», и что именно либеральная партия, в корне отличная от противостоящей ей, т.е. консервативной, не должна опасаться низ-

---

[1]*Гелла Тамара Николаевна – доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой всеобщей истории и регионоведения ФГБОУ ВО «Орловский государственный университет имени И.С.Тургенева».*

[2]The Times. 1902. 30 Jan.

ших классов[1]. Чтобы удержать рабочий класс и средние слои общества на стороне либерализма, политике либеральной партии, как считали сторонники Розбери, необходимо придать «надклассовый характер». С этой целью либералы должны обратиться к социальным реформам, проводимым в интересах всего общества. В основе предлагаемой либерал-империалистами «реконструкции» партии лежала идея отказа от прежних программ[2], в частности, от Ньюкастлской, и идея «нового подхода» к либерализму, основанного на принципах «национальной эффективности». Давая свою интерпретацию «нового подхода», лорд Розбери говорил, что цель любой партии – власть, и ни одна партия не сможет достичь ее, если ее взоры будут обращены в прошлое, тогда как необходимо связать партию с настоящим, работать настоящим, жить настоящим, заглядывая в будущее, а не в прошлое[3].

Либерал-империалисты и часть либералов других направлений непосредственно приходили к пониманию отказа от положений традиционного либерализма о невмешательстве государства в экономическую жизнь. Традиционный либерализм рассматривал государство в качестве «сторожа» для охраны буржуазного порядка. Индивидуализм выдвигался им как главный признак либерализма. Либерал-империалисты же выступали за отход от принципа laisser-faire и широко пропагандировали необходимость государственного вмешательства в социальную жизнь англичан. Их интерес к социальным реформам ограничивался вопросами борьбы с алкоголизмом, образования, избирательного права (один человек – один голос), оплаты членов парламента. За проведение этих реформ выступала и часть сторонников традиционного либерализма, в частности, Г. Харкорт. Таким образом, в этом направлении либерал-империалисты не внесли ничего нового. Но, в отличие от сторонников традиционного либерализма, правые либералы выступали за проведение социальных реформ под лозунгом «национальной эффективности». В годы англо-бурской войны интерес к социальным реформам усилился. Трудности, с которыми пришлось столкнуться Англии в период войны, поставили на повестку дня вопрос о «национальной пригодности» англичан. Либерал-империалисты утвер-

---

[1] Asquith H.H. Fifty Years of British Parliament. Vol.2. Boston, 1926. P. 5.
[2] The Times. 1895. 9 Oct.
[3] Ibid. 1902. 11 March.

ждали, что социальные реформы призваны были поднять «практический дух» англичан, с ними связывался вопрос о национальном благосостоянии Англии[1].

Вопрос о проведении социальных реформ волновал либерал-империалистов и в другом плане. В связи с ростом рабочего и социалистического движения в стране, либералам необходимо было удерживать английских рабочих на стороне либеральной партии. Осуществление социальных реформ и являлось, по мнению либерал-империалистов, тем средством, которое способствовало бы привлечению рабочих на сторону либерализма. Правые либералы стремились убедить рабочих, что только либеральная партия, которая примет сформулированные Розбери идеи, сможет удовлетворить требования рабочего класса. Исходя из принципов «национальной эффективности» и «нового подхода», они предлагали сконцентрировать усилия партии на осуществлении не широких социальных программ, а «небольшой популярной программы», основными пунктами которой и являлись вопросы образования, трезвости и жилья[2].

В либеральной партии не было единства взглядов по рабочему законодательству. К середине 90-х гг. XIX в. среди либералов были распространены две точки зрения на рабочий вопрос. Первая из них рассматривала достижение индивидуальной свободы путем устранения ограничений в общении между людьми. Успех в этом направлении мог быть достигнут за счет осуществления минимального законодательства и регулирования. Сторонниками этой точки зрения были представители так называемой «Манчестерской школы» – У. Гладстон, Дж. Морли, лорд Спенсер. Сторонники второй точки зрения рассматривали индивидуальную свободу как результат осуществления законодательного вмешательства государства в отношения между трудом и капиталом[3]. Среди приверженцев этой точки зрения были и либерал-империалисты. Признавая необходимость отхода от политики laisser-faire, они, однако, выступали против активных форм такого вмешательства. По их мнению, вмешательство государства должно было носить характер не инициативы, а наблюдения[4].

---

[1] The Times. 1901, 14 Nov.; Hansard's Parliament Debates (Далее – HPD). 4S. 1903, Vol, 118, Col. 774.
[2] Liberal League Publication (Далее – LLP). N. 10. P. 6-8.
[3] Essays in Liberalism. By Six Oxford Men. L., 1897. P. 107-109.
[4] The Times. 1895. 21 March.

Сознавая опасность распространения социалистических идей среди английских рабочих, либерал-империалисты пытались доказать последним, что именно в рабочем законодательстве либералы и социалисты смогут найти общий язык. Они призывали рабочих по-прежнему относиться с доверием к либеральной партии, которая признавала необходимость проведения таких реформ, как введение 8-часового рабочего дня для шахтеров и выплату компенсации рабочим за несчастные случаи. Либерал-империалисты в своих выступлениях пытались представить либеральную партию как единственную партию, способную защитить интересы рабочего класса, и убеждали рабочих, что только их совместные действия с либералами смогут противостоять «быстро консолидирующимся силам монополий»[1].

Наиболее ярко позиции либерал-империалистов в отношении рабочего законодательства проявились при обсуждении проекта о компенсации за несчастные случаи 1897 г., в вопросах о 8-часовом рабочем дне и последствиях тафф-вельского дела.

Вопрос о принятии закона о компенсации за несчастные случаи поднимался либералами еще в начале 90-х гг. XIX в. В 1879 и 1880 гг. были приняты законы о вознаграждении, но они не могли полностью удовлетворить рабочих: число несчастных случаев не уменьшалось, на некоторые категории рабочих эти законы вообще не распространялись. Законодательство не являлось обязательным для предпринимателей. Хозяева часто оформляли договор или заключали «контракт о найме» с рабочими о приеме на работу лишь при условии отказа последних от требования о применении закона об ответственности. В 1893 г. Асквит внес на рассмотрение палаты общин разработанный им законопроект о компенсации рабочим за несчастные случаи. В основе проекта лежала идея о расширении ответственности предпринимателей за несчастные случаи во время работы. Билль предусматривал запрещение заключения «контрактов о найме» и распространял законодательство на рабочих королевских судостроительных верфей и арсеналов, а не только на рабочих частных предприятий[2]. Слабая сторона билля заключалась в том, что выплата компенсации осуществлялась лишь в

---

[1] Labour Leader. 1096. 28 March; LLP. N. 10. P. 2; New Liberal Review. 1901, Nov. P. 468.

[2] HPD. 4 S. 1893. Vol. 8. Col. 1950; Vol. 18. Col. 514; 1894. Vol. 21. P.400-401.

том случае, если рабочий смог доказать, что происшествие не было результатом его собственной оплошности. Однако, несмотря на слабые стороны законопроекта, Асквит утверждал, что билль об ответственности составлен в интересах не одного класса, а всего общества в целом[1]. Проект Асквита был провален, поскольку палата лордов включила в него статью, разрешавшую рабочим заключать с предпринимателями особые соглашения, на которые этот закон не распространялся, и тем самым сводившую его на нет.

Необходимость решения вопроса о выплате компенсаций за несчастные случаи настолько была очевидной, что уже консерваторы в начале своего правления страной вынуждены были заняться его рассмотрением. В 1897 г. Дж. Чемберлен предложил палате общин свой вариант проекта о компенсациях. При разработке проекта он исходил не из той или иной степени ответственности предпринимателей, а из права рабочих на компенсации при всех видах несчастных случаев во время работы. Еще в 1895 г. он убеждал своих избирателей, что при решении этой проблемы надо исходить из степени риска на предприятиях[2]. Поэтому проект предусматривал распространение законодательства не на все категории рабочих. Проект Чемберлена был принят парламентом, консерваторы и либерал-юнионисты широко рекламировали его[3]. В большинстве своем либералы приняли закон 1897 г., но во время дебатов в парламенте стремились путем внесения поправок расширить его[4]. Среди правых либералов активно в этом направлении выступали Асквит и Холден.

По мнению Асквита, целью законодательства, подобного закону о компенсациях, являлось, во-первых, установление прямой ответственности предпринимателей за имевшие место несчастные случаи, во-вторых, гарантирование рабочим и членам их семей выплату компенсаций в случае их увечья или гибели. Эти два положения, как считал Асквит, должны были лечь в основу данного закона[5]. Он исходил из того, что главным был не столько вопрос о компенсации, сколько устранение самого факта несчастных случаев. Он полагал,

---

[1] Ibid. 1894. Vol. 21. Col. 401; Vol. 27. Col. 792.
[2] Nineteenth Century. 1895, June. P. 915.
[3] National Review. 1897, Sept. P. 3.
[4] Liberal Magazine. Vol. 5. 1895. P. 322; Set of Leaflets on Preferential Tariffs and Current Political Questions. October. L., 1903. N. 1797.
[5] HPD. 4 S. 1897. Vol. 49. Col. 748.

что предоставление денежной компенсации рабочему, получившему увечье в результате несчастного случая, или выплата ее семье погибшего рабочего не решала полностью проблемы. По мнению Асквита, рабочие были заинтересованы в усилении ответственности предпринимателей за несчастные случаи, которых можно было избежать путем усовершенствования конструкции предприятий и самого процесса производства[1]. А проект Чемберлена, считал он, мало что делал в этом направлении. Касаясь слабых сторон закона, Асквит указывал на его ограниченность, поскольку он охватывал только рабочих нескольких отраслей производства, а не рабочих всех категорий. Он считал, что закон порождал «новый принцип дискриминации», поскольку исключал из сферы его применения рабочих таких профессий, как матросы торгового флота, сельскохозяйственные рабочие и строители, работа которых заключала в себе не меньшую опасность для жизни, чем в перечисленных в законе Чемберлена профессиях. Асквит вновь выступил против заключения «контрактов о найме»[2].

Холден в своих выступлениях поддерживал позицию Асквита, требуя создания такой системы компенсаций, какая была принята в континентальных странах. Другим его предложением было внесение гласности в расследование несчастных случаев на производстве и выявление виновников в них[3]. Таким образом, позиция правых либералов сводилась в целом к критике и совершенствованию торийского закона о компенсации, хотя и свидетельствовала в определенной степени о новом подходе со стороны либеральной партии к рабочему вопросу.

Определенный интерес представляет и трактовка либерал-империалистами роли тред-юнионов в буржуазном обществе. Рост тред-юнионистского движения не мог остаться не замеченным либералами. Усиление тред-юнионов и активизация их деятельности делали их способными противостоять наступлениям предпринимателей на права рабочих. Поскольку тред-юнионы в трудовых конфликтах представляли интересы рабочего класса, то тем самым, по мнению правых либералов, они освобождали либеральную партию

---

[1] The Times. 1896. 23 March; Liberal Magazine. 1897. Vol. 5. P. 51.
[2] Liberal Magazine. 1897. Vol. 5. P. 50-52; HPD. 4S. 1897. Vol. 45. Col. 1434-1436, 1439; Vol. 49. Col.734; Vol.54. Col.1108-1110.
[3] HPD. 4S. 1897. Vol. 48. Col. 1445-1446.

от вмешательства на стороне последних. Государству они отводили роль арбитра в трудовых конфликтах. Но оно должно вмешиваться не во все конфликты. Такой подход либерал-империалистов к роли государства сказался на их отношении к закону 1896 г. об арбитраже. В целом они приняли его с одобрением, но выступали за ограничение его применения. В частности, Асквит заявлял, что он «против любой попытки установления в стране системы принудительного арбитража при трудовых конфликтах». Он считал, что в сложной и разветвленной промышленной системе Англии любой закон, полностью передающий споры в экспертный суд, не будет принят ни предпринимателями, ни рабочими. И только в том случае, если конфликт между рабочими и предпринимателями охватывал большое количество районов и, если не было ни малейшей возможности урегулировать его путем переговоров между спорящими сторонами, закон об арбитраже, по мнению Асквита, сможет помочь в достижении соглашения между ними. Асквита полностью поддерживал Холден[1]. Но среди либерал-империалистов не было единства по этому вопросу. Например, Фоулер придерживался мнения, что рабочие и предприниматели должны передавать свои споры на арбитраж при любом конфликте, поскольку он наносил вред, как спорящим сторонам, так и государству[2].

С проблемой государственного вмешательства в трудовые конфликты был связан вопрос о роли государства в ликвидации и сокращении безработицы в стране. Асквит считал, что ответственность за безработицу должна возлагаться на все общество, которое обязано принимать меры по ее сокращению только в том случае, если она будет достигать больших размеров. Определенную роль в вопросе о безработице он отводил деятельности местных властей[3]. Он не соглашался с предложением Герберта Гладстона о создании постоянно действующих национальных мастерских. В качестве одного из средств решения вопроса о безработице Асквит предлагал эмиграцию. Он уверял рабочих, что «большие площади незанятой земли и нетронутые богатства колонии» ждут, когда мужчины и женщины заселят пустоши и начнут разрабатывать природные ре-

---

[1] Ibid. 1903. Vol. 118. Col. 482-483, 489, 528.

[2] Fowler E.H. The Life of Henry H. Fowler, First Viscount Wolverhampton. L., 1912. P. 404.

[3] LLP. A Ministry of Labour. Mr. Asquith's Views. N. 130. 1904.

сурсы»[1]. Холден же считал, что обязанностью государства являлось искоренение всех случаев безработицы путем улучшения жилищных условий, организации рабочих не в местных, а в национальных масштабах. Однако, кроме этих заявлений Холден не занимался разработкой проектов, касающихся проблем безработицы. Это было характерно и для всех других либерал-империалистов.

Таким образом, для правых либералов была характерна определенная сдержанность в подходе к вопросу о государственном вмешательстве. Она прослеживается и в решении ими вопроса о 8-часовом рабочем дне для рабочих. Требование новых тред-юнионов введения 8-часового рабочего дня заставило либералов обратить внимание на этот вопрос. В 1883–1891 гг. в Национальной либеральной федерации по нему была развернута дискуссия. В 1891 г. Шотландская либеральная ассоциация приняла резолюцию в поддержку 8-часового рабочего дня для шахтеров. Но решение осталось на бумаге, т.к. оно не получило одобрения со стороны лидеров партии и парламента. В частности, Гладстон не высказался в пользу сокращения рабочего дня, ссылаясь на недостаточную изученность вопроса. В Ньюкастльской программе 1891 г. вопрос о 8-часовом рабочем дне не ставился, и в нее не было включено требование о сокращении продолжительности рабочего дня для железнодорожных служащих, которое поддерживали многие радикалы[2]. Но даже среди радикально настроенных либералов были противники закона о 8-часовом рабочем дне. Против него, в частности, выступал Дж. Морли, поскольку считал, что он может привести к дальнейшему вмешательству государства в «жизненно важные органы национальной жизни» – промышленность и торговлю. Морли полагал, что существовал единственный путь решения данного вопроса – это переговоры с предпринимателями. Их целью являлось выяснение соответствия сокращения рабочих часов «важнейшим интересам, поставленным на карту»[3].

Среди либерал-империалистов сторонниками введения 8-часового рабочего дня для шахтеров были Фоулер и Асквит. Последний считал, что именно в этом вопросе государственное вме-

---

[1] Empire Review. 1905, Dec. P. 394.

[2] Hamer D. Liberal Politics in the Age of Gladstone and Rosebery. A Study in Leadership and Policy. Oxford, 1972. P. 182; Morgan K.O. The Age of Lloyd George. L., 1971. P. 114-115.

[3] Hamer D. John Morly ... . P. 257-258.

шательство было необходимо[1]. Розбери же, занимаясь пропагандой 8-часового рабочего дня, соглашался на его введение только для служащих государственных учреждений[2]. Но среди либерал-империалистов были и противники этого закона, в частности, Холден. Он считал, что повсеместное его введение не было необходимым за исключением нескольких шахт в западной Шотландии. Он мотивировал свою позицию тем, что, якобы, настоящая цель сторонников 8-часового рабочего дня заключалась в их желании повысить заработную плату, а не урегулировать рабочее время. В равной степени он выступал и против введения 8-часового рабочего дня для государственных служащих. Холден с удовольствием цитировал Морли, который говорил, что не все рабочие выступали за принятие этого закона[3]. Оправдывая впоследствии безрезультатность дискуссии среди либералов по вопросу о 8-часовом рабочем дне, Холден переложил вину за это на плечи шахтеров, которые якобы не смогли преодолеть разногласий между собой относительно этой проблемы[4].

Анализ подхода либерал-империалистов к проблеме арбитража и 8-часового рабочего дня показывает, что их отношение к роли государства в решении рабочего вопроса носило двойственный характер. С одной стороны, они с одобрением относились к вмешательству государства в трудовые конфликты, к его участию в разработке рабочего законодательства, а, с другой, стремились ограничить сферы этого вмешательства.

В целом дискуссии в либеральной партии по рабочему вопросу находились в русле поиска партийными лидерами и идеологами путей совершенствования программных установок, соотнесения их с потребностями нового времени, новой расстановкой социальных сил в британском обществе на рубеже XIX-XX вв., выдвижением востребованных лозунгов, способных привлечь на сторону либералов избирателей из рядов рабочего класса и мелкобуржуазных слоев.

---

[1] Liberal Magazine. 1894. Vol. 2. P. 358; The Times. 1895, 12 July.
[2] Coates T.F. Lord Rosebery, his Life and Speeches. In 2 Vol. L., 1900. . Vol. 2. P. 762.
[3] Contemporary Review. 1890, Febr. P. 240-255.
[4] Standard. 1904. 19 Oct.

РОССИЙСКИЙ ЛИБЕРАЛИЗМ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗУЧЕНИЯ «X МУРОМЦЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Научный редактор
д.и.н., профессор В.В. Шелохаев
Рецензенты
д.ф.н., профессор А.А. Кара-Мурза
д.и.н., профессор В.В. Журавлев

Издатель Александр Воробьёв
Издательский Дом «ОРЛИК»
(Орловская литература и книгоиздательство)
г. Орел, ул. 3-я Курская, д. 20,
Тел.: (4862) 76-17-15, 54-15-48.
E-mail: orlik.av@yandex.ru | www.orlik-id.orel.ru

Подписано в печать 05.09.2018 г. Тираж 200 экз. Заказ № 042

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ООО Типография «Вариант». г. Орёл.